ЧИСЛА

9

TCHISLA. CAHIERS TRIMESTRIELS. PARIS

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
НИКОЛАЯ ОЦУПА

1933

НАСТОЯЩІЙ СБОРНИКЪ НАБРАНЪ И
ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ МАѢ ТЫСЯЧА ДЕ-
ВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО Г.
ВЪ ТИПОГРАФІИ «ПАСКАЛЬ»
13, RUE PASCAL — PARIS 5ᵉ
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ ШЕСТИСОТЪ
ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ НА БУМАГѢ АЛЬФА

ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА.

1.

Не подойти, и не понять,
И сокровенному не внять,
И не спросить, и не сказать,
По праву сильнаго не взять,
Убійцей быть себя самой
И съ даромъ слова — быть нѣмой.

2.

Милосердные, болѣзные мои,
Мнѣ ужъ нечего таиться и таить —
На горячемъ, на желтѣющемъ пескѣ
Въ смертной мукѣ, въ безысходности, въ тоскѣ,
Окровавленныя жабры изсуша,
Точно рыба, задыхается душа.

3.

Въ ночи, съ собой наединѣ,
На глубинѣ, совсѣмъ на днѣ,
Какъ странно тишина звенитъ —
То время жизнь твою гранитъ,
Шлифуетъ, точитъ и долбитъ,
Пока надъ камнемъ крестъ не вбитъ.

1.

ЦИФРЫ

25, 25... цѣлыхъ 8!
Далеко стонетъ блѣдная Лебедь,
Этотъ мартъ невесененъ, какъ осень...
25... 26 — будетъ 9!
Будетъ 9... Иль 100? 90?
Подъ землей-бы землею прикрыться...
Узелъ тугъ, а развяжется просто:
900, 27, но не 30.
900, да 17, да 10...
Хочетъ Мартъ Октябремъ посмѣяться,
Хочетъ блѣдную Лебедь повѣсить,
Обратить всѣ 17 — въ 13.

2.

НА ФАБРИКѢ

Среди цѣпей, среди огней,
Въ желѣзномъ грохотѣ и стукѣ,
Влачу я цѣпь недобрыхъ дней.
Болятъ глаза, въ мозоляхъ руки,
Но горестный привѣтъ я шлю
Тебѣ, мое изнеможенье:
Я недостойную люблю,

Я жду, хочу, ищу забвенья.
Свистите, скользкіе ремни!
Вы для меня, какъ шелестъ крыльный.
О пусть длиннѣе длятся дни,
И громъ, и лязгъ, и вѣтеръ пыльный!
Страшусь ночей я тихихъ... Вновь
Она стоитъ передо мною,
Моя позорная любовь,
Она, чье имя не открою.
Ее одну, ее одну
Я въ сонномъ стонѣ призываю...
Какъ измѣнившую жену,
Люблю ее — и проклинаю.

3.

8 НОЯБРЯ

Тихія сумерки. И разноцвѣтная,
Медденно меркнущая морская даль.
Розово-сѣрая и безотвѣтная,
Тоже тихая, во мнѣ печаль.

Пахнетъ розами и неизбѣжностью,
Кто поможетъ, и какъ помочь?
Вѣчныя смѣны, вѣчныя смежности,
Лѣто и осень — день и ночь.

....

Свѣчи кудрявятся за тихой всенощной,
Къ окнамъ высокимъ мракъ приникъ.
Пахнетъ розами... Какъ мы немощны!
Радуйся, радуйся, Архистратигъ!

ВАЛЕРЬЯНЪ ДРЯХЛОВЪ

1.

Есть въ сердцѣ тайная струна,
Ея не побѣдятъ: ни страсть, ни вожделѣнье,
Пусть слабымъ голосомъ она
Звучитъ, какое пылкое волненье
Охватываетъ сердце вдругъ,
И странное недоумѣнье
Отъ любящихъ, любимыхъ рукъ
Испытываетъ человѣкъ въ минуты эти,
Какъ бы при солнечномъ, горячемъ свѣтѣ,
Увидѣлъ онъ зажженную свѣчу,
Проснувшись утромъ рано.

2.

Я приду, я знаю, будешь рада,
Взгляды встрѣтятся и разбѣгутся вновь,
Карихъ, ласковыхъ твоихъ каскадовъ,
Не коснутся даже, а любовь...

А любовь... но образы темнѣютъ...
Это задохнуться отъ любви,
Это, если каріе лучи сумѣютъ
Сердце кольцами боа обвить.

Это, если сердце кровь возноситъ —
Кровь твердитъ, что этотъ человѣкъ:
Богомъ предназначенная розсыпь,
Данная тебѣ изъ вѣка въ вѣкъ.

Ну, а розсыпей твоихъ, алмазовъ
Не нашелъ я на моемъ пути,
Можетъ быть, Алеша Карамазовъ,
Онъ одинъ сумѣлъ бы ихъ найти.

ВЛАДИМІРЪ ЗЛОБИНЪ

1.

СТРАШНО

Мнѣ страшно, что вдругъ отгадаю,
Что значитъ слово любовь,
По тѣни скользящей узнаю
Того, кто за мною вновь.

Кого этимъ страшнымъ словомъ
Не смѣю назвать до сихъ поръ,
Кто часто, подъ темнымъ покровомъ,
Ко мнѣ приходилъ, какъ воръ.

2.

ВСЕ ТАКИ

Такъ хочется, чтобъ снѣгъ пошелъ,
    И покрывало
На все бъ накинулъ, все-бъ замелъ.
    Чтобъ тихо стало.

Свѣтло и тихо, какъ во снѣ,
    Какъ въ дѣтствѣ снилось,
Когда, въ такой же тишинѣ,
    Вдругъ дверь открылась,

Но не вошелъ въ нее никто.
Все пусто было...
И все таки случилось то,
Что все рѣшило.

3.

НОЧЬЮ

Ночью, какъ проснешься, вскакиваешь въ страхѣ,
Словно ты въ могилѣ иль на плахѣ.

Словно въ ледяное погружаясь море,
Задыхаешься въ своемъ позорѣ.

И чѣмъ больше въ пыткѣ мечешься, тѣмъ хуже, —
Тѣмъ на шеѣ петля уже, туже.

Но едва задремлешь, слышишь — или снится? —
«Полюби меня и все простится».

АНТ. ЛАДИНСКІЙ

ДУША НА ВИНОГРАДНИКѢ

1.

О, муза, ты мнила
Быть ангеломъ тутъ,
И вдругъ полюбила
Терпѣнье и трудъ,

Стихи о пшеницѣ,
О тучныхъ волахъ,
О маленькихъ жницахъ
И о пастухахъ,

Влюбилась въ амбары,
Гдѣ хлѣбъ, какъ свинецъ,
Въ точила, въ отары
Курчавыхъ овецъ.

Но это обилье
И житницы, медъ,
И мельничныхъ крыльевъ
Скрипучій полетъ,

И сей виноградникъ —
Намъ только даны,
Какъ сцена, какъ задникъ
Богатой страны,

Какъ міръ декорацій,
Въ которомъ душа,
Рукою горячей
Снопы вороша,

Живетъ и вздыхаетъ,
Обманутый Крезъ,
Сквозь сонъ вспоминаетъ
Сіянье небесъ...

2.

Твой образъ пристрастный
И бѣдный: пчела
Надъ розой прекрасной.
Любовь и дѣла,

Волненье счастливыхъ
Трудовъ на землѣ.
И трудолюбивой
Все мало пчелѣ.

Душа, какъ на праздникъ,
Несла эту кладь
И на виноградникъ
Пришла погулять.

И жители хижинъ
Окрестныхъ (виномъ
Вѣдь край не обиженъ)
Припомнятъ потомъ

За чашей, какъ въ крапѣ
Веснушекъ и слезъ,
Въ соломенной шляпѣ,
Средь грядокъ и лозъ,

Ты жадно внимала
Страданьямъ людскимъ
И какъ загорала
Подъ солнцемъ земнымъ.

ЮРІЙ МАНДЕЛЬШТАМЪ

1.

Захмелѣвшій, полувлюбленный,
(О, не болѣе, чѣмъ вчера),
Обезсилѣвшій, изнеможенный,
Въ четвертомъ часу утра,

Когда подчиниться впору,
Уступить въ неравной борьбѣ,
— Выхожу навстрѣчу позору,
Выхожу навстрѣчу къ тебѣ.

Къ тебѣ, на боль, на прощанье,
Поцѣлуи, смятенье, дождь,
Въ мою нелюбовь и молчанье,
Въ уже уходящую ночь.

2.

Любовь намъ больше не нужна,
Она безгрѣшна и достойна,
А ты, которая грѣшна,
Измучена и безпокойна,

Чего ты хочешь отъ судьбы,
Отъ жизни, отъ моей неволи?
Какой еще ты ищешь боли,
Какой безрадостной борьбы?

3.

Въ долгихъ разговорахъ за виномъ,
Все привычно — утро и усталость.
Только странно мнѣ, что ты осталась
Въ этой тишинѣ со мной вдвоемъ.

Только ты и эта тишина...
И въ почти не пьяной горькой мукѣ
Я тебѣ до боли стиснулъ руки,
А совсѣмъ не боль тебѣ нужна...

Самый примелькавшійся изъ всѣхъ,
Самый трезвый, самый объяснимый,
Самый тягостный и нелюбимый
И любить котораго не грѣхъ.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ

У газетчицъ въ каждомъ ворохѣ
О безуміи, о порохѣ,
О — которой всѣ живемъ —
Мукѣ съ будничнымъ лицомъ.

И стилистика заправская
Не пріучитъ ни къ чему —
Пахнетъ краска типографская
Про больницу и тюрьму,
И уродскую чувствительность,
И тщеславіе и мнительность —

У газетнаго листа
Сходство съ людными кварталами,
Гдѣ пивныя, тѣснота,
Циферблаты надъ вокзалами
Съ пассажирами усталыми,
И особенная, та,
Гдѣ ужъ никакими силами
Не поможешь, пустота,
Дно которой за перилами

Арки, лѣстницы, моста.

М. Шагаль. Влюбленный.

M. Chagall. L'Amoureux (1911).

М. Шагалъ. Продавецъ скота. — *M. Chagall. Le Marchand de Bestiaux* (1912)

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

1.

Вѣтеръ легкія тучи развѣялъ.
Ширь воды лучезарно легка,
Даль омытая влагой новѣе
И моложе земля на вѣка.
Желтый просвѣтъ проходитъ горами.
Вотъ и солнце, зажмурился садъ.
У стѣны, водяными мірами,
Дружно вспыхнули листья посадъ.
Вешній вѣтеръ сегодня въ удачѣ.
Лѣсъ склоняется въ шумной мольбѣ.
И на камняхъ, подъ новою дачей,
Пѣна бѣлая рвется къ Тебѣ.
Такъ уставъ отъ покоя до боли,
Вѣчно новыя, съ каждой весной,
Души рвутся изъ зимней неволи
Къ страшной радостной жизни земной.
Раздувается парусъ надъ лодкой.
Брызги холодомъ свѣжимъ летятъ.
Берегъ тонкій, зеленой обводкой,
Уменьшаясь уходитъ назадъ.
И не страшно? Скажи безъ утайки.
Страшно, радостно мнѣ и легко.
Тамъ за мысомъ, гдѣ борются чайки,
Насъ подброситъ волна высоко.
Хлопнетъ парусъ на синихъ качеляхъ.
Такъ бы думать и пѣть налегкѣ,
Безъ надежды, безъ словъ и безъ цѣли.
Возвратившись заснуть на пескѣ.

Хорошо сквозь прикрытыя вѣки,
Видѣть солнце палящимъ пятномъ.
Кровяныя, горячія рѣки
Окружаютъ его въ золотомъ.
Шумъ воды голоса заглушаетъ.
Наклоняется небо къ водѣ,
Затихаетъ душа, замираетъ,
Забываетъ сама о себѣ.

2.

Надъ пустой рѣкой, за поворотомъ,
Снѣгъ летитъ и задуваетъ газъ,
Занесло желѣзныя ворота
И предмѣстья замело до глазъ.
Только ближе къ утру, станетъ тише,
Чуть пригнутся бѣлые кусты,
Можетъ быть, что я тогда услышу
Голосъ Твой, какъ будто рядомъ Ты.
Милый другъ, я складываю руки,
За себя, за счастье не борюсь.
Слушаю, какъ уличные звуки
Заглушаетъ снѣгъ и спать ложусь.
Сонъ идетъ и надъ землей смѣется,
Краткій часъ, ужъ минувшій на вѣкъ.
Счастливъ онъ, что къ жизни не вернется,
Какъ мгновенной славой счастливъ снѣгъ.
Гаснетъ въ печкѣ голубое пламя.
На стѣнѣ растетъ кривая тѣнь.
Сонъ и снѣгъ, молчаніе и память
Возвращаютъ къ жизни мертвый день.
Знаю, помню, только гдѣ забыла,
Всѣмъ живымъ воскреснуть суждено.

Тамъ разскажешь Ты о томъ, что было
Безъ меня и было ли оно.
Сонъ живетъ, но утро неизбѣжно.
Спитъ земля и слабый свѣтъ потухъ.
Странно кратко надъ пустыней снѣжной
Закричалъ и замолчалъ пѣтухъ.

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ.

1.

На лѣстницѣ испуганная кошка,
Угрюмый ощетинившійся звѣрь,
Потертая ковровая дорожка
И войлокомъ обтянутая дверь.

За этой дверью было все знакомо —
И корридора розовый раструбъ,
И вѣшалка подъ грузомъ жаркихъ шубъ,
И печки набухающая дрема.

Тамъ по иному жить бы не могли,
Тамъ было все завѣщанное свято:
Пасьянсовъ золотые короли,
Валетовъ разукрашенные латы,
Какъ въ темныхъ кадкахъ фикусы цвѣли,
И какъ неслышно, въ синій часъ заката,
На лампахъ оправляли фитили.

2.

Косая дверь съ огромнѣйшимъ замкомъ,
Подъ стѣнкой столъ, некрашеный и узкій,
Сѣдая няня, теплый чай въ прикуску
Изъ чайника съ блестящимъ ободкомъ.

Кухарки заунывные романсы,
Шипучій жаръ отъ кафельной плиты,
На чашкѣ изъ тяжелаго фаянса,
Гирляндами веселые цвѣты.

И желтый сахаръ на молочномъ блюдцѣ,
И ситный хлѣбъ, посыпанный мукой,
И ледъ стекла. Пылающей щекой
Сперва къ нему такъ страшно прикоснуться.

Увидѣть дворъ и дымную трубу,
Слѣдить, какъ день на темной крышѣ тухнетъ.
Колючій холодъ чувствуя на лбу,
Чужіе разговоры про судьбу
За сундукомъ подслушивать на кухнѣ.

ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ

1.

Мы плачемъ надъ покойникомъ; цвѣты,
Вѣнки несемъ на свѣжую могилу,
Закрывъ глаза, съ упрямой, жадной силой
Назадъ зовемъ погибшія черты.

Къ чему все это?.. Наступаетъ срокъ:
Лежитъ въ глуши запущенная грядка,
Размытъ дождями вкругъ нея песокъ,
На немъ ноги не видно отпечатка.

И тотъ, кто плакать приходилъ сюда,
Уже опять доволенъ и безпеченъ.
Проходитъ боль, смѣняются года,
Надъ тѣмъ, кто былъ огнемъ ея отмѣченъ.

А счастіе, какъ беззаконный воръ,
Въ чужомъ дому хозяиномъ пируетъ, —
И сладостнымъ забвеньемъ именуетъ
Безпамятства безсмысленный позоръ.

2.

Такъ выступаетъ на мѣди
Штрихъ за штрихомъ, иглой холодной:
Пастухъ и овцы позади,
Иль женскій профиль благородный,

Иль дерево: подъ нимъ старикъ
Сидитъ въ раздуміи глубокомъ...
— Что дѣлать, если ты отвыкъ
Глядѣть спокойнымъ зоркимъ окомъ?

Что дѣлать, если всѣмъ почти
Невнятенъ холодъ разстоянья? —
Мысль, перешедшую въ молчанье,
Молчаньемъ бережнымъ почти.

И знай, что каждый ясный штрихъ
Такой цѣной добытъ, быть можетъ,
Что обошелся онъ дороже
Иныхъ тревогъ и слезъ иныхъ.

ЛИДІЯ ЧЕРВИНСКАЯ

1.

Еще осталось въ жизни суховатой
Немного правды и немного скуки,
И то, въ чемъ мы по дѣтски виноваты,
Наказаны и прощены...

Еще остались въ этой жизни сны
(Мнѣ часто снятся ласковыя руки...)

Такъ постепенно, грустно-неизбѣжно
Открылся міръ жалѣющій и жалкій...
И только пахнутъ гниловато-нѣжно
Уснувшія, отъ теплоты, фіалки.

2.

Неузнаваемо небо молочно-зеленое.
Вечеромъ городъ чужой и прозрачный такой.
Что это значитъ? Плачутъ въ разлукѣ влюбленные...
Это зовется молитвой, восторгомъ, тоской.

Что это значитъ? Страстное и неумѣлое,
То, отъ чего въ этой жизни не будетъ удачъ...
Дерево въ чьемъ-то саду, неожиданно бѣлое,
Чей-то холодный и радостный голосъ: не плачь.

3.

Не та любовь, конецъ которой счастье,
И не тоска, конецъ которой сонъ...

Но равнодушіе, но холодъ безпристрастья,
Но сумеречный свѣтъ отъ трехъ оконъ.
Скорѣй бы наступила темнота
(А въ ней къ утру распустятся каштаны).
Зачѣмъ мы поняли — такъ грустно и такъ рано,
Зачѣмъ мы поняли — не та любовь, не та,
И боль не та, которой смерть конецъ...

Но равнодушіе нетронутыхъ сердецъ,
И что-то въ нихъ, чему и я повѣрю,
Все потерявъ и переживъ потерю.

4.

То, что около слезъ. То, что около словъ.
То, что между любовью и страхомъ конца.
То, что всѣми — съ такимъ равнодушьемъ — гонимо
И что прячется въ смутной правдивости сновъ,
Исчезаетъ въ знакомомъ овалѣ лица,
И мелькаетъ во взглядѣ — намѣренно мимо.

Вотъ объ этомъ... Конечно, намъ много дано
Справедливо, что многое спросится съ насъ...
Что же дѣлать, когда умираетъ оно
Въ предразсвѣтный, мучительный, медленный часъ.

Что-же дѣлать, когда на усталой землѣ
Даже въ счастьѣ своемъ человѣкъ одинокъ,
И довѣрчиво-страстный его монологъ
Растворяется въ сонномъ и ровномъ теплѣ.

НИКОЛАЙ ЩЕГОЛЕВЪ

Отъ замысловъ моихъ неподкрѣпленныхъ,
Ни силою, ни вѣрой, ни трудомъ,
Отъ словъ моихъ всегда полувлюбленныхъ,
Полупрохладныхъ какъ забытый домъ.
Отъ вѣчно спутанныхъ и сыроватыхъ,
Тучъ, копошащихся надъ головой,
И даже отъ просвѣтовъ синеватыхъ...
Отъ всей земли, скользящей по кривой,
Бѣжать, бѣжать, бѣжать... — въ какое царство?

О, ложь!.. О, безполезное бунтарство!

АЛЕКСАНДРЪ БУРОВЪ.
МУЖИКЪ И ТРИ СОБАКИ.

Сестры чуютъ, не столько разумомъ, сколько сердцемъ, когда оставлять больныхъ съ близкими, и когда имъ вновь, тихимъ ангеломъ, входить.

Больная одиннадцать сутокъ боролась со смертью, за секундный глотокъ воздуха, и сестра Елизабетъ, и мужъ больной, Никита Демьянычъ Сѣриковъ, ни на минуту не оставляли ее, глазъ не смыкали, сторожили въ чемъ были, и переживали вмѣстѣ съ больной ея долгую бездыханную недвижность послѣ операціи, и частое отсутствіе пульса, и агонію и — отстояли ее наконецъ. А сестра тогда, не впервые, говорила:

— Все еще будетъ по хорошему. Жизнь что море, а дни что бурныя рѣченки, и выпадаютъ часы, что цѣлой жизни стоютъ...

Одиннадцать сутокъ боролись за жизнь молодой женщины. Эти долгія ночи и отрывочныя думы сторожатъ, окутываютъ ложе тяжко больныхъ. Къ вечеру ежедневно все случайное, спѣшитъ, торопится безшумно уходить, и въ палатахъ остаются наединѣ, съ самимъ собой, оперированные, наркозные, часто приговоренные. И при нихъ, на долгую ночь, устраиваются, угробляются, рядомъ, въ глубокое больничное кресло, сестры монахини.

Къ вечеру, тоже торопится все объять чернѣющая мгла. И хоть и пронизанная одинокимъ, холодно металлическимъ, свѣтомъ матовой лампочки — она все такая давящая, какъ бы щуплая, размышляющая, темнота...

Оперированные сегодня продолжаютъ въ наступавшей чернотѣ еще глубже падать... плыть... Голова и память уходятъ все куда то внизъ, разстаются съ тѣломъ... Все внутри горитъ, и трудно, нѣтъ силъ даже пальцы собрать, сжать... Тѣла нѣтъ. Нѣтъ вѣсу. Куда все дѣлось... Вчера еще было 53 кило... Хоть бы по человѣчески крикнуть, застонать!.. Ни вѣсу. Ни тѣла.

Сестра, долгимъ, печальнымъ взоромъ, пронизываетъ колыхающееся, въ углу, полутеплое пламя лампады. Длинный, на весь про-

летъ больничнаго корпуса, корридоръ, устланный сѣрожелтыми плитками, свѣтится бездушнымъ свѣтомъ, и только надъ дверьми нѣкоторыхъ палатокъ бдительно горитъ матовый, густо-красный огонекъ, — сюда, втеченіе ночи, безшумно, и съ тревогой, заглядываютъ дежурныя и такъ же молча, вопрошающе, взоромъ перекликаются съ безсмѣнной сестрой, и еще озабоченнѣе исчезаютъ...

А больные... Ихъ мысли затаенныя, какъ тѣни, скользятъ по перебинтованнымъ, полуживымъ силуэтамъ, какъ блѣдныя отраженія вечера на сырыхъ, слабо освѣщенныхъ, опустѣвшихъ, отшумѣвшихъ тротуарахъ.... И не проникнуть въ эти сумерки больного. Но сестра, она одна, угадываетъ какое то неосязаемое, но все же перерожденіе, воскрешеніе, нѣчто вродѣ внутренняго процесса осознанія, обновленія, и такъ явно удается одной сестрѣ прочитать на лицѣ больной, муками написанныя, недоумѣнныя полуслова, полумысли... «выздоровѣть бы только... спасеніе не въ спѣшности... въ терпѣніи... въ прощеніи...».

Страданія больной нестерпимы, и сестра продолжаетъ мягко грѣть въ рукѣ своей недвижные, стынущіе пальцы, тепломъ своимъ дышать на нихъ, а ея большіе, ясные глаза съ поднятыми рѣсницами, что крылья голубя, молятъ, просятъ исцѣленія...

Къ восьми часамъ вечера, каждый день слышится, въ пустѣющемъ корридорѣ госпиталя, ровная, четкая, молитва дежурной, и отдѣльныя слова ея, падая на зябкій полъ, кажется ползутъ дальше, припадаютъ, приникаютъ къ дернымъ щелямъ палатъ, и недвижно вторятъ имъ, этимъ звукамъ, больные внемлютъ имъ...

И голосъ молящей, съ зарей, и къ сумеркамъ, произноситъ:

«Den letzen Gruss der Abendstunde
Send'ich zu Dir, o goetlich Herz,
In Deine heilige Liebeswunde
Senk'ich des Tages Freud und Schmerz».

«O goetlich Herz, all meine Sünden
Bereue ich aus Lieb zu Dir,
O lasse mich Verzeihung finden,
Schenke Deine Lieb aufs neue mir».

«Deiner heiligen Herzenwunde
Schlaf'ich nun sanft und ruhig ein.
O lass sie in der letzten Stunde
Mir eine Himmelspforte sein. Amen».

И съ послѣдними звуками, съ покорнымъ «аминь», все живое, внѣ палатъ, сразу глушится, и залегаетъ на долгую ночь сторожевая тишина.

Придетъ утро, станетъ легче. Съ разсвѣтомъ, съ блеклыми очертаніями зари, всѣмъ легче. Точно входитъ чье-то мирное дыханіе, чья то невидимая, безплотная рука опускается и — прикасается къ горячечному, измученному тѣлу. И борется одиннадцать ночей, томится не совсѣмъ еще угасшій духъ ,и въ груди, и въ легкихъ, какъ бы въ верхушкѣ застывающей лавы, въ отдѣльномъ фокусѣ, что-то еще клокочетъ, огнемъ горитъ, борется за жизнь... Долги эти ночи... И какъ бы въ узкомъ ущельѣ, въ темнотѣ и духотѣ, за каждый миллиметръ воздуха и свѣта цѣпляется духъ живой, и съ послѣднимъ усиліемъ слабѣющей воли, быть можетъ, въ послѣдній разъ, вырывается онъ вдругъ со стономъ на волю, и — воздуха, воздуха, наконецъ, глотнувъ, оживаетъ на мгновеніе, и какъ бы тушится, и смягчается раскаленная рана, и... — какъ же не чудо? — дивятся совсѣмъ измученные мужъ и сестра, — и вдругъ къ разсвѣту, на одиннадцатое утро, нивѣсть откуда, — мѣрное дыханіе, чуть полуоткрытый взоръ, и еле внятный вздохъ, и перегорѣвшія, еле шевелящіяся губы, беззвучно просятъ всего только одной освѣжающей капли... И впрямь, вошелъ съ зарей невидимый, вездѣсущій, — муку смягчилъ, почернѣвшую было страницу перевернулъ и новую, живую, пріоткрылъ...

— Разскажите же намъ, Галкинъ, подробности, — просила хозяйка дома, Лидія Николаевна Дроздова, и собравшіеся у нея гости.

Дроздовыхъ считали въ Берлинѣ людьми правыхъ взглядовъ, и взглядовъ своихъ они никому не навязывали. А потому и гости, охотно собиравшіеся у Дроздовыхъ, разъ въ три недѣли, и сами разныхъ политическихъ воззрѣній, но веселились всѣ одинаково превосходно.

— Жизнь наша, господа, — говорила друзьямъ и гостямъ своимъ хозяйка дома, — полна личныхъ заботъ и нужды, и эта наша жизнь давно уже не течетъ, какъ въ былые годы, на новыхъ мѣстахъ, полной рѣкой, а — какъ бы это сказать? окольными, боковыми мелкими струйками, мелѣетъ она, жизнь наша, образуя сыпучіе островки, со скудной растительностью, — и потому, друзья мои, порѣшили мы съ мужемъ хоть разъ въ три недѣли, никого не пытать политической ворожбой, — на все Божья воля.

И Лидія Николаевна придумывала, какъ она выражалась, «внезапныя нападенія» на отдѣльныхъ гостей, устраивала своеобразныя литературныя импровизаціи, и тогда ею же намѣченный — и обреченный — импровизаторъ, долженъ былъ занимать общество разсказомъ, тутъ же сочиненнымъ... И не мало курьезнаго вызывали эти импровизаторы, сбиваясь часто на давно ими гдѣ-то прочитанное, въ этомъ случаѣ, тутъ же жестоко уличались и вышучивались. Но чаще всего выжимались воспоминанія... Обычно же гости обмѣнивались мыслями о новыхъ литературныхъ именахъ, другіе, слѣдящіе за высокой политикой, — о новыхъ пулеметахъ для воздушныхъ кораблей, третьи же толковали больше насчетъ равенства и братства, доказывали, что разъ будетъ «Панъ-Европа», то должно быть, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — «панъ-отечество» и «панъ-родина» и — что вообще, всѣмъ пора стать «лицомъ ко вселенной»... Хозяинъ дома, Петръ Ивановичъ Дроздовъ, деликатно выслушивалъ и такого гостя, доказывая, однако, своей женѣ, послѣ ухода послѣдняго, что «намъ, русскимъ, теперь вообще волноваться не слѣдуетъ», ибо «мертвые сраму не имутъ». Но не совсѣмъ спокойно въ такія минуты, полагалась жена на мужа, зорко слѣдила она за нимъ, когда нѣкоторые гости очень долго останавливались на этихъ «анахронизмахъ» и «панахъ», — въ эти минуты она оказывалась возлѣ мужа, ибо «тогда руки у него трясутся, и пальцы чего-то ищутъ, складываются въ кулаки», и Лидія Николаевна метала глазами молніи и умоляющіе взоры въ сторону этихъ ораторовъ. Но всѣ гости, послѣ обмѣна газетными новостями, усердно помогали хозяйкѣ развязывать, разставлять, привезенные ими же кульки съ жаренными, мерзлыми гусями и полдюжиной разныхъ водокъ и коньяковъ.

Сегодня очередное нападеніе сдѣлала Лидія Николаевна на Гал-

кина, за отсутствіемъ, какъ шутили гости, давно намѣченнаго, и потому сбѣжавшаго, Зозулина.

— Увольте, Лидія Николаевна, — взмолился Галкинъ, — ничего не придумаю, не ожидалъ, не подготовился.

Но Лидія Николаевна не изъ такихъ, чтобы «отвертѣться» отъ нея. Съ присущей ей ласковостью и ядомъ гостепріимства Дроздова могла заставить и столъ заговорить, и первая же готовилась вкушать и муки экспромта, и сладость «сочиненнаго». И Галкинъ долженъ былъ подчиниться этому, какъ чему-то неизбѣжному. Тяжело вздохнулъ, задумался, глаза сомкнулъ и, какъ показалось всѣмъ, сразу потускнѣлъ. Чтобы пріободрить его, одинъ изъ начитанныхъ гостей совершенно резонно замѣтилъ: «мы вѣдь не ждемъ отъ васъ, Галкинъ, ничего Чеховскаго, даже Пруста и Джойса можете не упоминать... Ну, съ Богомъ, начинайте, Галкинъ, и не томите»... И воцарилась тишина. Всѣ сразу притихли, и сами дивились, вопрошающе, откуда вдругъ вошла, точно крадучись, эта пытливая тишина. Недавно еще голоса, скрещиваясь, трещали, что щепки въ каминѣ, и вдругъ, все смолкло.

— Господа, я кое что припомнилъ, но буду разсказывать съ закрытыми глазами... такъ мнѣ легче будетъ вспоминать, памятью нащупывать плохо запомнившійся разсказъ одного моего пріятеля, Сѣрикова, Никиты Демьяныча. Вотъ, что однажды повѣдалъ мнѣ этотъ Сѣриковъ.

— Сѣриковъ?.. — удивился сосѣдъ Мухинъ, почесавъ у себя бровь и изобразивъ прищуренную улыбку.

Хозяйка дома никого изъ гостей своихъ въ обиду не давала, и съ сухимъ укоромъ погрозила Мухину. Галкинъ, точно вопроса и не слыхалъ, продолжалъ копаться въ памяти, часто закрывая глаза, погруженный въ себя.

— Если разрѣшите, добрая Лидія Николаевна, я, вотъ, эту лампочку выключу... свѣтъ мѣшаетъ... Да, господа, мой пріятель Сѣриковъ утверждалъ, — говорилъ «самъ видѣлъ», — есть, говоритъ онъ, кровь голубая, первый сортъ, есть кровь и красная, но она понимаете, уже не та...

Лидія Николаевна замѣтила тутъ, что Мухину уже не сидится, вотъ онъ запротестуетъ, на стулъ прыгнетъ, и она деликатно пре-

дупредила его: «Никаноръ Ермолаичъ, я васъ въ кладовую съ провизіей запру, не мѣшайте, голубчикъ».

— Сѣриковъ доказывалъ мнѣ, — продолжалъ Галкинъ, — что онъ, вѣроятно, изъ мужиковъ, такъ какъ, молъ, долго и безропотно все выносить можетъ, любую обиду, а гордость въ немъ, какъ будто, спитъ, терпитъ, молчитъ. Иные называютъ такое состояніе замороженной гордостью, — Сѣриковъ съ этимъ не соглашался, — «нѣтъ, говоритъ, есть замороженные кредиты, какъ вообще мороженое, — одни накручиваютъ, другіе ѣдятъ». «А въ комъ настоящая гордость, — та какъ ртуть, сразу попретъ». У меня же она, говоритъ, эта гордость возжигается только тогда, когда, скажемъ, обида какъ и терпѣніе переваливаютъ выше усовъ, — «вотъ какъ высоко должна доходить обида мнѣ, чтобы кровь закипала». Тогда, дѣйствительно, Сѣриковъ поступалъ «по мужицки», какъ выговаривала ему его жена, особа очень-очень знатная.

— Не княгиня-ли?! У вашего Сѣрикова, какъ его, Демьяныча, жена — княгиня, — язвилъ насмѣшникъ Мухинъ.

Галкинъ кончиками пальцевъ потеръ свои виски и спокойно продолжалъ.

— Что же, что княгиня? Разницы теперь никакой. Но мой другъ Сѣриковъ имѣлъ тогда капиталъ съ шестью нолями и какъ разъ къ тому времени онъ, по моему, съ ума и сошелъ. «Человѣкъ, говорилъ онъ, долженъ свою природу, свою кровь довести до совершенства» — вы видите, друзья мои, — продолжалъ Галкинъ, — Сѣриковъ человѣкъ не нашего круга, иной, и умъ за разумъ у него зашелъ... — что же съ того, что княгиня? Да, княжну въ жены взялъ себѣ Сѣриковъ, настоящей русской княжеской крови, — говорилъ онъ, — больше про себя, совсѣмъ не возражая Мухину. Бываетъ, — продолжалъ Галкинъ, какъ бы утверждая своего Сѣрикова, — кровь голубая и красная... Галкинъ глубоко задумался, какъ бы борясь съ какими то кошмарными воспоминаніями. — Да, господа, Сѣрикова долго, долго потомъ допрашивали въ полицейпрезидіумѣ. Жена его не то покушалась на самоубійство, не то по неосторожности тяжело ранила себя... И пошли, понимаете, допросы, почему, молъ, у Сѣрикова руки въ крови, почему убѣжалъ онъ изъ спальни жены, почему заперся онъ въ спальнѣ своей, почему у него зеркало разбито!.. Почему собакъ съ

М. Шагалъ. Подсвѣчникъ *M. Chagall. Le Chandelier* (1929).

М. Шагалъ. Эйфелева башня. *M. Chagall. La Tour Eiffel* (1929).

балкона выбросилъ... и какъ могъ онъ, мужъ, выстрѣла не слышать?!. «Долженъ тебѣ доложить, — разсказывалъ мнѣ Сѣриковъ, — что между моей спальней и спальней моей жены была амфилада очень зябкихъ комнатъ, маленькая гостиная, будуаръ, гардеробная, массажная, предванная, ванная... И проходить эти комнаты было мучительно, — княгиня, видишь ли, дышала по ночамъ свѣжимъ воздухомъ, поздно читала, долго курила, и съ ней неразлучны были ея три любимицы, собаки, и не вылѣзали эти проклятыя изъ подъ шелковаго одѣяла, и ненавидѣли меня,а зайдешь ночью по экстренному дѣлу, страшно лаются, вой подымаютъ»...

«И ходилъ я къ женѣ, Галкинъ, рѣдко, очень рѣдко. Дѣлать мнѣ тамъ было нечего. И собаки меня не признавали. И за что, я тебя спрашиваю, держали ихъ въ холѣ-нѣгѣ, — все за мой счетъ, а лаялись, проклятыя, и не подступись.

Упорно допытывался комиссаръ замалчиваемой будто Сѣриковымъ какой то семейной тайны.

— Но, черезъ прислугу, — чего проще, — было установлено, что «напротивъ, барыня-княгиня сами запирались въ своихъ покояхъ, а барину разрѣшалось пользоваться ванной только одинъ часъ, отъ восьми утра до девяти утра, а остальное время барыня выключались, а чтобы нашъ баринъ у себя запирался — отъ кого? — такъ это невозможно».

— Да, да... Но отъ кого же всетаки бѣжалъ вашъ Сѣриковъ въ ту ночь? Да и самого Сѣрикова нашли запертымъ, съ окровавленными руками, въ его собственной спальнѣ, — прямо, какъ у Джойса, — вставилъ одинъ изъ гостей, усерднѣйшій посѣтитель всѣхъ зарубежныхъ литературныхъ собесѣдованій. Нѣкоторые посѣтители докладовъ путаютъ Джойса съ Бернардъ Шоу...

— Нѣтъ, это не то. Сѣриковъ и я, мы ни разу вашего Джойсмана не читали. Видите ли, въ ту роковую ночь пріятель мой, Сѣриковъ, очень чѣмъ то глубоко задѣтый и оскорбленный, бросилъ, съ отчаянія, должно быть, своей женѣ, что у него отъ другой женщины два внѣбрачныхъ сына, близнецы, и отъ роду имъ уже мѣсяцевъ восемь...

— Кааакъ?! Ну, какъ же такому Сѣрикову не убѣжать къ себѣ, послѣ такого гнуснаго признанія!.. Ха-ха-ха!.. Вотъ такому муженьку стрѣляться и Богъ велѣлъ, но не ей же, женѣ его.

— И ничего то вы не поняли, господинъ Джойсманъ, — огрызнулся задѣтый Галкинъ, — понимаете, у супруговъ не было дѣтей...

— Но у него то сразу оказались, вы сами говорите, близнецы, сразу двое?!.

— Да, случай незаурядный... У супруговъ не было дѣтей, а были они еще люди молодые. Но молодая красавица жена, послѣ вѣнца, сразу заявила Сѣрикову, что она «всѣ эти домашнія наслажденія», это такъ называемое «всѣми освященное семейное совмѣстное спанье, — такъ и сказала, — этимъ пусть занимаются другіе!..»

Лица у гостей сразу вытянулись, точно кто булавкой имъ въ спину. А Галкинъ впервые почувствовалъ удовлетвореніе за своего Сѣрикова, и бодрѣе продолжалъ свой разсказъ.

— Сѣриковы занимали виллу въ два этажа, съ внутренними лѣстницами, и комнатъ было 26, обставленныхъ съ роскошью, не уступавшей дворцамъ... балканскихъ королей. Въ этихъ прохладныхъ и окаменѣвшихъ покояхъ никакимъ прожекторомъ не обнаружишь и нитки паутины, но отъ чуткаго глаза не ускользала однажды осѣвшая, точно студень, плотная, стылая тишина. Сѣриковъ, до того, какъ женился въ бѣженствѣ, не имѣлъ ни семьи, ни знакомыхъ, ни друзей, ни недруговъ, ничего въ прошломъ, и даже лишенъ былъ, не въ примѣръ прочимъ, нѣкоторыхъ безобидныхъ, но трагикомическихъ, воспоминаній, — большевики ничего у него не отняли, и ушелъ онъ, Сѣриковъ, оттуда потому, какъ говорилъ онъ, «что дышать нечѣмъ стало». Его земляки, каждый въ своемъ родѣ, продолжали жить впроголодь, сегодняшнимъ днемъ, но къ вечеру, за столомъ, хотя и скуднымъ, жили, вспоминали, дышали родными, дѣтьми, жениньмъ участіемъ, лаской и дружбой.

У Сѣрикова, господа, въ прошломъ было безрадостно и пусто, жилъ онъ скромно, незамѣтно, хотя и считался весьма состоятельнымъ. И вывезъ онъ оттуда, въ густой копнѣ волосъ, всего пять крупныхъ, сине-бѣлыхъ камней, вѣсомъ въ 163 карата! И заграницей въ Берлинѣ и Парижѣ, Сѣриковъ отогрѣвался все такимъ же скромнымъ жильцомъ въ чужой привѣтливой семьѣ, гдѣ дѣти, подростки, полюбили его и втягивали добраго дядю въ свою игру, называя его «тетя Ивана».

— Вотъ и у васъ, Галкинъ, видъ такой, что хочется называть

васъ не Иваномъ Кузьмичомъ, а Ивоной Кузьминишной, право, — съ какимъ то неожиданнымъ участіемъ вставила, внимательно все слушавшая, Лидія Николаевна.

— Благодарю васъ... Рѣчь не обо мнѣ, а о Сѣриковыхъ. Такъ, вотъ, другъ мой Сѣриковъ, эта... тетя Ивана затосковала вдругъ «по семейному ладу», какъ говорилъ онъ, и страстно захотѣлось ей замужъ, — захотѣлось Сѣрикову родного угла, добраго и ласковаго друга, жены, и — дѣтей, побольше дѣтей, и порѣшилъ онъ жениться на... Вотъ, тутъ, на этомъ пунктѣ, господа, помню, пріятель мой Сѣриковъ сдѣлалъ долгую тяжелую паузу...

И Галкинъ тоже вдругъ умолкъ, провелъ рукой по горячему лбу, въ себя ушелъ...

— «Дьяволъ меня попуталъ», — долго спустя, точно очнулся мой Сѣриковъ, — «и хорошо, что попуталъ, хорошо, что ума рѣшился, нѣтъ въ жизни музыки, музыка — позже, а ты, братъ, извѣдай, потерпи, согнись, познай все» — вотъ, вотъ, именно эти слова произносилъ тогда, помню, Сѣриковъ. И продолжалъ онъ. Съ обыкновенной женщиной, что? Она, какъ ты, какъ я, какъ всѣ... И что она можетъ такое дать, обыкновенная женщина, что бы умъ твой и сердце поразить, всего тебя перевернуть, всю простоту твою разсѣять... А?.. Не могу я, братъ Галкинъ, все это тебѣ разъяснить... Банановъ, скажемъ, — возьмешь его, этотъ бананъ, на ладонь положишь, все ясно, просто, и каждому понятно... Бананъ и есть бананъ. Такъ я говорю, другъ Галкинъ, а женщины въ мірѣ, должно быть, есть такія, — породой называется, — что странно и чудно и — не раскусишь ихъ сразу!.. А объяснить, вынь да положь, не могу, но мнѣ самому, Галкинъ, все превосходно ясно, понимаешь, Галкинъ! Женятся же, Господи Боже мой, на милыхъ, обыкновенныхъ, добрыхъ дѣвушкахъ, и счастливы... А вотъ меня, Сѣрикова, «дьяволъ попуталъ» — перепуталъ!.. Деньжонокъ завелось у меня, Галкинъ, съ шестью нолями, а самъ всѣмъ я былъ чужой и — ноль. Знаешь, вѣдь, голова у меня на плечахъ всегда была, «химикомъ» никогда не былъ, и денегъ въ дрянь не превращалъ, и съумѣлъ я монопольно, понимаешь, — и на чужбинѣ, — на одну страну весь миндаль, апельсины и лимоны изъ Палестины поставлять!.. И засѣла у меня, другъ Галкинъ, въ мозгу, мышь и скребла, и скребла, а сердце по ночамъ въ тоскѣ исходить стало... И — понимаешь — не просто только жениться, сказалъ я себѣ, не я, а чей-то

голосъ, — а — осчастливить, и не то, что обыкновенную добрую дѣвушку, а... вотъ, тебѣ слово мое... правду, обидную правду я тебѣ одному говорю... ты свой, не осудишь меня, не высмѣешь... не разболтаешь... Осчастливить мнѣ захотѣлось дѣвушку первый сортъ!.. Первокачественную, именитую, голубую кровь!.. Да-съ!.. Крѣпко знаю я, Галкинъ, чего хотѣлъ я, а объяснить себѣ самому не могу... Словомъ, захотѣлось осчастливить такую первозванную, русскую барыню, — а лучше и краше русскихъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, — чтобъ моя будущая жена вновь настоящей голубой крови была, чтобъ она, понимаешь, еще въ Россіи была настоящей, а, вотъ, на чужбинѣ, тутъ, значитъ, на мели, какъ всѣ мы, и несчастная, и худая такая, и голодная, но — и захотѣлось мнѣ до смерти найти такую, да осчастливить, и дать ей и богатства, и царской роскоши, и любви безмѣрной, и жалости безъ краю, — на, будь снова повелительницей, принцессой, торжествуй, повелѣвай, какъ тебѣ полагается по чину рожденному, — повелѣвай вновь, счастье мое, и чтобы вновь заиграла, заблистала русская кровь!.. Понялъ ты, Галкинъ?!. И какъ порѣшилъ я все это, — не я, а за меня дьяволъ порѣшилъ, —я говорилъ себѣ: «зачѣмъ тебѣ, какому то Сѣрикову, милліоны, а ей, моей мечтѣ, моей суженой — ноль, какъ можетъ она въ пьяномъ барѣ, въ шляпномъ магазинчикѣ, или моделью переворачиваться, или въ ресторанчикѣ съ тонкими ручками да въ мерзлый боченокъ съ огурцами, да горе мыкать, дай, Сѣриковъ, ей, вновь извѣдать былого счастья, былой русской роскоши!.. И гонялъ-загонялъ, толкалъ-выталкивалъ меня, дьяволъ во мнѣ, за моей спиной: давился, обѣдать спокойно не могъ я, другъ Галкинъ, вѣдь жилистый я, а не плакса, и толкъ въ дѣлахъ понимаю, а давился я обѣдомъ, видѣть не могъ, какъ эти худо, да съ чужого плеча, одѣтыя, и такія блѣдныя первозванныя русскія аристократки, мнѣ, Сѣрикову, хаму, тарелки подавали и огурцы изъ мерзлаго боченка для меня таскали... И давился я обѣдомъ, и убѣгалъ, но всюду онѣ, эти барыни, что, насупротивъ, совѣсть моя, покою не давала...

— И вотъ, Галкинъ, однажды я себѣ окончательно сказалъ: «У тебя, сукинаго сына, Сѣрикова, капиталъ съ шестью нолями, и тебѣ, — ты кто такой за птица важная, — тебѣ перворазрядныя аристократки тарелки подносятъ?!. И забралась въ голову мою мысль, какъ червякъ гложетъ... И порѣшилъ я — женюсь на такой, только на такой!..

— Человѣкъ ты, Сѣриковъ, говорилъ я себѣ самому, скромный, нетребовательный, ничего тебѣ лично не надо... И омнибусомъ, и подземкой гоняешь — не изъ скупости, вѣдь, — и даже въ Карлсбадъ ни разу не съѣздилъ, а кто только уже не ѣздилъ туда, — лечебно и дешево... А я, вотъ, Галкинъ, никуда... Кому я нуженъ? Песъ я одинокій въ цѣломъ мірѣ. И пусть, — порѣшилъ я окончательно, — пусть моя будущая жена настоящей принцессой по всѣмъ ривьерамъ ѣздитъ, а не захочетъ она меня и за рулемъ машины имѣть, пущай сама на нѣсколько мѣсяцевъ повсюду, стѣснять не буду, — куда же мнѣ? я языковъ не знаю, — лучше эти мѣсяцы, въ ея отсутствіи, буду одинъ я дома, а дома, Галкинъ, думалъ, мечталъ я, будетъ со мной ребенокъ, мой — нашъ ребенокъ! И будетъ въ каждомъ углу у насъ дома ярко ослѣпительно, и буду я на ребенка и жену молиться, все отдамъ за ихъ жизнь, отдамъ, — ничего не жалко, ложись, да помирай, во!.. И она, жена моя, вернется съ Ривьеры или Каира, и будетъ сіять отъ счастья, что далъ ей Господь и — вообще, — Галкинъ, что?!.

— Разрѣшите, Галкинъ, деликатно замѣтить... Какъ же онъ, Сѣриковъ вашъ, съ двумя близнецами и...

Лидія Николаевна Дроздова, какъ и всѣ ея другіе гости, захваченные исповѣдью этого сѣраго человѣка, какого-то Сѣрикова, готовы были броситься на нарушителя общаго настроенія, на несноснаго Мухина, а хозяйка дома, невольно и даже угрожающе, руками на Мухина вскинулась, но нельзя было на Мухина обижаться, всѣ знали, что человѣкъ онъ желчный, хотя желчный пузырь, по его же словамъ, давно у него удалили. Знали еще, что Мухинъ этотъ странно ведетъ себя: какъ, бывало, прочитаетъ о кончинѣ или юбилеѣ какого нибудь именитаго вождя, даже улыбается онъ при этомъ, молъ, — онъ, Мухинъ, одинъ могъ бы много пикантнаго разсказать. Мухина этого не разъ оттѣсняли отъ свѣжихъ могилъ, надъ которыми, непрошенный, собирался тоже «слезу пролить». Знали также и то, что безъ Мухина вообще не обойтись: ни на похоронахъ, ни на юбилеѣ: рядъ десятилѣтій спеціализировался этотъ скромный и незамѣтный человѣкъ на собираніи, составленіи и коллекціонированіи вырѣзокъ, біографій, фотографій, готовыхъ некрологовъ, мемуаровъ, и самыхъ мельчайшихъ деталей даже изъ частной жизни не только сегодня неожиданно скончавшихся именитыхъ людей, но — еще живущихъ, и по мнѣнію Мухина, уже готовыхъ «кандидатовъ въ именитые покой-

ники». И всѣмъ редакціямъ нуженъ былъ этотъ Мухинъ, этотъ выручатель, этотъ незамѣнимый энциклопедистъ и сотрудникъ для всякихъ торжественныхъ и печальныхъ случаевъ. И Мухина, въ сущности, добродушнѣйшаго человѣка, терпѣли, нѣкоторые даже побаивались, — «рано или поздно самъ попадешь или въ юбиляры или въ покойники». И Мухину стоило не мало усилій воздерживаться отъ нѣкоторыхъ щепетильныхъ вопросовъ импровизатору Галкину. Но — достаточно было Мухину взглянуть на добрую и оторопѣвшую Лидію Николаевну, и нижняя, зашевелившаяся было, челюсть его вновь примыкала къ верхней... А Галкину не до того было, чтобы удовлетворять язвительнаго Мухина.

— Я, господа, впередъ зналъ, что безъ Пруста и Джойса ни одному разсказчику нынѣ не обойтись... — вставилъ уже другой гость, воспользовавшись паузой.

— Какой тамъ Джойсъ, — здѣсь прямо по нашему, «по Достоевскому», замѣтилъ съ гордостью хозяинъ дома, Петръ Ивановичъ Дроздовъ.

— Это же, въ самомъ дѣлѣ, интереснѣйшій, можно сказать, психо-аналитическій случай... Поймите, господа, внутренніе голоса какіе-то, и такіе правдивые, — явно сочувственно и поощрительно посмотрѣла въ сторону Галкина Лидія Николавна.

— Въ циркѣ Чинизелли, помню, былъ одинъ такой мужчина, чревовѣщатель, и мысли у него вслухъ, а слышно только извнутри...

— Опять вы, Мухинъ, — ну, какъ вамъ не стыдно, голубчикъ Никаноръ Ермолаичъ, — не мѣшайте же!.. А вы, Галкинъ ,не вѣрьте имъ, посмотрите какъ лица у всѣхъ разгорѣлись... Мы слушаемъ, продолжайте же, Галкинъ.

— Да... да... Такъ вотъ. Сѣриковъ, господа, продолжалъ все тихо богатѣть, и мысль о какой то тамъ голубой крови изъ головы, казалось вылетѣла навсегда. Господи, была блажь, и это извинительно и Сѣрикову, — кому же хоть разъ въ жизни не мечталось получить статскаго совѣтника или, скажемъ, орденъ почетнаго легіона, — ученыя степени рѣдко кого соблазняютъ.

Но Сѣриковъ, богатѣя, нашелъ все же отдушину въ своей замкнутости, онъ сталъ тихо жертвовать, дѣлать безъ шума добро, тайно пригрѣвать щепетильно нуждающихся, посылать по почтѣ денежную помощь, завѣряя, что «деньги эти честно заработанныя», — добра,

побольше добра захотѣлось Сѣрикову ,изъ своего угла, дѣлать, безъ шума и подъ одними и тѣми иниціалами. Но добро, если дѣлаютъ его часто, само прокладываетъ себѣ путь, и стали Сѣрикова приглашать на балы, доклады, совѣщанія, похороны и юбилеи, и расширялся кругъ знакомыхъ, и сталъ Сѣриковъ вездѣ желаннымъ и не ради однихъ его семизначныхъ цыфръ, а за его, въ самомъ дѣлѣ, доброе сердце и тихую щедрость. И исчезали постепенно у Сѣрикова угловатость, необщительность, чувство отчужденности. Появлялись и у него иногда, какъ и другихъ слушателей, на докладахъ и диспутахъ, желанія тоже что-то сказать, не спорить, а именно сказать что-то очень важное. Но, къ великой досадѣ его, на приглашеніе предсѣдателя собранія, въ эту минуту, рѣшимость оставляла Сѣрикова, и такъ ему и не удавалось хоть разъ высказаться, — словомъ, очередью обычно пользовался другой, болѣе отважный диспутантъ, а Сѣриковъ и терзался и радовался: «ну, что я имъ сказать могу, куда же мнѣ до нихъ», — успокаивалъ онъ себя...

И за короткій срокъ, Никита Демьянычъ Сѣриковъ сталъ, помимо воли, замѣтной фигурой, въ Берлинѣ и Парижѣ, на поприщѣ общественной благотворительности. И, однажды, на одномъ балу, въ Парижѣ, Сѣрикова обступили всѣ дамы-патронессы и, принимая отъ нихъ, поочередно, по бокалу шампанскаго, сердечно благодарилъ «за честь и вниманіе», и, со свойственной только русскому человѣку широкой улыбкой, клалъ передъ каждой дамой на подносъ по нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ, почтительно цѣлуя у каждой ручку...

— А я бы такого вашего Никиту первымъ дѣломъ, до бала, — подъ опеку, а послѣ бала прямо въ сумасшедшій домъ или надолго въ санаторію съ холодными душами...

— И скупой же вы человѣкъ, Мухинъ, — не обижайтесь, голубчикъ, — заступилась Лидія Николавна.

— А куда все же дѣлись два его побочныхъ сына? — не успокаивался Мухинъ.

— Ну, и... безпокойный же вы человѣкъ, Никаноръ Ермолаичъ, —взмолилась, сгорая отъ любопытства, Лидія Николавна.

— Все, Мухинъ, сейчасъ узнаете... Немножко терпѣнія и — пониманія!.. Да-съ... Такъ, вотъ, господа, — продолжалъ Галкинъ повѣсть о Сѣриковѣ, — на этомъ балу въ Парижѣ, среди этихъ семнадцати дамъ-распорядительницъ, оказалось нѣсколько чистокровныхъ рус-

скихъ княгинь и княженъ, и выбралъ Сѣриковъ ту, которая была бѣднѣе всѣхъ одѣта, и, по его словамъ, это сразу и видно было, что бальное платье на ней было перешито изъ какой то поношенной бархатной ротонды, а кружевныя вставки такъ не гармонировали съ общимъ покроемъ и съ бахромой, что «видъ этого бархатнаго бальнаго платья, — разсказывалъ мнѣ Сѣриковъ, — отравлялъ мнѣ весь вечеръ и наполнялъ сердце мое давящей жалостью, а лицо ея, понимаешь, такое прозрачное, блѣдно-розовое, — можно сказать, изъ царскаго фарфора, и — чортъ меня знаетъ — вновь стали мучить меня и состраданіе къ ней и жалость, и презрѣніе къ самому себѣ, — а, вѣдь, я никому ничего плохого не сдѣлалъ, ни у кого не бралъ, не отбиралъ, — и вновь, какъ тогда, помнишь, дорогой Галкинъ? — насѣли на меня, обволокли меня мысли дремучія: «зачѣмъ тебѣ, Сѣрикову, одному человѣку милліоны, а, вотъ, у нея, у этой первозванной, настоящей крови барыни, можетъ одна сорочка изъ мадеполама и есть», — такъ, понимаешь, Галкинъ, разобрало, замутило меня всего, что я тутъ же на балу и порѣшилъ... Да, не легко было мнѣ, быть можетъ, казанской крови, и приблизиться къ ней, къ ихъ, быть можетъ, сіятельству или высочеству!.. А бальная музыка чадомъ прямо въ голову мою... и въ глаза мои тысячи лампочекъ золотымъ пескомъ сыплютъ и, понимаешь, вѣрь мнѣ, — точно кто по затылку меня ударилъ, подтолкнулъ, и я, съ мѣста, точно гонимый и ошпаренный, протолкнулся къ ней, къ избранницѣ въ бархатномъ платьѣ, да ручку кренделемъ и —на танецъ!.. И не помню, что играли, что ноги мои продѣлывали... Гдѣ же помнить, когда сердце мое перебоями пошло, а отъ ея стана гибкаго и душистаго... что горячая высокая свѣча церковная... И сотни глазъ почему то именно на насъ обоихъ устремились, и всѣ такъ будто одобрительно и благожелательно улыбаются въ нашу сторону, а она вся пунцовая и томно-свѣтящаяся, будто отъ чистаго жемчуга свѣтъ исходитъ... Ладно... Протанцовали мы что-то очень мелодичное, — танго называется, — и усадилъ я ее въ креслице, а сама она двумя нитками жемчуга такъ и улыбается мнѣ!.. А вмѣсто того, чтобы, какъ полагается въ высшемъ обществѣ, обмѣняться понятіями о политикѣ, о Россіи, о боксѣ, — я ротъ разинулъ, такая была она свѣтло-розовая чудесная!.. И я... да... тутъ же у меня и съ языка сорвалось!.. Вотъ такъ прямо и прокричалъ ей: «Небесная и наипрекраснѣйшая... скажите мнѣ безъ думки... я одинъ васъ сдѣлаю самой

счастливой на свѣтѣ!.. Хотите быть моей женой... обожаемой женой Никиты Демьяныча Сѣрикова?»... Такъ и ляпнулъ. А сердце такъ забилось... тукъ-тукъ-тукъ, и пошло все огненными кругами... А она, Галкинъ, — счастье то какое!.. Она говоритъ: «Хочу, господинъ Сѣриковъ... Но... знайте... я и всѣ мы далеко не такія, какъ были тамъ... дома!..

— Да почему же, Галкинъ, пріятель вашъ зналъ, что она съ голубой кровью, что онъ съ настоящей княжной танцуетъ?..

— Ну, вотъ еще, — съ какой-то гордостью перебила Лидія Николавна, — да нашу русскую княгиню за тысячи верстъ узнаешь, и притомъ ихъ у насъ, въ одномъ Парижѣ, не меньше 2700!..

— Вотъ и весь сказъ, друзья мои, — устало и точно отмахиваясь отъ дальнѣйшихъ мучившихъ воспоминаній закончилъ Галкинъ, отбросившись на спинку дивана...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Каакъ все? Нѣтъ, чувствую, что самое интересное впереди, — нѣтъ, Галкинъ, извольте продолжать.

— Продолжайте, любезнѣйшій, обѣщаю и я не прерывать, — смирился и Мухинъ.

И Галкинъ снова плотнѣй глаза сомкнулъ, призадумался.

— Дальше то что? Обычно... Да, Господа, я хорошо, очень хорошо зналъ Никиту Сѣрикова... Дѣтей, я уже говорилъ, у нихъ не было. И въ ихъ квартирѣ, въ 26 залахъ, сейчасъ же послѣ вѣнца, опустилась каменная, зябкая тишина. И Сѣриковъ сталъ чувствовать себя плѣнникомъ, а самъ то онъ занималъ одну всего спальню, большую, — вся въ свѣту, — которая служила ему и его личной опочивальней, и шкафной, и кабинетомъ, — не охота была выходить въ пустоту, въ остальные, стылые, торжественно молчаливые покои. И между спальней жены и спальней мужа было шесть холодныхъ комнатъ, — маленькая гостиная, гардеробная, массажная, предванная, ванная, и жена всю ночь дышала свѣжимъ воздухомъ, поздно читала, долго курила, и три собаки, въ ея постели, не вылѣзали изъ подъ пуховаго, шелковаго одѣяла, оранжево-голубого цвѣта... Супруги жили мирно и ладно. И дни, и недѣли, и мѣсяцы, и обѣды, и невыразимыя, глубоко затаенныя обиды уживались и проходили тихо, безъ сценъ... Не было причнинъ къ недоразумѣніямъ. Домъ — дворецъ — обильная чаша, кладовыя — калифорнійскій садъ, въ оранжереяхъ непереводившіеся цвѣты и рѣдкостныя орхидеи, погребъ тончайшихъ

винъ, которыхъ никто не трогалъ, а въ потайномъ мѣстѣ находилась тихая, стабилизованная валюта, въ личномъ сейфѣ супруги — смарагды, сапфиры и сине-бѣлые бразильскіе камни, — и во всемъ домѣ тишина, степь Гоби или Шамо. Только часы одни жалобно и причудливо вызванивали время.

— Вы, Галкинъ, такъ детально знакомы съ этимъ золотымъ склепомъ?..

— Да... Я и самъ удивляюсь этимъ деталямъ, которыя Сѣриковъ такъ въ своей памяти сохранилъ... Супруги, господа, встрѣчались только за обѣдомъ, минута въ минуту, ровно въ семь часовъ вечера. И обѣдали они вдвоемъ, другъ противъ друга, за длиннымъ-предлиннымъ столомъ, въ первомъ этажѣ, въ столовой со стариннымъ гобеленомъ во всю ширину десятиметровой стѣны, въ креслахъ съ высоченными, ажурно-вырѣзанными, спинками, и спинки на полметра выше головы обѣдавшихъ, и недвижная стояла тишина, и неслышно принималъ отъ горничной блюда изъ кухоннаго лифта и подавалъ ихъ, мягко ступая по керманшахскому ковру, дородный, бывшаго Гогенцоллернскаго дворца, въ черномъ фракѣ и черныхъ жгутовыхъ аксельбантахъ, старый, въ бакенбардахъ, шефъ дома, мажордомъ. Появлялись въ зимнемъ сезонѣ и гости, сразу человѣкъ сто тридцать, именитые и званные, съ незванными и полуголодными, всѣ — знакомые княгини. И руки хозяйки дома перецѣловывались, и столы ломились отъ переполненныхъ икрой хрустальныхъ чашъ на искристомъ льду, и длинныхъ, янтарныхъ семги и лососины, и темно-розовыхъ балыковъ, и соленій разныхъ, и жареной птицы и паштетовъ, а подававшіеся торты, бабки и мудреной конструкціи глясе вызывали восторги и повторные поцѣлуи... А Сѣриковъ, по его словамъ, «путался межъ ногъ», помогалъ суетиться, угощалъ, упрашивалъ, придвигалъ, а нѣкоторымъ сіятельнымъ дамамъ уготавливалъ онъ, втихомолку, въ гардеробной, сюрпризы, неожиданные для нихъ, обильные продовольственные кульки, а въ паузахъ Сѣриковъ изъ столовой исчезалъ, воздуха гдѣ-то на балконѣ набирался, «такъ сказать, въ одиночку душу отводилъ», и вновь появлялся, и часто гости, почему то именно у него, — «что же? — видъ у меня такой?», — именно у него шопотомъ справлялись именитые гости, «гдѣ тутъ... простите... можно у васъ»... Всѣ эти гости ни разу не реваншировались, да и мудрено было реваншироваться. И, такимъ образомъ, простыхъ, добрыхъ,

порядочныхъ друзей-знакомыхъ у супруговъ не было, и продолжали супруги обѣдать одни, въ этомъ крематоріи, минута въ минуту, въ семь часовъ вечера, въ рѣзныхъ креслахъ, съ высокими метровыми спинками...

Галкинъ сдѣлалъ долгую паузу, и слушатели сочувственно и странно переглядывались, нѣкоторые, быть можетъ, легко себѣ, въ это время, представляли эту торжественную столовую, этотъ «крематорій», въ которомъ сжигался духъ.

— Въ театръ, — продолжалъ Галкинъ, — супруги выѣзжали, на какую нибудь исключительную премьеру, разъ въ три мѣсяца. Послѣ же обѣда Сѣриковъ почтительно руку у жены цѣловалъ, съ минуту ждалъ-выжидалъ, съ тоскою и мольбою, сло́ва или взгляда, — но обычно откланивался и уходилъ къ себѣ наверхъ. Такъ супруги расходились, каждый по своимъ опочивальнямъ, раздѣлявшимся, какъ я уже говорилъ, амфиладой зябкихъ, холодныхъ комнатъ. И чтобы Сѣрикову, по экстренному дѣлу, попасть въ спальню жены, надо было ему въ тяжелой пижамѣ, теплыхъ туфляхъ, шелковомъ халатѣ, и съ шерстянымъ шарфомъ у шеи, — супруга по ночамъ дышала свѣжимъ воздухомъ, — пройти эти ледяныя веранды, эти, какъ проклиналъ онъ ихъ, «волчьи ямы» и, — добравшись, наконецъ, до завѣтной двери, деликатно постучать... Сколько времени можно зябнуть, постукивать?.. И часто постукивать въ открытую дверь, въ темнотѣ, пронизываемой полунасмѣшливой луной... Но ничего не слыхалъ Сѣриковъ въ темнотѣ, въ лихорадкѣ и огнѣ, изъ-за неумолчнаго лая «этихъ проклятыхъ» трехъ собакъ ея: неразлучны были эти собаки съ ней, съ женой его, подъ ея одѣяломъ... Правда, робкое постукиванье Сѣрикова часто встрѣчало живой откликъ у супруги, и на ея серебристый голосъ, — такой, господа, голосъ бываетъ только у обреченныхъ на безплодіе женщинъ, да, да, это мои собственныя наблюденія, — и на ея серебристый голосъ: «что вамъ, Никита Демьянычъ, въ этотъ поздній часъ надо», — послѣ такого вопросика, экстренное дѣло моего Сѣрикова заканчивалось, увы, обычной, растерянностью, даже извиненіемъ...

— У меня, Маріанна Владиміровна... лорнетка твоя оказалась на моемъ столикѣ... Я кладу ее, вотъ, сюда... Я уже ушелъ... Извини...

— Хорошо, хорошо... продолжайте, Никита Демьянычъ, въ томъ же духѣ дальше... И «твоя» лорнетка, и «Маріанна Владиміровна»...

Хорошо еще, что отучились при всѣхъ говорить «моя жена»... Вы все это на «ты», точно нарочно... Я васъ тяну вверхъ, а вы, какъ мѣшокъ, все внизъ...

— Но эти, въ темнотѣ, тихія, сверлящія мозгъ, слова княгини, — продолжалъ свою повѣсть Галкинъ, — уже не настигали Сѣрикова, — неоднократно слышалъ онъ ихъ отъ жены, — онъ, озябшій, спѣшилъ уходить той же дорогой, къ себѣ, одной рукой наматывая шарфъ у шеи, другой — придерживая скользящія пижамныя панталоны...

— Кошмаръ, одинъ кошмаръ, Галкинъ, — откликнулось нѣсколько голосовъ.

— Но часто, друзья мои, за неимѣніемъ подъ рукой «лорнетки», Сѣриковъ просто, какъ говорилъ онъ, «испытывалъ судьбу», правда, не чаще одного раза въ два мѣсяца...

— Раазъ въ два мѣсяца?!. — не удержался таки Мухинъ, но его неумѣстное замѣчаніе въ обществѣ дамъ не встрѣтило отклика, и Галкинъ продолжалъ:

— Не ходилъ туда Сѣриковъ... «И холодно и — боялся за себя... гнѣвъ, обида стали душить меня и голову туманить... и порой, просто невмоготу, вотъ-какъ, становилось, и я тогда уже безъ всякой лорнетки, тихо и подолгу, постукивалъ... въ открытую дверь, къ женѣ моей, къ женѣ съ голубой кровью»... И тутъ, помню, Сѣриковъ вновь жаловался, что одинокъ онъ, и заступиться за него некому, и что «по мужицки» не хочетъ онъ, не можетъ, «потому что противно», и что гордости у него нѣтъ, и что кровь у него простая, обыкновеннѣйшая, красная... И часто выжидалъ онъ въ темнотѣ: а вдругъ услышитъ онъ ласковое слово? Но — ничего услыхать не приходилось, даже собаки проклятыя и тѣ, шельмы, присмирѣли, попривыкли, равнодушныя къ его постукиванію стали, и удалялся онъ къ себѣ опять и опять, уходилъ въ свою одинокую спальню, въ свое низкое кресло, и въ его горячей головѣ разныя дикія мысли и желанія путались... искры высѣкали. И просиживалъ такъ Сѣриковъ долгія, томительныя ночи, часы... «Хотѣлось мнѣ кричать, головой больно удариться, дышалось нестерпимо жарко, и — понимаешь, другъ мой Галкинъ, обида захлестывала мое сердце и мое понятіе, и заходили сине-желто-зеленые круги... и уже отчета себѣ отдавать не могъ... А женаты мы были уже семь мѣсяцевъ... И, вотъ, однажды, другъ Галкинъ, ты, вѣдь, не осу-

дишь, не высмѣешь меня, — обида, вотъ, у меня куда дошла, и однажды, въ такія окаянныя минуты, долго спавшая во мнѣ гордость точно рванула меня впередъ и... направился я въ спальню «моей жены», — Сѣриковъ тогда, помню, особенно подчеркнулъ эти два слова, — и уже безъ всякаго стука... — Виноватъ, вы, Мухинъ, что-то очень неспокойны стали... хотите что-то возразить?..

— Что вы, что вы, Иванъ Кузьмичъ... Напротивъ... Тутъ, дѣйствительно, «по Достоевскому»!.. Продолжайте, прошу васъ...

«И вотъ, другъ мой, братъ мой, Галкинъ, — исповѣдывался Сѣриковъ, — въ такомъ состояніи, окончательно изничтоженный, въ огнѣ, въ обидѣ смертельной, понимаешь, — растерялъ я тогда всѣ точки, — точно подталкивалъ меня кто, вошелъ это я въ спальню, не вошелъ, а ввалился, — зачѣмъ же полноправному и законнѣйшему мужу стучаться въ открытую дверь, и... и... я вотъ... безъ спросу... безъ протестовъ... безъ сопротивленія... по мужицки!!.. Но и пребольно искусали меня три ея проклятыя собаки... и въ дикомъ лаѣ!.. И не стерпѣлъ... вывалилъ я ихъ всѣхъ, этихъ трехъ ея проклятыхъ дармоѣдовъ, прямо черезъ открытый балконъ... Что-то взвизгнуло и... стало тихо... ужасно стало тихо. И былъ я уже на ногахъ... А темнота кромѣшная. И не успѣлъ я еще и шагу сдѣлать... какъ получилъ чѣмъ-то металлическимъ такой страшный ударъ прямо въ лицо, и еще, и еще разъ, что стало въ глазахъ совсѣмъ черно и... визгъ, и какъ будто выстрѣлъ, и адскій визгъ... и ничего не разслышалъ я... Ничего не помню... Только слова жены «мужикъ проклятый» это разобралъ я на бѣгу... И не помню я, какъ вновь очутился въ своей спальнѣ, и припомнить не могу отъ чего, отъ кого заперся... Но еще до всего, до удара, чтобъ отомстить, чтобъ оскорбить ее, задѣть ее, — крикнулъ я ей, «моей женѣ», во тьму... «Знай же, Маріанна, что помимо тебя, отъ другой, любимой... у меня два сына... близнецы... вчера только осчастливила меня!.. А ты и неинтересна и... безплодна»!.. Вотъ какъ, Галкинъ, силъ моихъ больше не хватило терпѣть все это... всѣ униженія, обиды жгучія... Ужъ и не знаю, не помню, что тамъ накричалъ я ей въ лицо!.. И тутъ... эти собаки... ихъ визгъ... мое бѣснованіе... и обида ей... И посыпались удары мнѣ въ лицо... вотъ видишь, сюда... шрамъ какой!.. И чтобы кровь не пролилась... убѣжалъ я... ничего больше не слышалъ... И вбѣжалъ я къ себѣ въ спальню... съ окровавленнымъ лицомъ... въ лихорадкѣ, въ горячкѣ... И не узналъ я себя

въ зеркалѣ... Страшный... пунцово-красный... взъерошенный... Противный! И съ красными искусанными губами... Это она... безпомощно отбивалась... И подошелъ я вплотную къ зеркалу... и со всего размаху ударилъ я въ стекло... руку страшно окровавилъ и — такъ подъ одѣяло залѣзъ, поглубже подъ одѣяло къ себѣ залѣзъ... чтобы не видѣть и не слышать ни себя, ни темноты... ни позора и униженія моего!.. И не слышалъ я никакого выстрѣла тамъ!.. И общее понятіе изъ головы отлетѣло... И забылся я до разсвѣта... Долго, должно быть, стучали... и увидѣлъ я передъ собой вдругъ этихъ странныхъ людей... Допросъ, допрашивать стали... И какъ же мнѣ объяснить было комиссару?.. Затемнѣніе разудка... и жгучія обиды... и убійство собакъ... и кровь у меня на рожѣ и... и... выстрѣлъ?!. И не слышалъ я никакого выстрѣла!.. А, можетъ быть, въ меня еще стрѣлять хотѣла, да промахнулась?!. Ничего не знаю... ничего толкомъ объяснить не могъ я комиссару... Отрезвило же меня сразу, что жены уже не было дома... въ госпиталѣ!.. Долгая, тяжелая операція... пуля легкія задѣла!.. Одиннадцать дней и одиннадцать ночей со смертью, за жизнь ея, всѣ мы боролись... И отстояли же, вымолилъ я ее у Господа»!

И Галкинъ безпредметно глядѣлъ въ пространство, переживая, вѣроятно, съ Сѣриковымъ его былыя муки и думы... И гости всѣ, даже и Мухинъ, продолжали сидѣть молча, не пытаясь больше перебивать Галкина.

— А, вотъ, чѣмъ, господа, все это кончилось, — точно облегченно вздохнувъ, и съ нѣкоторой бодростью, заговорилъ вновь Галкинъ. Только на одиннадцатое утро, обреченная, — послѣ долгихъ страданій, просто чудомъ, вмѣстѣ съ раннимъ пепельнымъ разсвѣтомъ, вошло, очевидно, и дыханіе Его, точно Христосъ безплотно прошелся, — жена моя, впервые глаза открывъ, — ты только вдумайся, другъ Галкинъ! — ея первыя слова, еле такія еще внятныя, къ сестрѣ Елизабетъ были: «гдѣ мой мужъ, сестрица, попросите его ко мнѣ»... Понялъ ты?!.. Понимаешь ли ты, Галкинъ, что это обозначаетъ?!. А я тутъ, какъ тутъ, едва дышу, — вѣдь, тамъ не спавши, не раздѣваясь, одиннадцать сутокъ сторожилъ... не отходилъ... И услышавъ такія первыя слова ея, бросился, да что бросился, — подползъ я къ ней... страшно еще слабая она... подползъ я вотъ такъ... на колѣняхъ, и безсловесно припалъ къ ея тонкой-тонкой и блѣдной такой рукѣ... И сестра Елизабетъ, сама такая счастливая... И, вотъ, жена моя... совсѣмъ

отчетливо говоритъ мнѣ: «не плачь, говоритъ, все будетъ по хорошему... и не будешь имѣть отъ жены твоей тайны... и дѣтей твоихъ... отъ другой женщины въ домъ къ себѣ возьмемъ... но безъ той, другой... ее ты обезпечишь»...

— А я что говорила, друзья мои, — захлопала въ ладоши Лидія Николаевна, —говорила же я вамъ, что русскую княгиню и за тысячу верстъ узнаешь!..

— Тутъ я, другъ мой Галкинъ, — продолжалъ свою повѣсть Сѣриковъ, — послѣ такихъ словъ жены, признался я ей и говорю: «Родная, этихъ дѣтей еще нѣтъ... но она, эта другая женщина, сказала мнѣ, что обязательно и безпремѣнно будутъ, и что самъ профессоръ предупредилъ, что будутъ сразу двое, близнецы... И слышу я голосъ моей жены: «Да кто же она, эта другая»?!. Такъ, Галкинъ, и сказала она... «Говори, ничего не скрывай...». — А почему не сказать? Только, говорю я женѣ моей, — не смѣйся надо мной, ужъ такой у меня характеръ... И проситъ она меня говорить только о дѣтяхъ, и всю правду, но чтобы я ни единымъ словомъ не упоминалъ ту, другую, понимаешь, женщину, такъ сказать, «любовницу»... А у меня, дурака, и любовницы то никогда не было!.. И, вотъ, — сестра Елизабетъ какъ разъ тутъ и вышла, оставила насъ вдвоемъ, а я и докладываю женѣ всю правду... Такъ вотъ, Галкинъ, какъ все это съ «близнецами» произошло... Ходила ко мнѣ учительница, барышня одна, Рахиль Давыдовна... Торговля моя съ Яффой, когда наѣзжалъ я туда, требовала древняго языка, — я и сталъ брать уроки у прекрасной Рахили, чтобы тамъ на мѣстѣ, кое-какъ, балакать по ихнему... А дѣвушка она прямо чудесная, скромная, терпѣливая, добросовѣстная... сидитъ она, мучается со мной часа два, а беретъ только за часъ, хоть ты что!.. Благородная такая... Ладно! И ходила она къ намъ въ домъ, въ Берлинѣ, Рахиль Давыдовна, каждый день... И я, въ самомъ дѣлѣ, за пять мѣсяцевъ сталъ уже балакать по древнему... И вотъ, однажды, Галкинъ, учительница вдругъ за урокомъ, точно потемнѣла, лицо такъ вдругъ исказилось... видно, страдаетъ... боль, значитъ, какая... Надо сказать тебѣ, — давно замѣчать я сталъ, что учительница моя порывалась уже не разъ сказать мнѣ что-то очень важное, и опять все: «нѣтъ, нѣтъ, Никита Демьянычъ, я потомъ... въ другой разъ»... Ладно! И вдругъ она мнѣ, — это было за 2 дня до катастрофы у меня съ женой, — «Простите, дорогой Никита Демьянычъ, я не смѣю... но я

глубоко несчастна... и никого-никого изъ близкихъ нѣтъ... ради Бога, простите... дѣло чужое, очень деликатное... и я моимъ женскимъ сердцемъ чувствую, — вѣдь, и вы сами также несчастны... да... да... простите меня... И комнатъ у васъ 26... и ни разу не слышала я у васъ въ домѣ человѣческаго голоса... И вижу, чувствую я... страдаете и одиноки вы, какъ и я... Конечно, страданія мои иного порядка... И вы тутъ не причемъ... И порѣшила я руки на себя наложить, клянусь вамъ, я вамъ одну правду говорю... Вы человѣкъ, Никита Демьянычъ, вполнѣ порядочный... И я рѣшила только одного васъ посвятить... И я дѣвушка порядочная... Но черезъ самое короткое время... быть можетъ, уже завтра или черезъ двѣ-три недѣли... профессора тоже ошибаются... я сдѣлаюсь матерью и, по словамъ профессора, — ему что, — у меня сразу двое будутъ... И если бы вы знали, изъ какой благочестивой семьи мой женихъ!.. Но, дорогой, многоуважаемый Никита Демьянычъ, женихъ мой трусъ и дуракъ, онъ все меня попрекалъ: «откуда возьму я прокормить тебя и сразу двоихъ дѣтей», — на это отвѣчала я ему: «Богъ для всѣхъ, увидишь, Богъ никого еще не оставилъ», — а онъ, глупый такой, испугался и убѣжалъ... обѣщалъ вернуться... но его нѣтъ... И кому же я нужна такая?.. И позоръ какой!.. А вы, Никита Демьянычъ, весь городъ васъ знаетъ, какъ великодушнаго и добродѣтельнаго, подумайте сами... городъ будетъ въ восторгѣ: «вотъ благодѣтель Сѣриковъ принялъ къ себѣ въ домъ какихъ то двухъ сиротъ... двухъ младенцевъ... Вамъ на пользу... не будете одни въ 26 комнатахъ... а я, дѣвушка, безъ позора жить буду... и издали дѣтей моихъ видѣть смогу... И ни одна душа не будетъ знать нашей тайны, святой и простой человѣческой тайны... Дорогой Никита Демьянычъ, я, вѣдь, порядочная дѣвушка, а съ кѣмъ такое... приключиться не можетъ?.. И увидите... — И тутъ рыдать прямо стала учительница моя, — увидите, говоритъ, Господь пошлетъ вамъ въ домъ счастье, и свѣтъ, и много-много семейнаго ладу и радости...

— А ты что же, Никита, сказалъ этой бѣдной учительницѣ?

— Я.. что же?.. Сначала было такъ странно и страшно... а когда задумываться сталъ... она какъ встанетъ, и прямо къ балкону, выброситься хотѣла, — прямо же чудомъ... еще секунда... удержалъ... схватилъ я ее... а она мнѣ въ ноги... ноги обняла... и бьется, бѣдная, тихо такъ рыдаетъ... Я ее деликатно приподнялъ... усадилъ и говорю... А что же мнѣ было дѣлать?.. И говорю я учительницѣ моей:

«Вы что же, Рахиль Давыдовна, меня за камень считаете? И не стыдно вамъ, Рахиль Давыдовна, такого мнѣнія обо мнѣ быть?.. Богъ надъ всѣми... Хватитъ и для дѣтей вашихъ... Конечно, возьму»!.. А она, уже безъ словъ, руки цѣлуетъ, и въ уголъ дивана забилась... отъ счастья плачетъ... Вотъ, милый другъ Галкинъ, мои «близнецы»... «отъ другой»... И когда я все тихо такъ, чтобы не волновать больную... вновь точно найденную жену, все это сказалъ я ей, — она ангеломъ засмѣялась, вся просіяла и говоритъ: «конечно, дѣтей ея возьмемъ въ свой домъ... и будутъ у насъ потомъ... черезъ это... и наши собственныя»... И остановилась... не могла дальше говорить... слабая очень и счастливая!.. И слезы, не повѣришь, другъ Галкинъ, вотъ такія крупныя, какъ... этотъ мой жемчугъ съ булавки, что въ галстукѣ... такія слезы у нея... у жены моей!.. Такія тихія слезы!.. И только тогда почувствовалъ я, что рука ея вплотную давно погрузилась въ копну волосъ, въ голову мою, и крѣпко такъ держится.

И говоритъ она: «я думала, что ты только богатый... а я тебя, Никита, не промѣняю теперь ни на кого въ цѣломъ мірѣ», — понялъ ты теперь, Галкинъ, другъ ты мой единственный, и не хочу я, чтобы всѣ понимали, и не хочу я много друзей, разъ ты одинъ все понялъ... Захотѣлъ ты понять и — понялъ.

А тутъ, какъ разъ въ эту минуту, — ухъ, эти сестры, чуютъ онѣ, когда вновь, тихимъ ангеломъ, входить, — вошла она, сестра Елизабетъ, остановилась и — точно благославляя насъ — говоритъ:

— Все будетъ еще по хорошему... Жизнь что море...

ИГОРЬ ДЕМИДОВЪ.
ЖИВАЯ УЛИКА.

Александръ Петровичъ Нардовъ, сынъ извѣстнаго профессора и виднаго общественнаго дѣятеля, бывшій прапорщикъ, за годы войны дослужившійся до штабсъ-капитана, еще раньше — юный магистрантъ Московскаго университета, безъ раздумья бросившій и университетъ и науку, чтобы идти на фронтъ, а сейчасъ — уже пожилой, замѣченный за годы эмиграціи писатель, комиссіонеръ по продажѣ грамофоновъ и грамофонныхъ пластинокъ, членъ «Общества русскихъ литераторовъ за рубежомъ» и сотрудникъ журнала «На чужбинѣ», только что вернулся домой. Внизу онъ взялъ почту. Еще на лѣстницѣ его вниманіе остановилъ продолговатый конвертъ изъ прочной бумаги, надписанный мелкимъ незнакомымъ почеркомъ на его имя въ адресъ редакціи и оттуда пересланный ему. Слѣва, наверху, было напечатано: «After 5 days, return to» дальше — рукою фамилія и адресъ, а затѣмъ опять печатными буквами «San Francisko, California».

Прочитавъ фамилію, Нардовъ даже остановился. «Не можетъ быть», — мелькнула мысль. Потомъ почувствовалъ, какъ откуда-то изъ глубины стала быстро подниматься волна безпокойства; заторопился, черезъ ступеньки взбѣжалъ оставшіеся два этажа, отперъ дверь, не сразу, отъ волненія, зажегъ свѣтъ и, забывъ снять пальто и шляпу, неровно разорвавъ конвертъ, сѣлъ за столъ, стоявшій рядомъ съ постелью. Поднеся къ близорукимъ глазамъ три мелко-исписанныхъ листа, Александръ Петровичъ сначала прочелъ обращеніе и первыя строчки, потомъ подпись — сомнѣнія не было. Нежданное письмо было отвѣтомъ на его послѣдній разсказъ «На поляхъ Галиціи», напечатанный мѣсяца три назадъ въ журналѣ и кончавшійся словами: «Я ничего не сказалъ о томъ, что переживалъ. Почему? Должно быть потому, что въ наши дни — сколько ихъ, и когда имъ придетъ конецъ — говорить о себѣ, о личной жизни, о своей любви немыслимо. У насъ нѣтъ и не можетъ быть личной жизни. Бываютъ эпохи, когда ихъ современники не имѣютъ права на личную жизнь, и

я нашелъ въ себѣ силу промолчать. Быть можетъ, это было глупо, самонадѣянно, но и сейчасъ, оглядываясь назадъ, я чувствую, что поступилъ бы такъ же».

Письмо такъ и начиналось его словами, превращенными въ вопросъ — «Почему вы тогда ничего не сказали?».

Когда Александръ Петровичъ окончательно убѣдился, отъ кого письмо, онъ отвелъ его отъ глазъ и положилъ на столъ. Надо было успокоиться, взять себя въ руки — въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ пора умѣть сдерживаться, да и прошло съ тѣхъ поръ безъ малаго двадцать лѣтъ! Подумалъ такъ, а изъ той же глубины, зашевелясь, поднималась новая волна, заливая голосъ сорока-пяти-лѣтняго разума: отчего же онъ сомнѣвался, можно ли разсказать и такъ ли надо разсказать? Въ чемъ же было сомнѣніе, тревожившее его, и когда онъ писалъ разсказъ, и когда онъ несъ его въ редакцію и когда разсказъ печатался, — вплоть до выхода очередной книжки «На чужбинѣ»? Вѣдь все это — когда то святое — забыто, брошено, растоптано! А кто же узнаетъ, что это такъ? — шепталъ другой голосъ, бросившій и растоптавшій. Разсказъ удался именно потому, что это пережито самимъ; жаль терять тему.

Сознаніе удачи разсказа побѣдило. Правда, конецъ казался особенно напыщеннымъ, и не только напыщеннымъ, но и лживымъ — «фальшивкой». А право творчества? Я могъ бы и сейчасъ такъ чувствовать, если бы...

И Александръ Петровичъ успокоился, а потомъ, когда разсказъ похвалили, даже радовался, что побѣдилъ сомнѣнія. И, вотъ, вдругъ... Сколько разъ, говорилъ онъ себѣ, что подсознательному надо вѣрить, и, когда онъ ему довѣрялъ, оно никогда его не обманывало; надо было и здѣсь повѣрить. Къ чему то разворошилъ то, чего давно нѣтъ, поднялъ «пыль вѣковъ», а она перелетѣла черезъ океанъ и, вернувшись, привела живого свидѣтеля всего бывшаго, единственнаго, но зато самаго страшнаго. Вѣдь, чувствовалъ же, что не надо тревожить тѣни.

Нардовъ снова поднесъ письмо къ глазамъ и сталъ читать. Тѣни оживали. Бѣжали строчки письма, рядомъ съ ними побѣжали строчки разсказа, а изъ глубины выплывало то, чего не было ни въ письмѣ, ни въ разсказѣ — о чемъ письмо не знало, а разсказъ умолчалъ.

— Почему вы тогда ничего не сказали? — читалъ Нардовъ. —

Не удивляйтесь моему вопросу; до меня какимъ то чудомъ (далъ одинъ русскій, съ которымъ я случайно познакомилась въ поѣздѣ) дошла одна книжка «На чужбинѣ», именно та, гдѣ помѣщенъ вашъ разсказъ «На поляхъ Галиціи». Я прочла его и узнала всѣхъ — и нашъ госпиталь въ Тарновѣ, и милѣйшаго доктора Таскина, и противнаго Рындина, и красавицу Вѣру Ивановну, и себя, и васъ, — всѣхъ, кого вы вывели, а кого пропустили, сама добавила. Трудно мнѣ передать, что пережила я, читая дорогія страницы. Для меня онѣ — ваша исповѣдь о болѣе, чѣмъ краткой, нашей съ вами совмѣстной жизни, и я рѣшила отвѣтить вамъ своею исповѣдью. Вѣдь не даромъ же за эти годы моихъ странствій эта единственная книга вашего журнала, такъ чудесно попала ко мнѣ въ руки.

Почему же вы тогда ничего не сказали? Потому что, какъ вы говорите въ концѣ, «въ наши дни говорить о себѣ, о личной жизни, о своей любви немыслимо... У насъ нѣтъ и не можетъ быть личной жизни». Но развѣ любовь замыкаетъ человѣка въ личной жизни? А наоборотъ, не расширяетъ этой жизни до безграничности? Вотъ, на этотъ вопросъ и хочу исповѣдаться передъ вами, хоть и не легко мнѣ это сдѣлать, несмотря на два пробѣжавшихъ десятилѣтія. И я полюбила васъ, и я не знала, нравлюсь ли я вамъ, и можете ли вы меня полюбить? Только одинъ разъ мнѣ показалось, что да. Это было, когда вы уже почти поправились отъ раны — въ Пасхальную ночь шестнадцатаго года. Всѣ, во главѣ съ Вѣрой, собрались ѣхать къ заутренѣ въ штабъ корпуса, я же была ночной дежурной и ѣхать не могла. Кто-то изъ сестеръ предложилъ замѣнить меня. Я отказалась, а сама загадала: если вы поѣдете, то, стало быть, моя догадка, что Вѣра вамъ болѣе, чѣмъ нравится, вѣрна, а, если останетесь, то этого нѣтъ. Вы остались, объяснили, что у васъ ноетъ раненая нога. Боже! Какъ я была счастлива! Нѣтъ, не Вѣра, — говорила я себѣ, — и не продолжала своей мысли, чтобы отъ радости не выдать себя. Вы этой ночи въ разсказѣ не вспомнили, а передо мной она до сихъ поръ стоитъ, какъ вчерашняя. Какъ весело и усердно, вмѣстѣ съ поваромъ и санитарами, мы готовили пасхальный столъ. Какъ быстро и крѣпко вы забыли о боли въ ногѣ, и какъ я внутренно подсмѣивалась надъ вами за это и благодарила васъ. Вотъ, это и были единственные часы за все время нашей съ вами жизни — дѣйствительно свѣтлая ночь! — когда я почувствовала, что все счастье моей жизни — въ васъ, и

что вы можете полюбить меня. Для меня эта ночь была настоящимъ воскресеньемъ къ новой жизни, потому, что я поняла, что мое сердце открылось самому свѣтлому и святому въ жизни, и полюбило васъ на всю жизнь, полюбило той любовью, которая не знаетъ жертвы, и не ждетъ вознагражденія. Я тогда узнала, что существуетъ любовь, которая живетъ изъ себя, какъ солнце, творя свѣтъ и тепло, жизнь и счастье, только потому, что не творить ихъ не можетъ. Быть можетъ, такая любовь, не ждущая награды, для многихъ странна? Быть можетъ, это — «типъ слабой женской любви», неспособной ни бороться за себя, ни защитить себя, — не знаю. Знаю только, что такой любовью полюбила васъ, въ ней испытала все мое счастье. Потомъ вы вскорѣ уѣхали, сказавъ при прощаньи только одно — «Богъ дастъ, увидимся». А я осталась съ твердой вѣрой въ то, что, если вы меня любите, то Господь сохранитъ васъ, и мы вновь встрѣтимся для того, чтобы больше не разлучаться. Если бы вы знали, сколько силъ дали мнѣ моя любовь и моя вѣра. Какъ по иному онѣ раскрыли жизнь передо мной, какъ научили глубже и сильнѣе любить людей. И не думайте, что мое воскресенье длилось, пока я не утеряла васъ и не почувствовала, что это — навсегда; нѣтъ, я до сихъ поръ живу воскресшей, т. е. не сломившейся, не засохшей, не обиженной и не несчастной. Личная любовь родила во мнѣ силу любви, т. е. то, для чего только можно и стоитъ жить. Это — вѣчно, ни утерять нельзя, ни отнять не могутъ. За годы моихъ странствованій я какъ то была на одномъ кладбищѣ — хоронили русскаго, моего знакомаго. Я возвращалась съ похоронъ одна. Медленно шла между чужихъ могилъ и читала надписи на памятникахъ. Одна изъ нихъ поразила меня. На камнѣ было вырѣзано два имени — мужа и жены. Мужъ умеръ молодымъ, жена пережила его на двадцать шесть лѣтъ. Подъ именемъ мужа стояли только даты рожденія и смерти; подъ именемъ жены была еще и надпись — изумительная: «Боже! Благодарю тебя за два года счастья, которые ты далъ мнѣ». Я долго стояла, читая и перечитывая эти слова — могила сразу стала родной, чуть ли не моей собственной, до того лежавшая въ ней сказала то, что я чувствовала и не могла, не умѣла выразить. Мое счастье и двухъ лѣтъ не длилось, но оно было такъ глубоко и полно, что утерявъ его, я уже не могла растратить всего того, что оно мнѣ дало — такъ этими силами жила и живу, сначала дома, а теперь въ чужихъ краяхъ, среди чужихъ людей. Не скрою и того, что «На

поляхъ Галиціи» взволновало меня не только за меня, за мою часть посланнаго мнѣ счастья, а и за васъ. Свою жизнь я знаю, и вы видите, — она не опустѣла отъ того, что въ ней было личное, а, вотъ, изъ вашей долетѣлъ до меня только одинъ кусочекъ. Что было дальше? Какъ прожили вы эти длинные и трудные годы? Остались ли такимъ же свѣтлымъ, какимъ я васъ знала? А, можетъ быть, побѣдивъ личное, стали еще свѣтлѣе? Если не трудно, и будетъ желаніе, разскажите о себѣ. Мнѣ это будетъ очень дорого. А если не соберетесь съ силами, то черезъ годъ, по всей вѣроятности, я и сама узнаю все. Я воспитываю двухъ дочерей богатаго американца, и мы, будущей весной ѣдемъ въ Европу; будемъ во Франціи, въ Парижѣ — тогда увидимся и встрѣтимся старыми друзьями. До свиданія, хотя, къ сожалѣнію, и не такого скораго.

Письмо кончилось, но не кончились мысли Нардова, не улеглось и волненіе, которое охватило его, когда еще держа въ рукахъ нераспечатанный конвертъ, онъ понялъ, отъ кого письмо. Напротивъ, волненіе усилилось, охватило его всего, и Нардовъ зналъ, что уже не справится съ нимъ. Мысли быстро, быстро бѣжали, не путаясь, не перебрасываясь съ одного на другое, — властно и безпощадно вливалось то «дальше», о которомъ письмо спрашивало, и спастись отъ потока было некуда. Александръ Петровичъ сидѣлъ, положивъ руки на столъ и упорно глядѣлъ на прочитанныя страницы, не въ силахъ оторваться отъ ихъ тонкихъ мелкихъ строчекъ, но уже не видя и не понимая ихъ словъ. Мимо проносились другія слова — отчетливыя и жестокія.

Да, и онъ тогда уѣхалъ полный свѣтлой любви, счастливый и вѣрившій, что уцѣлѣетъ, вернется, встрѣтится и скажетъ о своей любви; еще и гордый, что сейчасъ ничего не сказалъ, сумѣлъ пожертвовать личнымъ счастьемъ, во имя долга — пока такая война личное не должно было ему мѣшать. А дальше?.. Нардовъ даже заскрипѣлъ зубами отъ стыда и злобы. Онъ почувствовалъ себя, какъ чувствуетъ убійца, когда неожиданно видитъ, что въ руки слѣдователя попала вѣрная нить, прямо ведущая къ совершенному преступленію. Конецъ разсказа, ложь, сказанная въ немъ, стояли передъ его глазами такой уликой: вы были тамъ, — утверждаетъ слѣдователь. — А куда вы пошли оттуда и что дѣлали? И Александръ Петровичъ уже ясно со-

зналъ, что письмо однимъ ударомъ разрушило и разметало стѣну, которую онъ за эти годы построилъ между собой и своимъ прошлымъ. Казавшееся мертвымъ ожило, нахлынуло и готово было снова закрутить его и бросить въ знакомый, страшный хаосъ пустоты и тоски.

— «Остались ли такимъ же свѣтлымъ, какимъ я Васъ знала... Разскажите о себѣ. Мнѣ это будетъ очень дорого... Тогда увидимся и встрѣтимся старыми друзьями...»

Нѣтъ, нѣтъ! Ни то, ни другое! А третье... Что третье? Оно должно быть. Вѣдь, къ тому, что еще было часъ назадъ, уже нѣтъ возврата. «На поляхъ Галиціи», вернувшись изъ за океана, стоитъ укоромъ и грозитъ стать мстителемъ. Какъ разсказать, то, что было потомъ? Еще хуже — какъ встрѣтиться?

Гражданская война съ ея дикой ненавистью, дикимъ убійствомъ, дикимъ разгуломъ, сожгла, испепелила все. А дальше остался только разгулъ, — низкій, грубый, приведшій къ пьяной, безсмысленной женитьбѣ. Годы каторги для жены, но не для него — онъ продолжалъ жить въ пьяномъ дурманѣ, пока смерть не унесла несчастную женщину, повѣрившую въ его любовь. Только тогда, когда вернувшись домой въ полу-трезвомъ состояніи, онъ нашелъ ее мертвой, одиноко скончавшейся въ пустой, холодной комнатѣ, онъ смутно почувствовалъ затянувшую его грязь. И опять годы, то какъ будто возврата къ прежнему, то новаго срыва. Наконецъ, ему удалось выползти изъ трясины — его спасла встрѣча съ его бывшимъ гимназическимъ учителемъ. Старичекъ, надъ которымъ когда-то всѣ они издѣвались, служилъ въ редакціи «На чужбинѣ»; жилъ въ мансардѣ, подметалъ и убиралъ комнаты, ходилъ по порученіямъ и, ласково улыбаясь, встрѣчалъ и провожалъ посѣтителей. Онъ же убѣдилъ Александра Петровича написать первый разсказъ, передалъ его редактору и, когда разсказъ былъ принятъ, радовался, какъ ребенокъ. Такъ начался для Нардова «новый періодъ», но онъ сознавалъ, что никакого возрожденія, собственно, нѣтъ, есть жалкое доживаніе духовно-парализованнаго человѣка, и все-таки радовался этому, какъ радуется умирающій паралитикъ, когда его — недвижимаго въ креслѣ, везутъ по улицѣ. И, вотъ, сейчасъ, сидя надъ письмомъ и упорно глядя на него, Нардовъ чувствовалъ, что въ немъ что-то измѣнилось, что-то ожило и рвалось наружу, и ему становилось страшно. Онъ испугался

возможности перемѣны, чего то новаго, а, быть можетъ, и прежняго — пустоты и тоски. Александръ Петровичъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ, мучительно стараясь справиться со своими думами. Потомъ остановился, минуту постоялъ, твердо подошелъ къ столу, снова сѣлъ, взялъ листъ бумаги и началъ быстро писать: то, что казалось невозможнымъ, стало неизбѣжнымъ, необходимымъ. Онъ писалъ въ Калифорнію, въ Санъ-Франциско. Живая улика привела къ полному сознанію.

Нардовъ кончалъ письмо, когда уже было утро.

— Я разсказалъ вамъ всю правду, — писалъ онъ утомленнымъ, измѣнившимся почеркомъ, — пусть она и будетъ между нами послѣднимъ словомъ. Не отвѣчайте мнѣ, а, если пріѣдете въ Парижъ, не ищите меня. На письмо силъ хватило, но увидѣть васъ, — и еще ужаснѣе, чтобы вы увидѣли меня?! Нѣтъ, этого я не хочу и не могу. Себя же за сказанную ложь въ разсказѣ казню тѣмъ, что лишаю того, чѣмъ до сихъ поръ жилъ. — «На поляхъ Галиціи» будетъ моимъ послѣднимъ разсказомъ, больше за перо не возьмусь. Воскрешенное вами свѣтлое прошлое и еще не совсѣмъ отмершая совѣсть не позволятъ».

Александръ Петровичъ надписалъ конвертъ, вложилъ исписанные листы и запечаталъ. Съ трудомъ поднялся, почти безсознательно посмотрѣлъ кругомъ и, забывъ потушить свѣтъ, какъ былъ, — въ пальто и въ шляпѣ — легъ на постель. Шляпа сдвинулась на лобъ. Онъ отбросилъ ее въ сторону, закрылъ глаза и затихъ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.
ШИШЪ ЕЛОВЫЙ.

Корнетовъ терпѣть не могъ начатыхъ и незаконченныхъ дѣлъ. Неоконченыя постройки, недописанныя строки, на полусловѣ остановившійся разговоръ — все, гдѣ не хватило воли или выдумки, вызывало въ немъ возмущеніе. Представьте себѣ, какъ возмущала его легенда о Вавилонской башнѣ...

«Въ послѣднюю минуту, — говорилъ онъ, — общій языкъ потеряли, кто въ лѣсъ, кто по дрова, и пропало дѣло — величайшее и единственное, когда либо возникавшее въ головѣ человѣка: хозяйничать на землѣ и на небѣ! — и съ такими несмѣтными средствами все пошло прахомъ въ вѣчный укоръ человѣку».

«О этомъ человѣкѣ, — продолжалъ Корнетовъ, — Гоголь отозвался: «свиныя рыла», а Достоевскій — «глупыя звѣрскія хари», да при этомъ еще «указующія на тебя пальцемъ». Я не согласенъ: и не звѣрскія, и не свиныя, а человѣческія, только человѣческія. А вообще говоря, во всякомъ человѣкѣ надо подозрѣвать свинью...»

И всякія «недо...» — «недостройки» и «недосказы» называлъ Корнетовъ «куснуть и бросить». Тутъ онъ былъ сущій тиранъ и истребитель. И дѣйствовалъ безпощадно. Если бы была у него власть, ну будь онъ какимъ-нибудь Си-Магометъ-Эль-Мокри, по стрункѣ котораго, въ обаяніи его воли, движутся и останавливаются «массы», круто пришлось бы, ни на что не посмотритъ, и не разжалобишь, — и какая невѣроятная скучища поползла бы въ мірѣ или, просто говоря, загналъ бы.

«Принудительный трудъ! теперь это модная тема, — говорилъ Корнетовъ, — въ богатыхъ салонахъ, гдѣ ломится всякая прислуживающая и выслуживающаяся сволочь, животрепещущій вопросъ, благо самимъ можно ничего не дѣлать. «Принудительный!» — скажите, пожалуйста, какое открытіе, или о чемъ ни болтать, лишь бы болтать... Человѣкъ лодарь, это всякій про себя знаетъ, а ума ни на столечко, чтобы, свою же выгоду соображая, безъ палки что-нибудь дѣлать, и по доброй волѣ — вѣкъ будете ждать, не дождетесь, чтобы

пальцемъ шевельнулъ. Да впрочемъ такъ оно вездѣ велось и ведется, и не мытьемъ, такъ катаньемъ, всегда было и есть «принужденіе». И это въ самой природѣ жизни на проклятой Богомъ землѣ, пока человѣкъ есть человѣкъ, у котораго не хватило воли, а былъ случай, землю соединть съ небесами — снять съ земли ея отверженность, освободить и сдѣлать себя свободнымъ. А пока что, Блейкъ правъ: «одинъ законъ для льва и вола — принужденіе». И если говорить по совѣсти, чего бы я самъ хотѣлъ, такъ скажу прямо: ничего! и вовсе я не чувствую себя околѣвающимъ животнымъ, которое ищетъ уединенія и только уединенія, чтобы околѣть, нѣтъ, у меня вдругъ закипаетъ такое сердце... впрочемъ, все равно, дѣлать-то я ничего не хочу — хочу «баклуши бить», «въ потолокъ плевать» или, есть еще, «гонять собакъ», а по современному — читать газеты, сидѣть въ кафэ, ѣздить въ театры, на выставки, путешествовать и безотвѣтственно философствовать, т. е. вести жизнь, какъ «хорошіе люди», передъ которыми ломаютъ шапки и которымъ говорятъ «привѣтственныя рѣчи» и для которыхъ только «первыя мѣста».

И еще Корнетовъ не выносилъ, какъ говорили въ старину наши общественыя дамы, «кислыхъ физіономій». Человѣка, впадавшаго въ уныніе, онъ презиралъ. «Уныніе» связывалось у него ни съ какимъ грѣхомъ, какъ это въ исповѣдальныхъ требникахъ или у Нила Сорскаго въ его скитской лѣствицѣ, а только съ достоинствомъ человѣка, который все-таки оставался и послѣ вавилонскаго позора носителемъ гордой мечты о «своевольѣ» и еще могъ многое «посмѣть». Уныіе онъ объяснялъ все той же «божественной» лѣнью, этимъ соблазнительнымъ «почилъ отъ дѣлъ» — единственнымъ, кажется, воспоминаніемъ, вынесеннымъ изъ райской жизни, и послѣ райскаго расплева убійственной отравой всѣхъ человѣческихъ возможностей, источникомъ рабства и поддержкой и поощреніемъ волевыхъ акулъ.

«Уныніе, — говорилъ Корнетовъ, — унизительнѣйшее состояніе безсилія, не просто расписка въ своемъ ничтожествѣ, а засвидѣтельствованный документъ; унылый человѣкъ — самый благодарный матерьялъ для всякихъ подлостей: если ужъ самъ себя призналъ мразью, то еще одно новое паскудство эту мразь только размажетъ, не больше, и кромѣ того — самый послушный матерьялъ для этихъ вашихъ «акулъ» и «международныхъ разбойниковъ», для всѣхъ этихъ свиныхъ рылъ и звѣриныхъ харь, указующихъ на васъ пальцемъ, не

проницаемыхъ и неотравляемыхъ никакой совѣстью, вѣдь и совѣсть поддѣлывается! но которымъ безъ человѣческаго матерьяла никакъ не обойтись, или издохнуть; и наконецъ унылый человѣкъ опора всего «мірового зла», прикрытаго и разукрашеннаго въ ночь, но отъ котораго при свѣтѣ дня съ души воротитъ».

Корнетовъ рвалъ и металъ. И не столько уныніе мое такъ будоражило его, какъ собственное возмущеніе, что его, какъ онъ выражался, индивидуальность попрана: съ осени отмѣнивъ воскресенья, онъ былъ убѣжденъ, что притокъ посѣтителей урегулируется и получится отборъ — безъ налетчиковъ, да сначала такъ оно и было, но съ теченіемъ времени въ назначенные вечера стали приходить не только тѣ, кому было назначено, а еще и тѣ, кому сами назначенные отъ себя назначали для какихъ-то своихъ цѣлей, и получилось такое безобразіе, какъ въ прошлую зиму, когда комната Корнетова обратилась чуть ли не въ домъ свиданій.

«Противопоставлять унынію гордость, — продолжалъ Корнетовъ, — какая ужъ тамъ гордость! Нѣтъ, гордость давнымъ давно сломлена, и отъ нея одни лохмотья, а называется чванствомъ и хвастовствомъ. И этотъ смѣшной чванливый нарядъ очень подходитъ къ человѣческому лицу, какое вырисовывается, какъ говоритъ баснописецъ Куковниковъ, «на арканѣ современности». Лицо средняго человѣка размазано въ двѣ краски или — двѣ посадки: носомъ вверхъ и носомъ внизъ. Если вы просматриваете газеты, вы знаете, въ какой еще невѣроятной ерундѣ погрязаетъ человѣчество: тысячелѣтніе предразсудки живутъ, какъ освященныя традиціи, я читалъ, что японскаго императора можно воспринимать только «духовно», и оттого его фотографіи завѣшиваютъ, а ужъ написать съ него портретъ, нечего и думать; а читали вы, какъ гдѣ-то въ Карпатахъ хоронили вѣдьму — «къ лѣвой ногѣ привязана была подкова, чтобы помѣшать вѣдьмѣ выйти изъ могилы, на ея тѣлѣ нарисовали большой крестъ, ротъ забили макомъ, по трупу долго били лопатой, а затѣмъ глаза закрыли двумя луковицами и во дворѣ сожгли на кострѣ всѣ метла», и обезвреженная вѣдьма изъ могилы не вышла и привидѣніемъ не появилась, но стала всѣмъ во снѣ сниться — изъ ночи въ ночь, и ужъ больше нѣтъ никакого средства, всѣ метла сожжены, а страха не выжжешь... а этотъ, изъ года въ годъ на глазахъ всего міра продолжающійся на русской землѣ, погромъ русской святыни во имя пош-

лѣйшаго вѣкового предразсудка — вѣры въ безбожіе, точно, разрушая церкви и преслѣдуя вѣру, можно страдающаго и беззащитнаго на землѣ человѣка самого обратить въ Бога, т. е. уничтожить страхъ и боль, вы читали Достоевскаго? страхъ и боль, вы понимаете? — — или эти дурацкія церемоніи и всякія формальности — традиціонные, торжественные цилиндры и шутовскіе факельщики, парадныя формы, «обезьяньи» ордена и знаки. И этими показными пустяками и недомысліемъ, возведеннымъ въ догму, забиты головы. Нѣтъ, смотрите такъ: не внизъ и не вверхъ, а въ себя — ваше уныніе и ваше хвастливое чванство одной природы».

Ни о какомъ чванствѣ не могло быть и рѣчи, я сидѣлъ съ опущенными руками — осенью устроившись по малярному дѣлу, я продержался до весны, а весна нынче на десять дней противъ всѣхъ весенъ, вотъ, значитъ, съ какихъ поръ я попалъ въ шомажъ и пріютился у Корнетова. Совѣтовали мнѣ заняться разноской молочныхъ продуктовъ, но, какъ извѣстно, кто только теперь этимъ не занимается и, кажется, вся кліентура исчерпана. Предлагали мыло купить за 10 франковъ и найти трехъ покупателей, чтобы каждый изъ нихъ въ свою очередь нашелъ трехъ, сулили 1000 франковъ — дѣло вѣрное, остановка лишь за 10 франками! Меня соблазняло возобновить мое искусство интервьюера, но, когда я вспомнилъ скандальный финалъ моего «юнера», я опускалъ не только руки, а и носъ.

Корнетовъ, лучше меня понимая всю мою неподготовленность, не сомнѣвался въ моихъ способностяхъ — онъ вообще про всѣхъ думалъ, что всякій все можетъ, лишь бы была страсть и рѣшимость.

— О дуракѣ я не говорю, съ него нечего взять, а вамъ стыдно: надо съ другой стороны подойти, а дѣла не бросать; а не съ другой, такъ съ третьей. И такъ до безконечности или, какъ говорили въ войну, «до побѣднаго конца», а до войны — «до полнаго политическаго и экономическаго освобожденія».

И Корнетовъ научилъ меня такъ: ничего самому не выдумывать — головы нечего ломать надъ вопросами, коли нѣтъ ихъ, а сколько ни шарь, ничего не поддѣнешь! — а взять готовое. Въ журналѣ «Мысли» есть такой вопросъ: «для кого писать?» — и есть отвѣтъ: одинъ говоритъ — «надо писать для читателей, для всѣхъ, для большинства, для массы, и какъ можно проще и понятнѣе», а другой говоритъ — «не для кого и не для чего, а для того самого, что пишется и не мо-

жетъ быть не написано». Взять эти «Мысли» и пройти по знакомымъ и, ничего не говоря, раскрывъ страницу, показывать, а отвѣтъ пусть каждый напишетъ.

— А со своимъ перомъ не лазить, — сказалъ Корнетовъ, — и безъ того въ одномъ Парижѣ изведено бумаги на глупости такое множество, что, если на Конкордѣ построить домъ въ пять этажей, можно его книгами весь завалить съ чердаками и подвалами, да еще вовъ съ сотню на «кэ» вдоль набережной стоять останется.

Корнетовъ далъ мнѣ книгу «Мыслей», и я воспрянулъ духомъ. И безъ всякихъ поддѣльныхъ надувательскихъ плановъ, будто бы облегчающихъ достиженіе намѣченной цѣли, а на самомъ дѣлѣ ведущихъ къ мошенническимъ Козлокамъ, ограничивъ себя хорошо знакомымъ отрѣзкомъ — Булонь и, выбравъ трехъ: Шестовъ, Куковникъ, Судокъ — я вышелъ, чтобы не бросать начатаго и закончить мое дѣло интервьюера.

А чтобы не сказали, что это одно и тоже, Корнетовъ придумалъ другое названіе: не «юнеръ» ужъ, а по-русски — «шишъ еловый».

У ЛЬВА ШЕСТОВА

Левъ Исааковичъ Шестовъ въ Булони за церковью. Если у Корнетова день и до глубокой ночи трамвай лязгаетъ — и который это изъ нихъ: бѣлый 23-ій или желтый 25-ый или оба стараются? — съ открытымъ окномъ себя не слышишь, у Шестова и безъ радіопріемника всякое слово уловимо въ тѣ вечерніе часы, когда за день нагрохотавшіеся упорные грузовики, выглотнувъ послѣдній бензинъ, машинно окоченѣваютъ.

Живетъ Шестовъ отшельникомъ — «Левъ эрмитъ», и только что въ лѣсъ. Есть у него такіе часы, искуснаго устройства механизмъ нѣмецкой работы: по словамъ баснописца Куковникова, какъ выходить изъ дому, тоненькая такая проволочка, гдѣ маятнику полагается, и ногу Шестовъ себѣ этой проволокой обмотаетъ, и пока ходитъ, и часы идутъ, а вернется домой, проволоку отвяжетъ — и часы остановятся. Такъ по часамъ по лѣсу и гуляетъ — часовъ шесть, и говоритъ, что это нисколько не утомительно, и всѣмъ рекомендуетъ: очень полезно.

А въ Парижѣ рѣдко. Развѣ какая «меблированная» особа показать себя въ Парижъ пріѣдетъ, Томасъ Маннъ или самъ Пиккаръ, и устраивается «рэсепсіонъ», по старинѣ «сходъ», по современному «собраніе», а если для звѣрей — «сходбище». Только на эти «рэсепсіоны», а то все дома. Забѣжитъ Оцупъ съ «Числами», Пытко-Пытковскій съ «Искусственнымъ Градомъ», Куковниковъ съ баснями, Судокъ съ «хроникой»; заѣдетъ изъ Клямара по пути на Монпарнасъ Бердяевъ, пошумитъ-пошумитъ и дальше — читать лекцію; и какъ это его хватаетъ! да еще изъ двадцати-пяти часовъ книги пишетъ совсѣмъ ужъ въ безвременье; и говоритъ, что это нисколько не утомительно, и всѣмъ рекомендуетъ: очень полезно.

Бердяевъ, когда-то при зарожденіи русскаго марксизма шелъ въ парѣ со Струве — «Струве-Бердяевъ», потомъ съ «Вѣхъ» съ Булгаковымъ — «Бердяевъ-Булгаковъ», а тутъ въ Парижѣ вошло въ поговорку: «Шестовъ-Бердяевъ». И оба они очень хорошіе сердечные люди и другъ съ другомъ большіе пріятели, а какая противоположность: пойдешь за Шестовымъ, не поспѣешь къ Бердяеву, погонишься за Бердяевымъ, упустишь Шестова. Корнетовъ говоритъ, что, если вынести за скобку показательные рэсепсіоны Шестова и религіозно-философскія засѣданія Бердяева, то никакого и противорѣчія не будетъ, а останется Шестовъ-Бердяевъ: книга. Я такъ и сдѣлаю, благо на рэсепсіоны меня не зовутъ, а на засѣданія, не имѣя дара слова, не хожу, — я буду читать ихъ книги.

Въ часъ двадцать-пятый, по-бердяевски, вышелъ я къ Шестову для вопрошанія: «для кого писать?» А въ то самое время, какъ я готовился въ свой анкетный булонскій обходъ между лѣсомъ и церковью, въ Парижъ пріѣхалъ датскій писатель, родственникъ Киркегорда: узнавъ, что Шестовъ читаетъ въ Сорбоннѣ лекціи о его знаменитомъ предкѣ, заинтересовался книгами Шестова, и написалъ въ ихъ датскихъ «Послѣднихъ Новостяхъ» статью, въ которой оцѣнивалъ Шестова, какъ перваго изъ современныхъ философовъ — выше самого Бергсона. И условлено было, что Киркегордъ*) въ сопровожденіи

*) На самомъ дѣлѣ никакой Киркегордъ не пріѣзжалъ и не уславливался, все это измышленія «залѣснаго аптекаря» Судока, исправлявшаго рукопись несчастнаго интервьюера.

Яши Шрейбера придетъ въ гости къ Шестову, чтобы познакомиться. И какъ разъ, какъ Шестовъ ждалъ датскаго гостя, я и позвонилъ, держа на готовѣ «Мысли», чтобы, отъ себя не говоря ни слова, показать страницу съ животрепещущимъ вопросомъ. И къ еще большему моему смущенію Шестовъ принялъ меня за Киркегорда и сказалъ мнѣ самую французскую любезность и только удивился, почему я одинъ безъ Яши. Я поспѣшилъ его успокоить, что съ Яшей я еще незнакомъ, а что я отъ Корнетова, его сосѣда и почитателя, и что самъ я, Полетаевъ, стараюсь вникать въ его книги и уже кончаю его полемику съ Гуссерлемъ. А чтобы не сказать чего невпопадъ, Гуссерля я не читалъ, я поскорѣе раскрылъ «Мысли» и подалъ Шестову. И къ ужасу моему замѣтилъ, что раскрылъ не ту страницу. Шестовъ заинтересовался, надѣлъ пенснэ и прямо на подчеркнутое.

А подчеркнуто было Корнетовымъ самое трогательное и самое жалостное изъ всей Парижской литературы «физіологическаго» направленія по опредѣленію Сушилова, и съ чистосердечнымъ заключеніемъ:

«... жалость къ мозгу, которому хочется развлеченій, жалость къ губамъ, которыя ищутъ прикосновеній; жалость къ дьяволу, тоскующему въ костяхъ; о, жалость къ половому члену».

— Въ Кіевѣ былъ телеграфистъ Вася Кабанчикъ, — съ необыкновеннымъ добродушіемъ отозвался Шестовъ, — какъ сейчасъ вижу: Вася Кабанчикъ! всѣмъ его Бо̃гъ обидѣлъ, ни росту, ни виду, но въ одномъ не обездолилъ; такъ онъ, бывало, зайдетъ въ загончикъ, станетъ и стоитъ, на себя восхищается.

— Я совсѣмъ не про это мѣсто... — перевертывалъ я страницы, — я на счетъ вопроса Михаила Андреевича: «для кого писать» — у Слонима «портреты совѣтскихъ писателей» безъ генеалогіи въ противоположность совѣтскимъ — гдѣ все происходитъ отъ Алексѣя Максимовича — Парабола, — плелъ я самъ не зная чего.

Шестовъ, замѣтивъ мое смущеніе, вышелъ поставить воду кипятить — за чаемъ веселѣе разговаривать.

А у верхняго сосѣда собака — прямо надъ головой: я эту собаку видѣлъ, попавъ, какъ всегда, этажомъ выше, хорошій песъ! — и вотъ третій мѣсяцъ не можетъ собака привыкнуть, и днемъ и ночью по комнатѣ бѣгаетъ — и какъ бѣгаетъ. И дѣйствительно, не скажешь, что одна, а штукъ шесть ихъ тамъ — двадцать четыре лапы. И пока

о собакѣ разговаривали — трудно человѣку, а звѣрю еще труднѣе привыкнуть! — вода въ чайникѣ выкипѣла. И пришлось снова ставить.

Шестовъ все безпокоился, что нѣтъ Киркегорда. Шестовъ купилъ для него печенья подороже, чѣмъ обыкновенно. Печенья, конечно, не пропадутъ, съ чаемъ и я подберу.

Шестовъ подарилъ мнѣ свою новую книгу: «Скованный Парменидъ». Пять лѣтъ лежала — издать книгу безъ гонорара большое счастье, да никто не соглашается, изволь самъ платить за изданіе — такъ и лежала, и только благодаря Бердяеву, наконецъ, вышла, да еще и гонораръ заплатили. Если бы Бердяевъ похлопоталъ о Балдахалѣ — о его «русскомъ стилѣ»! — да видно за всѣхъ нельзя, или навѣрняка ужъ никому не выйдетъ.

А Киркегордъ, конечно, не придетъ — иностранцы по гостямъ такъ поздно не ходятъ. Киркегордъ съ Яшей сидѣли въ устричномъ ресторанѣ на Плясъ-де-Тэрнъ, только что кончили раковый супъ, принялись за черепашьи яйца, разговоръ у нихъ самый оживленный. Какая тамъ Булонь! Но какъ все-таки философы довѣрчивы и наивны: ну, зачѣмъ датскій писатель пойдетъ къ русскому эмигранту? что за интересъ? — даже и ничего такого, чтобы подходило къ «curiosité» — никакой «диковинки», а кромѣ того «отсталость» — кому же не ясно, что пятилѣтка побѣдила! да и вообще, какъ теперь выяснилось, въ эмиграціи ничего нѣтъ замѣчательнаго, ни Льва Толстого, ни Достоевскаго!

За чаемъ съ Киркегордскимъ сухимъ печеньемъ Шестовъ вспоминалъ литературную старину: Кіевъ, Петербургъ, Москву — Водовозова, Челпанова, Жуковскаго, Волынскаго, Розанова, Минскаго, Гершензона, — какъ тогда было просто и дажае ссорились добродушно.

— И въ гости ходили другъ къ другу запросто: условишься, бывало, въ девять, а заберешься съ шести, да еще кого-нибудь прихватишь съ собой для компаніи, вотъ какъ жили, и ни у кого никакихъ двойныхъ мыслей не было!

— А какъ же на счетъ Михаила Андреевича: «для кого писать?» — спросилъ я, ободренный чаемъ.

— А помните, что записалъ Ницше, окончивъ «Menschliches Alzumenschliches»?

М. Шагалъ. Лежащая женщина. *M. Chagall. La femme couchée* (1929).

М. Шагалъ. Скрипачъ. — *M. Chagall. Le Violoniste* (1929).

Я молча подалъ приготовленный листокъ: Корнетовъ предупреждалъ, что Шестовъ любитъ выражаться по латыни и, чтобы не перепутать, держать на готовѣ карандашъ и бумагу.

— Mihi ipsi scripsi, — сказалъ Шестовъ, — давайте ,я запишу.

Прощаясь, я обратилъ вниманіе на часы въ прихожей — «гулящіе»: искуснаго устройства механизмъ нѣмецкой работы. Шестовъ вышелъ меня проводить. Дорогой, памятуя слова баснописца Куковникова, я пристально смотрѣлъ на его ноги, ища проволоку, и дѣйствительно повыше каблука на задникахъ что-то поблескивало.

— Mihi ipsi scripsi! такъ и передайте Слониму, «написалъ для самого себя».

И мы простились. Я было ужъ къ калиткѣ, притушилъ папиросу, и обернулся. И вижу, Шестовъ подъ бензинной кишкой стоитъ — кому-то автомобиль нацѣживаютъ — и машетъ мнѣ.

— Вспомнилъ, — кричитъ, — еще изъ Горація.

Я и вернулся — и какъ это онъ подъ кишкой не боится, Корнетовъ никогда не сталъ бы: еще взорветъ!

— Изъ Ars poetica, — сказалъ Шестовъ, — si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi, — «если хочешь заставить меня плакать, самъ напередъ испытай боль».

Вернувшись домой, пошелъ дождь, какъ говоритъ Балдахалъ, и я записалъ слово въ слово Шестовскій отвѣтъ.

БАСНОПИСЕЦЪ КУКОВНИКОВЪ

О Шестовѣ говорить какъ-то неловко: Шестова всѣ знаютъ и, если кто не читалъ его книгъ, то навѣрное хотя бы имя слышалъ. Такъ принято думать. Такъ говорятъ, замкнувшись на какомъ-нибудь отрѣзкѣ, какъ я сейчасъ, изо всего «стомилліоннаго» Парижа, ограничивъ себя Булонью и не всей даже, а «отъ лѣса до церкви».

И пусть Шестовъ, нарушая свою ежедневную прогулку по лѣсу, ходитъ на рэсепсіоны съ «меблированными» знаменитостями и разъѣзжаетъ по всему свѣту на философскіе конгрессы, и вотъ этотъ Киркегордовскій панегирикъ въ датскихъ «Послѣднихъ Новостяхъ» и похвальный англійскій откликъ на книгу «На вѣсахъ Іова» и «Послѣд-

нія Новости» печатаютъ о его лекціяхъ въ Сорбоннѣ особо, какъ о лекціяхъ генерала Гулевича, а много ли и сколько на перечетъ знаютъ его изъ «большинства», изъ «массы», изъ этихъ «всѣхъ» этого русскаго «стомилліоннаго» Парижа, имѣющаго безобидную наглость судить и о литературѣ — а то какъ же, всецвѣтный, неподдающійся никакимъ дождямъ лэмпермеабль и книга одно и тоже! — и съ судомъ котораго по смыслу Осоргинской формулы «писать для читателя» слѣдуетъ писателю считаться? Нѣтъ, ни «Россія разложившаяся», которой на все наплевать, ни «Россія натурализовавшаяся», которой, кромѣ своихъ дѣлъ, ни до чего, ни «Россія подъяремная», обреченная на черный трудъ на фабрикахъ и заводахъ, чтобы какъ-нибудь прожить и имѣющая для духовной пищи какого-нибудь многотомнаго пустослова или, по Шестову, болвана, переведеннаго на восемнадцать языковъ, ни «Россія, охраняющая русскую культуру» съ ея органомъ «Русская культура», единственнымъ на весь Нансеновскій міръ и, надо отдать справедливость, по скукѣ превосходящемъ всѣ, какія были «Русскія богатства» и Горьковскіе «Сборники Знанія», эта «Россія», стоящая внѣ «русской литературной культуры» и для которой Гоголь, Толстой, Достоевскій — пустое мѣсто, а высшее достиженіе, какъ говоритъ Корнетовъ, «девять фельетоновъ съ описаніемъ природы» или пустѣйшій пересказъ пошлѣйшаго нѣмецкаго модерна, и писатель расцѣнивается по читаемости — «я обошелъ всѣ библіотеки, — признавался Корнетову редакторъ, — я просмотрѣлъ всѣ вышедшія книги нашего журнала и оказалось, статьи Шестова неразрѣзаны, чего жъ вы хотите?»

Ничего. И редакторъ правъ. Шестовъ всегда былъ и есть «безполезный» писатель, и Шестовскіе вопросы станутъ вопросами всякаго русскаго культурнаго человѣка. А пока знаютъ Шестова и цѣнятъ такіе, какъ Корнетовъ, къ которымъ и я теперь записался — «Россія», которую можно сравнить по безпріютности съ собакой, потерявшей хозяина.

Такъ о Шестовѣ. А что сказать о баснописцѣ Куковниковѣ? Если бываютъ круглые дураки, такъ этотъ Куковниковъ для заграничнаго читателя «круглый незнакомецъ» и имени его даже и такого Шестовскаго — неразрѣзаннаго не существуетъ.

Василій Петровичъ Куковниковъ не писатель, онъ лишь въ «разсѣяніи сущій» съ Берлина басни пишетъ — съ Берлина и пошло ему названіе «баснописецъ» — Fabeldichter aus Tiergarten или просто «Kalenderdichter». А впервые и единственный разъ напечатали его въ Парижѣ, но съ такими несуразными опечатками, а главное съ пропускомъ строчекъ по соображеніямъ типографскимъ, въ виду экономіи мѣста, что и самъ онъ, читая свое, никакъ не можетъ добраться до смысла, а запраторивъ черновикъ, не можетъ возстановить оригиналъ. Куковниковъ — книжникъ, любитель книжнаго почитанія, неисповѣдимо очутившійся заграницей: всѣ книжники Куковниковскаго склада улитки или черепахи — малоподвижны, живутъ, гдѣ повелось, и сживаются со своими книгами неотрывно — покинуть книги имъ все равно, что дать отсѣчь себѣ руку или выколоть глазъ, нѣтъ, больше, они согласятся и на отсѣченіе и на потерю глаза, лишь бы оставили съ ними книги. Бывшій младшій регистраторъ Государственной Думы, а здѣсь въ Парижѣ, въ категоріи «собаки, потерявшей хозяина», вяжущій свой безконечный джемперъ и довольствующійся для «поддержанія силъ» столь малымъ, — нормальному человѣку и представить себѣ трудно, — безропотно проводилъ дни или, какъ говорили о немъ его пріятели, — «живетъ тихо и радостно».

Чтеніе книгъ — все. И способъ своего чтенія примѣнилъ онъ и къ джемперу — вотъ почему этотъ джемперъ у него такой безконечный, и въ результатѣ такъ мало вырабатываетъ: другой на его мѣстѣ за тотъ же срокъ три свяжетъ, а онъ и одинъ — до половины еле-еле. А читаетъ онъ не только глазами, какъ это принято, а переговариваетъ — такъ читаютъ иностранныя книги не владѣющіе языкомъ — каждое слово на языкъ беретъ и губами перемалываетъ; книга для него, какъ партитура для музыканта. И любитъ докапываться до самыхъ «хвостиковъ», говоря словами Гоголя.

Мнѣ запомнилось его замѣчаніе въ разговорѣ съ Корнетовымъ о знаменитой «Пушкинской рѣчи» Достоевскаго.

«Вы думаете, такъ взволнованно говорилъ Достоевскій о Пушкинѣ... ничего подобнаго: о себѣ и только о себѣ. А о Пушкинѣ или ничего не говорящее: «Пушкинъ явленіе пророческое, потому что въ его появленіи заключается нѣчто безспорно пророческое»; или провинціальнѣйшую ерунду о какомъ-то чудеснѣйшемъ «дарѣ перевоплощенія въ душу чужого народа», — о какомъ-то исключительномъ

дарѣ, какого даже и у Шекспира не было — — да позвольте замѣтить, что и ни у кого не было, и кто-жъ это не знаетъ, а лучше всѣхъ самъ Достоевскій: никакого перевоплощенія нѣтъ и быть не можетъ, а пущено для краснаго словца критиками для невзыскательнаго читателя. Но главное, и объ этомъ всѣ уши прожужжали: восторгъ Достоевскаго передъ Пушкинской Татьяной: Татьяна — идеалъ русской женщины, и восхищеніе ея вѣрностью. Очень вамъ благодаренъ. Точно всѣ забыли «Дядюшкинъ сонъ»? Съ 1859 года, правда, много ıрошло. Или не читали? Татьяна — «настоящая русская женщина», «типъ положительной красоты», «апоѳеозъ русской женщины», «благороднымъ инстинктомъ она чуетъ правду и знаетъ, гдѣ ее искать» (слово въ слово откуда-нибудь изъ Писемскаго, изъ «Старческаго грѣха» или «Людей сороковыхъ годовъ!»)... и, вспомнивъ свою Лизу изъ «Записокъ изъ подполья»: «вотъ еще Лиза... въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», — сказалъ Достоевскій. И Тургеневъ, принявшій эту вырвавшуюся Лизу за свою изъ «Дворянскаго», даже прослезился. А Достоевскій перешелъ къ Онѣгину и Татьянѣ: Достоевскій вдругъ перевоплотился въ свою краснорѣчивую Марью Александровну Москалеву, а можетъ и «Взбаломученное море» вспомнилъ и «Тюфякъ» Писемскаго... Пронзительная мамаша бобы разводитъ, а слушатели уши развѣсили. Выйти замужъ безъ любви, любя другого, «для матери» — — да прочитайте вы «Дядюшкинъ сонъ», тамъ все, всѣ доводы до «прекраснаго и высокаго», ну, конечно, и «угрожающая нищета» не была забыта, «по міру пойдемъ, если...», всѣ раздирающія слова — «единственное спасеніе», и что, отказавшись, «ты убьешь мать» — — и Татьяна согласилась, а вѣдь это же самая настоящая проституція — вѣдь это Соня Мармеладова. И я увѣренъ, что въ петербургскомъ генеральскомъ домѣ гдѣ-нибудь на Англійской набережной, на бархатѣ, «удобно», подъ какой-нибудь горностаевой мантильей Татьяна вздрагивала, какъ Соня подъ своимъ «семейнымъ зеленымъ платкомъ», и, какъ у другой Сони — Писемскаго, на утро, послѣ брачной ночи тряслась голова и рука. И потомъ встрѣча на «шумномъ балѣ», Онѣгинъ у колонны... и этотъ знаменитый стихъ, потрясшій наивныхъ слушателей — «но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Такъ всѣ и ахнули: какая невообразимая вѣрность! Еще разъ очень вамъ благодаренъ. Или забыли «Записки изъ подполья»? Съ 1864 года прошло тоже не такъ мало. Или не читали? Тамъ

эта вѣрность по-другому называется... есть, видите-ли, извѣстныя обязательства передъ хозяйкой дома, долгъ вѣрности «публичному дому» и еще — и на это нѣтъ ни письменныхъ, ни устныхъ условій, это само собой, съ ночами вырабатывается, это — «вынутость воли», «опустошеніе», человѣкъ сживается со своей неволей. И пусть послѣ свиданія съ Онѣгинымъ, все вспомнивъ, Татьяна издрожится, а не «посмѣетъ». И не въ словахъ дѣло — «прекрасныя и высокія» употребляются человѣкомъ столько, что въ бумажки превратились, и самыя «высокія и прекрасныя» въ руки взять, запачкаешься. Но въ чемъ же дѣло? откуда эта взволнованность? Да очень просто и ясно: Достоевскій хотѣлъ сказать и всѣми словами сказалъ: идеалъ русской женщины — «жертва». И Тургеневская Лиза не при чемъ: Тургеневская Лиза никакой жертвы никому не приноситъ, Тургеневская Лиза — «с-миреніе»: чтобы подняться духовно, надо смирить свои чувства. Тургеневъ прослезился не во время, ему надо было растрогаться при словѣ Достоевскаго: «смирись гордый человѣкъ», — вѣдь единственный понялъ и выразилъ, что такое «отреченіе» — Тургеневъ. Но причемъ тутъ Пушкинъ? Впрочемъ, такъ это и полагается: самое завѣтное никогда не говорится отъ «я», а всегда въ третьемъ лицѣ — такова форма публичной исповѣди, потому что, по Достоевскому же, «въ первомъ все это стыдно разсказывать».

Я это упоминаю, чтобы дать хоть какое-нибудь представленіе о Куковниковѣ. Могу и еще привести примѣръ, тоже книжный. Книга для Куковникова все.

Куковниковъ пришелъ къ Корнетову въ воскресенье въ баснописномъ ударѣ — «по причинѣ хорошей погоды»: всѣ книжники зябкіе и жалкіе, а чуть выдастся теплый день, и обращаются они во львовъ со всѣмъ неистовствомъ своего согрѣтаго, теперь оттаявшаго, а въ стужу отвердѣлаго, воображенія, и при всей своей органической неподвижности легко заносятся, готовые къ кругосвѣтному путешествію и полету въ стратосферу. Этимъ грѣхомъ грѣшилъ Корнетовъ и не даромъ любимымъ его чтеніемъ были путешествія и географія. Куковниковъ всегда носитъ Корнетову чего-нибудь къ чаю, — такъ повелось еще съ Петербурга.

— На сей разъ, — сказалъ Куковниковъ, — я вамъ принесъ изъ Ходасевича, — и подалъ Корнетову газетную вырѣзку:

«... въ стихотвореніи «Буря» Пушкинъ написалъ и напечаталъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 7-ой стихъ въ такомъ видѣ: «И вѣтеръ воилъ и леталъ». Эта форма понынѣ считается «ошибочной». На эту «ошибку» тогда же указали и Пушкину (кажется, указалъ Фаддей Булгаринъ), и стихъ былъ передѣланъ: «И вѣтеръ бился и леталъ».

А на мое недоумѣніе, почему «воилъ» неправильно, а «вылъ» правильно, Куковниковъ сказалъ:

— Есть глаголъ «воить-воилъ» и есть глаголъ «выть-вылъ». Обѣ формы имѣли одинаковое обращеніе въ Россіи, употребляются и теперь въ С. С. С. Р. Въ литературѣ привилось «выть-вылъ», и потому эта форма называется «литературною», а «воить-воилъ», областною. Но вотъ былъ, оказывается, случай, когда и эта областная форма могла стать литературною, и всѣ говорили бы и писали бы, смотря по надобности и «воить» и «выть». И это могъ бы сдѣлать Пушкинъ. Пушкинъ и написалъ и совершенно правильно — «и вѣтеръ воилъ и леталъ», и натолкнулся на грамматику — грамматика дѣло почтенное, но какъ часто попадаетъ она въ руки тупицъ: «воилъ,—сказалъ грамматикъ, — употреблять нельзя, слово не литературное, ошибка!» Будь Пушкинъ твердъ въ русскомъ языкѣ, да онъ и разговаривать не сталъ бы съ этой безухой трухлой, но откуда могла быть у Пушкина твердость? — и онъ повѣрилъ: ошибка! — и свое звучное «воилъ» замѣнилъ нѣмымъ «бился». Пушкинъ могъ никогда не слыхать формы «воить», а какъ дѣти, по чутью языка, непосредственно изъ «выть» сложилъ «воилъ», а дѣти всегда такъ скажутъ.

Куковниковъ любитъ стихи. И не можетъ слышать, когда читаютъ актеры.

— Актеры, — говоритъ онъ, — относятся къ стихамъ по-смердяковски. Актеръ, читающій стихи, какъ прозу, нарушая ритмъ стиха и тѣмъ самымъ на замыкая риѳмы, не можетъ не повторить за Смердяковымъ: «стихи вздоръ; это чтобы стихъ, то это существенный вздоръ; кто же на свѣтѣ въ риѳму говоритъ? и если бы мы стали въ риѳмы говорить, хотя бы даже по приказанію начальства, то много ли бы мы насказали? стихи не дѣло».

И еще позвольте привести изъ литературныхъ опытовъ Куковникова — рукопись хранится у Корнетова, «впечатлѣнія на лекціи Ивана Александровича Ильина». Напечатать не удалось, а теперь не-

чего и думать: редакторъ скажетъ, что «будетъ вовсе непонятно, почему молчали, почему вдругъ заговорили!» — есть такой паскудный отводъ: когда молчатъ, это ничего, а если, хоть и съ запозданіемъ, вспомнить и тѣмъ исправить литературную подлость, самую подлую, какая только есть, «замалчиваніе», это неудобно: «что скажутъ?» А все равно скажутъ, я скажу: всѣ редактора безсовѣстные! А «впечатлѣнія» Куковникова очень для него характерныя: въ нихъ его любовь и оцѣнка слова; а называются «слововѣдѣніе»:

> «Въ эмиграціи есть два Ильина и оба профессора, и ихъ никакъ не слѣдуетъ путать: про одного говорятъ, что это тотъ самый, что на «Шестодневѣ», Владимиръ Николаевичъ, Парижскій; про другого — на «Гегелѣ», Иванъ Александровичъ, Берлинскій. Я имѣю въ виду того, который на Гегелѣ, его лекцію о «національномъ характерѣ». Предсѣдатель, запутавшійся въ безконечно-малыхъ, представилъ аудиторіи Ивана Александровича — Арсеньевымъ: «слово принадлежитъ Ивану Александровичу Арсеньеву». И это произвело потрясающее впечатлѣніе: одни поняли такъ, что у Ивана Александровича есть псевдонимъ — «Арсеньевъ», другіе же, что попали не въ ту аудиторію, а третьи, у нихъ-то и было самое жуткое — передъ ними на кафедрѣ стоялъ Иванъ Александровичъ Ильинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же былъ и Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ или, какъ увѣряли потомъ... Николай Николаевичъ Алексѣевъ. И было такое, какъ во снѣ снится, расчлененіе зрѣнія. Такъ безъ всякихъ опроверженій прочитана была лекція въ двухъ частяхъ съ перерывомъ. Та часть лекціи — географическая — «Россія есть игра природы», показалась слушателямъ слишкомъ общедоступной, «на дурака», а отъ себя скажу, что «дуракъ» не причемъ, а что «рѣкой» человѣческую душу не измѣришь, и ни «лѣсъ», ни «гора» не оградятъ ее, и «моремъ» она не раздѣляется. О другой же части лекціи — «словесной» ничего не говорилось — не по ушамъ. И эта часть, оставшаяся безъ вниманія, по своимъ словеснымъ сочетаніямъ сложнѣйшей конструкціи, была истиннымъ наслажденіемъ для любителей слововѣдѣнія.

Сравнить ее можно съ видѣніемъ князя Андрея изъ «Войны и мира»: «...князь Андрей услыхалъ какой-то тихій шепчущій голосъ, неумолкаемо въ тактъ твердившій: «пити-пити-пити» и потомъ «и ти-ти», и опять «и пити-пити-пити», и опять «и ти-ти». Вмѣстѣ съ этимъ, подъ звукъ этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовалъ, что надъ лицомъ его, надъ самой серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное зданіе изъ тонкихъ иголокъ и лучинокъ. Онъ чувствовалъ, что ему надо было старательно держать равновѣсіе для того, чтобы воздвигавшееся зданіе это не завалилось; но оно все-таки заваливалось и опять медленно воздвигалось при звукахъ равномѣрно шепчущей музыки — — — Вмѣстѣ съ прислушиваніемъ къ шопоту и съ ощущеніемъ этого тянущагося и воздвигающагося зданія изъ иголокъ князь Андрей видѣлъ урывками и красный окруженный свѣтъ свѣчи и слышалъ шуршанье тараканов и шуршанье мухи, бившейся на подушкѣ и на лицѣ его. И всякій разъ, какъ муха прикасалась къ его лицу, она производила жгучее ощущеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ его удивляло то, что, ударяясь въ самую область воздвигавшагося на лицѣ его зданія, муха не разрушала его. Но кромѣ этого, было еще одно важное. Это было бѣлое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его». Да, это былъ подлинный словесный гнозисъ, покорившій рѣдкихъ, но внимательнѣйшихъ слушателей, расходившихся съ «Арсеньева» въ сырую, какъ осень, непривѣтливую, по календарю весеннюю, парижскую ночь».

Ничего такъ не цѣнилъ Куковниковъ, какъ слово. Въ этомъ была его страсть и его сокровище. Когда объявили борьбу съ «денаціонализаціей» и «противъ утраты русскими дѣтьми духа русской народности», и когда стали печататься отклики авторитетнѣйшихъ писателей, Куковниковъ пришелъ въ уныніе.

Одинъ изъ писателей предлагалъ, перечисляя «больныя слова», выбросить и слово «утихомирить», означающее «утишить» (тихо сдѣлать) — «умиротворить» (помирить) — «устроить», какъ несураз-

ное и втершееся, происходящее не иначе, какъ отъ фамиліи «Тихомировъ». Другой не меньшій знатокъ, ссылаясь на «слухъ», объявилъ, что «садить цвѣты» нельзя, а надо «сажать», а людей въ тюрьму надо «садить», а не «сажать», хотя испоконъ вѣку по слуху, т. е. по чутью языка, всегда говорится «садилъ садъ», «садить огурцы», а въ тюрьму на русской землѣ всегда «сажали» (и «посадили» и «засадили»), но никогда не «садили» — «нѣмчина не сажати въ погребъ Новѣгородѣ» — такъ съ XII вѣка (Мир. грам. Новг. 1199 г.).

— Мнѣ споръ этихъ книгоѣдовъ напомнилъ, — сказалъ Куковниковъ, — когда-то въ «Русскомъ Богатствѣ» Михайловскій по поводу языка Петра Бернгардовича Струве разсказалъ анекдотъ о встрѣчѣ двухъ нѣмцевъ: одинъ говоритъ: «я только что стригнулся», а другой его поправилъ: «неправильно, надо говорить стриговался».

**
*

Корнетовъ предупреждалъ: если я застану Куковникова за работой, дѣло мое пропало — пока не кончитъ своего вязальнаго урока, подступиться къ нему невозможно.

— Помните, какъ жили мы въ Кербелекѣ, — сказалъ Корнетовъ, — а передъ нашимъ окномъ одинъ «bon homme »пропахивалъ виноградникъ: tiouk-tiouk-tiouk — nom-de-Diou, mais... luïo (и раза два кашлянувъ) ouau! (остановка) и опять «тьюкъ-тьюкъ-тьюкъ». Такъ и Куковниковъ со своимъ джемперомъ.

Къ моему счастью Куковниковъ, какъ разъ, окончивъ работу, пилъ чай съ баранками «въ тишинѣ и радостно».

— Всякій день Бога благодарю за баранки, — сказалъ Куковниковъ, — ужъ думалъ къ здѣшнему пріучиться, и ничего, но и удовольствія никакого не было, и вдругъ чудеснымъ образомъ объявились.

Я зналъ отъ Корнетова эту его слабость — баранки. Куковниковъ питался овсянкой и эти баранки съ чаемъ. Случалось и такія, что и ножомъ не возьмешь и безъ молотка не обойдешься, по каменности превосходящія всякія сухари, — ихъ называлъ Куковниковъ «петровскія», подразумѣвая давность — петровское время, а вовсе не Петра Петровича Сувчинскаго, какъ утверждалъ мошенникъ

Козлокъ, дуря надъ дураками. И еще любилъ Куковниковъ чаю попить съ вареньемъ: лѣсная земляника или малиновое, но это бывало только по большимъ праздникамъ.

Корнетовъ досталъ у «Рами» земляничнаго варенья. Передавъ Корнетовскій гостинецъ, я, ничего не говоря, раскрылъ «Мысли» съ животрепещущимъ вопросамъ «для кого писать», и на этотъ разъ благополучно — не Поплавскаго, а ту самую, какую нужно.

— Сейчасъ, — сказалъ Куковниковъ, — я вамъ изъ Гоголя.

А я вынулъ и держалъ наготовѣ карандашъ и бумагу.

— Помните о дамахъ, требующихъ героя «безъ пятнышка?» Это по поводу «Мертвыхъ душъ». Вотъ отвѣтъ Гоголя: «онъ (авторъ) не имѣетъ обыкновенія смотрѣть по сторонамъ, когда пишетъ. Если и подыметъ глаза, то развѣ только на висящіе передъ нимъ портреты Шекспира, Аріосто, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразившихъ природу таковою, какъ она была, а не какою угодно было нѣкоторымъ, чтобы была». Или вотъ еще отзывъ Гоголя о «Вечерахъ», которые онъ называлъ «поросенкомъ» и видѣлъ въ нихъ лишь «хвостики» своего душевнаго состоянія. Но я скажу въ «Вечерахъ» — «корни», весь Гоголь до своего рокового конца — до той «черствости», которую почувствовалъ и объявилъ себя «оглашеннымъ», до своей «угольной черноты», на которую жаловался Оптинскимъ старцамъ или, говоря словами Брюсова, до своей «испепеленности», обреченный сгорѣть, какъ Петро въ «Майской ночи» или какъ псарь въ «Віи». «На меня находили припадки тоски, — говоритъ Гоголь, — мнѣ самому необъяснимой... чтобы развлекать себя самого я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не забоотясь о томъ, зачѣмъ это, и кому отъ этого выйдетъ какая польза».

Гоголемъ вышелъ я отъ Куковникова.

ЛГАТЬ.

«Языкъ на то и данъ человѣку, чтобы лгать»... Вдохновительница лжи — сама чудеснѣйшая природа. Сколько ни есть охотничьихъ разсказовъ изустныхъ и печатныхъ — первое тому и неопровер-

жимое свидѣтельство. Литературный родоначальникъ лжи — Фальстафъ. А за Шекспиромъ врутъ у Гоголя, у Достоевскаго и у Писемскаго. Вретъ въ «Ревизорѣ» Хлестаковъ и въ «Мертвыхъ душахъ» Ноздревъ съ точнѣйшими подробностями, которыя, утончаясь, «теряютъ всякое подобіе правды и даже просто ни на что не имѣютъ подобія». Вретъ въ «Идіотѣ» Достоевскаго генералъ Иволгинъ со своей болонкой, пажъ Наполеона. Вретъ Антонъ Ѳедотычъ Ступицынъ у Писемскаго въ «Бракѣ по страсти» и «Русскихъ лгунахъ» со своимъ паркетомъ, на которомъ изображено Бородинское сраженіе, а ему вторитъ Коробовъ со своимъ будильникомъ, который будитъ не трескотней, а выкрикиваетъ человѣческимъ голосомъ: «вставайте! вставайте!» да еще съ прибавленіемъ: «вставайте, Клеопатра Григорьевна!» — называя по имени мать Коробову. И во всей этой лжи, начиная отъ Фальстафа до «Клеопатра Григорьевна, вставайте» человѣкъ разсказываетъ о никогда не бывшемъ, а лишь желаемомъ, какъ о происшедшемъ на самомъ дѣлѣ или «сбыточныя и обыкновенныя вещи, но только они съ нимъ не случились и не могли случиться» — вѣдь и «паркетъ» и «будильникъ» пріобрѣтены по случаю, когда «водились свободныя деньги», которыхъ никогда не было ни у Ступицына, ни у Коробова. И разсказъ ведется никогда не безразлично, такъ какъ въ природѣ самой лжи — огонь и опьяненіе: лгуны всегда заносятся, всегда горячатся, а мелкіе врунишки улыбаются. Къ этому разряду лжи относится всякая реклама изустная въ громкоговоритель и печатная на роскошной бумагѣ, реклама торгово-промышленная, банковская, политическая и литературная отъ дружественныхъ отзывовъ о книгахъ и театрѣ до побившихъ рекордъ иллюстрированныхъ отечественныхъ «Нашихъ достиженій» съ эйфелеобразными Маниловскими бельведерами и улыбающимся заключеннымъ въ Соловкахъ.

Есть чисто женская ложь и всегда о любви, эта ложь для украшенія бѣдной или несчастной жизни — вретъ Мавра Исаевна, тетка Писемскаго, въ «Русскихъ лгунахъ», вретъ Настя въ «На днѣ»; и кто не встрѣчалъ женщинъ, для которыхъ два вашихъ безразлично сказанныхъ слова получаютъ глубокое значеніе, и вы непремѣнно попадаете въ число влюбленныхъ, а вашъ случайный взглядъ будетъ жить для нея, какъ — «какъ онъ на меня смотрѣлъ!» Есть женская

ложь общая съ мужской, ложь всякихъ пролазъ для достиженія своихъ цѣлей. А есть и еще ложь — «человѣкъ лжетъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ» и — — «тѣломъ», эта ложь любовныхъ исторій, слова въ которыхъ такъ однообразны и пріемы не оригинальны, что имъ можетъ повѣрить или ребенокъ или дуракъ; кто не зналъ дамъ, увѣрявшихъ каждаго изъ своихъ поклонниковъ, что онъ первый, а она до него сохраняла невинность! Но и самыя затертыя слова и самыя невѣроятныя по наивности объясненія въ этихъ исторіяхъ убѣдительнѣе всякихъ искусныхъ и хитрыхъ словъ: такъ велико обаяніе и чары — нѣмая ложь тѣла. Въ литературѣ неисчерпаемый перечень всякихъ комедій, водевилей, фарсовъ съ веселымъ окончаніемъ и насмѣшкой надъ одураченнымъ героемъ, но бываетъ и съ трагическимъ концомъ: разсказъ Леонида Андреева «Ложь».

«Залѣсный аптекарь» Семенъ Петровичъ Судокъ вралъ, какъ художиикъ, — его ложь была безкорыстной игрой: вѣдь признакъ художественности и есть «не для чего», «само собой» и «для себя». Судокъ носилъ парикъ — а гдѣ вы теперь увидите парикъ, развѣ на сценѣ! — и носилъ онъ парикъ не для форса, чтобы молодиться, а по какимъ-то причинамъ, болѣе глубокимъ и уважительнымъ — пронырливый и всезнающій Козлокъ несъ не вѣсть что.

Только потому, что я всегда былъ внѣ литературнаго и книжнаго круга, я не зналъ, что такое «залѣсный аптекарь» и о таинственныхъ подробностяхъ съ парикомъ пропустилъ мимо ушей, и вотъ почему однажды — не хочется вспоминать стараго! — я такъ довѣрчиво попался на его удочку, и на собственномъ опытѣ знаю его аптекарскія замашки и увѣренъ, что не иначе, какъ рогатый.

«Ничего не подѣлаешь, надо принимать жизнь такою, какъ она есть, — сказалъ Корнетовъ, — а вонъ Семенъ Петровичъ съ этимъ никогда не согласится: вся его жизнь — сплошная выдумка».

Судокъ былъ авторомъ берлинскаго «Цвофирзона». И этотъ «Цвофирзонъ» (Zwovierson) — «свободное философское содружество» можно разсматривать, какъ образецъ его литературныхъ упражненій: ни слова правды. Два года (1921-1923) мутилъ Судокъ

этимъ цвофирзономъ русскій Берлинъ, въ тѣ годы самую многочисленную эмигрантскую колонію. По его милости возникла нашумѣвшая полемика между «Рулемъ» и смѣновѣховскимъ «Наканунѣ»: обѣ враждующія газеты были введены въ заблужденіе его вымышленными литературными сообщеніями, появившимися тоже по недоразумѣнію въ третьей берлинской газетѣ съ перемѣннымъ названіемъ. Былъ затронутъ и аристократическій Парижъ, тогда съ высокой валютой; изъ парижанъ въ аптекарскомъ «Цвофирзонѣ» принималъ дѣятельное участіе Левъ Шестовъ, на самомъ дѣлѣ не имѣвшій никакого отношенія ни къ «аптекарю», ни къ его художественной затѣѣ. Разсказывали, что Шестовъ, наконецъ, рѣшился было напечатать опроверженіе, но къ великому своему изумленію узналъ въ одной изъ парижскихъ редакцій, что опроверженіе уже напечатано, и, какъ впослѣдствіи выяснилось, такое опроверженіе входило въ выдумку Судока. Не осталась и Рига безъ отклика: не вымышленный, а дѣйствительный Петръ Моисеевичъ Пильскій письмомъ въ редакцію отказывался отъ какого-то измышленнаго Судокомъ Петра Прокопова, выдававшаго себя за ученика Пильскаго по Петербургской школѣ журнализма. Два Берлинскихъ инфляціонныхъ года, если судить по информаціи Судока, представляли необычайно кипучую дѣятельность въ искусствѣ и литературѣ, или вообще говоря, на культурномъ фронтѣ: русскій Берлинъ, если еще не превратился, то былъ наканунѣ превращенія въ Афины, а до сихъ поръ не засыпанный ровъ Е. Д. Кусковой не только сравнялся, а еще, какъ память, цвѣлъ цвѣточной клумбой — хлестаковскими курьерами летали изъ Россіи въ Берлинъ и изъ Берлина въ Россію художники, писатели, ученые и музыканты. Стабилизація марки разбила всѣ мечты и планы Судока. И съ «Берлинской волной» Судокъ перекочевалъ въ Парижъ. (Мы пріѣхали вмѣстѣ — 7 ноября 1923 г., держу въ памяти для картъ-дидантитэ). Но этотъ Парижъ ничего не имѣлъ общаго съ тогдашнимъ Берлиномъ: инфляціонный Берлинъ, связанный съ живой Россіей и по свѣжимъ воспоминаніямъ выѣхавшихъ заграницу и по общенію съ пріѣзжающими изъ Росіи, былъ столицей, Парижъ же, теперь не высокой валюты, принявшій въ себя такія двѣ разныя волны, какъ Константинопольская, память которой держалась на «гражданской войнѣ», и эта наша Берлинская, пережившая всю революцію въ Москвѣ или въ Петербургѣ до нэпа, становился провинціальнѣйшимъ горо-

домъ русскаго «стомилліона». И съ каждымъ «бѣженскимъ» годомъ или съ каждымъ годомъ «въ изгнаніи», какъ любятъ выражаться никогда никѣмъ не изгнанные, явившіеся за-границу съ разрѣшенія и даже въ командировку, провинціальный духъ концентрируется, проникая душу русскаго парижанина. Все, что есть характернаго для провинціала, съ годами распустилось въ русскомъ «стомилліонномъ» Парижѣ, въ самомъ совершенномъ видѣ. И развѣ это не провинція: выпуская книгу, пишутъ предисловіе, заявляя, что предлагаемый разсказъ, написанный отъ «я», совсѣмъ не надо понимать, что авторъ описываетъ себя, свою жизнь; или, скажу про себя, ничего нельзя написать изъ нашего житья-бытья, непремѣнно найдется кто-нибудь, кто узнаетъ себя, и бывали случаи, что отказывали печатать и возвращали рукопись «изъ-за личныхъ намековъ» — ну, скажите, пожалуйста, точно, напр., разстройство желудка такая ужъ индивидуальная болѣзнь? И хотя я печатно заявлялъ и еще разъ заявляю, что я, какъ и всякій писатель, подчеркиваю писатель, а не описатель, пишу только и только о себѣ, свое и о своемъ, — подите, сговоритесь! Впрочемъ, что такое провинціалъ, лучше не скажешь, чѣмъ Достоевскій:

«Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ, — говоритъ Достоевскій, — доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ бы быть психологомъ и сердцевѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи вмѣсто психологовъ и сердцевѣдовъ, чрезвычайно много ословъ».

Всѣмъ памятна исторія съ Грѣшищевымъ и Очкасовымъ — имена, взятыя Судокомъ изъ старинныхъ документовъ. Эти почтенные люди — подъячій Өедоръ Грѣшищевъ (1707 г.) и дьякъ Өедоръ Очкасовъ (1653 г.), по сообщенію Судока появились въ Парижѣ и организовываютъ фантастическое книгоиздательство: отъ справочниковъ до всевозможныхъ энциклопедій, полныхъ собраній классиковъ и уже приступили къ переизданію Словаря Даля и Макарьевскихъ Че-

тій-миней. Прочитавшіе замѣтку, «вѣстовщики» немедленно объявили, ссылаясь на точнѣйшія и вѣрныя свѣдѣнія, что Грѣшищевъ и Очкасовъ подосланы большевиками или просто извѣстные большевики; писателей предупреждали не участвовать въ ихъ журналѣ, — я забылъ сказать, что Грѣшищевъ и Очкасовъ собирались и журналъ издавать по типу «Современныхъ Записокъ» — а не-писателей остерегали: не знакомиться. Въ Парижѣ трудно было развернуться Судоку: а и въ правду при такомъ всепроникающемъ глазѣ лучше помалкивать. Между тѣмъ и редакціи газетъ, давно подозрѣвавшія Судока въ шельмовствѣ и надувательствѣ, перестали печатать его информацію, даже самую невиннѣйшую и правдоподобную, а это случилось, послѣ вымышленнаго сообщенія о новомъ парижскомъ журналѣ «Щипцы»: обидѣлись литературныя дамы. Пробовалъ Судокъ черезъ третьихъ лицъ и не своимъ почеркомъ, но «аптекарскій» стиль выдавалъ его. И я могу точнѣйшимъ образомъ засвидѣтельствовать, со словъ Корнетова, что появившаяся въ рижскомъ иллюстрированномъ «Огонькѣ» фотографія, сдѣланная яко бы въ день чествованія нашего знаменитаго поэта по случаю тридцатипятилѣтія его литературной дѣятельности: «маститый поэтъ въ кругу своихъ почитателей»», а «Огонекъ» съ этой фотографіей, на которой изображенныя лица ничего не имѣли общаго съ подписью, въ томъ числѣ и то лицо, которое представляло юбиляра, пришелъ въ Парижъ какъ-разъ въ день чествованія, — дѣло рукъ вовсе не Судока, а его послѣдователей и подражателей. Или это правда, что нѣтъ ничего заразительнѣе, чѣмъ ложь? Все, конечно, свалили на Судока. И съ этой юбилейной подложной фотографіей кончилась его парижская дѣятельность. Говорили, что, извѣрившись въ Парижъ или точнѣе потерявъ довѣріе Парижа, перенесъ онъ свою «аптекарскую» дѣятельность за Океанъ и упражнялся въ американскихъ изданіяхъ. Но этого я не могу утверждать; возможно, что и тутъ опять какіе-нибудь послѣдователи и подражатели: ложь и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно заразительна.

Отправляя меня къ Судоку, Корнетовъ предупредилъ, что не надо носить никакихъ баранокъ, ни земляничнаго варенья, а что лучшаго ничего я не придумаю, чтобы задобрить Судока, если разскажу ему какую-нибудь литературную небылицу.

— Ну, скажите, что въ «Россіи» появится критическая статья о «Числахъ».

Но я еще только входилъ въ литературный кругъ и не могъ понять, въ чемъ тутъ небылица: я еще не зналъ никакихъ литературныхъ мерзостей, въ родѣ бойкота — или замалчиванія, широко практикующагося въ эмигрантской печати. И я пошелъ къ «залѣсному аптекарю» съ пустыми руками и... ключомъ на языкѣ.

***

Съ неудачнаго и скандальнаго прошлогодняго моего «юнера», я боюсь Судока. Вѣдь это его мошеннческій «планъ» привелъ меня вмѣсто профессора Сушилова къ Козлоку. Я не вѣрю ни одному слову. И никакъ не пойму, въ чемъ секретъ его обмана — вѣдь всѣ знаютъ и всякій разъ попадаются! — и чего его тянетъ измываться надъ людьми? Игра ли тутъ какая: сочинивъ невѣроятный «слухъ» или «событіе», онъ радовался больше того, кому вѣроломно выдавалъ за истинное происшествіе. Или въ этомъ удовольствіе — видѣть другого человѣка пораженнымъ и растерявшимся — вѣдь сообщенія Судока всегда сенсаціонныя?

Когда въ газетахъ сообщается о какихъ-нибудь сенсаціонныхъ событіяхъ, которыя завтра же будутъ опровергнуты, а бываетъ, что и въ томъ же самомъ номерѣ на слѣдующей страницѣ, какъ это было съ отреченіемъ Альфонса въ пользу Хуана, тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, дѣло житейское и въ газетномъ обиходѣ извѣстное, а называется «стрѣльнуть». Или, какъ это раньше бывало съ корреспонденціями изъ СССР, которыя сочинялись даже и не въ Ригѣ, куда проникали обреченные смѣльчаки на «активной платформѣ», нѣтъ, а все тутъ же въ Парижѣ или подъ Парижемъ. И это понятно: надо же какъ-нибудь выбиваться — жизнь наша отчаянная! — вѣдь это то же, что «организаціонные» расходы въ любомъ предпріятіи. Но какое-нибудь письмо изъ СССР, заканчивающееся «мы васъ ждемъ» — тутъ дѣло не въ кормѣ и стрѣлять нечего, тутъ безкорыстнѣйшее мошенничество или, какъ хотите, называйте, но дѣло чисто — ради самого безобразія. Судокъ игралъ въ свои выдумки, какъ дѣти въ игрушки, и чѣмъ больше выдумывалось, тѣмъ сильнѣе разгоралась охота: выдумывать его страсть. Это была Гоголевская черта — Гоголь выдумалъ себѣ всю свою жизнь и ни одно его признаніе нельзя принимать за чистую монету, и Судокъ вралъ, только безъ Гоголевскаго

таланта, и ужъ безъ всякаго примѣненія, не считать же въ самомъ дѣлѣ информацію, при напечатаніи которой онъ всегда радовался, какъ въ первый разъ напечатавшійся. А такъ какъ эта его сочинительская страсть не поощрялась, а заглушить ее все-таки ничѣмъ не заглушишь — не вѣрю я, когда говорятъ, «загубили талантъ»! — онъ радовался и всякому дураку, который, какъ я, развѣся уши, могъ выслушивать его вздоръ и небылицы.

Судокъ мнѣ очень обрадовался. Я это сразу почувствовалъ. Онъ точно только и ждалъ меня, чтобы всласть насытить свое плутовское воображеніе и безотвѣтственно обмануть. Но я, ужъ разъ ожегшись на его совѣтахъ, держался на сторожѣ. Я все-таки думалъ, что ему будетъ совѣстно за его «генеральные штабы», легко и просто безо всякой консьержки приводящіе прямо — къ мошеннику Козлоку*).

Судокъ только что проводилъ своего пріятеля Monsieur Piedplat. Я убѣжденъ, что этотъ Пьепля былъ такой же перецъ и, конечно, самый настоящій «стрѣлокъ» или по словамъ Судока, «голова» (un bonzig) который можетъ использовать всякую «дрянь» (le megot) и «зашибить кушъ» (le peze): большая иностранная пресса только и держится такой «информаціей», а поставщики сенсацій въ большой цѣнѣ.

На этотъ разъ Судокъ называлъ меня иронически «сокровищемъ» (mon lustic). Онъ былъ подъ обаяніемъ своего французскаго друга, вставлялъ французскія слова; въ его голосѣ звучало добродушіе; и все-таки выходило такъ, что не онъ мнѣ, а я ему чѣмъ-то насолилъ — удивительная наглость! И такой оборотъ меня забезпокоилъ, но, вспомнивъ наказъ Корнетова не вступать въ пререканія — сердце у Судока подымчиво, а по басенному «рубитъ лорь играть», я, скрѣпя сердце, раскрылъ «Мысли» и показалъ животрепещущій вопросъ; «для кого писать»?

Судокъ смотрѣлъ на меня насмѣшливыми глазами: онъ явно издѣвался надо мной. Мнѣ это показалось очень обиднымъ.

— Толстой требовалъ и отъ себя и отъ другихъ, чтобы писали для всѣхъ, для большинства, для массы и какъ можно проще и понятнѣй! — не вытерпѣлъ я и выскочилъ съ Толстымъ.

---

*) Похожденія Полетаева по знаменитостямъ: «юнеръ» — напечатанъ въ «Сатириконѣ», Парижъ, 1931 г. № 20 и № 21 (15 VIII-22 VIII). Редакторъ, не заплативъ гонораръ, скрылся безвѣстно..

— Не всякую строку въ лыко, — скороговоркой сказалъ Судокъ, передавая мнѣ книгу, — что жъ, что Толстой! Говорить все можно. А Толстому и надо. «Всѣ, большинство, масса»! — болѣе неопредѣленнаго и перемѣнчиваго поискать, не найдешь: въ Парижѣ «всѣ», т. е. улица одно, въ Шанхаѣ другое, въ Москвѣ третье. Пялить глаза на всѣхъ, глаза потеряешь. Впрочемъ, у Достоевскаго хорошо сказано: пялить-то часто нечего и при всемъ желаніи, потому что «не видятъ и вовсе не увидятъ — нечѣмъ видѣть». А Толстому было чѣмъ смотрѣть и онъ видѣлъ. Толстой черкалъ и перечеркивалъ цѣлыя страницы — и не зрячесть же «всѣхъ» этихъ «московскихъ читателей» толкала его руку — Толстой добивался ясно и отчетливо выразить свои мысли. А говорить можно все, что угодно. А Толстому и надо. Толстой, освобождаясь отъ «предразсудковъ», разложилъ литургію и очистилъ отъ «чудеснаго элемента» евангельскіе разсказы и написалъ «чудеснѣйшій» разсказъ «Хозяинъ и Работникъ» и не менѣе чудесную сказку о «Трехъ старцахъ». Зря было божественныя чудеса вычеркивать и разоблачать таинства, а вотъ, подите жъ, для чего-то понадобилось! Смердяковъ говоритъ о «Вечерахъ Гоголя»: «про неправду написано». Совершенно вѣрно. Только два писателя и писали про «неправду»: Гоголь и Толстой. А Достоевскій — только правду... «отъ гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...» и никакого обмана, никакой тайны обмана, вы не понимаете? Ну какая же это «правда» — Гоголевскій полетъ на вѣдьмѣ или разговоръ съ человѣческой душой или этотъ Толстовскій окликающій голосъ «Хозяина» или свѣтъ въ концѣ дыры, куда проваливается Иванъ Ильичъ? Толстой самый крѣпкій и самый «неправдашный» и самый изъ всѣхъ вѣрующій. И покорилъ-то онъ «всѣхъ», «большинство», «массу» своей этой крѣпостью и ни съ чѣмъ несравнимой вѣрой въ чудодѣйственость человѣка, въ которомъ и свѣтъ... а на вашъ вопросъ вотъ вамъ отвѣтъ изъ Достоевскаго: «если такое чувство (жажда славы) сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ уже не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, т. е. любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава; когда С. беретъ смычекъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки».

Я чувствовалъ, что если настаивать на записи, Судокъ не удер-

жится и что-нибудь прибавить, совсѣмъ не относящееся, я поспѣшилъ проститься. И хорошо сдѣлалъ, по взблеснувшимъ его глазамъ я понялъ, что сейчасъ начнутся выдумки.

— Читали вы въ сегодняшней газетѣ о «сывороткѣ противъ лжи» — сказалъ Судокъ и, нарочно это онъ или нечаянно, снялъ парикъ и, увѣряю васъ: на голой его головѣ я увидѣлъ два совершенно одинаковыхъ рога, а отступя посерединѣ третій — кривой! — представляете, какъ возмутились лгуны, — продолжалъ Судокъ, — они, а они вѣдь это міръ! соглашаются на всеобщій конецъ міра, лишь бы защитить свою честь. А какое было бы потрясающее зрѣлище: человѣчество, лишившееся своей испытанной защиты исконной отъ гориллы до...

Ьезъ оглядки я проскочилъ въ дверь на волю.

И не помню, какъ я шелъ по Жанъ-Жоресу. Голова моя пылала, глаза жгло — на свѣтъ больно, я шелъ, не смотря, а все видя, я раздавалъ затрещины налѣво и направо, расчищая себѣ дорогу — къ Гоголю, Толстому, Достоевскому.

ВАЛЕНТИНЪ САМСОНОВЪ.

СКАЗОЧНАЯ ПРИНЦЕССА.

Изнасилованіе дѣвочки, моложе шестнадцати лѣтъ карается смертной казнью.

Олегу Простову эта статья закона была хорошо извѣстна, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился на преступленіе. Разсматривалъ этотъ вопросъ съ такой точки зрѣнія: удовольствіе, стоющее очень дорого, а именно, стоющее головы. Имѣетъ ли смыслъ, заплативъ жизнью, купить право на это удовольствіе, или не имѣетъ? Олегъ Простовъ рѣшилъ не скупиться и не останавливаться изъ за высокой цѣны. Все было заранѣе тысячу разъ продумано и предусмотрѣно. Можно было бы надѣяться избѣжать наказанія, если, послѣ насилія — убить ребенка и уничтожить трупъ, скрыть всѣ слѣды преступленія, — но на это Олегъ Простовъ не былъ способенъ. Преступленіе должно было быстро обнаружиться и съ этимъ приходилось мириться.

Почему Олегъ Простовъ задумалъ изнасиловать дѣвочку? Безусловно, онъ не былъ вполнѣ нормальнымъ. Типъ, именуемый нормальнымъ, не былъ бы способенъ на подобное преступленіе. Не достаточно ли вокругъ взрослыхъ женщинъ и даже молоденькихъ дѣвушекъ — болѣе чѣмъ доступныхъ? Но Олега Простова не интересовали взрослыя женщины. Мнѣ предстоитъ очень трудная задача объяснить особенности его психологіи и причины, толкнувшія его на преступленіе. Для меня онѣ понятны: жизнь Олега мнѣ извѣстна съ дѣтства; одно время мы были большими друзьями и онъ имѣлъ привычку ничего не скрывать отъ меня.

Олегъ Простовъ выросъ подъ строгимъ и неусыпнымъ наблюденіемъ родителей. Каждый его шагъ контролировался и до пятнадцатилѣтняго возраста ему запрещалось одному выходить на улицу. У него почти не было знакомыхъ и учился онъ дома, а не въ школѣ. Приблизительно до этого же возраста онъ не зналъ, въ чемъ заключается разница между женщиной и мужчиной. Но онъ много читалъ

и скоро обо всемъ узналъ изъ книгъ. Когда онъ все узналъ, — а это совпало съ пробужденіемъ въ немъ перваго безпокойства — его очень заинтересовало прочитанное. Особенно его заинтересовало строеніе женскаго тѣла: для него было откровеніемъ, что оно отличается отъ мужского. Онъ выискивалъ и разсматривалъ рисунки, которые изображали голыхъ женщинъ, но эти рисунки его не удовлетворяли. Во первыхъ все казалось настолько невѣроятнымъ и настолько болѣзненно интереснымъ, — что онъ сталъ испытывать страстное желаніе убѣдиться во всемъ воочію, осмотрѣть, изслѣдовать, ощупать руками, губами, всѣмъ тѣломъ. Понятно, что это любопытство слилось съ пробудившимся половымъ чувствомъ. На улицѣ онъ жадно осматривалъ женщинъ, не пропускалъ случая заглянуть въ декольтэ или подъ юбку; гдѣ возможно — старался прикоснуться и ощутить женское тѣло подъ своими руками.

Онъ не имѣлъ ни малѣйшей возможности удовлетворить свое половое влеченіе, а такъ какъ самъ постоянно разжигалъ его, то, — я думаю, — пріобрѣлъ порочную привычку. Этотъ порокъ онъ, конечно, скрывалъ отъ меня, но о немъ — легко догадаться. Порокъ же этотъ расшатывалъ его нервную систему и все болѣе и болѣе возбуждалъ страстное желаніе женщины: желаніе того, что ему не было доступно.

Съ самаго начала своихъ ненормальныхъ скитаній по улицамъ Олегъ Простовъ больше всего вниманія обращалъ на дѣвочекъ. Взрослыхъ женщинъ труднѣе было разглядывать, у нихъ были длиннѣе платья и, наконецъ, — Олегъ это чувствовалъ, — онѣ были свѣдущѣе и опытнѣе его, быстро бы догадались о значеніи его пламенныхъ взглядовъ и смѣялись бы надъ нимъ. Дѣвочки же ничего не знали, не понимали; довѣрчиво ему улыбались и когда онѣ играли, принимали неосторожныя позы и показывали свои голыя ножки.

Прошелъ годъ. Ничего не измѣнилось. Олегъ постепенно осмѣлѣлъ настолько, что сталъ задѣвать дѣвочекъ на улицѣ. Когда никто не видѣлъ, хваталъ ихъ за ноги подъ юбкой. Дѣвочки стали бояться его горящаго взгляда и молчанья, съ которымъ онъ ихъ задѣвалъ. Иногда пытался цѣловать. А порочная привычка оставалась, умъ заходилъ за разумъ; до отчаянія, до боли хотѣлось женскаго тѣла.

Когда Олегу было восемнадцать лѣтъ, уже будучи студентомъ, онъ въ первый разъ попалъ съ товарищами въ публичный домъ, но здѣсь онъ... не рѣшился дотронуться до женщины. Онъ буквально опьянѣлъ, увидѣвъ возлѣ себя столь долго и страстно желаемое женское тѣло; потерялся; не могъ вымолвить ни слова и ушелъ ни съ чѣмъ. Товарищи много надъ нимъ смѣялись. Впрочемъ Олегъ приходилъ и второй разъ, и третій, но эти разы, — онъ мнѣ говорилъ самъ, — его охватило отвращеніе. И получилась такая вещь: онъ все время желалъ и мечталъ о женщинѣ, а стоило ему увидѣть передъ собой голую женщину, стоило лишь ей лечь на кровать и раздвинуть колѣни, — Олегу становилось противно. Одинъ разъ, почти черезъ силу, онъ смогъ лечь съ ней, а послѣ этого не пытался и говорилъ, что не можетъ.

Я думаю, виною тому порочная привычка, а кромѣ того, конечно, есть и другая причина: въ мечтахъ своихъ онъ идеализировалъ женское тѣло, недоступное для него — оно ему казалось святыней, и видѣть грубое униженіе и оплеваніе его въ публичномъ домѣ Олегу было мучительно и больно. Много было бы легче ему перенести, когда оскорбляли его, чѣмъ когда оскорбляли его мечту, его идеалъ, ибо женское тѣло стало постепенно мечтой, идеаломъ и даже цѣлью его жизни.

Олегъ Простовъ возненавидѣлъ женщинъ, которыя такъ оплевали его мечту, и тѣмъ большее имъ завладѣло страстное и преступное влеченіе къ дѣвочкамъ: — къ дѣтямъ. Не стану описывать его безумства, его блужданіе часами по окрестностямъ города, лишь бы удалось дотронуться до дѣвочкиной ножки или увидѣть немного больше дѣвочкинаго тѣла. Большинство этихъ безумствъ мнѣ не извѣстны.

Когда Олегъ Простовъ задумалъ преступленіе, ему было двадцать три года.

— Жизнь не имѣетъ цѣны, если не знать наслажденія. Я убѣжденъ, что только съ дѣвочкой не старше пятнадцати лѣтъ могу испытать наслажденіе, и за это стоитъ заплатить жизнью. Это будетъ сказка, это будетъ рай на землѣ. Послѣ этого мнѣ ничего не нужно.

Такъ говорилъ Олегъ Простовъ. Я уже считалъ его ненормальнымъ, ничего не возражалъ на его слова и не безпокоился особенно, такъ какъ не думалъ, что онъ приведетъ въ исполненіе свой замыселъ.

Но Олегъ Простовъ, хотя, конечно, по нашимъ понятіямъ, «ненормальный», былъ счастливѣе и славнѣе, чѣмъ я его себѣ представлялъ, — и теперь я завидую ему. Послушайте, какъ все это произошло. Въ самомъ дѣлѣ похоже на волшебную сказку, хотя и некрасиво (вѣрнѣе, необычно) по началу.

Олегъ, у котораго были деньги, снялъ квартирку въ домѣ на окраинѣ города, причемъ озаботился, чтобы у него ни съ какой стороны не было сосѣдей и окна были снабжены ставнями. Нѣсколько дней подрядъ бродилъ онъ по городу, ожидая удобнаго случая и повода заманить къ себѣ дѣвочку. Наконецъ такой случай, — рѣдкій случай, — явился. Гдѣ то на людной улицѣ наткнулся онъ на дѣвочку тринадцати лѣтъ, заблудившуюся въ городѣ и спрашивавшую у полицейскаго дорогу. Олегъ весело подошелъ къ полицейскому и къ дѣвочкѣ (онъ умѣлъ притворяться), заинтересовался, въ чемъ дѣло и предложилъ проводить ребенка. Дѣвочка, — ее звали Ирой, — довѣрчиво пошла за нимъ. Она нѣсколько дней тому назадъ пріѣхала съ родителями въ этотъ городъ и теперь возвращалась изъ школы, куда только что поступила, пошла не по той дорогѣ и потерялась.

— Ничего, найдемъ твою маму. Сядемъ въ автомобиль, я тебя довезу.

— Полицейскій говоритъ, что нужно свернуть въ первую улицу. Это совсѣмъ недалеко.

— Ничего, такъ будетъ скорѣе. Да ты не бойся. Я тебѣ не сдѣлаю зла.

Олегъ подозвалъ автомобиль. Дѣвочка колебалась войти. Олегъ сказалъ шофферу адресъ своей квартиры, быстро подхватилъ ребенка и втолкнулъ въ автомобиль. Захлопнулъ дверцу. Отъ прикосновенія къ дѣвочкѣ у него задрожали руки и все вокругъ закружилось. Автомобиль поѣхалъ. Ѣдетъ. Олегъ не смотритъ на Иру. Ира перепугалась; чувствуя опасность, сидитъ ни жива, ни мертва; боится шевельнуться. Олегъ тоже не можетъ пошевелиться и ему кажется, что онъ теряетъ сознаніе. Наконецъ, собирается съ духомъ и дрожащей рукой беретъ руку дѣвочки. Чувствуетъ, что дѣвочка тоже дрожитъ и молчитъ. Оба молчатъ. Много ли, мало ли прошло времени — автомобиль остановился передъ квартирой Олега. Не выходя, черезъ внутреннее окно, заплатилъ шофферу.

— Сдачи не надо.

Удивленный тембромъ его голоса и крупными чаевыми, шофферъ подозрительно покосился на Олега. Олегъ открылъ дверцу, вышелъ изъ автомобиля, за руку вывелъ дѣвочку и повелъ къ крыльцу. Ира слегка уперлась; прошептала:

— Я не хочу.

— Идемъ. Идемъ на минутку.

Вошли въ подъѣздъ, поднялись по лѣстницѣ. Не выпуская ея руки, свободной рукой Олегъ досталъ ключъ и отперъ дверь. Пока онъ отпиралъ дверь, Ира опять сдѣлала движеніе высвободиться.

— Пустите. Отпустите меня.

Дверь открыта. Олегъ хватаетъ на руки дѣвочку, бѣшено прижимаетъ ее къ себѣ, впивается губами въ ея лицо, куда попало. Вноситъ въ комнату, бросаетъ на постель, руками судорожно ощупываетъ ея тѣло. Дѣвочка плачетъ, кричитъ и бьется въ смертельномъ страхѣ. Олегъ оторвался на секунду, захлопнулъ входную дверь.

Дѣвочка встала съ кровати, бросилась было за нимъ, но онъ опять подхватилъ ее. Забившись, она упала на колѣни, старалась ударить его кулачками; неестественнымъ, задыхающимся голосомъ закричала:

— Пустите.

Тутъ Олегъ самъ готовъ былъ заплакать. Онъ очень добрый по природѣ человѣкъ и ему стало жаль дѣвочку: случилось то, чего онъ опасался. Всякая чувственность исчезла, какъ дымъ; появилась одна громадная, больше чѣмъ онъ самъ, любовь и острая, ранящая жалость. На этотъ разъ твердо и почти спокойно взялъ Иру, посадилъ на кровать, самъ прижался къ ея ногамъ; руками обнялъ ее, сжавъ ея руки и лишивъ возможности двинуться; положилъ ей лицо на колѣни. И онъ заплакалъ. Потомъ поднялъ лицо и посмотрѣлъ на нее, которая все старалась высвободиться, плакала и билась.

— Ирочка, не бойся. Я не сдѣлаю больно. Дѣвочка милая, сокровище мое, не бойся меня. Ирочка, не бойся. Не плачь дѣвочка.

Олегъ повторялъ все то же и Ира стала спокойнѣй. На щекахъ еще были слезы, взглядъ былъ дикій, но она перестала кричать и биться и прошептала:

— Пустите.

Тогда Олегъ освободилъ руки и Ира не встала съ кровати, не зная, что ей дѣлать. Олегъ поднялъ ея ручки къ губамъ и цѣловалъ ихъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ дѣвочкой. Ира сидѣла въ легкомъ темносинемъ платьѣ, въ короткой юбочкѣ, въ носкахъ, съ голыми икрами. Волосы ея были растрепаны. Шапочка и книжка съ тетрадкой остались на полу въ корридорѣ передъ дверью.

Долго, долго цѣловалъ Олегъ руки дѣвочки, пока Ира окончательно не пришла въ себя. Испугъ прошелъ и Ирѣ стало жаль Олега. Она отняла у него свои руки.

— Зачѣмъ вы меня привели сюда? Меня мама ждетъ.

— Ирочка, пожалѣй меня. Не уходи отъ меня. Иначе я застрѣлюсь. Я тебя люблю, Ирочка. У меня никого нѣтъ. Я совсѣмъ одинокій. Останься со мной, Ирочка, а? Я больше жизни тебя люблю. Дѣвочка моя милая.

— Мама будетъ плакать. Меня мама любитъ.

— Я тебя больше люблю, Ирочка. Мама сможетъ жить безъ тебя, а я не смогу. Если ты уйдешь, — я умру, Ирочка. Не уходи, золотце мое.

И знаете, чѣмъ кончилась вся эта исторія? Ирочка осталась съ нимъ. Больше мѣсяца жили они вдвоемъ въ той квартирѣ. Олегъ ухаживалъ за ней, какъ никто не ухаживалъ ни за какимъ ребенкомъ. Самъ ходилъ за покупками; накупилъ ей цѣлый возъ игрушекъ; раза три за руку водилъ ее гулять въ садъ. Одѣлъ ее, какъ принцессу. Каждый вечеръ самъ укладывалъ ее спать, самъ одѣвалъ ее, — и это безъ малѣйшей низкой мысли. Ирочка излѣчила его отъ похоти, а онъ вдоволь налюбовался, вдоволь изучилъ и осязалъ дѣвочкино тѣло и оно было его святыней больше, чѣмъ онъ пріучилъ себя въ своихъ мечтахъ. Ирочка не стыдилась его и полюбила больше, чѣмъ маму и папу. Можетъ быть, подсознательно, чутьемъ маленькой будущей женщины, поняла она его страданья, его болѣзнь и «ненормальность», и можетъ быть поняла даже лучше и вѣрнѣе, чѣмъ мы съ вами.

Вѣчно продолжаться эта идиллія, конечно, не могла. Ирочку нáшли и, несмотря на ея отказы и слезы (какъ трогательно было ея разставаніе съ Олегомъ) — вернули къ родителямъ. Олегъ сейчасъ си-

дитъ въ тюрьмѣ: за похищеніе ребенка онъ приговоренъ къ продолжительному заключенію, но онъ говорилъ мнѣ, что счастливъ. Ирочка только пострадала: она несчастна, жалѣетъ Олега и мечтаетъ о томъ днѣ, когда его снова увидитъ. Но врядъ ли она этого дождется: когда Олегъ выйдетъ изъ тюрьмы, она будетъ уже дѣвушкой, и кто знаетъ, что съ ней къ тому времени станется.

Таковъ конецъ этой замѣчательной и необыкновенной исторіи.

ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ.
ПИСЬМА О ЛЕРМОНТОВѢ.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Передъ тѣмъ, какъ сажусь вамъ писать, собираясь, готовясь и приблизительно зная, о чемъ вамъ буду писать — а пишу я о томъ, что больше всего меня задѣваетъ, къ тому же пишу именно вамъ и, значитъ, мнѣ предстоитъ блаженное, наканунѣ еще несбыточное волненіе вашего разговора и вашего словно бы присутствія — я все же не могу избавиться отъ чувства неловкости, тяжести, отъ чего-то во мнѣ сопротивляющагося, отъ предвидѣнія душевной перестановки, необходимости свое настоящее умертвить и себя направить къ слѣдующему и новому (я вамъ это пытался уже объяснить, но это для меня осталось, какъ прежде, непередаваемо страшнымъ), и вотъ никакое иное первоначальное усиліе — напримѣръ рѣшеніе взяться за книгу, впервые заговорить о дѣлѣ — не кажется мнѣ столь труднымъ, какъ мои, теперь заброшенные дневники и эти, ихъ замѣняющія, почти дневниковыя къ вамъ письма: очевидно, въ нихъ единственно проявляется творческая моя способность, и каждая попытка ея раскрыться, каждое ея мучительное самозарожденіе мнѣ дается безконечно болѣзненно. У насъ имѣется и другого рода дѣятельность, къ которой какъ разъ приступать легко, которая повидимому не требуетъ мучительной душевной перестановки — оттого ли что у насъ къ ней склонность или же оттого (и это всего вѣрнѣе), что такая наша дѣятельность — слѣдствіе лѣни и душевнаго разряженія (хотя бы карты, сплетни, «возвышенные споры») — но у меня особая неуклюжесть, душевная косность и вѣрность предыдущему, мнѣ особенно тяжело отъ него отрываться и особенно враждебно еще ненайденное и неначатое, и даже подобныя, только пріятныя отвлеченія какъ-то не сразу у меня возникаютъ. и нерѣдко имъ предшествуетъ непонятно-медленный переходъ. Если же должно возникнуть то, что потомъ окажется для меня творчествомъ, я попросту не могу вна-

чалѣ съ собой справиться, и мысли, незамѣтно появляющіяся и предназначаемыя письму или дневнику, до минуты ихъ закрѣпленія на бумагѣ мѣшаютъ всякому другому сосредоточенію и работѣ, представляются лишними или же непосильно значительными, я безсознательно въ себѣ пріостанавливаю ихъ полетъ, боясь вызвать еще новыя мысли и еще увеличить непереносимую ихъ тяжесть, и все это откладываю до очередной записи, когда на такіе-то часы какъ бы приношу въ жертву обычную душевную свою свободу, обычное разсѣянное перескакиваніе отъ внѣшняго къ внѣшнему (точно ослѣпленное свѣтомъ, не ощущающее себя порханіе), и уже справившись съ собой, вѣрнѣе, еще борясь, еще побѣждая непрерывную свою нетерпѣливость, непрекращающееся стремленіе освободиться, я коекакъ, едва ли не чудомъ, остаюсь пристально-неподвижнымъ, все углубленнѣе всматривающимся и противъ воли упорнымъ. Въ эти часы скованности и неимовѣрныхъ стараній я пишу въ сущности о томъ же, что меня занимало и среди свободы, и все во мнѣ свойственное одному состоянію непремѣнно свойственно и другому, и если нѣтъ у меня единства въ прошломъ и настоящемъ и жизнь моя во времени словно «разорвана на клочки», которые собрать вѣроятно уже нельзя, то жизнь моя въ данномъ времени, теперь, несомнѣнно едина и ея основа, конечно, вы — и объ одномъ и томъ же (повторяю) и всѣ мои незамѣтно наступающія мученія или радости, и всѣ упорныя творческія усилія, и почему они настолько трудны — приводить извѣстное и легкое въ нѣкоторый обобщающій порядокъ — пожалуй выяснить не такъ просто, но одна изъ причинъ трудности мнѣ иногда наполовину пріоткрывается. Вотъ, если ищу, какъ бы точнѣе передать происходящее или происшедшее, я не только «честно» называю запомнившееся головной памятью и не только пытаюсь его возсоздать и снова пережить, нѣтъ, я долженъ вызвать у себя любовь, соединить передаваемое со всѣмъ у себя любовнымъ, найти васъ, потому что все у меня любовное — ваше, и уже любя (а не полулюбя — лѣниво и пріятно — какъ обычно, если нахожусь вдалекѣ отъ васъ), уже погрузившись въ то горькое и страшное, что навсегда связано у меня съ вами, я долженъ еще словно бы вернуться къ передаваемому и его охватить, перейти отъ любви къ напряженію, ей почти постороннему — самое жестокое надъ собой насиліе, вѣрнѣе, множество такихъ на-

силій, ежеминутное упрямое ихъ повтореніе: вѣдь нельзя потерять ни любви, ни того, надъ чѣмъ напрягаешься, и надо постоянно одно и другое совмѣщать, вѣдь безъ любви, до любви нѣтъ ни живой жизни, ни возможнаго ея оживленія, а есть лишь поза и подобіе жизни, и у меня въ молодости и до любви была лишь поза и внутренняя реторика, и люди, никогда не любившіе, мнѣ кажутся не видящими другихъ людей, говорящими безосновательно и часто впустую, и въ своихъ тетрадяхъ я сразу же различаю безплодныя мертвыя строки, очевидно написанныя, «выжатыя» раньше, чѣмъ мнѣ удалось любовь пробудить, а это мнѣ въ концѣ концовъ удается, какъ бы ни представлялся труднымъ и въ отношеніи себя жестокимъ переходъ полулюбви къ любви — я не только бываю съ собой силенъ, но у меня потребность въ такой любовно-творческой, отъ чего-то освобождающей работѣ, хотя приближеніе ея каждый разъ пугаетъ, а сознаніе, что вотъ вплотную уже подошло, первое нащупываніе ненадолго расхолаживаетъ и порою обездаривающее трезвитъ. Затѣмъ, позже, то любовное, что меня вдохновляло, неизбѣжно должно наступить: я необыкновенно — отъ повторнаго опыта — тренированъ и, какимъ бы ни былъ къ утру или послѣ обѣда соннымъ, вялымъ, благополучно-спокойнымъ, съ точностью знаю, чѣмъ себя расшевелить, у меня какъ бы въ запасѣ не одно мгновенно жалящее воспоминаніе (пускай произвольно выбираемое, но всегда кровное, «настоящее», неподдѣльно мое), причемъ пробужденіемъ я могу воспользоваться для творчества, а причина пробужденія — «жалящее воспоминаніе» — можетъ и быть, и не быть случайнымъ предметомъ моего творчества. Твердо знаю еще и другое: подобное передаваніе себя, перечисляющій мои выводы «анализъ», нисколько меня не сушитъ и не бѣднитъ — сушитъ лишь головной искусственный разборъ, какой то нищенскій, ограниченный и ограничивающій, связываніе же въ одно нашей любви и постепенно накопленнаго нами жизнеощущенія удесятеряетъ силу того и другого, придавая намъ окрыляющую за нихъ гордость, и я, кажется, могу понять двѣ разновременныя французскія формулы: «l'analyse qui recompose», и Баррэсовское «sentir le plus possible en analysant le plus possible» (а также и Лермонтовское отдаленно-похожее: «я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ»...). Конечно,

въ творческомъ сосредоточеньи, въ длительномъ, словно бы ясновидящемъ «трансѣ» есть что-то помимо любви, что-то смутное, неназываемое, надчеловѣчески-холодное и даже не холодное, а ледяное, какое-что ото всего очищенное неостанавливаемое умственное пареніе, вѣроятно оно и скрѣпляетъ творческую волю и любовь и вѣроятно оно же — душевно-крайнее, отъ обычнаго наиболѣе далекое, наиболѣе трудное наше состояніе, намъ страшно къ нему перейти и порою опасно въ немъ находиться, однако именно отъ него — не подверженнаго мелочамъ и случайностямъ — и немедленныя удачи поисковъ и благодарная вѣрность доведшему до него чувству.

Мнѣ кажется, я самъ для себя нашелъ безошибочный способъ вызывать такое длительное творческое «пареніе», но это — не подвигъ и не чудо: нѣчто похожее пишется, говорится, «носится въ воздухѣ», всякій прилежный интеллектуальный человѣкъ въ себѣ поневолѣ соединяетъ — правда, сгущенно, спутанно, многое исказивъ — всѣ достиженія прошлаго, всѣ настойчивые поиски настоящаго — и (какъ въ техникѣ или наукѣ) почти одинаковыя открытія дѣлаются разными людьми приблизительно въ одно и то же время, и часто подобныя удачи незаслужены, случайны и нецѣнны. Зато всякое опереженіе своего времени, сумасшедшая догадка, вдругъ оказывающаяся проницательной и обоснованной, нащупываніе вѣрныхъ и неиспользованныхъ своихъ силъ, пониманіе ихъ — пускай неясное и несложное — вотъ что всегда меня поражаетъ, особенно какъ все это съ безсознательнымъ упрямствомъ пробивается черезъ естественную у каждаго, постоянную одержимость своимъ временемъ, въ чемъ нерѣдко именно Лермонтовъ для насъ поученіе и примѣръ, и не я его подвожу подъ свое — какъ вы не разъ меня язвительно упрекали — а онъ оказывается однимъ изъ создателей того теченія, которому только теперь начинаютъ слѣдовать иные «домашніе», вродѣ меня, творцы. Его же (по крайней мѣрѣ, для меня) открытіе — что онъ принимаетъ любовь не какъ земную радость или муку и не какъ Дантовское небесное откровеніе, а какъ тяжелый каждодневный «крестъ», навязанный жизнью, по своей волѣ уже не сбрасываемый и ничѣмъ чисто-любовнымъ не увѣнчиваемый. Отъ этого одно послѣднее усиліе до постиженія творческой любви (у Лермонтова несомнѣнной и единственной), и это — впрочемъ, намеками, не до конца —

высказано въ описаніи странной любви Печорина и особенно — въ изумительномъ по искренности «Валерикѣ»:

... Но Васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ этой мысли я привыкъ;
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье —
Не все ль одно!

Мнѣ представляется, что вслѣдствіе этого Лермонтовъ долженъ былъ находиться въ состояніи всегдашней взбудораженности, тревожныхъ, творчески-освободительныхъ и утѣшающе-отрадныхъ поисковъ и не зналъ отчетливаго Пушкинскаго разграниченія между часами «священной жертвы» и часами, когда «быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ»: Лермонтовъ всегда несъ въ себѣ тяжесть какой-то душевной приподнятости, какой то непрерывной творческой готовности и необходимости все немедленно выразить и передать. Онъ на людяхъ исписывалъ клочки бумаги, точилъ и ломалъ карандаши и со всей страстностью, ему свойственной, борясь съ собой и себя мучая, находилъ созвучныя высокой своей настроенности, вѣрныя, нужныя слова — душевно-богатый, щедрый и мужественный, онъ не могъ утѣшиться Тютчевскимъ безнадежнымъ, безплодно-мудрымъ «молчи, скрывайся и таи» (оттого-что — «мысль изреченная есть ложь») и, помните, въ одномъ письмѣ своемъ героически предлагалъ хотя бы «ставить ноты надъ словами», чтобы добиться ихъ выразительности и соотвѣтствія чувствамъ. Полувзрослымъ, семнадцатилѣтнимъ, отчаиваясь найти «ключъ» къ душевной своей жизни, въ не разъ отмѣченномъ дневниковомъ, необыкновенно взволнованномъ стихотвореніи «1831 года, іюня 11 дня», онъ писалъ:

Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую, но словъ
Не нахожу; и въ этотъ мигъ готовъ

Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ чужую грудь.

Вы понимаете, какъ это много и ни на кого другого не похоже — «пожертвовать собой» не ради любовной раздѣленности или какой-нибудь общевысокой цѣли, ради которой люди привычно и стадно собою жертвуютъ, но совершить, хотѣть совершить величайшій писательскій подвигъ — пускай все это и является наивно-мальчишескимъ преувеличеніемъ, въ этомъ же и рано обнаружившееся столь неуступчивое Лермонтовское призваніе. Порой и ему некуда уйти отъ понятныхъ творческихъ сомнѣній (дважды въ разное время повторяется, «а душу можно ль разсказать») — тѣмъ удивительнѣе борьба, тѣмъ по человѣчески цѣннѣе побѣда. Къ ней пришелъ онъ самымъ труднымъ, вѣроятно, единственнымъ путемъ — черезъ неоднократныя попытки частичной и полной исповѣди (тоже дважды повторяется «ты слушать исповѣдь мою сюда пришелъ, благодарю») — и послѣ побѣды до чего кажутся намъ обоснованными удовлетворенные его выводы (въ предисловіи къ «Журналу Печорина»): «исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она — слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собой, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе». Лермонтовъ необычайно «frühreif», у него едва ли не съ дѣтскаго возраста свое, личное, собственный внутренній ритмъ, умѣлость, «твердая рука», отсутствіе (особенно въ прозѣ) излишней чувствительности и крайностей — при такой необузданности природы — и непостижимо-зрѣлыми представляются юношескія умныя его формулы, въ восемнадцать лѣтъ, въ «Вадимѣ», «настоящее отравило прелесть минувшаго» и нѣсколько позже, въ «Двухъ братьяхъ», «оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливы, вмѣстѣ и страдать» — и, право, я выписываю чуть ли не первыя же попавшіяся. Лермонтовъ безпримѣрно-быстро идетъ впередъ — правда, въ его тетрадяхъ слѣды напряженной работы и неожиданные хладнокровно-терпѣливые опыты: такъ, онъ по многу разъ приводитъ одни и тѣ же стихи, пытаясь ихъ примѣнять въ случаяхъ непохожихъ и какъ будто несовмѣстимыхъ (одинаковыя строки въ сатирической поэмѣ «Сашка» и

М. Шагалъ. Наѣздница. — *M. Chagall. L'Ecuyère* (1929).

М. Шагалъ. У окна.

M. Chagall. Devant la Fenêtre (1928).

въ благоговѣйно-нѣжномъ «Памяти А. И. Одоевскаго»), и не знаю, не могу услѣдить, когда происходитъ въ немъ чудо перерожденія и когда имъ достигается умѣніе передавать самое неуловимое и сокрытое, умѣніе, казалось бы до Толстого, изъ русскихъ никому неизвѣстное.

Любопытны нѣкоторые обороты, Лермонтову свойственные или же имъ введенные. Я не помню, встрѣчалось ли до него прославленное Толстовское «не тотъ, который» — столь изслѣдовательское, перебирающее о каждомъ случаѣ всѣ вѣроятныя, допустимыя предположенія, чтобы придти къ единственно правильному. Конечно, у Лермонтова только начало, только намекъ на эту языковую возможность, Толстымъ развитую и безмѣрно обогащенную: у Толстого множество предположеній («не тотъ, который... и не тотъ, который... а тотъ»...), у Лермонтова обыкновенно одно — «не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаяніе, которому нѣтъ лѣкарства». Имъ, кажется, введенъ и другой способъ — тоже при помощи ударнаго «тотъ, который» и тоже обогащенный Толстымъ — способъ направлять на передаваемое, на какую нибудь отдѣльную его часть словно бы «снопъ свѣта» — напримѣръ, «одну изъ тѣхъ фразъ, которыя»... или «неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ порождаетъ недоброжелательность». Лермонтовъ — главнымъ образомъ, въ прозѣ — постоянно пользуется, иногда прямо злоупотребляетъ словами на «ость», но не Бальмонтовскими, пышными, искусственно-картинными, а душевно-объяснительными и обобщающими. Я все по новому удивляюсь ясности его ума, насыщенности и точности его фразы, умѣнію исчерпывать возможности, особенно, если не забывать прошедшаго съ тѣхъ поръ столѣтія и безпомощныхъ Лермонтовскихъ современниковъ. Опять прошу у васъ прощенія за безконечныя выписки и еще больше за скучные свои къ нимъ «комментаріи», но не могу удержаться отъ одной, для меня предѣльно-убѣдительной — изъ той же неисчерпаемой «Княжны Мэри»: «Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно вы-

разить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности — только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца».

Не правда ли, это уже не Толстой, а нѣчто ошеломительно современное, нѣтъ, не буду приводить туманныхъ намековъ, это — чудесное предвосхищеніе Прустовскаго стиля, въ тусклой Николаевской Россіи, у заносчиваго, будто бы скучающаго гусарскаго офицера — я впадаю въ невольную торжественность, но удержаться отъ восклицаній не могу. Недаромъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что Лермонтовъ начало новаго (а Пушкинъ во многомъ завершеніе стараго) и что Лермонтовскія «ошибки» — по чьему то справедливому замѣчанію — не ошибки, а «предвидѣніе и новаторство». Все это — не приписываніе одному изъ старыхъ писателей своихъ вкусовъ и «своей» современности (нерѣдко многимъ современникамъ понятной, свойственной и уже нецѣнной), но что-то неподдѣльное и слишкомъ очевидное.

Предвосхищая далекое будущее, ища его въ себѣ, черпая только изъ себя, Лермонтовъ былъ до крайности самостоятеленъ, увѣренно объ этомъ зналъ и не боялся любить ближайшихъ своихъ предшественниковъ — Пушкина, Байрона или Гейне — и не боялся открыто и, разумѣется, чисто-внѣшне имъ подражать: бываютъ писатели достаточно ловкіе, чтобы избѣгнуть явной подчиненности и подражательности, но черезчуръ слабые и неискренніе, чтобы по своему себя выразить — обыкновенно же (о чемъ говорилось не однажды) именно человѣкъ творчески-сильный и безбоязненный готовъ (и несомнѣнно долженъ) учиться, и чѣмъ онъ внутренно-самостоятельнѣй, тѣмъ смѣлѣе перенимаетъ удобные и нужные пріемы. Лермонтовъ, «обожавшій» Пушкина вѣроятно не разъ перечитывалъ его стихи:

И путникъ усталый на Бога роптал,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

и другіе стихи — о цвѣткѣ («гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною? и долго-ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ»...) — и все же написалъ свои ставшія столь знаменитыми «Вѣтку Палестины» и «Три Пальмы» и впослѣдствіи никогда отъ нихъ не отказывался. Конечно, особенно щедра, лично оправдана и невольно безподражательна — подражать было просто некому — несравненная Лермонтовская проза. Помните, въ одномъ письмѣ я удивлялся безчисленнымъ на него обидамъ — университетскихъ товарищей, Бѣлинскаго, Кавказскихъ декабристовъ — изъ-за нежеланія выслушивать ихъ, всерьезъ поддерживать или оспаривать, изъ-за вышучиванія и дерзкой высокомѣрной замкнутости — лишь немногіе въ то время догадывались, почему Лермонтовъ никого близко не подпускалъ, даже умныхъ и стоющихъ людей: «онъ былъ весь сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ».

Вдругъ я почувствовалъ, что пишу вяло, что не могу преодолѣть не физическую, а какую-то душевную сонливость — вопреки недавнему утвержденію о творческой своей тренированности. Въ чемъ то виноваты и вы: иногда мнѣ кажется нелѣпымъ безпрерывное мое напряженіе, старающееся ничего не выдумать, ничѣмъ своей работы не уменьшить, обреченное остаться безъ отклика, безъ милаго хотя бы отвѣта (или же, что еще печальнѣе — если, какъ въ прошломъ письмѣ, вы сомнѣваетесь въ моемъ «энтузіазмѣ» и слова, имъ внушенныя, слова о рѣшающемъ для меня писательскомъ примѣрѣ хотите считать «надуманными и холодными»). Тогда все тускнѣетъ во мнѣ, сразу дѣлается скучнымъ и безцѣльнымъ, причемъ это не отдыхъ, безвдохновенный и «малодушно-суетный», а какая-то безнадежная пустота, я немедленно чужой во всякой привычной обстановкѣ (особенно же въ такомъ, какъ сейчасъ, темноватомъ безвкусномъ кафэ, словно призрачномъ и мнѣ навязанномъ), и совпавшая съ новымъ моимъ сомнѣніемъ, столь тяжело преодолѣваемая лѣнь соблазняетъ оборвать прилежно начатое и остаться въ усыпляющей пустотѣ.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ

На этотъ разъ я поколебленъ поспѣшнымъ вашимъ нападеніемъ и особенно тѣмъ, что нападеніе какъ будто благожелательное и обѣщающее. Вы пишете, съ прямотой, вамъ свойственной и все еще мнѣ удивительной, съ какой-то, рвущей препятствія и условности запальчивостью, что всѣ мои разсужденія о Лермонтовѣ — обманъ, желаніе подмѣнить мое несомнѣнное къ вамъ чувство, попытка его «транспонировать» (по вашему же выраженію) на Лермонтова. Вы считаете, что угадали фальшивость моего волненія, что не въ моемъ духѣ такъ погружаться въ чужое и, значитъ, мертвое, что я слишкомъ занятъ собой, и вы мнѣ совѣтуете «не говорить обинякомъ», а безбоязненно обо всемъ высказаться и вѣрить въ прежнее ваше дружеское, неизмѣнившееся ко мнѣ отношеніе. Вы заранѣе знаете первый же мой, естественный, справедливый отводъ — что если и было у меня какое-то неумышленное «транспонированіе», то явилось оно слѣдствіемъ вами же неразрѣшенной, изъ-за васъ подавленной любви, и вы пытаетесь внушить сомнѣніе въ окончательности, въ безповоротности моего неуспѣха, вы намекаете на странную вашу отвѣтность, какъ будто неясную и для васъ самой. «Все это не такъ просто», по вашимъ словамъ, и есть что-то у васъ никогда не мѣняющееся ко мнѣ — и душевное и даже физическое. Послѣднее, пожалуй является нечаяннымъ утѣшеніемъ или хитростью, да и первому не очень-то я довѣряю: черезчуръ живы въ моей памяти обиды, отталкиванья, незабываемо-унизительная ваша со мной брезгливость. Но въ то же время я вѣрю искренности (у васъ съ собой) восхитительныхъ вашихъ обѣщаній, ихъ исполнимости въ будущемъ и невозможности для васъ продолжать теперешнюю односторонне - чувственную и тусклую вашу жизнь, неизбѣжности того, что опытъ и многія сравненія укрѣпятъ любовную или хотя бы дружескую нашу близость, но я какъ-то сбитъ съ толку, оглушенъ, слишкомъ уже настроился на другое, чтобы вдругъ радоваться удачной, нѣтъ, необыкновенно счастливой перемѣнѣ: въ насъ и горе и радость проникаютъ одинаково медленно, какъ будто имъ противится предшествующее наше спокойствіе, благополучное и упорно-лѣнивое. Вотъ вамъ сейчасъ нескрываемо жаль, что моя «душевная щедрость уходитъ на Лермонтова», вамъ

досадна корреспондентская моя точность «вѣчные понедѣльники и четверги», но я не поддаюсь столькимъ благопріятнымъ признакамъ: противъ воли припоминаются всѣ выстраданные и вѣскіе упреки, вся долгая моя именно «настроенность на другое», и это словно бы мѣшаетъ мнѣ видѣть, что, наконецъ, случилось самое неожиданное и нужное, что произошло «чудо осуществленія», одно изъ рѣдчайшихъ въ моей жизни.

Должно быть, я не могу такъ сразу его вмѣстить, я долженъ освободиться отъ чего-то другого, слишкомъ привычнаго и длительнаго, слишкомъ пожалуй даже удобнаго. Когда вы — во второй разъ — оставили меня одного, мнѣ, какъ всякому еще не умирающему, еще не рѣшившему умереть человѣку, предстояла необходимость приспособиться также и къ этому и, значитъ, необходимость найти такое внутреннее къ вамъ отношеніе, которое отвело бы, уменьшило мою боль, и выборъ — по всему моему складу, не надѣющемуся на успѣхъ, не побѣдительному, не боевому — оказывался чрезвычайно ограниченнымъ: наединѣ съ собой, безъ всякой посторонней помощи, безъ какой-нибудь мысли о замѣнѣ (я не могу убить или переставить давнишнее кровное къ вамъ влеченіе, и другая женщина, на минуту опьянивъ, вызываетъ потомъ раздраженное долгое недовольство) — наединѣ съ собой мнѣ или оставалось преувеличивать мстительные свои планы и себя ими тѣшить, безъ конца перебирая обиды (чтобы настроиться еще мстительнѣе), или же мнѣ слѣдовало «безпристрастно во всемъ разобраться» и для себя рѣшить — полуотвлеченно и какъ-то немужествено — что ваша справедливость неизбѣжно противорѣчитъ моей и что ваша передо мной вина (какъ и моя передъ вами) неустранима и потому простительна. Я выбралъ второй способъ и, разумѣется, выбралъ неумышленно, однако же, увѣренъ, по той лишь причинѣ, что первый путь — раздуваемой ненависти и мести — былъ однажды уже продѣланъ (послѣ первой вашей «измѣны»), и не столько онъ не удался, сколько мнѣ (повторяю и подчеркиваю — неумышленно, безсознательно) не хотѣлось его возобновлять. У меня природная склонность не останавливаться на одномъ, не опредѣляться и не старѣть, производить надъ собой все новые своевольные опыты (иногда завѣдомо неблагоразумные) и все по новому принимать повторяющіяся жизненныя положенія, меня словно бы преслѣдующія и объясняемыя странной повторностью

моей судьбы, какъ разъ опредѣлившейся и неумолимо однообразной. Вотъ почему, при тѣхъ же обстоятельствахъ, я бываю смѣлъ и внутренно-трусливъ, деликатенъ и назойливъ, ловокъ и неуклюжъ, и по тому же поводу негодую на лѣвыхъ и на правыхъ, на вѣрующихъ и скептиковъ, на простившихъ и на мстящихъ, и частое объясненіе той или иной моей «позиціи» — въ окончательной исчерпанности всѣхъ другихъ. Если же въ какомъ-либо случаѣ исчерпана и такая послѣдняя возможная у меня «позиція», я поневолѣ возвращаюсь къ любой изъ множества предыдущихъ и, повѣрьте, каждый разъ поступаю и настраиваю себя искренно, потому что неизмѣнно мое — основа подобныхъ самовнушеній (полуголовныхъ, наносныхъ, почти незамѣтныхъ) и, кажется, эта основа — неосязательность, неустойчивость для меня всякой человѣческой поддержки, какая-то предопредѣленная моя безвоздушность. Итакъ, ничего не скрывая, хочу вамъ признаться, что все мое теперешнее практически-безцѣльное, бездѣятельное существованіе есть лишь одна изъ двухъ мнѣ предстоявшихъ попытокъ приспособиться къ вашему уходу, къ вашей далекой и враждебной жизни, къ вернувшемуся одиночеству и ревности. И странно, отъ этой прохладной вялости, отъ скучающей, умствующей примиренности труднѣе освободиться, чѣмъ отъ мстительныхъ порывовъ: она и удобна, и неболѣзненна, и какъ то полнѣе меня втягиваетъ, и больше соотвѣтствуетъ моему назначенію, а главное, нѣтъ въ ней того, подготовленнаго къ перемѣнамъ, быстраго на рѣшенія, длящагося внутренняго жара, который заключенъ въ ненависти и можетъ мгновенно перекинуться на любовь.

Но даже и въ ненависти необходимо какое-то время, какое-то — пускай мгновенное — усиліе, какіе-то безпощадные признанія и упреки, чтобы всю скопившуюся злобу разрядить и какъ-нибудь отъ нея избавиться — насколько больше времени и усилій нужно для перехода лѣнивой, удобной и легкой вялости въ безпокойно-отвѣтственное, по настоящему душевно-противоположное состояніе — новой любви — или для оживленія любви уже существующей, но подавленной, обезцѣненной, давно усыпленной. Повидимому нѣчто похожее (оживленіе почти застывшаго чувства) мнѣ теперь именно предстоитъ, и у меня злорадная потребность смягчиться не вдругъ, не сразу, сперва хоть немного «свести счеты», возстановить въ памяти и вамъ осуждающе напомнить то, что какъ будто усыпило мою

любовь, послѣ чего я незамѣтно сдѣлался безжизненнымъ, прощающимъ и вялымъ — наше послѣднее, оскорбительно-холодное разставаніе. Вамъ могли бы показаться болѣе обидными и тяжелыми запальчивые мои (неизбѣжные въ концѣ ненависти) упреки, мнѣ же труднѣе вернуться къ любви черезъ такое, недостаточно наказывающее, недостаточно мстящее напоминаніе о первоначальной, полузабытой, спорной вашей винѣ.

Боюсь, эти искреннія мои слова представятся вамъ искуственными и бездоказательными, и мнѣ хочется, ни въ чемъ не уступая, ихъ отстоять — такъ я увѣренъ въ послѣдовательной ихъ правотѣ: просто они передаютъ то, что усвоено благодаря повторному опыту и что, будучи высказано — отъ человѣческаго несовершенства, изъ-за отсутствія языковой текучести, равной непрерывному теченію душевному — выходитъ инымъ, слишкомъ уже замедленнымъ, слишкомъ замороженно-точнымъ, словно бы предугадывающимъ и выполняющимъ какую-то отвлеченную логическую схему. Вѣдь та же необходимость «свести счеты», «бросить обвиненіе измѣнницѣ въ лицо», «облегчить сердце исповѣдью» бываетъ у насъ и во время неразсуждающей, праведно-животной нашей молодости, и разница только въ томъ, что мы напередъ ничего не знали и не видѣли пользы разсчета, незамедлительной цѣлесообразности тѣхъ же своихъ поступковъ. Правда, обычно думаютъ, что разборъ и предвидѣнье нашихъ чувствъ неизмѣнно ихъ ослабляютъ и даже мертвятъ: мнѣ это кажется вѣрнымъ лишь объ отдѣльныхъ поверхностно-кратковременныхъ ощущеніяхъ (такъ удовольствіе отъ игры знаменитаго скрипача иногда убивается предвкушающимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ) —длящіяся, крѣпкія наши чувства, съ нами неотемлемо-кровно сливаясь, требуютъ, какъ и все въ насъ, разбора, ясности, зоркости, и такая настойчивая любознательность, на нихъ направленная, ихъ естественно обогащаетъ и лишь можетъ намъ помочь что-то распознать въ будущемъ и какъ-то ускорить неизбѣжное.

Попробую съ разсужденіями закончить и безъ откладыванія и соблазновъ дѣятельно осуществить рѣшенное — вамъ напомнить о нашемъ разставаніи. Вы были для меня передъ самымъ отъѣздомъ такой, какою показались, какою захотѣли напослѣдокъ мнѣ показаться — помните чьи-то слова о «законѣ послѣдняго впечатлѣнія». Я

не забуду этихъ рѣшающихъ часовъ — какъ я горевалъ, боялся отчаянія, какъ все время себя подготавливалъ и обманывалъ. Вотъ мнѣ еще остается вечеръ съ вами наединѣ и весь слѣдующій — до ночного поѣзда — день, со всѣми возможными его случайностями, и я себѣ говорю, что плохое придетъ не скоро, что сперва у меня безмятежная радость и праздникъ. Затѣмъ постепенно проходитъ этотъ безсильно-жадный, утомительный день и постепенно отпадаютъ эти неудачно складывающіяся для меня случайности, и впереди только вечеръ — при всѣхъ —и жалкія минуты на вокзалѣ. Все меньше остается быть вмѣстѣ, и все менѣе я требователенъ къ судьбѣ, все настойчивѣе себя уговариваю: ну хотя бы и это — вѣдь лучше, чѣмъ пустота, чѣмъ совершенно ничего. Я опирался (какъ въ борьбѣ со страхомъ смерти) на мысль о безконечной длительности всякаго промежутка времени и отбрасывалъ обычное у себя ощущеніе неустойчивости, сопровождающей все неокончательное и неповторимое — ощущеніе не разъ уже возникавшее послѣ нелѣпыхъ, незаслуженныхъ похвалъ, изъ-за успѣха, вызваннаго однимъ лишь отсутствіемъ соперниковъ, среди кутежа, безсмысленнаго въ самые безденежные мои дни. Я, обезсиленный, продолжалъ съ собою бороться, часъ за часомъ себя обманывалъ — и у васъ находилъ нѣчто совсѣмъ непохожее, какую-то упрямую озабоченность: вамъ только было нужно преодолѣть тягость послѣдняго дня, трудныхъ — изъ-за моего отчаянія — послѣднихъ часовъ и минутъ, вамъ только было тяжело оторваться, а дальше васъ что-то ожидало, и къ тому, что васъ ожидало, я видѣлъ въ вашихъ глазахъ лишь еле скрываемое, уже ненадолго откладываемое любопытство. Да, вы гоните отъ себя страданіе, вы умѣете внутренно съ собой справляться, во-время производить необходимую душевную перестановку, направить на легкое и утѣшающее послушную свою экзальтированность (вамъ замѣнившую негибкія, безпощадныя настоящія человѣческія чувства), вы наконецъ «приспособились къ жизни» — и, разумѣется, такъ благоразумнѣе и проще. Вы достаточно промучились, чтобы отдохнуть, но эта самая ваша гибкость и приспособляемость черезчуръ опасна для вашихъ узей, и съ вами приходится быть осторожнымъ. И еще вы учите всего неожиданнѣе — именно съ вами вамъ же подражать: останавливать себя, не идти ни на малѣйшую жертву, стараться экзальтированностью замѣнить любовь, не умирать отъ нея, но ею какъ бы

размѣренно, какъ бы маленькими глотками опьяняться. Все это я незамѣтно усвоилъ, когда готовился къ вашему отъѣзду, когда прощался и провожалъ, и, все это усвоивъ, нарочно себя оглушилъ — сейчасъ же послѣ проводовъ — посторонними и васъ оттѣснившими впечатлѣніями, а затѣмъ — въ мѣсяцы вашего отсутствія (и несомнѣнно благодаря вашему отсутствію) — сдѣлался такимъ же внутренно-гибкимъ, какъ и вы сами, и добился относительной независимости. И теперь я конечно вѣрю искренности вашего призыва, но не брошусь (какъ раньше бы бросился) съ чрезмѣрной стремительностью вамъ навстрѣчу, а попробую найти разумное объясненіе перемѣнѣ, вдругъ случившейся безъ всякаго повода, безъ всякой моей заслуги, безъ тѣхъ неуловимыхъ вліяній, безъ того воздѣйствія, которое незамѣтно на насъ оказываютъ звукъ голоса, взглядъ, случайное пожатіе руки, чье-нибудь живое присутствіе — и вотъ единственно-правдоподобное объясненіе (помимо, можетъ-быть, того, что вамъ наскучилъ душевно-чуждый теперешній вашъ кругъ и что вы поневолѣ вспомнили о прежней душевной нашей близости), единственная разгадка пожалуй для меня въ слѣдующемъ: если женщину, въ чемъ-то передъ нами виноватую и много промучившуюся, долго не видѣть, она — отъ раскаянія передъ нами, отъ собственной усталости и одиночества — иногда начинаетъ думать, что за это время открыла какую-то «добрую правду» и обижается на нашу невнимательность къ такой правдѣ и къ ней самой, новой и доброй. Я не хочу быть невнимательнымъ къ вашей «правдѣ» и готовъ опять, нарушивъ свое спокойствіе, себя передѣлать на старый ладъ и уничтожить усилія многихъ освобождающихъ дней, но вѣдь самостоятельные эти дни все-таки уже были, вашей, благопріятной для меня, перемѣны я тогда не предвидѣлъ и, какъ могъ, пытался отъ васъ себя вылѣчить и потомъ навсегда «иммунизировать»: простите же за медленность моей перемѣны, за ея трудность, за нескрываніе трудности — я произвелъ, обращаясь именно къ вамъ, съ восхитительной и незамѣнимой вашей помощью, противоположныя предыдущимъ, возстанавливающія любовь усилія и лишь постепенно убѣдился, что она не только служебно-творческая и не только «размѣренно опьяняющая» (какъ бываетъ у васъ), но что она живая и что если бы вы вошли, мнѣ было бы облегчающе отрадно, отбросивъ разсужденія и разсчеты, по дѣтски не удержаться отъ слезъ (впро-

чемъ, не бойтесь — вы знаете эту, вами навѣянную, съ вами считающуюся, слишкомъ уже деревянную внѣшнюю мою твердость).

Я хочу васъ также предостеречь отъ возможной относительно меня ошибки (ужъ будемъ другъ о другѣ судить и думать безошибочно): вы неправильно считаете разгоряченныя, порою пристрастныя мои письма о Лермонтовѣ «транспонированіемъ», намѣреннымъ или нечаяннымъ отраженіемъ чувства къ вамъ, попыткой найти какой-то «эрзатцъ» раздѣленности и счастья, избрать дѣятельность, въ чемъ-нибудь достойную любви. Я больше не буду о Лермонтовѣ писать, разъ это васъ уязвляетъ или хотя бы по самому существу не трогаетъ, но знайте, есть у меня (какъ и у многихъ другихъ) — отъ прошлаго, отъ подаренныхъ мнѣ безчисленныхъ чужихъ опытовъ, вѣроятно съ трудомъ завоеванныхъ, стоившихъ жизни и мученій — есть у меня какой-то, давно и неразрывно со мною слитый удивительный «интеллектуальный воздухъ»: онъ иногда проясняется, дѣлается понятнѣе и дороже, иногда словно бы затуманивается и отходитъ вдаль, но во всѣхъ случаяхъ онъ отъ меня неотдѣлимъ — частица моей жизни, непередаваемой каждоминутной ея поэзіи, частица любви къ вамъ, начинающагося старѣнія и малодушныхъ моихъ усилій не видѣть, не понимать смерти.

СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ.
ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА.

ЛѢСТНИЦА

«Идите здѣсь» — провела къ парадной двери.

«Я бы вышелъ черезъ кухню, а то, консьержка, даже и вамъ, можетъ скандалъ устроить».

«Ничего, ничего!»

Обогнали двое русскихъ — и Долголиковъ услышалъ: «вотъ одинъ изъ такихъ, ходилъ торговать, да и пристроился къ дамѣ. Да это онъ, вѣроятно, и есть!»

Не оскорбился. На мгновенье стало грустно... Другой, выпустивъ изъ рукъ ношу, — побѣжалъ бы драться.... Нужно-то бы вѣдь такъ!.. Устроившися — «благороднѣй!» (Вѣроятно, это тотъ, энергичный).

...Часто: (лучшія русскія красавицы, изумительно одѣтыя, въ роскошныхъ квартирахъ, иногда титулованныя)... случалось (пассивно, холодностью) — отбояриваться, а не нападать.

...Откуда только что вышелъ:

Карабкался по ступенямъ. Звонилъ « Bonjour, mesdames ! » сказалъ поварихѣ и горничной, «будьте любезны спросить madame Ядренову, не желаетъ-ли она посмотрѣть русскія книги».

Горничная быстро вернулась — «пройдите, madame сейчасъ выйдетъ» — предложила сѣсть.

Явилась не скоро. Кончала туалетъ.

Ждалъ, развязалъ свертки, разложилъ книги.

«Что же ты, Сашенька, вѣдь человѣкъ-то ждетъ!»

«Не человѣкъ, мама, а господинъ!»

Вышла съ кокетливыми извиненіями. Подаетъ руку (пріучила здороваться).

Выступила изъ береговъ павловской эпохи. Шелковое, фіолетовое платье въ лентахъ.

«Васъ такъ давно не было, появилось столько интересныхъ книгъ, я ждала, ждала — хотѣла написать».

Самъ виноватъ: обычно сахарно-любезный, и (почти) надменно сухой, придя въ первый разъ, сбитый съ толку: сіяющей веселостью, безпечной болтовней, — показывая въ журналѣ репродукціи Сомова: сказалъ, что, вѣроятно, служила моделью, была вдохновительницей.

«Здрав-ствуй-те!» сухо отвѣтилъ ему, прошлый разъ, на поклонъ, пожилой мужъ.

ЗАРЖАВѢВШАЯ ДОРОГА

Нѣтъ идеальнѣй нѣмецкихъ дорогъ. (Всѣ дороги ведутъ на фронтъ).

Берлинскіе троттуары — отвратительны; (такіе Д. помнилъ еще только въ Казани).

Въ спокойныхъ улицахъ, даже зажиточныхъ частей города — они мощены: старыми гвоздями, битыми бутылками, — по нимъ слѣдовать также пріятно и удобно, какъ по щебню или скошенному полю.

По такому троттуару кувыркалъ Д. въ одномъ изъ пригородовъ буржуазнаго, блистательно-неуклюже-элегантнаго, спокойнаго (нерушимаго, расплывчатооткормленнаго) почти безъ запаха пива-сигары-мечтательнаго, взрощеннаго, пропитаннаго необузданнымъ, неуемнымъ, незглухающимъ порывомъ, летомъ фантазіи: жизни — запаховъ, неба, солнца, пейзажей — Италіи, Испаніи, Парижа; гдѣ дальній конецъ каждаго особняка — ломомъ врѣзается въ горизонтъ, разворачивая, расшатывая плиту лазури, неуклюжей, толстой, эмалевой — тверди; гдѣ каждая комната—домъ, а садъ — Парадизъ, — потому что непремѣнно соединяется съ настоящимъ лютеранскимъ Раемъ — (тамъ-то и есть конечная станція трамвая: Берлинъ-Багдадъ), и отъ одной до другой остановки: есть время удобно вздремнуть, переваривая (если привыкъ, приспособился къ морской качкѣ) —

красную пищу, скрѣпленную цементомъ картошки, разведенной на пивѣ.

Долголиковъ колченожилъ по остроконечнымъ волнамъ троттуара, мощеннаго: старыми подметками гвозженныхъ солдатскихъ сапогъ.

Уже показалась вдали цѣль его напряженнаго лета — грандіозный замокъ - вокзалъ, льющійся цвѣтникомъ стеколъ, съ подъѣздомъ-мостомъ.

Зазѣвавшись, Д. — толкнулся въ тумбу... и: своротилъ ее... «vorsicht!; тотчасъ же прохрипѣло ржаво — выпалило по улицѣ (кругомъ никого не было)... почувствовалъ, что началъ опускаться, успѣвъ замѣтить, что изъ металлическаго столба дугового фонаря — выскочила фигура (заржавѣвшая въ истлѣвшихъ лохмотьяхъ) и механически оживши — начала опускать (вертя ручку) — фонарную лампу пропорціонально осѣданію части мостовой и троттуара.

Вокругъ: скрипѣло, визжало, дрыгало — квадратное небо отлетало.

Площадка осѣла глубоко, прохрипѣвъ по герметически прилегающимъ позолоченнымъ ржавчиной, чугунно-кожимъ стѣнкамъ (съ очками лампочекъ на носу).

Остановилась толчками, въ разъявшемся пространствѣ, межъ усилившихся хрустовъ и визговъ, сильно накренившись.

Туманомъ, тучей взлетѣла: іодистая, желѣзистая пыль.

Съ закрытыми глазами, расчихавшись (испугавшись, что выдаетъ себя), скатываясь, подъ создавшійся откосъ — повисъ, порѣзавшись порвавшись на путаницѣ фантасмагорическихъ машинъ.

(Конечно, давно зналъ, догадался, что попалъ на Безшумную Дорогу, пересѣкающую Германію отъ франко-бельгійской, до русской границы, перекрещенной Nord-Sud' — Датско-Австрійской). « Vorsicht ! » вперемежку съ еще болѣе оглушительнымъ „Achtung!" — гремѣли по подземелью. (Сверху, съ поверхности земли, чтобы заглушить ихъ: рокотало „Uber alles" черезъ нѣсколько минутъ — смѣнившееся Зигфридомъ, быстро умолкшіе).

Ржавые желѣзные брусья и спицы — ломались подъ тяжестью его тѣла — и, исполосованный, соскользнулъ кое-какъ, сталъ на ноги.

Онъ былъ въ заросляхъ машинъ.

Рѣдкій электрическій свѣтъ — слабо освѣщалъ уходящіе въ стороны своды и корридоры.

Платформа, на которой онъ опустился — накренилась: сѣвъ на нѣсколькоэтажный танкъ-нахлобучившись на него шапкой.

Выбирался на дорогу — какъ обезьяна, какъ муравей.

Нога: вездѣ, ровно, по щиколотку, уходила въ жидкую, зеленую — плѣсень. (Много лѣтъ: хозяйничало только Время).

Танки, танки, танки: отъ гигантскаго до пигмейнаго (какъ матрешки вставляющіяся одна въ другую); аэропланы, геликоптеры, чудовища невыразимой жути — наплыли на Долголикова — летучія мыши (о, онъ меньше мушки, въ паутинѣ!) — тянулись къ нему, обмохначенные лишайной плѣсенью: крылья, лапки, клювы!

Побѣжалъ: крича, визжа, скуля, свистя, стуча зубами (изрѣшеченный холодными иглами).

... Вдругъ сжигающій рефлекторъ автомобиля!

Завопилъ: «спасите! Au secours!" даже „Socorro!" (а по нѣмецки-то и не зналъ!).

Но они, живыя существа — перепуганы, взбудоражены, озадачены — не меньше.

«Ruhe ! Calmez-vous ! смирна!» — заскорострѣлили, въ обрадовавшагося голосамъ, Долголикова.

Ихъ пятеро, у самаго стараго — каска на головѣ (не снятая впопыхахъ), всѣ въ резиновыхъ перчаткахъ, маскахъ съ хоботами-колпаками, въ бѣлыхъ, лабораторныхъ халатахъ.

Въ мрачномъ молчаніи, посадивъ плѣнника, поѣхали по слѣдамъ. (Люкъ давно закрылся).

Повернули въ сторону, сильно освѣтивъ автомобиль.

Одинъ изъ наблюдавшихъ Долголикова, съ нескрываемымъ любопытствомъ сказалъ успокоительно (считая пульсъ, пріоткрывая вѣки, смотря зубы, наблюдая несведенный взглядъ, стукая по сухожильямъ подъ колѣнной чашечкой): «судя по тому, какъ онъ быстро оправляется: несомнѣнно — безъ умысла».

— «Русскій изъ Парижа» (констатировалъ, роясь въ карманахъ другой), — «художникъ, имѣлъ выставку въ Берлинѣ... «Орнаментный кубизмъ», а, вотъ, русскіе (конечно, умѣли читать), отпечатанные листочки: Перевозъ дада № 1, № 2 « ah, ein dadaister ! »а вотъ, съ рисунками, его-же поэма, по французски « Foule immobile »

(Уже совершенно успокоился — какъ всякій больной въ рукахъ доктора — слушалъ, наблюдалъ, смотрѣлъ, даже улыбался).

Автомобиль шелъ очень тихо (всѣ были увлечены) — и, остановился.

«А вотъ конверты Совѣтскаго Посольства» — и къ плѣннику: можетъ быть, вы собираетесь ѣхать въ Россію?» — «Да, надѣялся, въ скоромъ времени — благодаря нѣкоторымъ связямъ». — Какъ относитесь къ Германіи?» «Другъ, симпатизирую — она страдаетъ, какъ и Россія отъ общихъ враговъ». — «Какъ вы очутились въ подземельи?»

Разсказалъ.

«Вы видите, что здѣсь,нѣсколько лѣтъ, не ступала человѣческая нога, (провезли, показали, освѣщая рефлекторами, еще нѣсколько километровъ) — «вы убѣдились воочію, что Германія никакихъ военныхъ подготовленій не дѣлаетъ и при случаѣ подтвердите это...» —

«Сочту священнымъ долгомъ! — Я вѣрю въ будущее Россіи и Германіи!». Завязали глаза, почистили костюмъ.

«Вы отправитесь немедленно-же на вашу родину! Идите показаться квартирной хозяйкѣ и упаковать вещи. Herr von Unsern поможетъ вамъ собраться и устроиться въ вагонѣ. Вы достаточно культурный человѣкъ, чтобы держаться благоразумно — это въ вашихъ же интересахъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, раньше чѣмъ (побуждаемый голодомъ), рискнулъ опубликовать приключеніе.

НА ЧУЖОЙ УЛИЦѢ

Шелъ почти не торопясь, не волнуясь (разстояніе, время — хорошо вымѣрены), въ метро, къ послѣднимъ билетамъ «алле-ретуръ».

Тротуаръ, межъ каменныхъ стѣнъ, потайныхъ монастырьковъ и больницъ — широкій, пустой.

За сотню шаговъ: въ развалку, прохлаждаясь, одѣтый какъ въ деревнѣ, по праздничному: встрѣчный.

Идя, по своей, даже крайней, правой сторонѣ (идеальный выполнитель предписаній), почти касаясь стѣны, занятый рѣшеніемъ: въ какое изъ двухъ мѣстъ ѣхать раньше (день — судите сами: исключительно дѣловой!) — Д., хотя и замѣчалъ, время отъ времени — надвигающуюся фигуру — ни малѣйшаго вниманія ей не удѣлялъ, и уяснилъ только уже на разстояніи 3-4 шаговъ, что тотъ хочетъ пройти около стѣны.

Чувствуя себя во всеоружіи закона, и разсчитывая, что встрѣчный, въ послѣдній моментъ, подчинится: продолжалъ «гнуть свое»... и, дисциплинированый европеецъ, французъ: посторонился... но, ровно настолько, чтобы не усложнять жизнь вопросомъ прохожденія одного твердаго тѣла, черезъ другое — и: завѣдомо намѣренно, откровенно, со злобой показывая это (хотя и не съ русской допустимъ — силой) — стукнулся съ нимъ плечомъ.

Д. не ожидалъ этого, и утилизируя накопленный опытъ, оглянувшись назадъ, мягко сказалъ (раньше, вѣроятно, не посмѣлъ бы сдѣлать и этого): «C'est gentil, ça!» «Con, va!» немедленно бросилъ встрѣчный: злобно, съ вызовомъ (но опять-таки, не по-русски сухо), собираясь, привычно, парировать (и, конечно, удивляясь, досадуя — вялости аттаки) цѣлымъ потокомъ: словъ, доводовъ, ругательствъ.

Нѣмой и умонеповоротливый, человѣкъ иного темперамента, Д. не проронилъ больше ни звука, но по завѣту Достоевскаго: ему хотѣлось биться о землю (броситься передъ обидчикомъ на колѣни, благодарить, (издѣваясь надъ нимъ), кричать, что онъ оскорбилъ беззащитнаго, преслѣдуемаго иностранца — не имѣющаго отечества русскаго.

«Какъ тутъ принимать французское гражданство — когда они такіе: холодные, жестокіе, безпощадные, нравственные эксплуататоры!»

(О, какой горой навалилось: оскорбленіе, раздавленность, ипохондрія!).

Куда, какъ бѣжать отъ людей?!

Какъ сойти съ пути бѣснующейся жизни?

О, бѣдность, приковывающая къ городу!

...Но, продолжая успокаивать себя — подумалъ, вообразилъ это происшествіе въ Диковѣ Отпѣтомъ....

(Всегда встаетъ передъ глазами, звучитъ діалогъ — синтезъ довоенныхъ отношеній... «сукинъ ты сынъ, да за что же человѣка-то ударилъ»?!

«Это не человѣкъ, а баринъ!» «Вѣдь шелъ, тебя не трогалъ!» «Да онъ не нашъ —страшный: но съ панкомъ, харя яйцомъ, не то коршунъ, не то змѣя, али колбасникъ... да што ты ко мнѣ привязался?! Эй, наши, бей его!»

Нѣтъ... ужъ если нельзя выйти изъ жизни, то хоть отдалиться отъ самыхъ низовъ ея, отъ гущи, ямы, всеравенскаго, кишащаго скотства — скрыться еще глубже: въ буржуазную, личную обособленность.

Зачѣмъ не избѣжалъ, предупредительно, по-поповски, по-іезуитски не преклонился передъ напыщенно пыхтящимъ, въ крикливомъ воротничкѣ, галстухѣ, кашнэ — не пошедшаго сегодня на работу — деревенскаго червя?!..

...«Перестань-ка, братъ, сжимать кулачишки, визжать, брызгать слюной и материться; тамъ-то бы, вѣроятно, тебѣ учинили кулачную расправу, заставили «показывать: жидъ ты или нѣтъ», читать «Вѣрую», пѣть «Интернаціоналъ», потомъ «пить мировую» и т. д.» — увѣщевалъ себя Д.

«Возвеселись-ка лучше, сожмись — благодари Господа!»

СЛУЧАЙ ИЗЪ КИПУЧЕЙ ЖИЗНИ МИТИНГОВАГО ОРАТОРА

«Гражданки и граждане!

Я буду говорить объ одной опасности!

Существуетъ опасность общественаго значенія, граждане!

Эта опасность — вотъ она!.. Моя щупленькая персона!

Мужья, отцы семействъ: берегитесь этого созданья!

Онъ, этотъ червякъ, подкарауливаетъ ваши сокровища, и, зная, что это не его и никогда не будетъ принадлежать ему: все же дѣла-

етъ ихъ, вашихъ женъ и дочерей, своими плѣнницами, повергаетъ въ безнадежность, въ уныніе, лишаетъ ихъ мужей.

Онъ лишаетъ націю дѣтей, граждане!

Страна вырождается благодаря ему, граждане!

Это благодаря ему, наши женщины идутъ въ монахини, въ проститутки, остаются старыми дѣвами!!!

Это новый Ляндрю... но значительно страшнѣй настоящаго, граждане!

Это дѣло его рукъ: все возрастающія самоубійства и неисчислимое количество покушеній, исковерканныхъ жизней!

Вотъ результатъ его гнусной работы, граждане!

Вотъ примѣрный гражданинъ, своего отечества, можно сказать, граждане!

И судъ безсиленъ!

Съ точки зрѣнія закона — онъ ненаказуемъ!

Все шито-крыто! Тише воды — ниже травы!

Канцелярскими, бумажными порядками — подъ него не подкопаешься.

Онъ: не убивалъ, не помогалъ, не совѣтовалъ. Въ большинствѣ случаевъ — даже не былъ знакомъ!

Даже ни разу не говорилъ съ самоубійцами!

Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же я его обвиняю, — спросите вы?

А, вотъ я вамъ сейчасъ объясню — гражданки и граждане!

Выслушайте меня внимательно!

Есть соблазнители типа Ляндрю, о которомъ, я только что упоминалъ, уважаемое собраніе, — но вѣдь онъ же сущій ягненокъ, ангелъ Божій, по сравненію съ моимъ обвиняемымъ, котораго я стараюсь изловить вотъ уже 15 лѣтъ!

— Я еще разъ, возвращаюсь къ Ляндрю... граждане!

Не поймите меня плохо, граждане!

У того было, такъ сказать, математически допустимое.... или, если кому-нибудь угодно... скорѣе... какъ бы это сказать... экономическое, пожалуй, оправданіе... во всякомъ случаѣ — онъ зналъ, что онъ тягчайшій преступникъ, — онъ зналъ, что дѣлаетъ, и дѣлалъ что хотѣлъ, онъ дѣйствовалъ сознательно... такъ сказать — отвѣчая, и довольный своими поступками... онъ, по крайней мѣрѣ, не обманывалъ себя... и, да, да, да!.. поймите, станьте на мою точку зрѣнія,

граждане! его оправданіе въ томъ, что, онъ по крайней мѣрѣ, — дѣлалъ, что хотѣлъ... а, вѣдь, мой-то молодчикъ, — отвѣтственъ, за гибнущіе вокругъ корабли... почти не больше чѣмъ мы съ вами — граждане!

Ляндрю убилъ 12 женщинъ... ну, прибавимъ еще 5, причины исчезновенія которыхъ неизвѣстны... Но какимъ образомъ дѣлалъ онъ это — спрошу я васъ, гражданки и граждане?!.

Это всѣмъ хорошо извѣстно!

Послѣ того какъ онъ: ухаживалъ, завлекалъ ихъ, жилъ съ ними; можетъ быть, нѣкоторыя любили его, нѣкоторыя, можетъ быть — любили только его, только благодаря ему узнали любовь!!. и если бы онъ не былъ убійцей... и (и потомъ... какъ это ни чудовищно... прошу уважаемое собраніе извинить меня за подвернувшееся... такъ сказать... моральное... опять-таки, какъ это ни чудовищно... оправданіе, такъ сказать, его поступковъ... у него есть.. ну, конечно, совершенно недопустимое, съ нашей, человѣческой, христіанской точки зрѣнія... — оправданіе... такъ сказать... какъ это ни невозможно!.. это, видите-ли, былъ его способъ существованія! (не знаю, можетъ быть, и побочный), этимъ онъ кормился; это было его предпріятіе, торговый домъ, служба... онъ тратилъ все свое время на организацію, подготовку, такъ сказать, — сдѣлки... купли-продажи... для каждой аферы надо было написать новый романъ, новую пьесу, сценарій, — старательно найти, выбрать злосчастныхъ актеровъ, и т. д., и т. д., и любовныя услады — были для него не больше, какъ пріятный, любезный разговоръ съ кліентомъ, а завершеніе, лишеніе жизни... есть всего лишь, такъ сказать, — упаковка, отправка по назначенію проданнаго товара... и если бы онъ не убивалъ ихъ, говорю я... тогда бы, граждане, я первый предложилъ бы дать ему орденъ почетнаго легіона.

Исторіи извѣстны и другіе прекрасные кудрявые барашки, распѣвальщики соловьемъ: донъ Жуанъ и Казанова, напримѣръ.

Этимъ, въ одинъ прекрасный день, женскіе клубы, поставятъ памятники.

А мой щупленькій господинчикъ, который, одинъ, — представляетъ собой, общественную опасность... онъ доводитъ, свои жертвы, до самоубійства — вопреки своему страстному желанію... онъ ихъ всѣхъ любитъ... и каждый разъ, хотѣлъ бы жениться и оставаться

вѣрнымъ до гробовой доски... тогда какъ ему, чаще всего, не удается даже и познакомиться съ ними!

Онъ смотритъ на нихъ исподтишка, плачетъ отъ экстаза (и будьте увѣрены — не притворными слезами, какъ это ни странно, онъ — сама искренность!), они его кумиры, немыслимѣйшіе боги; онъ жаждетъ, чтобы его любили! Онъ жаждетъ любви!

И, должно быть, обладая гипнотической силой — притягиваетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ сомнамбулами, погружаетъ въ грезы, въ разслабляющія волю, — мечты!

И онѣ любятъ его! Каждая хочетъ стать его женой, любовницей, имѣть отъ него дѣтей.

Онъ такъ подчиняетъ ихъ себѣ настойчивыми взглядами, требованіями, безмолвными обѣщаніями, приказываетъ имъ съ такой силой, что онѣ: разводятся съ мужьями, возвращаютъ слово женихамъ, покидаютъ любовниковъ!!.

Онѣ отвѣчаютъ ему мимически, или напѣвая соотвѣтствующіе обрывки пѣсенъ, или метафорическими фразами, — языкомъ влюбленныхъ женщинъ, котораго онъ, по наивности, по простотѣ — не знаетъ, не понимаетъ, не изучалъ, потому что не въ состояніи учиться ничему (онъ занятъ только сравненіями, фантастическимъ, поэтическимъ, безполезнымъ ковыряньемъ въ себѣ).

Онъ не думаетъ о предстоящемъ, не организуетъ, а убѣгаетъ отъ него!

Такъ вотъ, полюбуйтесь на этого музыкальнаго дьявола, граждане!!

Полюбуйтесь на этого сумасшедшаго, съ пеленокъ!!

На этого творца экстазовъ, который покидаетъ свои созданія ровно за минуту передъ завершеніемъ.

Онъ бѣжитъ отъ мелочей, съ которыми связано обладаніе женщиной.

Больше всего онъ бѣжитъ отъ нея самой!

Чувствуетъ паническій страхъ, экстатическій, говорить съ ней. Говорить со своимъ Богомъ!!

Онъ предпочитаетъ бросить ее въ грязи, покинуть заброшенную всѣми, оставить ее погибать.

«Есть - ли граммофоническія слова, есть - ли театральные жесты — пошлѣй!

А свой бредъ, какимъ образомъ передать его!?

О глупѣйшая комедія, жестикуляція и вздохи!..» — восклицаетъ онъ.

И хотя и клянется, почти ежедневно, не начинать больше никогда, я все же думаю, и могу подтвердить, что это кончится только съ послѣднимъ его вздохомъ, граждане! — потому что и начинать то нечего, онъ это принесъ съ собой въ міръ, несетъ въ себѣ!

А, прожилъ онъ, только еще половину жизни.

Онъ только еще совершенствуется, такъ сказать, только еще входитъ во вкусъ, только еще сатанѣетъ, горчаетъ — ожесточается и привыкаетъ, матерѣетъ!

Его бѣда, мнѣ кажется, въ томъ, что онъ даже и не дѣлаетъ ничего... во всякомъ случаѣ, сознательно, намѣренно, обдуманно... все дѣлается, творится помимо него; и въ ужасномъ потокѣ, адскаго, разрушительнаго пламени, бушующаго вокругъ него, — онъ сгораетъ, мучается больше всѣхъ. Я знаю, какъ онъ ищетъ смерти, съ какой радостью умеръ бы онъ! Но избавленіе, забвеніе бѣжитъ отъ него, какъ отъ Тантала — влага. Я знаю, — отъ него лично, объ этомъ, онъ молитъ, проситъ, — избавить его отъ нестерпимыхъ, нескончаемыхъ мукъ. Онъ самъ умоляетъ меня заступиться, защитить, прекратить все возрастающее количество его несчастныхъ жертвъ. Онъ самъ вопитъ объ ужасѣ, нависшемъ надъ нашимъ народомъ, — источникъ, причина котораго, единственно, онъ же самъ. «Вѣдь не будь меня!» и т. д. говорилъ онъ мнѣ.

Граждане, взываю къ вашему милосердію — совершимъ благое дѣло: прекратимъ муки величайшаго грѣшника!

Но самое главное, мои бѣдные сотечественники: подумаемъ о себѣ!

Подымаю вопросъ о созданіи національной самообороны, противъ быстраго, неминуемаго вымиранія: мы невозможная страна, гдѣ мужчинъ почти уже въ два раза больше женщинъ, изъ которыхъ, кромѣ того, — подавляющее большинство: старухъ!

...Я очень радъ, уважаемые граждане, что мнѣ удалось, наконецъ, заставить выслушать меня внимательно!

Я радъ видѣть, все возрастающее, все больше охватывающее васъ волненіе... Вотъ произошла фильтрація: передо — мной, или

даже вѣрнѣе — я въ плотномъ наэлектризованномъ, стальномъ, раскаленномъ до красна, кольцѣ — мужчинъ.

Возвышайтесь, надвигайтесь, подымайтесь каменной стѣной, трубой, — превращайтесь въ несгораемый шкафъ, — захлопните злодѣя!

Да-съ, я не скрываю, что вы лицомъ къ лицу съ источникомъ, первопричиной вашихъ несчастій, бѣдствій, пораженій.

Я не только не скрываю этого, какъ видите, но всѣми силами внушаю вамъ, молю васъ — покончить, разъ навсегда (и вѣдь это же такъ легко!) съ этой молніеносной искрой, цвѣтущей на плѣсени, — съ этой кнопкой, приводящей въ дѣйствіе адскую машину.

Вотъ сейчасъ же, я могъ бы указать, ткнуть пальцемъ вотъ въ того-то и того-то, чья жизнь разрушена, нашимъ общимъ, и моимъ личнымъ, врагомъ!

Итакъ, гражданки и граждане!

Положимъ-ли мы смиренно къ его ногамъ остатокъ нашихъ женщинъ?!.

Сколько еще жертвъ, сколько семействъ, монахинь, проститутокъ, сумасшествій, несчастныхъ браковъ, благодаря ему!?

Вы не потерпите больше это поганое насѣкомое; этого Соловья-Разбойника, обложившаго дорогу нашей: спокойной, нормальной, здоровой жизни; этого спрута, притаившагося подъ камнемъ, выщупывающаго, сосущаго, грязнящаго своими глазами-фонарями, каждую женщину, попавшую въ зону его вліянія!!

Нужно сбросить эту ехидну, стряхнуть этотъ кошмаръ, наважденіе; линчевать, раздавить, какъ вошь, сложить двѣнадцать разъ, этотъ рахитическій скелетъ, это утонченное чудовище, эту стклянку съ запахомъ безнадежности, скуки, гнусности, смерти!!!

...Граждане, я къ вашимъ услугамъ!!!!

...И держите меня, ради Бога, хорошенько, чтобы я не ушелъ изъ вашихъ рукъ — въ ковшъ поданной мнѣ напиться — воды!!!

За мной, граждане!!!!» (и выскользнулъ, смалодушествовалъ).

ВЕСЕННІЙ УЛЕЙ

Занятія кончались въ полдень.

Съ ящикомъ красокъ, прямо въ ресторанчикъ предпріимчивой итальянки, основавшей его на выпрошенныя, у нѣсколькихъ художниковъ-иностранцевъ, деньги, ставшей маленькой знаменитостью: мадамъ Розали.

Пріѣзжающіе въ Парижъ художники — въ первые же дни отправляются: въ Ротонду и къ Розали.

Снаружи и внутри ресторанчикъ покрашенъ шоколадно-морковной масляной краской.

На стеклѣ надпись: ресторанъ-бульонъ, кофе съ молокомъ — говорящая знающему человѣку, что здѣсь можно дешево набить желудокъ.

5-6 мраморныхъ столиковъ густо загромоздили комнату. Направо стойка. Въ глубинѣ входъ въ кухню. По стѣнамъ нѣсколько картинъ и рисунковъ.

Почти всѣ посѣтители знали другъ друга.

Вотъ, весельчакъ художникъ-французъ, — упорно дѣлающій себѣ карьеру, въ рабочемъ халатѣ, перепачканномъ красками. Онъ сейчасъ съ удовольствіемъ прошелъ безъ шапки, по весеннему солнцу, нѣсколько кварталовъ по Монпарнассу.

Мексиканскій поэтъ, затосковавшій по родинѣ, разсказываетъ о чудесахъ тропической природы.

Англичанинъ, историкъ, долго жившій въ Константинополѣ, со своей подругой, бельгійкой, моделью, позировавшей не такъ давно въ «La Palette», гдѣ работаетъ Долголиковъ.

Нѣмцы, итальянцы, шведы, испанцы, норвежцы, греки, русскіе, поляки, японцы — по одному, по два, представляющіе свои національности.

Всѣ говорятъ, балагурятъ по французски, лишь недавно пріѣхавшіе изъ Италіи — сѣверянки — не безъ желанія щегольнуть, громко перекидываются, съ хозяйкой и ее племянницами: высокими, полногрудыми, звонкоголосыми, налитыми особо, по южному матово-фарфоровыми красавицами — по итальянски.

Конечно, нѣкоторые молодцы, особенно соотечественники, приходятъ только, чтобы полюбоваться, поболтать, посмѣяться съ ними... но «о, нѣтъ, вы имъ не женихи, ни за что не отдамъ за художника, вы народъ необезпеченный!», частенько напоминаетъ Розали...

Племянницы перестаютъ, на минутку, смѣяться, а, весельчаки, едва-ли серьезно собиравшіеся жениться, тотчасъ возобновляютъ свои шуточки.

Долголиковъ обѣдаетъ на франкъ съ небольшимъ: два кусочка хлѣба («мадамъ Розали, пожалуйста еще на одно су хлѣба», слышится отъ столовъ) боль супу, бифштексъ («кровавый бифштексъ, пожалуйста, мадамъ Розали») или кроличій рагу, и тарелочку: или мелкихъ бобовъ, или сладкаго горошку, или спагетти (тонкіе итальянскіе макароны съ помидорнымъ соусомъ или сыромъ). Иногда еще кофе съ молокомъ и хлѣба («кофе съ молокомъ, послѣ ѣды!» не скрываютъ своего удивленія сосѣди, выражая его поднятыми бровями и легкимъ движеніемъ; сѣверяне удивляются меньше) или сметаны съ вареньемъ, очень рѣдко какой нибудь салатъ; а вкуса легенькаго французскаго вина — почти и не зналъ («обѣдающимъ безъ вина — присчитывается су») — боясь за желудокъ.

Вотъ уличка наполнилась выстрѣлами бича. Прогромыхалъ омнибусъ кавалерійскаго училища. Пожилой, громадный, добродушный возница сейчасъ явится удивлять богему количествомъ съѣдаемаго.

«Месье дамъ!» поздоровался онъ, безъ навязчивости (услышатъ его только тѣ, кто хочетъ), съ чувствомъ собственнаго достоинства (но и не больше), спокойно, увѣренно, не скрывая желанія — пошутить поточить лясы, о политикѣ и о нѣмцахъ (дѣло происходитъ до 1914 г.), о неправильностяхъ языка, допускаемыхъ говорящими вокругъ иностранцами.

Этотъ бульона не ѣстъ!

Рюмку коньяку у стойки, два-три мистье краснаго вина за ѣдой.

Порціи двѣ мясного (непремѣнно — свиная или баранья котлета), «поммъ соте», или цвѣтная или брюссельская капуста, салатъ, сыръ, сладкое и кофе съ ликеромъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ приходилъ сюда обѣдать Долголиковъ — въ началѣ мѣсяца чаще чѣмъ въ концѣ, пока есть деньги, зная лишь нѣсколько человѣкъ, по академіямъ.

Хозяйка, узнавъ, что онъ русскій: «а, русски! я была Одэсса, очень харашо!»

«Вы художникъ?» спросилъ, подойдя къ нему, курчавый, въ плисовомъ поношенномъ костюмѣ, не виномъ пьяный, интересный, запоминающегося вида, человѣкъ — иногда бывавшій въ ресторанѣ.

Получивъ несмѣлый утвердительный отвѣтъ — «я тоже — богатѣи начали покупать мои работы — хотите, я устрою и васъ? Вы любите Пикассо?» Показалъ онъ, только что начавшій выходить, журнальчикъ.

«Тутъ, за угломъ, есть погребокъ, тамъ неплохое вино. Мы ходимъ туда».

Услышавъ, что у Долголикова не много денегъ: «**ah, l'argent, c'est terrible**!

«Знакомы-ли вы съ редакторомъ этого журнала? — у него есть картины Руссо, Пикассо, Дерена, негритянская скульптура. Мы пойдемъ къ нему» — трещалъ онъ порывисто, темпераментно, очень симпатичнымъ, мягкимъ, анархическимъ, бодлеровскимъ, неимѣющимъ ничего общаго съ сутолокой жизни, безвозвратно погибшимъ, близкимъ къ геніальности, къ безумію, братскимъ, беззастѣнчивымъ голосомъ.

«Благодарю васъ, вы оечнь любезны, но у меня мало времени, я хожу работать въ академіи».

«А, вы работаете въ академіяхъ?! Въ такомъ случаѣ убирайтесь!»

И отошелъ.

Открылась выставка «Независимыхъ», и незнакомецъ увидѣлъ этюды Долголикова, сдѣланные въ кубистической академіи.

«Я видѣлъ ваши работы — не плохо», сказалъ онъ, придя въ ресторанчикъ.

Встрѣтились на бульварѣ, тотъ шелъ пѣшкомъ съ Монпарнасса на Монмартръ.

Долголиковъ проводилъ его до **Grand Palais**, съ интересомъ слушая.

Это былъ, ставшій черезъ нѣсколько лѣтъ извѣстнымъ — художникъ, пріѣхавшій въ Парижъ щеголемъ — какими бываютъ только жители столицъ и большихъ портовыхъ городовъ юга Европы — со-

вершенно опустившійся, рваный, спящій на полу, голодающій, не могущій дня прожить безъ эфира, кокаина, гашиша или опіума и алкоголя — то нѣсколько лѣтъ дѣлая скульптуру, то переходя на живопись, неорганизованный, беззаботный, несмотря ни на что, очень деликатный; говорившій на всѣхъ языкахъ съ англійскимъ свистящимъ акцентомъ; со всѣми на ты, пріятель всѣхъ новаторовъ-художниковъ и писателей, очень интересный собесѣдникъ, умѣющій обходиться безъ сплетенъ.

Долголиковъ жилъ, въ сосѣднемъ съ ресторанчикомъ домѣ, состоящемъ исключительно изъ мастерскихъ. Огромная стеклянная этажерка перегороженная на 100 частей.

(M-r Dolgolicov, 9, rue Campagne Première — Atelier 27, Escalier A' Paris (14e). Франція, — написалъ онъ свой адресъ домой).

Дворъ ширины входа съ улицы, круто опускался, — чтобы удобнѣе подвозить мраморъ и другіе матеріалы, и погружать скульптуру, изъ находящихся частью подъ землей, большихъ мастерскихъ, но слишкомъ сырыхъ, поэтому ходившихъ подъ гаражи.

Тотчасъ по входѣ во дворъ, въ началѣ площадки, идущей вдоль всего дома — консьержка: смѣсь швейцара, управляющаго и полицейскаго, безъ вѣдома которой не повернешься въ постели.

Ночью, послѣ 10 — она пневматически открываетъ входную дверь и, проходя мимо — нужно произносить свою фамилію.

Лѣстницы, почти въ абсолютной темнотѣ, во всю длину дома — корридорчики.

На третьемъ этажѣ, по правой сторонѣ (лѣвая глухая) — нѣсколько десятковъ мастерскихъ, ихъ номера написаны на узкихъ стеклахъ, надъ дверями.

По величинѣ — это комнатки отелей, камеры одиночнаго заключенія. Кушетка да дверь — ширина, на шагъ больше — длина, окно во всю стѣну, выходящее во дворъ.

Каминъ, плоскій шкафъ съ водопроводнымъ краномъ. Бѣлыя стѣны.

Узенькая софа, кухонный столикъ, табуретка и мольбертъ — перегружали мастерскую.

На стѣнахъ, сохнущія работы.

Бѣлая-же, занавѣска окна.

Скучно, непривѣтливо, скупо, нежило. Неметено, нетоплено.

За окномъ, напротивъ, немногимъ превышая — стѣна, влѣво открывающая видъ внизъ на большую мастерскую.

Иногда тамъ рисовали модель — двѣ — три женщины англо-саксонки, заискивающія передъ мужчиной, работавшимъ механически, безостановочно.

Сегодня женщины не работали, а играли на гитарѣ и пѣли: «моей кита-китаянки» — исходя въ дикой сантиментальной, неизбывной тоскѣ.

Одну изъ нихъ Долголиковъ видѣлъ на журъ-фиксахъ своего профессора; несмѣло поклонился — отвѣтила игриво.

Отошелъ отъ окна.

Работать не хотѣлось.

Пошелъ въ Люксембургскій садъ.

Стриженныя деревья, толпа, цвѣты, фонтаны, прекрасныя базальтовыя и бронзовыя статуи; политыя, тающія отъ испарины дорожки, радуги, вертящихся на газонахъ, оросителей. Клюющіе изъ рукъ хлѣбъ, купающіеся, пролетающіе въ струяхъ воробьи и дикіе голуби. Работающіе садовники. Играющія дѣти. Младенцы, утопающіе въ драгоцѣнныхъ, бѣлоснѣжныхъ кружевахъ, которыя они ухитряются не пачкать.

Скамейки и стулья, переполненные читающими, дремлющими, разговаривающими.

Влюбленные, не стѣсняющіеся, не скрывающіе своего счастья.

Всюду жизнь, движеніе, радость, покой, смыслъ, цѣль.

... И эта блуждающая, сухая, звенящая своимъ одиночествомъ песчинка, то вдругъ поглощающая вселенную, какъ песчинку оторванной личности.

Слонялся по саду.

Подростки играютъ въ теннисъ, взрослые въ крокетъ, дѣти катаются на каруселяхъ, раскачиваются на механическихъ лошадкахъ, на велосипедо-карусели, смотрятъ петрушку.

Вокругъ бассейна большого фонтана, выгнавшаго свою прозрачную пальмовую вѣтвь, высотой почти со зданіе сената — озабоченныя, дѣловыя лица владѣльцевъ парусныхъ кораблей, кружащихъ по океану...

Медленно проходитъ караванъ осликовъ, груженныхъ дѣтворой.

Художники пишутъ цвѣты, уголки сада.

Часть сада, примыкающая къ бульвару Санъ-Мишель — имѣетъ особый мѣстный «Бульмишскій» характеръ. Нѣтъ нянекъ, дѣтей, дремлющихъ стариковъ.

Скакуны, козлы, студенты и художники изъ Національной Академіи, небольшими группами, со своими пріятельницами, одѣтыми въ полумужскіе костюмы.

Гомонъ, смѣхъ, пѣсенки, толкотня, ревность, обмѣнъ любовницами и любовниками. Корпораціонные береты, тросточки.

Сидѣлъ, отдыхалъ, уныло, завистливо наблюдая; одинъ или два раза холодно, неохотно раскланявшись.

Безцѣльно пошелъ.

Добрелъ до большой лужайки.

Дикіе голуби блаженно расхаживали въ мокрой травѣ, паслись, заѣдая хлѣбъ. Взлетали на верхушки деревьевъ — сушиться, отдыхать.

Любилъ смотрѣть на нихъ, пристроился на лавочкѣ Долголиковъ, но безучастно, на этотъ разъ.

Вдругъ, изъ-подъ ближайшаго къ голубямъ куста — стрѣльнулъ черный комъ, голуби пружинно отскочили въ небо, изъ травы посыпался бѣлый фейерверкъ перьевъ. Черный, лоснящійся котъ, почти подлетывая и напрягая силы, чтобы не выпустить, держалъ въ зубахъ, стегающаго его крыльями, самаго большого, откормленнаго вяхиря, стонавшаго звукомъ мокрой, вытягиваемой резинки.

Сцену наблюдали удивленно, сотни людей, не сдѣлавшихъ жеста, не издавшихъ звука.

Долголиковъ не бросился на помощь, изъ-за холодности, безразличности, а такъ-же, вспомнивъ, что птичьи кости полы и, если хоть одна сломана — смерть.

На минуту, вокругъ поляны — воцарился трауръ.

Долголиковъ поднялся взбудораженный, смущенно улыбаясь.

Рѣшилъ итти въ музей.

Толпы иностранцевъ.

Комнатка импрессіонистовъ.

Какой крѣпости, серьезности, простоты, настойчивости, силы воли — Сезаннъ, не подозрѣвающій о вдохновеніи, изжившій его.

Цвѣтные интегралы. Какъ аэропланъ въ небо, врѣзавшійся въ структуру природы. Для него все nature morte: портретъ жены, пейзажъ, купальщицы.

Писсаро отличается отъ него, часто только присутствіемъ лиризма.

Какими судьбами, Долголиковъ, глядя на картины Сислея — вспомнилъ Левитана?

Темпераментъ виртуозный — Монэ.

Грузный, кофейно-тѣстовый, тепло-черный, испанскій — Манэ.

Современный Тиціанъ, легкій, холодно-фарфорово-розово-голубой: Ренуаръ.

Гротеско-гойевскій-домьевскій: Тулузъ-Лотрекъ.

Изъ холода своего одиночества, изъ-за непереступаемой стѣны сѣро-дымнаго, бархатнаго головокруженья анемичной неврастеніи-зарисовки: бабьихъ кишечекъ, слизкихъ мускульчиковъ, складокъ окачивающіе холодной водой, болѣе четкіе, наглядные, чѣмъ описанія Гюисманса и разсказы Мопассана: Дега.

Дальше, непримѣтныя, пустыя залы, со вкрапленными: Пюви де-Шаванномъ, Коро.

Давно усталъ.

Тамъ, въ концѣ галлереи, за картинами стиля грандъ-отель, Лятуша — мягкая скамья.

Голодные глаза Долголикова вцѣпились въ жадные, пепельные глаза: русской дородной женщины; сидѣла, ругалась по польски, съ плюгавымъ господинчикомъ.

Не останавливаясь пошелъ домой.

Купилъ пару яицъ, вареной картошки, пти сюиссъ, хлѣба.

Жадно наѣлся.

Устало разлегся отдохнуть.

Къ 8, надо быть въ академіи, на наброски.

Заканчивалъ эскизъ, стараясь передать красками ощущенія, полученныя отъ музыки Бетховена. (По воскресеньямъ ходилъ на концерты — и возвратившись, лихорадочно, при свѣтѣ керосиновой лампы — сбрасывалъ съ себя на холстъ — сладкую муку и тяжесть).

Время отъ времени: стукъ въ дверь — не нужна ли модель? — «merci bien!» — отвѣчалъ Долголиковъ, не отрываясь.

Ахъ, какая досада — кончились бѣлила! Нужно итти покупать!

По лѣстницѣ спускалась группа, говорившихъ наперебой, по французски и нѣмецки: полькѣ, ругавшейся въ Люксембургскомъ музеѣ, съ плюгавымъ — «приходите завтра, теперь ужъ поздно, васъ кто-нибудь возьметъ позировать».

На слѣдующій день Долголиковъ нервно ждалъ.

Вотъ стукъ въ двери, идущія отъ лѣстницы.

Вышелъ въ корридоръ.

Женщина перестала стучать и пошла къ нему.

«Модель, модель», залепетала она.

Долголиковъ заговорилъ по русски.

«Ви гаваритъ по росиску?» — не вѣря ушамъ спросила она.

(Сѣверянка мечтаетъ о страстномъ испанцѣ или по крайней мѣрѣ французѣ).

Она изъ Австріи пріѣхала съ мужемъ смотрѣть Парижъ, но поругалась (приревновалъ ее въ ресторанѣ къ негру-лакею) — ушла, больше не будетъ жить съ нимъ; рѣшила стать моделью.

Жадно тянулся Долголиковъ цѣловаться, забывъ о давящей его кошмаромъ боязни заразиться.

При процессѣ насыщенья, окунувшись въ радость, захотѣлъ похвастаться мужской силой — «э, импотентъ!», весело окатила его женщина.

Перешли на ты. Она предложила жить вмѣстѣ. Долголиковъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не имѣетъ денегъ.

Его уже охватилъ ужасъ, что онъ заразился.

«Теперь все равно поздно!» вопилъ про себя Долголиковъ, все равно ужъ боленъ!»

Но, сдерживаться былъ уже не въ силахъ.

«Чѣмъ ты меня заразила?»

«Рисуй меня».

Раздѣлась. Онъ увидѣлъ растертый корсетомъ животъ («ай, сифилисъ!») и феноменально низко свисшія груди («раньше у меня были перси — во!» показала она рукой, изобразивъ на лицѣ: божеское самодовольство, гордую, дородную пышность). (Значитъ, отправная

точка исторіи въ ресторанѣ: мучительное желаніе убѣдиться, что все еще хороша, а мужъ искалъ случая: ласкать болѣе упругія груди).

Долголиковъ сдѣлалъ убогій набросокъ.

Долго не соглашалась взять денегъ за позированіе. Потомъ быстро одѣлась и ушла, можетъ быть, нарочно, забывъ шляпную булавку.

Несмотря на наступившее благоденствіе, умиротвореніе — изъ-за охватившей боязни, не могъ сидѣть на мѣстѣ.

Пошелъ въ академію, разсказалъ художнику, бывшему студенту-медику.

«Что: блудливъ какъ кошка — труслив, какъ заяцъ!» отпарировалъ тотъ.

НАРЦИССЪ

Садовникъ сказалъ, что пора начать поливку.

Долголиковъ сходилъ 8 ступеней, къ водоему. Становится на мостки и начинаетъ наклоняться.

На перевернутомъ небѣ — появляется далекій аэропланъ его лица. Онъ приближается. Долголиковъ смотритъ на себя подъ угломъ въ 80%.

Да, какія знакомыя черты — но такъ мало разгаданныя!

«Что такое я?» спрашиваетъ онъ себя, съ ранняго дѣтстав, стоя передъ зеркаломъ.

«Лицо продолговатое, смуглое, съ выступающимъ подбородкомъ, каріе глаза, густыя брови, шатенъ» — значится въ документахъ.

«Курушиное Яйцо» дразнили его въ дѣтствѣ.

Когда его глаза еще не сидѣли такъ глубоко въ орбитахъ — считалъ себя похожимъ на Наполеона.

Въ ученической шинели, съ металлическими пуговицами, въ фуражкѣ съ кантомъ и блестящимъ козырькомъ, Долголиковъ простоялъ однажды, добрыхъ полчаса, передъ зеркаломъ уборной ва-

гона III кл. со спокойнымъ и важнымъ видомъ, съ широко раставленными, для равновѣсія, попирающими — ногами.

(Онъ помнилъ картину «Наполеонъ на Беллерофонѣ» — не почувствовавъ ея смысла).

Будучи ученикомъ — носилъ прическу съ проборомъ по серединѣ и тоже — смотрясь въ зеркало, наблюдая себя, ковыряясь въ себѣ, проводя время съ собой (сравнивая себя съ великими): подрѣзая волосы — закрутилъ переднія концы — усами.

Это сдѣлало его похожимъ на Микельанджеловскаго Моисея (но у того — рога мудрости, божественности), а еще больше — на Мефистофеля, Люцифера (смѣсь упрямства съ малодушіемъ, жаждущій вопросъ).

Съ такой прической являлся въ училище. Нѣсколько учениковъ (изъ подававшихъ надежды) — скопировали ее. (Многіе изъ нихъ покончили съ собой втеченіи 2-3 лѣтъ).

Сейчасъ утро. Солнце золотитъ лѣвую щеку Долголикова. (Оно массируетъ его цѣлый день).

Нырнувши (навыворотъ) на дно колодца, видя себя: вопрошаетъ: «что такое — я? Кто я?!»

(Конечно, это не отвѣтъ,что теперь онъ — поджаренная русалка. Снѣгурочка подъ лучами лѣтняго солнца).

... Наконецъ, погружаетъ лейки въ воду.

Зеркало разбилось. Небо разорвано.

Онъ пересталъ существовать...

И вотъ — восхожденіе (Христа, конечно), 8 ступеней, потомъ тропинка.

Балластъ приклеиваетъ его къ землѣ. Тѣло рвется улетѣть, — но привязанъ дирижабль (руки канаты).

Долголиковъ вспомнилъ француза — хромого на обѣ ноги — болтавшійся при ходьбѣ, какъ корабль во время бури, съ глазами, выпученными больше лягушинныхъ, котораго зовутъ — Нарциссомъ.

Когда ходитъ въ городъ — внимательно смотритъ въ зеркала магазиновъ.

М. Шагалъ. Перрета и молочникъ

M. Chagall. Perrette et le Pot au Lait
(Série La Fontaine, 1924-1929).

М. Шагалъ. Юнона и павлинъ.

M. Chagall. *Junon et le Paon* (Série *La Fontaine*, 1924-1929).

Русская солдатская фуражка — ему къ лицу и сѣрая шинель (французы, въ концѣ 1919 года принимаютъ за нѣмца).

Но не это влечетъ его къ зеркалу (каждый для себя — непремѣнно красивъ), а «что такое — я?» спрашиваетъ онъ своего свидѣтеля.

Лицо шоколадное. Носъ виситъ по индюшиному; выпяченный подбородокъ — пріостановилъ его паденье. (Какъ на портретѣ японскаго мима — покрывшаго свой носъ нижней челюстью). Спасибо подбородку, онъ растетъ также быстро, какъ крысиные зубы, раздирающіе ей ротъ. Надо искать способъ остановить и его ростъ.

«Врагъ человѣчества!» окрестили Долголикова въ 12 лѣтъ.

Онъ знаетъ почему его лицо — обугленное, кофейное зерно: давно не былъ съ женщиной.

(Онъ любитъ наблюдать спрутовъ, умѣющихъ мѣняться въ лицѣ быстрѣе Христа, всегда напоминающихъ ему — пушкинскаго Черномора).

«Да, что такое: я? — и что нужно дѣлать, чтобы стать лучше, и смочь отвѣтить на вопросъ?!» спрашиваетъ онъ себя, возвращаясь къ колодцу.

И вотъ — снова, передъ зеркальнымъ кинематографирующимъ аппаратомъ.

Но, очередь не его.

Теперь позируетъ природа.

Склонившіяся ивы, красивыя, какъ оливки, купаются въ водяномъ небѣ.

Проплываетъ водяная крыса.

Рачекъ, изгибаясь морскимъ конькомъ, направляется въ воздушные моховые сады Семирамиды.

Два мертвыхъ листика, сцѣпившихся случайно, создавъ новое существо — дефилируютъ передъ пеликулей.

«Почему меня назвали «Врагомъ Человѣчества?!»

Нѣтъ, я еще имъ не сталъ!

Но — это проклятье моей жизни!

... Можетъ быть я имъ еще буду?!» вопрошаетъ Нарциссъ воду.

НИК. ОЦУПЪ.
ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Что собственно значатъ слова о гибели міра? О концѣ всего? Ничего еще не кончилось, хотя бы уже потому, что истребленіе одного человѣка другимъ — все таки жизнь. Гибнетъ прежнее ощущеніе жизни, не она сама.

Если правда, что искусство опережаетъ исторію, футуризмъ можно бы назвать первымъ, вчернѣ, планомъ новаго міра. Отмѣнялся человѣкъ ради системы, схемы, теоріи. Исторія, начавъ съ Россіи, развивается какъ будто въ этомъ именно направленіи.

Уже искусство устало отъ безчеловѣчности. Оно — такое и не могло долго существовать. Вѣдь у него не та власть и не въ томъ... Не сумѣвъ обворожить, футуризмъ не выжилъ. Слова вернулись въ искусствѣ къ человѣку. Но какъ успѣлъ онъ измѣниться за это время!..

Ничѣмъ не защититься — свое вплетается въ общее и хочетъ и не можетъ собрать себя. Затѣмъ — поэзія. Головокруженія, непрерывный шумъ въ ушахъ отъ музыки, не ставшей словомъ, отъ способности, часто — необходимости, писать. И нечеловѣческая дрессировка, чтобы замѣнить естественное вниманіе — къ подземному, подсознательному, въ себѣ главному, вниманіемъ искусственнымъ — къ борьбѣ; въ сущности за деньги, за то, что онѣ могутъ дать.

Слишкомъ откровенныя жалобы на это — Андрея Бѣлаго, напримѣръ, — вызываютъ чувство неловкости. Все таки, хотя бы это и было тысячу разъ справедливо, самъ поэтъ не долженъ плакать надъ своимъ погибающимъ даромъ. Еслибы Пушкинъ или Лермонтовъ любовались собой и не рисковали жизнью, когда этого требовали честь и совѣсть, другимъ и далеко не лучшимъ было бы ихъ наслѣдство.

Не въ поэтахъ, конечно, дѣло и не до поэзіи было бы сейчасъ, если бы въ ней и въ нихъ, какъ въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ, не удесятерилось то, что испытываетъ герой нашего времени. Грубыя лишенія, такъ сказать, тѣлеснаго порядка, еще не самое тяжкое. Все понимающій и ничего не умѣющій измѣнить духъ жалости и смятенія ни въ чемъ не находитъ опоры.

Герой нашего времени — существо безконечное усталое и несчастное. Онъ — живой укоръ побѣдителямъ, не воинъ больше — инвалидъ гуманизма.

По чьему же образу и подобію созданъ сегодняшній побѣдитель? Въ немъ есть черты еще невѣдомой расы. Все, что мѣшаетъ быть частицей нѣкоего общаго плана, у него отпало. Цѣлое вмѣсто части.

Человѣка нѣтъ, есть точка. Но такъ какъ точкѣ не надо чувствовать, идеалъ

его — безчувственность. Затѣмъ — безличность, чтобы легче имъ управляли изъ центра. А въ центрѣ не высшее, не лучшее существо — такая же, какъ онъ самъ, точка общей системы.

Это бываетъ на войнѣ (и не только на войнѣ) и называется дисциплиной. Но до сихъ поръ это было всегда исключителньой мѣрой на такой то срокъ. Отнынѣ это желанная форма всей вообще человѣческой жизни — навсегда, изо дня въ день, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

И то, что дѣлалось — для человѣка, ради его освобожденія отъ природы, по Федорову, даже отъ смерти, — дѣлается сейчасъ противъ человѣка, ради природы и съ помощью смерти.

Ради природы? Это одно изъ послѣднихъ и — признаемся — болѣе умныхъ и опасныхъ, чѣмъ до сихъ поръ — оправданій для коммунизма. Придумали его въ Германіи. Не существенно, что теченіе это, названное натуризмомъ, сейчасъ разгромлено. Существеннѣе, что европеецъ нашелъ выраженіе тому, во имя чего ему хотѣлось бы оправдать коммунистовъ. Молиться трактору все таки европеецъ не можетъ. Восхищаться системой ради системы ниже его. Сюрреалисты во Франціи вышли изъ положенія по своему: въ своихъ писаніяхъ, часто очень талантливыхъ, это — мистики-декаденты, въ теоріи — коммунисты. Какъ у нихъ уживается одно и другое, перестало быть удивительнымъ. Вѣдь удалось же Андрэ Жиду послѣ изумительныхъ строчекъ о христіанствѣ въ «Numquid et tu» дописаться до совѣтской казенщины.

У натуристовъ несвязуемое связано. Человѣкъ, пережившій войну и голодъ и возненавидѣвшій гуманизмъ за лицемѣріе, нашелъ своеобразное утѣшеніе: то, что называли зломъ, вовсе не зло, иначе и быть не можетъ. Природу не судятъ, ей подчиняются, къ ней приспособляются. Въ общемъ не судятъ и побѣдителей, особенно, если они коммунисты (это послѣднее затушевано).

Не обошлось у натуристовъ безъ Ницше, котораго — кто помѣшаетъ — выбрали они себѣ въ предки. Но сходства между ними и Ницше не больше, чѣмъ между трагедіей и оппортунизмомъ...

Природа — грандіозная, несоизмѣримая съ человѣкомъ и, пока есть смерть, вѣчный и безжалостный его истребитель, лишь по недомыслію и предательству, могла быть выбрана имъ для подражанія. Конечно, такъ человѣку жить будетъ легче. Ни угрызеній совѣсти, ни жалости не будетъ онъ знать, какъ ихъ не знаетъ сама природа. Уничтоженіе одного звѣря другимъ — въ порядкѣ вещей. Отчего не быть ему среди насъ?

Наоборотъ, лучше ужъ самимъ приблизиться къ природѣ и, организовавъ то, что въ ней хаотично, истреблять по схемѣ и плану...

***

Стихи — форма навязчивой идеи, дошедшей до просвѣтленія.

Это не маніакальный бредъ, это необходимость сказать, о чемъ міръ молчитъ. Никогда онъ не молчалъ такъ краснорѣчиво.

Поэтъ рѣдко — съ побѣдителями, и не сегодняшній же ихъ обликъ привлечетъ его къ нимъ.

Поэтъ не уступаетъ чужой власти.

Для сбившихся въ кучу, чтобы больше было животной теплоты, конечно, онъ тоже «не свой». Но только у истинно вѣрующихъ такая потребность любить и столько ясности въ одномъ: въ сознанiи своего ничтожества.

Какъ они, видитъ поэтъ свою и чужую заячью беззащитность отъ звѣздъ и отъ жизни.

Чужое униженiе пронизываетъ его сквозь стѣны комнаты. Чужая гибель, чужой позоръ безнадежно лишаютъ покоя.

И что за мучительные у него самого перерывы, когда воля не можетъ больше тащить весь умирающiйся душевный составъ который, не имѣя возможности быть въ своей стихiи и вспоминая привычные жесты враждебной и необходимой суеты, погружается въ сонъ, въ тяжелый сонъ съ видѣнiями того, что надо бы дѣлать.

Сонъ на днѣ всего — какъ уничтоженiе, какъ переходъ въ безсмысленный и безболѣзненный покой растенiй, сонъ — пропасть, обморокъ.

Для героя нашего времени, какъ для поэта, сонъ — прибѣжище и величайшая опасность. Сонъ — усталость отъ борьбы, сдача природѣ. Не этотъ «восьмичасовой рабочiй» сонъ, конечно, а болѣе глубокiй и соблазнительный, сонъ на яву, когда —

останавливается рука
И начатаго кончить не могу.

Сонъ, въ которомъ человѣкъ, хотя бы и прослывъ умѣющимъ за себя постоять, погибаетъ отъ нѣжности, сочувствiя, безпомощности.

Изъ бесѣды:

— Все, что насъ удручаетъ, было и будетъ. Не ровно столько, немного меньше бѣдствiй заразъ, но все же — бѣдствiя, униженiя, разрушенiя, гибель — были всегда, вездѣ. Съ этимъ бороться невозможно, думать объ этомъ не стоитъ. Посмотрите лучше атласъ рыбъ. Не правда ли, какое чудо вотъ эта: она проглатываетъ дѣтенышей при видѣ опасности, а потомъ снова ихъ выпускаеатъ живыми.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ любопытно.

Слушаешь такого собесѣдника и думаешь: такiе всегда были въ сторонѣ, въ невозмутимости естествознанiя, это — ботаники, звѣздочеты, живущiе по часовой стрѣлкѣ исторiи, не видя ея минутъ и секундъ.

Гете, съ его теорiей красокъ и олимпiйствомъ, конечно, изъ ихъ числа.

Они говорятъ о планетарномъ добрѣ тихимъ голосомъ.

Это о нихъ: ты ни холоденъ ни горячъ! Ихъ сердца на тысячи миль отъ мученичества и мучительства!

И все таки съ ними иногда можетъ быть совпаденiе у каждаго. Изъ своего чувства природы не дѣлаютъ они политическихъ выводовъ, какъ натуристы.

Да и кто — хотя бы на короткое время — не заключалъ съ природой перемиріе.

Все длится непонятная борьба
И вдругъ нежданное согласованье,
Когда твоихъ березокъ худоба
Печалитъ больше, чѣмъ свое страданье.

Ни христіанства, ни гуманизма, вѣрной и блѣдной тѣни Евангелія!

Много сейчасъ въ Европѣ новообращенныхъ въ христіанство, въ частности, въ католицизмъ, но почему то дѣла это не мѣняетъ. Для однихъ это — повѣтріе, новая мода, другіе видятъ въ этомъ средство борьбы съ коммунизмомъ. Они и правы, быть можетъ, но религія по единственному своему смыслу — не средство, а цѣль.

У нихъ же удареніе перенесено съ католицизма на коммунизмъ. Не такъ они восхищаются первымъ, какъ ненавидятъ второе. И вотъ — религіозное чувство мститъ за себя. Оно не хочетъ быть въ подчиненіи, хотя бы и у очень высокой, но ему посторонней, задачи.

Отсюда — холодъ, идущій отъ этой вѣры, ея неспособность разжечь угасающій огонь.

А онъ угасаетъ.

Герой нашего времени окончательно растерялъ даже то, что нашелъ еще въ Евангеліи Толстой, и такъ уже замолчавшій все, что у Христа надъ землей и послѣ земли. Для нашихъ современниковъ самый образъ Христа подернулся дымкой условности, сталъ символомъ утрачиваемой прежней культуры (всего лишь культуры). Для нѣкоторыхъ Онъ — память о духовномъ счастіи, но тоже бывшемъ и утраченномъ.

— Какъ прежнему счастью, еще дорогому,
Мы вѣримъ тебѣ и не вѣримъ, прости!

Во имя чего же?

Казалось бы — ни вѣры, ни плана, ни цѣли — ничего. Откуда же эти силы сопротивленія, эта полная невозможность просто такъ побѣдителю уступить, это знаніе какой то своей истины, которой еще не нашли мы имени.

Есть у Паскаля намекъ на душевную грубость, когда онъ вычисляетъ, почему такъ выгодно вѣрить въ загробную жизнь. Грубость случайная — слишкомъ много рядомъ волненія и сомнѣній, слишкомъ много потрачено жизненнаго тепла.

И потомъ эти грубоватые подсчеты загробныхъ выгодъ, быть можетъ, только своего рода тактика для увлеченія простѣйшихъ душъ простѣйшими средствами. Но, разумѣется, не это привлекало лучшія сердца и были они лучшими не изъ расчета купить удобства въ жизни вѣчной. Они знали, во имя чего живутъ такъ, а не иначе, и въ этомъ единственное ихъ отличіе отъ сегодняшнихъ того же типа лю-

дей. Тѣ и другіе шли путемъ наибольшаго сопротивленія. Среди по нему идущихъ сейчасъ — не оберешься людей полуразрушенныхъ, много разъ ослабѣвавшихъ. Но спасеніе, какъ всегда, только въ нихъ.

Есть испытаніе грубостью.

«Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ».

Сейчасъ необходимо въ себѣ развить настойчивость, волю къ побѣдѣ надъ грубымъ міромъ. Ея можетъ и не быть. Но стоицизмъ не для побѣды навѣрняка. Онъ скорѣе для сохраненія достоинства въ пораженіи.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ.
ЧЕЛОВѢКЪ И ЕГО ЗНАКОМЫЕ.

1.

Какъ часто, присутствуя на литературныхъ собраніяхъ, я поражался какому то снисходительному, преувеличенно спокойному, почти презрительному тону, которымъ молодые писатели говорятъ объ общественныхъ вопросахъ, напр., о такъ называемомъ «общемъ дѣлѣ эмиграціи», тема, на которую, по традиціонному скату, чаще всего съѣзжаетъ дискуссія тамъ, гдѣ скучая собираются русскіе. И не съ той точки зрѣнія, правы они или нѣтъ, а просто меня всегда интересовало, куда дѣвалась страстность этого поколѣнія, или они такъ и родились съ холодной кровью. Но нѣтъ, едва вышедши изъ собранія, съ его бутафорскимъ предсѣдателемъ и «предыдущими ораторами», въ кафе, или на дому, собравшись тѣснымъ кругомъ, они опять обрѣтаютъ способность волноваться и даже ссориться «изъ за идей», во всякомъ случаѣ говорятъ о нихъ съ той же теплой заинтересованностью, съ которой они играютъ въ карты, ревнуютъ, ненавидятъ, завидуютъ. Только все это «въ личномъ порядкѣ».

Дѣйствительно, чувствовалъ и я самъ: есть что то замораживающее, ирреализирующее, упрощающее все, въ перенесеніи разговора «на общественную почву», какъ будто собравшись въ накуренномъ помѣщеніи, люди будутъ ближе другъ къ другу, полюбятъ что ли другъ друга по соціальному заказу. Напротивъ, нигдѣ такъ не чувствовалъ я одиночества, разъединенности, взаимной враждебности и если ужъ такъ

Другъ другу мы тайно враждебны,
завистливы, глухи, чужды...

Почему же тѣ же вопросы такъ интересно бываетъ обсуждать вдвоемъ, вчетверомъ за чаемъ, впятеромъ, возвращаясь домой. Отвѣта, кажется мнѣ, недалеко искать... Потому, что тамъ они разворачиваются въ живой атмосферѣ взаимнаго интереса, въ атмосферѣ любви, а выходить изъ круга любви и людямъ, и идеямъ вредно, губительно. Особенно людямъ вредно видѣться съ тѣми, кто ихъ недостаточно любитъ, ибо человѣкъ съ трудомъ переходитъ мѣру, положенную ему уваженіемъ другого, и трудно быть умнымъ, трудно, мнѣ кажется, вообще дышать въ присутствіи недоброжелателя. Конечно, это не касается людей съ разъ навсегда готовымъ міросозерцаніемъ, которые даже любятъ митинги и препирательства. Ну такъ значитъ и всегда было? Да, вѣроятно, такъ всегда и было, и всѣ общественныя движенія есть лишь постъ-фактумъ, поздній разрядъ какого то идейнаго тепла, которое было скоплено въ тѣсныхъ кружкахъ, рождено съ глазу на глазъ. И христіанство тому примѣръ; ибо въ свой героическій періодъ

это было буквально «Христосъ и его знакомые», такъ что исторія религій правильно замѣчаетъ, что такія событія, какъ входъ въ Іерусалимъ, должны были происходить въ совершенно частномъ, прямо, семейномъ порядкѣ, иначе или они были бы запрещены, или «профанская» исторія сохранила бы о нихъ какой нибудь слѣдъ. Потомъ только все это было подхвачено геніальными популяризаторами-журналистами, вродѣ Павла, съ рѣдкой безцеремонностью приспособлено къ состоянію умовъ, «попало въ газеты», сказали бы мы теперь. Итакъ, я за личное общеніе... Но вотъ данный молодой человѣкъ извѣстенъ тѣмъ, что ни въ какомъ частномъ кругу не загорается, не оживляется никогда. «Кого же Вы любите»? «Я? никого въ частности. Я люблю общество, человѣчество». (Патентъ на каменное сердце).

Теперь меня могутъ спросить: Ну, а какъ же борьба съ большевиками? Я отвѣчу: Идейная борьба съ большевиками безполезна. Она закончена, ибо оба лагеря дошли до крайняго выраженія своихъ идей (Личность священна — Личность ничто) и вотъ «почему намъ стало скучно». Идеи эти уже могутъ только сталкиваться, сталкиваясь пріобрѣтать все болѣе грубую уличную форму (форму переругиванья). Съ большевиками можно бороться, только отвѣчая насиліемъ на насилье, новымъ бѣлымъ движеніемъ, дѣйствіемъ, а не словами.

2.

На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, ни чистой личности, ни чистаго общества, противопоставленнаго ей, нѣтъ вовсе. Какъ нѣтъ ни положительнаго, ни отрицательнаго электричества, безъ муки раздѣленія и безъ стремленія преодолѣть это временное, неестественное состояніе. Ни того, ни другого въ чистомъ видѣ, ибо повсюду видимы кружки, тѣсныя группы, дружескія компаніи, семьи, вообще живая безформенная «среда» и во всякомъ случаѣ не абстрактное равенство. Нѣтъ, одинъ человѣкъ безконечно цѣннѣе другого не вообще, а по роли своей около любящаго его. Такъ, Христосъ воскресилъ Лазаря, поступивъ внѣшне нелогично, даже несправедливо, соблазнительно, ибо почему тогда не всѣхъ вообще воскресилъ. Отвѣчу: потому что Лазарь былъ его личный другъ. Ибо и Богъ имѣетъ друзей, напр., Іоанна, возлежавшаго на груди Божіей. Вообще царство небесное, думается мнѣ, не казарма и не театръ, и въ немъ никакого равенства передъ Богомъ, начальствомъ, а рядъ живыхъ, ничѣмъ не объяснимыхъ таинственныхъ личныхъ заговоровъ съ Богомъ. Святость есть никому не объяснимыя личныя отношенія съ Богомъ, на подобіе супружеской любви, въ «качество» которой никто извнѣ проникнуть не можетъ, а извнѣ «Что они дѣлаютъ? душа съ Богомъ, или мужъ съ женой». «Да все тоже самое» (соблазнъ и чепуха).

Не существуетъ абсолютной личности, и это по моему декадентская выдумка, потому что, даже желая остаться самъ съ собою, человѣкъ только суживаетъ кругъ своего общенія, остается со своими воспоминаніями о людяхъ же и никогда не остается одинъ, даже въ ненависти или презрѣніи къ окружающему; такъ и вѣрующій никогда не одинъ и, лишенный друзей на необитаемомъ островѣ, бесѣдуетъ

съ тѣнью, съ идеей абсолютнаго друга, который бы все понялъ и все раздѣлилъ. И личность и общество только математическіе предѣла, съ приближеніемъ къ которымъ увеличивается боль. «Чужой въ народѣ», «Со всѣми и безъ никого» — отсюда безконечная печаль казенныхъ учрежденій и благонамѣренныхъ рѣчей.

3.

Неповторимость личности раскрывается только любящему, и присутствіе, собраніе любящихъ (хоть бы ихъ было только двое) необходимо, что бы родиться, распуститься дарованію (кромѣ дарованія чудовищъ самомнѣнія), отсюда своеобразная мораль тѣсныхъ кружковъ и оправданность ихъ снобизма. «Этотъ своимъ носомъ, своими манерами разрушаетъ нашу атмосферу», ибо часто идеи только еще смутное вѣянье, они только «носятся надъ собравшимися», и одна только позитивная физіономія способна помѣшать имъ родиться. (Такъ, въ маломъ Прустъ и вѣрнѣе герой его и Суанъ были «къ дѣлу», а «чучела третьей республики» всему мѣшали, а въ великомъ христіанство тоже было какой то неуловимой атмосферой галилейскихъ разговоровъ Христа и его друзей, которую Павелъ, напр., совершенно не понялъ, не могъ понять, потому что не былъ при этомъ, напр., въ вопросѣ о бракѣ, о котормъ Павелъ грубо, прямо таки оскорбительно грубо пишетъ, въ то время, какъ самъ Христосъ не только присутствовалъ на свадьбахъ, но еще и обращалъ воду въ вино, чтобы они были веселѣй.

Павелъ своимъ бѣшенымъ темпераментомъ свелъ на нѣтъ, заговорилъ, стеръ съ лица земли Іерусалимскую общину, ибо три года даже не поинтересовался поѣхать въ Іерусалимъ, распросить о манерахъ, о голосѣ, о внѣшности Іисуса, а пріѣхалъ только для того, чтобы устроить грандіозный скандалъ).

Эмиграція есть не армія будущей Россіи, даже не кадры ея, скучающіе въ бездѣйствіи, а просто какая то русская манера смотрѣть на міръ (ибо тамъ, гдѣ два еврея читаютъ Тору, тамъ и Палестина). Россіи, если она дѣйствительно интеллегибель, живая идея, не нуждается вовсе въ огромномъ количествѣ поклонниковъ. Отсюда я часто оправдываю явленіе такъ раздражающаго отцовъ эмигрантскаго благополучнаго отношенія къ міру и какой то новой стоической бодрости, ибо жизнь ея не на собраніяхъ и не въ передовыхъ статьяхъ, а тамъ же, гдѣ и всякая жизнь: въ дружескомъ кругу, въ мало понятной ея полурукописной литературѣ и въ особой русской грусти каждаго жеста, каждаго слова, каждой улыбки эмигрантскаго молодого человѣка. Но съ Россіей у каждаго тоже свои личные счеты, въ тайну которыхъ невозможно проникнуть со стороны.

4.

Чему, собственно, вы огорчаетесь? — хочется мнѣ всегда спросить; вѣдь, если Россія есть, какъ идея, она безсмертна, неистребима, не нуждается въ газетныхъ статьяхъ, и въ свое время кругъ преступленія закончится кругомъ нака-

занія, а онъ въ свою очередь кругомъ раскаянья, и «бѣсноватый усядется у ногъ Христа», какъ говоритъ Мережковскій. Напрасно Вы думаете, большевизмъ вовсе не такое поверхностное явленіе для Россіи, ибо не только онъ уже былъ въ Писаревско-Добролюбовскомъ предпочтеніи хорошо сшитаго сапога Венерѣ Милосской, но и въ страстномъ радикализмѣ Толстого онъ уже былъ, да и вообще въ глубоко свойственномъ русскимъ желаніи свести христіанство только къ христіанской морали, все это ошибка масштаба, назначеніе которой привести человѣка въ «темную ночь» святого Жуана де ла Круа. Послѣ которой, то есть, послѣ полнаго, предѣльнаго, разочарованія во всякомъ «позитивномъ» счастьи только и начинается религіозная жизнь. И что другого можетъ сказать христіанинъ большевику, какъ не то, что сказалъ Господь Богъ Адаму, то есть, «пойди и попробуй», и даже принципіально жалко, что въ Россіи такъ слабо получается съ матерьяльнымъ благополучіемъ, ибо только когда оно будетъ повсемѣстно достигнуто, человѣкъ, испробовавъ его, войдетъ въ окончательную «темную ночь», то есть въ мистическую смерть, только черезъ которую и доходитъ человѣкъ до христіанства. «Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Мы заговоримъ съ народомъ тогда, когда онъ захочетъ насъ слушать, а пока мы знаемъ, что никакая соціальная путаница не можетъ разрушить личной жизни человѣка, на глубинѣ которой находится его величайшая радость, его личное, никому не передаваемое общеніе съ человѣкомъ и Богомъ.

ЮРІЙ ТЕРАПІАНО.
«НА БАЛКАНАХЪ».

«Будни эмиграціи — куда мы идемъ?», «Отчего мы погибаемъ?» — таковы заголовки двухъ послѣднихъ собраній литературныхъ обществъ — «Зеленой Лампы» и «Перекрестка». Много вѣрнаго и грустнаго говорилось на этихъ собраніяхъ: несомнѣнно, уровень интенсивности зарубежной жизни сейчасъ въ пониженьи. Въ первые годы эмиграціи былъ еще свѣжій пафосъ, нерастраченныя силы; въ годы, примѣрно съ 25 по 30 жизнь какъ будто бы нашла свои формы, но съ 31-го года кризисъ и пустота начали ощущаться все съ большей остротой. Оказалось, что жили мы, какъ бы въ четвертомъ измѣреніи, въ воображаемомъ продолженіи прошлаго. Петербургъ и Москва на берегахъ Сены одно время заставили даже въ себя повѣрить. Одно время казалось, что, дѣйствительно, свѣтильникъ творческой, духовной жизни Россіи унесенъ нами въ Исходъ, и можетъ свѣтить здѣсь хотя бы слабымъ огнемъ, но тѣмъ же, качественно прежнимъ, и что наша задача лишь въ томъ, чтобъ этотъ огонь сохранить и вернуть опять на мѣста, когда часъ настанетъ. Пафосъ хранителей священнаго огня, быть можетъ, и давалъ намъ право внутренне не погибать, потерявъ Россію во времени и пространствѣ, хранить ее въ духѣ. Отблескомъ этой миссіи, волей принять, въ случаѣ нужды, факелъ изъ рукъ предыдущаго поколѣнія, была воодушевлена эмигрантская молодежь. Вокругъ хранителей огня совершилось нѣкоторое чудесное объединеніе поколѣній, отцовъ и дѣтей, обычно враждующихъ. И вотъ какими-то судьбами ключъ вдругъ выскользнулъ изъ рукъ, прошелъ сквозь пальцы, провалился неизвѣстно куда. Что случилось? Почему вдругъ наступили будни? Будни эмиграціи — страшное явленіе: это означаетъ, что не только въ силу цѣлаго ряда матеріальныхъ причинъ мы стѣснены (писатели покинуты читателями, поэты должны издавать книги на берестяной корѣ, какъ въ 20-хъ годахъ, во время Московскаго голода), это означаетъ, что въ эмиграціи погибъ человѣкъ. Погибло, въ силу общаго безразличія, существо существующаго, остался бѣженецъ.

Въ чемъ дѣло? Существуетъ ли Исходъ, или мы были увлечены въ свое время лишь призракомъ его? Мнѣ кажется, съ Исходомъ получилось недоразумѣніе. Исходъ былъ вначалѣ, но за эти годы совершился процессъ, который привелъ насъ совсѣмъ къ другому: къ совершенно самостоятельному государственному образованію. Создалось государство въ государствахъ, опредѣлимое даже территоріально, новая славянская страна, на подобіе какого-нибудь балканскаго государства.

Сами того не замѣчая, мы выпустили изъ рукъ великодержавный масштабъ прежней Россіи и подмѣнили его мѣрой несравненно меньшей, но жизненно стойкой. Умалилось все въ — пропорціи 180 мил. къ 2.000.000. Именно то обстоятельство, что въ разсѣяніи мы сумѣли организовать свой устойчивый бытъ, свою прес-

су и свою зарубежную литературу, повело, при недостаточномъ вниманіи къ себѣ, къ превращенію Исхода въ новообразованіе.

Для того, чтобы вѣрнѣе судить самихъ себя, намъ слѣдуетъ пересмотрѣть все — и бытъ, и газеты, и литературу: не есть *ли это*, такое, какимъ оно есть, только «Зарубежье», вновь образованная страна съ двухмилліоннымъ, приблизительно, народонаселеніемъ?

Ужасно, если такъ окажется: на верхахъ и на низахъ образовался стойкій, самодовлѣющій бытъ (— матеріальный, духовный) ужасно, если мы, дѣйствительно, только — «славянская народность».

Революціонеры (или контръ-революціонеры) — тѣ, для кого главная цѣль борьба въ Россіи и внѣ Россіи, тѣ одинокія вершины былой Россіи, наши политическіе дѣятели, публицисты и писатели, молодежь — мечтающіе о Петербургѣ (котораго при жизни не видѣли), прозаики и поэты — всѣ они, какъ будто, все менѣе и менѣе становятся пріемлемыми массѣ. Страшно говорить такія слова, но вдругъ — это правда? Память о странѣ, изъ которой мы всѣ произошли, не есть жизнь, воспоминаньями о прошломъ творить настоящаго нельзя.

А настоящее, такое, какимъ оно является намъ сегодня, въ ожиданьи туманнаго будущаго, когда мы вернемся въ Россію, отъ Россіи отходитъ. Сила мѣстнаго и здѣшняго, все болѣе и болѣе оттѣсняетъ на задній планъ всероссійскій масштабъ. Сколько лѣтъ уже мы говоримъ о зарубежной литературѣ и не хотимъ понять, что она не зарубежная, а русская. Мы относимся къ ней, какъ къ литературѣ новообразованья, а кому въ новообразованьяхъ нужна литература?

Физическій разрывъ нашъ съ писателями, пишущими по ту сторону, подъ большевистскимъ гнетомъ, превратился, въ сознаніи многихъ, въ разрывъ духовный. Мы говоримъ объ Олешѣ, Зощенко, Пастернакѣ и др. не тѣмъ языкомъ, какимъ говоримъ о явленіяхъ, гораздо менѣе значительныхъ, своей, зарубежной страны. Подлинный нашъ день — то,что дѣлается здѣсь, вокругъ этихъ событій то и дѣло вращается остріе критики и полемики. Что же? Въ каждомъ балканскомъ государствѣ есть свой Прустъ и своя Контесъ до Ноай и соотвѣтственная лѣстница чинопочитанья, и такъ же кипитъ борьба, ничуть не менѣе острая, чѣмъ въ дѣйствительной столицѣ. А пріемы этой борьбы въ Зарубежьи — критика, полемика, методы управленія литературой, дѣйствительно, съ каждымъ годомъ становятся все болѣе «балканскими»...

Мнѣ кажется, — я говорю о литературѣ, о младшей вѣтви нашей литературы, т. е. потенціально - активной, — положеніе ея и останется «балканскимъ» (въ узкомъ кругу значительнымъ или незначительнымъ, въ жизни 180.000.000 народа просто незамѣченнымъ), — если не явится личность, способная творчески преодолѣть инерцію бѣженства, превратить въ своемъ сознаніи пребываніе заграницей въ Исходъ, бытъ — въ трагедію. *Личность эта должна* вернуть намъ утраченное всероссійское сознаніе: эта личность представляется мнѣ не одиночкой, литературнымъ мессіей, такая личность, такое сознаніе должны быть соборными.

АНТОНЪ КРАЙНІЙ.
СОВРЕМЕННОСТЬ.

МІРЪ

Всѣ согласны: міръ сейчасъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, находится въ скверномъ положеніи. Куда ни взглянуть, въ ближнюю сторону, или дальнюю, на общее или частное, — все и вездѣ неладно. За одно послѣднее десятилѣтіе, уже послѣ катастрофы, въ тѣ именно годы, когда ожидалъ міръ своего восхожденія, онъ въѣхалъ въ порядочную низину. Мы спуска не замѣчали: это былъ спускъ «на тормозахъ». Но стоитъ сдѣлать усиліе, реально вспомнить свое, чужое или общее положеніе десять лѣтъ тому назадъ, поставить его рядомъ, вплотную, съ сегодняшнимъ... и какими «прекрасными днями Аранжуэца» покажутся эти дни минувшіе!

Узкое и надоѣвшее опредѣленіе: «міровой экономическій кризисъ» — ничего не объясняетъ. Что-то, молъ, въ постройкѣ міра расклеилось, не то благодаря развитію техники, не то, несмотря на него. Надо только сговориться, какъ расклеенное снова склеить. Толстой тоже любилъ повторять: «стоитъ людямъ сговориться...» и тоже не понималъ, что именно сговоръ-то между людьми тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ онъ нужнѣе.

Странно тоже: печальники о внѣшнемъ расклеиваніи міра не обращаютъ вниманія, что онъ расклеился и внутренно. Можетъ быть, увѣрены, что съ подклейкой извнѣ — онъ изнутри и самъ подклеится. Вопросъ, положимъ, не рѣшенъ, что ведетъ за собою другое: внѣшній ли развалъ человѣческаго міра — внутренній, или наоборотъ. Безспоренъ лишь тотъ фактъ, что одинъ развалъ безъ другого не бываетъ, ибо человѣческій міръ, по выраженію Вл. Соловьева, «душетѣлесенъ». Этого довольно бы, кажется, чтобы, изслѣдуя трещины на стѣнахъ наружныхъ мірового зданія, полюбопытствовать, какого онъ вида на внутреннихъ.

Обсужденіемъ міровыхъ современныхъ дѣлъ я заниматься, конечно, не буду. Да это и не нужно. Въ вопросѣ о «современнности» нельзя достаточно сузиться, т. е. можно сузиться до любого предѣла: въ самомъ маленькомъ уголкѣ мы найдемъ отраженной ту же современность, то же самое сегодня-данное. Вѣдь міровой «спускъ на тормозахъ» (можетъ быть и не законченный) произошелъ во всѣхъ точкахъ одновременно. Все въ связи со всѣмъ. Какъ бы сообщающіеся сосуды, независимо отъ размѣра.

РУССКІЙ СТАКАНЪ

Онъ очень малъ. Особенно тотъ, который я беру — эмиграція, и еще уже — интеллигентный, культурный ея слой.

Сдѣлать усиліе памяти, сравнить себя — эмиграцію — начала 20-хъ годовъ

съ собой въ началѣ 30-хъ, — очень полезно. Хотя линія судебъ нашихъ и находится въ подобіи съ обще-міровой — наша, въ томъ же отрѣзкѣ времени, ярче. Пока міръ пережилъ одну катастрофу, мы пережили двѣ. Такъ жеярокъ, впрочемъ, нагляденъ, и чудовищный декадансъ Россіи совѣтской за это десятилѣтіе. Но не буду останавливаться на общеизвѣстномъ.

Вотъ почему съ трудомъ вѣрится: эмигрантская интеллигенція всѣхъ возрастовъ, направленій, убѣжденій была, въ первое время своей европейской жизни, такъ сплочена, какъ не бывала раньше, на широкихъ пространствахъ родины. Мы это забыли, видя сегодня такое ея распыленіе и разбросанность, какой опять въ нормальной Россіи не было. Прошлый моментъ сплоченности людей культурнаго слоя былъ, вѣроятно, результатомъ еще живого сознанія, что у нихъ одинъ общій врагъ. Тотъ же у политиковъ всѣхъ направленій, тотъ же у людей науки, у людей искусства... Физіологически чувствовали они въ немъ — врага культуры, и понятенъ порывъ ихъ — совмѣстно защищать драгоцѣнное русское достояніе.

«Культурныя дѣла» русской эмиграціи того времени будутъ когда нибудь оцѣнены. Ихъ было много, и много усилій. Но... сдѣлаемъ опять маленькій, частный опытъ. Положимъ рядомъ: какой нибудь органъ русской прессы, № года 33-го, — и пожелтѣвшій № 20-хъ годовъ. Изъ пожелтѣвшаго улыбнется жизнь, — какая ни на есть, но жизнь, — а бѣлый, новый... онъ даже не удивитъ своей плоской, старой скукой.

Когда же начался и какъ происходилъ «спускъ на тормозахъ?» Медленный, подпольный процессъ подвелъ сначала нашу интеллигенцію къ тому прежнему состоянію, въ которомъ она находилась въ Россіи. Тамъ, раздѣленная партіями, направленіями, кружками, она, и враждуя, была скрѣплена, внѣшне и внутренно. Но здѣсь, у эмиграціи внѣшней скрѣпы не было, той, которая еще оставалась у западныхъ народовъ: своей земли. Скрѣпа внутренняя? Но чтобы продолжать быть скрѣпой, она должна непрерывно мѣняться, шириться, возрастать... Неопредѣлима внутренняя жизнь: это совокупность движенія мысли, воли, путь дѣйственнаго творчества, прикосновенье къ бергсоновскому «élan vital». Говоря-же просто — это способность, или отношеніе, къ «о б щ и м ъ и д е я м ъ».

Удивляться-ли, что русская интеллигенція, среди медленнаго сниженія міра, который и самъ терялъ внутреннюю жизнь, не удержала своей послѣдней скрѣпы? Разъединеніе, распыленіе пошло дальше. Незамѣтно низился культурный уровень. А параллельно ухудшалось и положеніе внѣшнее.

На частномъ примѣрѣ зарубежной интеллигенціи, примѣрѣ такомъ наглядномъ, мы, можетъ быть, поймемъ кое что яснѣе и въ ней, и въ движеніи культуры, и — въ современности.

ЧЕЛОВѢКЪ И ТАЛАНТЪ

Одинъ изъ очень хорошихъ показателей — литература. Къ ней въ данномъ случаѣ мы и обратимся.

Литература русская (а она была у насъ не плохая, неправда-ли?) тѣмъ осо-

бенно отличалась, что имѣла очень мало «пустотъ». Не говорю уже о первостепенныхъ писателяхъ; но и второстепенные — почти ни одинъ не былъ для литературы: литература была для него. Т. е. не отдѣлялъ, ни сознательно, ни безсознательно, своихъ писаній отъ себя и отъ жизни; литература была для него средствомъ — никогда цѣлью. Источникъ-же творчества — это, какъ я говорю, отношеніе человѣка къ «общимъ идеямъ». Силой и качествомъ отношенія опредѣлялась и цѣнность литературныхъ произведеній, ихъ долговѣчность (какъ, впрочемъ, и всегда опредѣляется). У Толстого сила его отношенія къ общимъ идеямъ переросла качество, къ концу жизни. Но отъ этой легкой дисгармоніи онъ не переставъ быть Толстымъ, она лишь повліяла на цѣнность кое какихъ писаній въ послѣдніе годы.

Все дѣло въ томъ, что слово «талантъ» употребляется нами неумѣстно. Оно неприложимо къ писателю, художнику, технику, политику и т. д.; оно приложимо только къ человѣку. Талантливый «человѣкъ», обладающій какой нибудь спеціальной способностью, — скажемъ, писательской, — и будетъ настоящимъ писателемъ, тѣмъ большимъ, чѣмъ сильнѣе и качественно выше его человѣческій талантъ, т. е. его отношеніе къ внутренней сторонѣ, къ общему внутреннему трепету жизни.

Талантливыхъ людей на свѣтѣ бывало больше, чѣмъ мы думаемъ. Не говоримъ-ли мы иногда о моментѣ историческаго подъема: какая талантливая эпоха! Возможно и обратное: періоды несчастій, обусловленныхъ изсякновеніемъ творческаго таланта въ человѣчествѣ...

Во всякомъ случаѣ, обернувшись къ Россіи, отъ Россіи — къ эмигрантскому культурному слою, и отъ него, безстрашно съуживаясь, къ современной нашей литературѣ, — признаемъ, что и она отмѣчена человѣческой бездарностью. Въ такъ называемой «беллетристикѣ» еще обольщаетъ порою, у того или другого литератора, его спеціальная способность, словесная и глазная. За умѣнье пріятно и красиво соединять слова, «рисовать» ими видимое, мы, по привычкѣ называемъ такого находчиваго человѣка «талантливымъ писателемъ». Подобныхъ талантовъ у насъ много, куда больше, чѣмъ (въ обычномъ смыслѣ) бездарностей. Къ примѣру назову лишь одного писателя, изъ наиболѣе способныхъ: Сирина. Какъ великолѣпно умѣетъ онъ говорить, чтобы сказать... ничего! потому что сказать ему — нечего.

Еще хуже (или лучше, ибо виднѣе), когда къ обольщеніямъ беллетристики прибѣгнуть нельзя, когда пишется статья, критическая или другая, гдѣ ужъ нельзя, какъ будто, ничего не сказать. Однако, и тутъ современный литераторъ ухитряется затянуть свое неимѣнье сѣткой словъ и какъ-то осязательно самъ, въ писаніяхъ своихъ, «не быть». Степень писательской способности, гибкость, навыкъ, — все это у авторовъ разное; но, при одинаковой человѣческой бездарности, цѣнность писаній ихъ — одна.

Такая бездарность тѣмъ меньше сознается, чѣмъ она полнѣе (совершенно, полной, вѣроятно, нѣтъ). Для многихъ это, пожалуй, и лучше: начатокъ, проблескъ пониманія своего человѣческаго неудачничества (т. е. и писательскаго) можетъ принести иному милліонъ терзаній. Безсильныя вспышки сознанія часто

ведутъ лишь къ озлобленію, къ потерѣ равновѣсія, а порою къ потерѣ и своихъ способностей.

МИЛЛІОНЪ ТЕРЗАНІЙ

Въ нашей литературѣ человѣчески-бездарные писатели со способностями попадались и раньше. Они забыты или забываются. Довольно бездарный человѣкъ — Фетъ. А изъ болѣе новыхъ, типичная бездарность съ крупными писательскими способностями — Брюсовъ. Онѣ, впрочемъ, въ концѣ ему измѣнили, какъ это нерѣдко случается. Бездарности своей Брюсовъ, благодаря ея большой полнотѣ, не сознавалъ, а потому, кажется, и терзаній никакихъ не испытывалъ.

Въ современности, къ типу Брюсова надо отнести Ходасевича. Подобій и сходствъ (не въ ихъ произведеніяхъ, конечно: какъ писатели, они самостоятельны) между ними можно найти много, даже мелкихъ: сходствъ во вкусахъ, склонностяхъ, въ методѣ работы... Но это подробности, главное же — что у обоихъ нѣтъ того, что мы называемъ «талантомъ», т. е. нѣтъ отношенія (ни интереса) къ «общимъ идеямъ». Типъ «спеца», сосредоточившагося (въ зависимости отъ области, въ какой онъ работаетъ) на словосочетаніяхъ, или на статистикѣ, или на изученіи какой нибудь пятой тараканьей ножки. Боже меня сохрани осуждать такія почтенныя и полезныя занятія! Но сейчасъ мы говоримъ о другомъ.

Въ Ходасевичѣ, однако, уже нѣтъ брюсовской безмятежности: нѣкое подозрѣніе относительно себя и «общихъ идей» его видимо коснулось. Сознаніе своего безсилія вызываетъ въ немъ раздражительную безпокойность; толкаетъ на борьбу со всѣмъ, что хоть какъ нибудь можетъ напомнить ему о человѣческомъ «талантѣ».

Очень въ этомъ смыслѣ, показателенъ недавній его фельетонъ о романѣ «Отечество». Въ простомъ разсмотрѣніи — это лишь банальныя нападки на «тенденцію» въ искусствѣ. Но постановка и тонъ защиты искусства таковы, что нельзя не догадаться, гдѣ настоящій врагъ критика, и чѣмъ онъ втайнѣ уязвленъ.

Съ первой же строки — попытка отвода: критикъ признаетъ «общія идеи» (такъ и говоритъ: «общія идеи»). Онъ даже способенъ будто бы нѣкоторыя раздѣлять. Но искусство существуетъ помимо нихъ. Отношеніе писателя къ общимъ идеямъ (человѣческій талантъ!) уничтожаетъ художественность произведенія. Развѣ что вытекутъ онѣ оттуда сами, внѣ воли и сознанія автора... Критикъ, впрочемъ, не заботится доказывать, что идеи въ романѣ «Отечество» не «вытекаютъ»; это, въ концѣ концовъ, ему не важно; важно, что онѣ тамъ есть.

Съ чисто художественной точки зрѣнія въ данномъ романѣ не трудно увидѣть недостатки: неопытную неровность письма, лишнее повтореніе словъ, сухость образовъ... Замѣчательность этой книги прошла бы, вѣроятно, мимо узко-художественной критики, хотя и она отмѣтила бы ея гармонію и органичность. Но Ходасевичъ такой критикой не занятъ. «Искусство» для него только щитъ, съ которымъ онъ идетъ противъ главнаго врага. Скоро и щитъ оставленъ. Критикъ дѣлаетъ прямой, — и самый неловкій — выпадъ противъ... какъ будто идеи, какъ будто въ

романѣ заключенной. Я говорю «какъ будто», потому что и на самый грубый взоръ «антисемитизмъ» не есть «идея», во-первыхъ; а во вторыхъ — и такой-же грубый взоръ не могъ бы усмотрѣть его въ романѣ. Со стороны критика такая неловкость — не результатъ ли крайне раздраженнаго состоянія? въ подобномъ состояніи случается пренебречь и очевидностью.

Примѣръ этотъ тѣмъ интересенъ, что какъ нельзя больше открываетъ намъ безсиліе писаній литераторовъ, очень способныхъ, но не одаренныхъ человѣческимъ талантомъ. Ни въ чемъ упрекать ихъ, даже въ раздражительности, нельзя; и безъ того ихъ терзанія, при сознательныхъ проблескахъ, слишкомъ остры. Да и гдѣ чья вина? Можетъ быть, это просто современность, отразившись и въ нашемъ маленькомъ русскомъ стаканѣ, населила нашу литературу писателями безъ человѣческихъ талантовъ?

ОПЯТЬ МІРЪ

Виноватыхъ и вины нѣтъ, мы напрасно старались бы искать ее. Достаточно, если мы увидѣли вотъ эту важную черту современности (черту, — или одну изъ причинъ современнаго, общаго, состоянія міра): оскудѣніе творческаго начала въ человѣчествѣ, паденіе человѣческой талантливости. Оплотнѣла, огрубѣла матерія; «élan vital», волна первожизненнаго порыва, сталкивается съ ней, и, не проникнувъ внутрь, — разбивается.

М. КАНТОРЪ.
О ГЕТЕ.

Въ 1899 году С. А. Андреевскій, преданный — хоть и нѣсколько поверхностный — ученикъ Флобера, присутствовалъ во Франкфуртѣ на торжествахъ по случаю 150-лѣтія со дня рожденія Гете. Въ своей «Книгѣ о смерти» Андреевскій посвятилъ нѣсколько горестно-удивленныхъ строкъ тогдашнимъ своимъ впечатлѣніямъ.

«Церемонія происходила въ августѣ, въ тихій солнечный день. Декораторы выдумали устроить надъ чугунной статуей Гете высокую клѣтку изъ золоченныхъ прутьевъ, совершенно такого же фасона, какъ клѣтки для попугаевъ. Прутья были перевиты зеленью и цвѣтами, но, конечно, спереди монументъ обрисовывался вполнѣ, сквозь широкое отверстіе. Площадь была запружена публикой и депутаціями со знаменами и значками. По-очереди какіе-то румяные коренастые ораторы, въ лоснящихся цилиндрахъ, пошло и звучно отчитывали заученныя привѣтствія, напрягая голосъ и жестикулируя передъ статуей, какъ передъ беззащитнымъ, но глубокоуважаемымъ начальствомъ. Послѣ каждой рѣчи трубачи играли тушъ.

«Мнѣ было жутко за Гете....»

Что сказалъ бы бѣдный Андреевскій, если бы ему суждено было дожить до новаго юбилея и новыхъ манифестацій передъ памятникомъ Гете — среди дикаго смятенія умовъ, въ ядовитой атмосферѣ демагогіи и ненависти?

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ нити, связывающія современную Германію съ Германіей Вертера и Вильгельма Мейстера?

Однако, вовсе не въ этой связи суть. «Надгробныя надписи не дѣлаются подъ присягой», сказалъ какъ-то докторъ Джонсонъ. Живой образъ Гете не присутствовалъ на юбилейныхъ торжествахъ ни въ концѣ 19-го вѣка, ни теперь, въ 1932 году. Чествованія эти — не болѣе, какъ одинъ изъ обрядовъ установившагося культа, потому что самая фигура Гете давно уже перемѣстилась изъ міра реальностей въ царство мифа.

Слово «мифъ» здѣсь отнюдь не метафора. Сила такихъ сакраментальныхъ представленій необычайно велика. О героѣ литературнаго мифа почти невозможно ни говорить, ни даже думать, съ той свободой, съ какой мы привыкли говорить и думать о всякомъ другомъ писателѣ и поэтѣ. Мы дѣйствительно находимся какъ бы въ магической сферѣ, не допускающей независимаго подхода.

Вся огромная литература о Гете объ этомъ свидѣтельствуетъ. За крайне рѣдкими исключеніями, сужденія о немъ — комментаріи вѣрующихъ, а не вольная критика. Нужно величайшее усиліе, чтобы подойти къ Гете безо всякой предвзятости, безъ суевѣрнаго трепета. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей нашего времени не побоялся въ очень торжественной обстановкѣ заявить, что плохо знакомъ съ творчествомъ Гете. Однако, это не помѣшало ему произнести рѣчь, въ которой не отсутствовалъ ни одинъ изъ догматовъ установившагося культа. Ораторъ не

покривилъ при этомъ душой. Когда рѣчь идетъ о мифѣ, важно не знаніе, важна только вѣра.

Мифъ о Гете есть мифъ всемірный. Однако, какъ ни парадоксально это звучитъ, свободный подходъ къ личности и творчеству Гете всего болѣе труденъ для людей германской культуры. Вкладъ, внесенный Гете въ нѣмецкую умственную жизнь, давно въ ней растворился, распался на тысячи анонимныхъ крупицъ. Когда нѣмецъ подходитъ къ творчеству Гете, какъ къ цѣлому, происходитъ какъ бы узнаваніе чего-то извѣстнаго (вспомнимъ собственное наше отношеніе къ Пушкину). Это узнаваніе совсѣмъ не равносильно сознательному сліянію съ Гете, оно — результатъ своего рода физіологической связи съ нимъ, въ извѣстномъ смыслѣ затрудняющей, а не облегчающей подлинное пониманіе. Поэтому для людей не-нѣмецкой культуры все-таки свободный подходъ къ Гете осуществимъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ для самихъ нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, возможностью этой до сихъ поръ мало пользовались.

***

Гете назвалъ «Фаустъ» трагедіей. Не знаю, одобряетъ ли это школьная теорія словесности. Но вотъ что въ самомъ дѣлѣ плохо мирится съ нашимъ представленіемъ о трагедіи: въ «Фаустѣ» участь главнаго героя нисколько насъ не интересуетъ. Едва ли кого-либо занималъ вопросъ о томъ, что станется, въ концѣ концовъ съ докторомъ Фаустомъ: вниманіе привлекаетъ только мысль Фауста, но не его переживанія. Въ лучшемъ случаѣ возможно, по ихъ проекціи, построить нѣкій отвлеченый образъ, но образъ этотъ лишенъ самостоятельнаго бытія. Личная судьба Эдипа или Гамлета глубоко насъ захватываетъ. Фаустъ — только носитель безплотныхъ идей.

Зато Гретхенъ — обладаетъ подлинной жизнью. Ея плѣнительная наивность, чистота ея любви полны непосредственной убѣдительности; и всякій сопереживаетъ съ ней ея отчаяніе. Подобно Антигонѣ или Офеліи, — образъ ея — порожденіе напряженнаго, подлинно-творческаго воспріятія міра. У воротъ ея тюрьмы дѣйствительно «вся скорбь человѣчества» охватываетъ насъ.

Чѣмъ объяснить такое странное несоотвѣтствіе?

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Фаустъ и Гретхенъ созданія двухъ различныхъ душевныхъ «климатовъ». Это было бы непонятно, если бы «Фаустъ» возникъ органически, изъ единаго клубка мыслей, чувствъ, настроеній. Какъ извѣстно, дѣло обстояло далеко не такъ. Такъ называемый «Urfaust», первоначальная версія, относящаяся къ 1770-1774 гг. (о существованія которой не подозрѣвали вплоть до послѣдней трети XIX-го вѣка), представляетъ собою вполнѣ законченную трагедію Гретхенъ. И напротивъ, отсутствуетъ еще въ этой версіи то, что, собственно говоря, составляетъ содержаніе драмы самого Фауста. Съ большей или меньшей точностью можно утверждать, что только лѣтъ двѣнадцать спустя, въ концѣ 80-хъ годовъ, Гете, принявшись за переработку стараго сюжета, рѣшительно измѣнилъ перспективу. Въ самомъ дѣлѣ, только «Фрагментъ», появившійся въ 1790 году, окончательно переноситъ замыселъ въ иной планъ, ставя въ центръ драмы самого Фауста и его «титанизмъ».

Знаменательныя даты: съ одной стороны, 70-ые годы, бурные порывы юности, «Sturm und Drang», эпоха созданія «Геца», «Вертера», «Клавиго», «Стеллы»; съ другой — послѣ-итальянскій періодъ, «цѣль и мѣра», приближающееся «олимпійство». Дѣйствительно, два различныхъ психологическихъ климата.

Однако, говоря по правдѣ, это еще не объясненіе. Пусть въ промежуткѣ между «Urfaust»-омъ и «Фрагментомъ» Гете испыталъ нѣкій душевный кризисъ, приведшій его отъ смятенныхъ порывовъ молодости къ мудрому равновѣсію, отъ романтизма avant la lettre — къ пережиткамъ классицизма: отсюда, казалось бы, вовсе еще не слѣдуетъ, что Гете долженъ былъ утратить способность художественнаго воплощенія. Одной хронологіей тутъ, очевидно, дѣлу не пособишь.

«Посвященіе» къ «Фаусту» заканчивается двумя многозначительными строками:

«Was ich besitze, seh ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten».
(То, чѣмъ я обладаю, я вижу какъ бы издали,
А что исчезло, становится для меня дѣйствительностью).

И въ самомъ дѣлѣ, созданіе «Фауста» — точнѣе: переработка первоначальной версіи — предполагали и то и другое: отказъ отъ новаго пониманія міра, всецѣло опредѣлявшаго уже духовную жизнь Гете въ эпоху «Фрагмента», и возвратъ къ тѣмъ настроеніямъ, которыя владѣли имъ въ ранній, до-итальянскій (пользуюсь здѣсь этимъ ходячимъ, хотя и далеко не точнымъ дѣленіемъ) періодъ. По замыслу Гете, Фаустъ долженъ отобразить весь пылъ, всѣ порывы, все смятеніе собственной его молодости. Зрѣлый Гете какъ бы перевоплощается въ самого себя — въ юношу эпохи «Urfaust»-а. Для этого дѣйствительно приходилось многое забыть и очень многое вспомнить.

Необходимость такого усилія объясняетъ уже отчасти, почему образъ Фауста страдаетъ отвлеченностью. Одно дѣло — творчество, питаемое соками переживаній, не успѣвшихъ отойти въ область личной исторіи поэта; и совсѣмъ другое — возсоздаваніе привидѣвшихся нѣкогда образовъ на основаніи воспоминаній, изъ обрывковъ давно преодолѣннаго опыта.

Но и это объясненіе еще далеко не исчерпываетъ проблемы. Если даже признать, что приписываемая Гете способность сохранять какъ бы въ консервированномъ видѣ, въ «капсюляхъ» (Гундольфъ) свои давно изжитыя настроенія — не болѣе какъ произвольный домыслъ, мало правдоподобный въ приложеніи къ поэту, который такъ настаивалъ на связи своего творчества съ дѣйствительностью и стихи свои называлъ «стихами на случай», — то все-таки что-то отъ плоти и крови того образа, который тревожилъ Гете въ его юные годы, должно было уцѣлѣть въ окончательной редакціи драмы, и тѣмъ больше конкретныхъ чертъ должна была она сохранить, чѣмъ автобіографическій элементъ въ ней сильнѣе. Между тѣмъ именно конкретности, плоти и крови, Фаусту не достаетъ.

Невольно возникаетъ предположеніе, что причина кроется не только въ томъ, что образъ этотъ возсоздавался ретроспективно.

Біографы и критики Гете — въ особенности нѣмецкіе — съ нѣсколько комическимъ единодушіемъ говорятъ о «титанизмѣ», которымъ, по ихъ глубокому убѣжденію, отмѣчена была молодость поэта. Гете эпохи Вертера изображается сверхчеловѣкомъ, богоборцемъ — «титаномъ», отказывающимся принять узкія рамки земного существованія, какъ предѣлъ, положенный свыше. Откуда берется это представленіе? Можно, безъ риска ошибиться, предположить, что на девять десятыхъ оно подсказано философіей «Фауста». Однако, «Фаустъ», повторяемъ, только истолкованіе нѣкоего законченнаго и преодолѣннаго этапа въ духовной эволюціи поэта, только позднее свидѣтельство о самомъ себѣ. Вполнѣ ли точное и искреннее? Вся суть въ этомъ.

Если обратимся къ другимъ признаніямъ Гете, но признаніямъ современнымъ, т. е. къ тѣмъ, въ которыхъ міроощущеніе молодого поэта отразилось не сквозь призму памяти, а непосредственно, еще не остуженное позднѣйшей рефлексаей, то обнаруживается довольно странная вещь. Обнаруживается, что при всей безмѣрности и безкрайности стихіи ч у в с т в а, владѣвшей душой молодого Гете, — чувство это никогда почти не измѣняетъ своей природѣ, никогда не отрицаетъ самого себя. «Гецъ», «Вертеръ», «Эгмонтъ», не говоря уже о «Клавиго» или «Стеллѣ» — чистыя созданія эмоціи. Ничего, кромѣ игры страстей, найти въ нихъ нельзя — ни метафизики, ни богоборчества, словомъ, — никакого «титанизма».

Правда, кое какія попытки перенести свои переживанія въ иной планъ оставили слѣдъ въ литературномъ творчествѣ молодого Гете. Онъ замышлялъ писать «Цезаря», «Сократа», «Магомета», «Прометея», «Вѣчнаго Жида». Но очень показательно, что онъ не пошелъ здѣсь дальше плановъ, черновыхъ набросковъ, отрывковъ. Ясно, что «титанизмъ» не былъ переживаніемъ стихійнымъ, первичнымъ, какъ тѣ эмоціональные комплексы, которые съ неодолимой «демонической» силой нашли себѣ выходъ въ «Вертерѣ», «Эгмонтѣ» или «Urfaust»-ѣ. По сравненію съ лихорадочнымъ монологомъ Вертера, какъ наивно упрямство Прометея и сколь доктринальнымъ кажется вызовъ, посылаемый имъ богамъ!

При этомъ не долженъ вводить въ заблужденіе «спинозизмъ» Гете, на который такъ часто ссылаются какъ на свидѣтельство метафизическихъ исканій поэта. Пантеизмомъ, подсказаннымъ ему Спинозой , Гете пользовался скорѣе всего какъ удобной формулой, выражавшей болѣе или менѣе точно его собственное м і р о щ у щ е н і е. Въ пантеистической исповѣди Фауста, вошедшей уже въ «Urfaust» («Кто посмѣетъ назвать его?..), провозглашается начало единенія съ природой, въ ея эстетически - чувственномъ аспектѣ, не не болѣе того. Достаточно вспомнить заключительныя слова этого монолога, какъ бы резюмирующія его основную мысль: «Gefühl ist alles» — «все сводится къ ч у в с т в у». Дальше этого философія молодого Гете не шла. Если угодно, именно «спинозизмъ» служитъ прямымъ подтвержденіемъ почти безраздѣльнаго господства эмоціональной стихіи въ творчествѣ Гете до-итальянскаго періода.

Если все это такъ, то мы уже вплотную подходимъ къ рѣшенію, котораго добиваемся. Въ самомъ дѣлѣ, не тѣмъ ли объясняется отвлеченность, схематичность фигуры доктора Фауста, что, вновь обратившись къ переживаніямъ своей юности, Гете — вольно или невольно — перенесъ ихъ въ высшій планъ, что онъ какъ бы

«сублимировалъ» свои юношескія страсти, преувеличенно подчеркнувъ въ нихъ элементъ «титанизма», который, быть можетъ, и окрашивалъ ихъ слегка, но никогда ими не владѣлъ, такъ что творческое его изживаніе было дѣломъ невозможнымъ? Иными словами, въ противоположность тому, какъ слагался образъ Гретхенъ, Фаустъ не пережитъ, а измышленъ, и проблематика его не прочувствована, не выстрадана, а конструирована. Вотъ почему Гретхенъ живетъ, а Фаустъ — только фантомъ, только схема, въ которую безсильно вдохнуть истинную жизнь геніальное соединеніе лирики и резонерства, обезсмертившее имя Гете.

⁂

Для того, чтобы личная судьба писателя, будучи художественно преображена, могла пріобрѣсть убѣдительность, способность воздѣйствовать на другихъ, необходимо, чтобы мы могли со-пережить его опытъ, и если опытъ этотъ приводитъ къ опредѣленному пониманію міра, мы должны пройти вмѣстѣ съ художникомъ путь отъ заблужденія къ прозрѣнію, имъ самимъ продѣланный. Таково — беру наиболѣе близкій намъ примѣръ — наше отношеніе къ Толстому. Въ творчествѣ его мы присутствуемъ при долгомъ, мучительномъ процессѣ исканія истины, и мы не можемъ не соучаствовать и въ найденномъ рѣшеніи, хотя бы на повѣрку оно оказалось неудовлетворяющемъ насъ.

Ничего подобнаго не даетъ намъ испытать Гете. Самый характеръ его внутренней эволюціи исключаетъ со-участіе, потому что въ ней не было элементовъ борьбы между какими-либо антиномичными началами. Господству чувства, которымъ отмѣченъ былъ первый періодъ, не было противопоставлено его отрицаніе; чувство введено было только въ рамки, ограничено, подчинено «мѣрѣ и цѣли» и призвано на службу «дѣйствія», какъ «высшаго вывода мудрости».

То былъ процессъ почти біологическаго порядка: у Гете (въ противоположность, напр., Генриху фонъ Клейсту) чувство было проявленіемъ прежде всего жизненной энергіи; именно въ силу этого оно неминуемо должно было къ жизни приспособиться, т. е. себя ограничить. Въ такомъ ходѣ личнаго развитія нѣтъ почти элементовъ, способныхъ быть проэцированными во-внѣ и со-пережитыми.

Поэтому то отношеніе къ жизни, которое выработалось у Гете послѣ Sturm und Drang-a, не обладаетъ для насъ силой непосредственной убѣдительности. Гете заставлялъ насъ соучаствовать въ его переживаніяхъ, пока онъ жилъ подъ властью страстей, находившихся въ конфликтѣ между собою или со внѣшнимъ міромъ. Но мы отказываемся слѣдовать за нимъ, когда онъ предлагаетъ намъ готовое міросозерцаніе, или, точнѣе, нѣкоторую совокупность принциповъ, усвоенныхъ въ результатѣ жизненнаго процесса, намъ недоступнаго.

И въ самомъ дѣлѣ, трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что какъ только Гете отходитъ отъ изображенія чувствъ, захваченныхъ въ живомъ ихъ проявленіи, онъ сразу утрачиваетъ доступъ къ нашей душѣ, что формулы, въ которыхъ выражается его положительное міровоззрѣніе, доходятъ до насъ только какъ слова, почти обезкровленныя.

Иногда онъ довольствуется тѣмъ, что какъ бы просто декретируетъ примире-

ніе съ жизнью: трагической картинѣ придается новый смыслъ путемъ насильственнаго перегиба острія. Такъ въ «Эгмонтѣ», въ заключительной сценѣ присоединяется видѣніе Клерхенъ въ образѣ «Свободы въ небесныхъ покровахъ», покоящейся на облакѣ. Какъ объяснено въ ремаркѣ, она жестами ободряетъ приговореннаго къ смерти Эгмонта, «признаетъ въ немъ побѣдителя и протягиваетъ ему лавровый вѣнокъ». При этомъ зрѣлищѣ Эгмонтъ преисполняется бодрости, и гибель, которую онъ ранѣе считалъ жестокой и безсмысленной, представляется ему въ новомъ, примиряющемъ свѣтѣ. Въ «Фаустѣ», къ трагическому заключительному аккорду первой версіи: «Она осуждена!», прибавляются два слова, мѣняющія смыслъ драмы: «Она спасена!». Въ «Ифигеніи» всеобщее просвѣтлѣніе приходитъ неожиданно, какъ истинный deus ex machina. Въ «Торквато Тассо» внезапное смиреніе поэта, страдающаго болѣзненной чувствительностью (Гете даетъ почти клиническую картину душевнаго заболѣванія, постигшаго историческаго Тассо), не можетъ не повергнуть зрителя, — а тѣмъ болѣе читателя — въ полное недоумѣніе.

Не приходится особенно удивляться тому, что Гете оказался безсиленъ сдѣлать насъ соучастниками своего «просвѣтлѣнія». Исторія литературы знаетъ очень мало примѣровъ, когда бы лишенное цѣлостности міровоззрѣніе, сводящееся въ основѣ къ проповѣди самоограниченія и разумнаго дѣйствованія, служило богатымъ источникомъ творческаго вдохновенія. Самъ Гете отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ, когда признавался, что

Meine Dichterglunt war sehr gering,
Solang ich dem Guten entgegenging;
Dagegen brannte sie lichterloh,
Wenn ich von drohenden Uebeln floh.

(Мой поэтическій пылъ былъ ничтоженъ,
Пока я шелъ навстрѣчу Добру;
Напротивъ, онъ ярко разгорался,
Когда я спасался отъ грозящихъ золъ).

Онъ отлично зналъ, что

... behagt dem Dichergenie
Das Element der Melancholie.

(Геній поэта чувствуетъ себя привольно
Въ стихіи меланхоліи).

Не случайно поэтому «выздоровленіе» Гете совпадаетъ съ его обращеніемъ къ классицизму. Готовыя формы, завѣщанныя античностью, должны были замѣнить тотъ непосредственный творческій порывъ, который рождается только изъ душев-

ной смятенности. Въ этомъ смыслѣ и надо, вѣроятно, понимать извѣстное «Klassisch ist das Gesunde». «Классическое» и «здоровое» другъ друга обуславливаютъ. Психика, стремящаяся къ устойчивости, невольно ищетъ устойчивыхъ формъ выраженія. Введя эмоціональную стихію въ русло, Гете естественно обратился къ классицизму. Только ему могъ онъ безъ риска довѣриться:

Einzig veredelt die Form den Gehalt.
(«Pandora»).

(Только форма облагораживаетъ содержаніе)

Уловилъ ли Гете подлинный духъ античности, — трудно сказать. Нѣкоторые авторитетные судьи въ этомъ сомнѣваются (Джильбертъ Моррей). Но одно несомнѣнно: поэтическая температура его произведеній классическаго періода все болѣе понижается. Постепенно все становится условнымъ: положенія, характеры, построеніе. Слова теряютъ свою ударную силу. Мы оказываемся въ мірѣ абстракцій и алгебраическихъ формулъ. Самъ Гете не могъ заглушить въ себѣ сознаніе, что трудно найти замѣну той Dichterglut, которая въ немъ нѣкогда пылала. Его обращеніе къ научнымъ изысканіямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не только задѣтъ былъ непониманіемъ публики, но испытывалъ усталость отъ своихъ чисто-литературныхъ занятій.

Та же неудовлетворенность толкала его на поиски новыхъ образцовъ и новыхъ поэтическихъ сюжетовъ. За ними обращается онъ къ персидской поэзіи, къ мотивамъ китайскимъ, ново-греческимъ, сербскимъ, шотландскимъ, финскимъ. Принято приписывать это универсализму его генія. Да, конечно, универсализмъ, но до извѣстной степени вынужденный. Набѣги Гете на міровую литературу — послѣдствіе не избытка силъ, а ихъ оскудѣнія. A la longue всѣ эти суррогаты отказываются служить. Послѣднія художественныя произведенія Гете обнаруживаютъ безразличіе его ко всему, чѣмъ онъ раньше такъ дорожилъ. Поражаетъ ихъ вялость, аморфность, непостроенность. Невольно напрашивается мысль, что съ теченіемъ времени классицизмъ Гете «діалектически» довелъ себя до своей антиноміи.

* *
*

Но олимпійство Гете подвергнуто было еще и другому испытанію. О подлинномъ смыслѣ этого испытанія позволительно только догадываться, но не учесть его — значитъ не понять исторіи «зрѣлаго» Гете. Сравнительно легко справившись со своей юношеской безмѣрностью, выйдя на торную дорогу мудрости и самоограниченія, подозрѣвалъ ли онъ, что еще не всѣ опасности миновали? Вѣроятно, подозрѣвалъ, потому что самъ какъ то говорилъ о мятежныхъ возможностяхъ, таившихся въ его душѣ, несмотря на видимое равновѣсіе.

Несомнѣнно, въ нѣкій моментъ своего жизненнаго пути Гете убѣдился, что возведенное имъ зданіе не такъ уже прочно, какъ казалось, что новый кризисъ, которымъ грозитъ розливъ душевной стихіи, будетъ много значительнѣе и много

серьезнѣе, чѣмъ тотъ споръ съ собою — довольно невинный, — который онъ пережилъ nel mezzo del cammin... Мы знаемъ, что взрыва не произошло. Цѣною какихъ усилій, какими чарами заклялъ Гете опасность? — этого угадать намъ не дано. Но что грозный призракъ безмѣрности вновь ему являлся — тому есть безспорныя свидѣтельства. И тѣ немногія строки, въ которыхъ слышатся отголоски приближавшейся грозы, принадлежатъ къ лучшему изъ всего, что создалъ Гете и, можетъ быть, изъ всего, что создано нѣмецкой поэзіей.

Такъ среди затѣйливой оркестровки «Западно-Восточнаго дивана» раздается, въ «Selige Sehnsucht», внезапный крикъ боли и восторга, — призывъ къ «высшему сопряженію», къ преодолѣнію всѣхъ далей, къ огненной смерти:

Keine Ferne macht dich schwierig,
Kommst geflogen und gebannt,
Und zuletzt, des Lichts begierig,
Bist du, Schmetterling, verbrannt.

Огненная смерть — неужели случайно тотъ же символъ повторяется и въ «Коринфской невѣстѣ»:

Bring in Flammen Liebende zu Ruh!

и въ «Богѣ и баядеркѣ»:

Und mit ausgestreckten Armen
Springt sie in den heissen Tod.

Здѣсь мы вновь готовы со-переживать, какъ въ дни «Вертера» и перваго «Фауста», здѣсь снова дуновеніе рока, обнаженное человѣческое сердце. Гдѣ то тлѣла въ Гете искра, способная зажечь роковой костеръ. Она дала только мгновенныя рѣдкія вспышки, но какого ослѣпительнаго блеска!

Какъ настигла эта буря олимпійца, проповѣдника «мѣры и цѣли»? Какъ спасся онъ отъ нея? Гете не открылъ намъ этой тайны — Фаустъ не повѣдалъ міру, что видѣлъ онъ въ жуткомъ царствѣ «матерей». Костеръ не разгорѣлся и не освѣтилъ своимъ пламенемъ міра. Мы должны довольствоваться ровнымъ, негрѣющимъ свѣтомъ «прекрасныхъ соразмѣрностей».

(Изъ очерка «Наслѣдство Гете»).

ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ.
КУЛЬТУРА СЛОВА КАКЪ КУЛЬТУРА ЛЖИ.

Мысль изреченная есть ложь.
Тютчевъ.

I.

Проблема слова — одна изъ глубочайшихъ проблемъ человѣчества, въ нѣкоторомъ смыслѣ основополагающая. Вѣрнѣе сказать, Слово — величайшая, одна изъ величайшихъ цѣнностей человѣчества, основа культуры; проблемой же оно становится, когда доходятъ до сознанія его опасности и соблазны, его рокъ. И именно въ нашу эпоху проблематика слова не только должна обостренно осознаваться, но еще и получаетъ особо угрожающее значеніе.

Ни въ малѣйшей степени не собираюсь я предаваться нигилистическимъ сомнѣніямъ, отрицанію глубиннаго и рѣшающаго созидательнаго значенія Слова. Но признавая его неотъемлемое для человѣческой культуры существо, я хочу отмѣтить угрозы, которыя изъ него же проистекаютъ, его извращая.

1. Слово есть неотъемлемое орудіе мышленія и общенія — этимъ достаточно сказано для установленія его смысла. Незачѣмъ разсматривать, которая изъ этихъ двухъ функцій порождаетъ другую — тѣмъ болѣе, что процессъ становленія можетъ одновременно протекать въ обоихъ направленіяхъ. Но можно сказать, что — не генетически, а систематически — слово, какъ орудіе духовнаго монолога, первичнѣе и значительнѣе слова, какъ орудія соціальнаго діалога. Пусть функціи скрещизаются, пусть не діалогъ есть усложненіе монолога, а наоборотъ, монологъ есть лишь элиптическое претвореніе діалога, тотъ предѣльный его случай, когда совпадаютъ собесѣдники. Пусть индивидуальное мышленіе внѣ общенія не могло бы развиться, не могло бы даже быть зачатымъ; но высвобождается Слово въ своемъ существѣ, когда оно въ совпаденіи говорящаго и воспринимающаго — нейтрализуетъ обоихъ. Освобожденное, что неизмѣримо развертывается, перерастая потребности общенія. Изъ стихіи безсознательныхъ проявленій, неосознанныхъ внушеній и зараженій—оно здѣсь вторично рождается къ самостоятельному бытію. Крикъ вырывается и заражаетъ услышавшаго его, внушая то содержаніе, которое его вызвало; словомъ онъ станетъ, лишь утвердивъ въ одномъ сознаніи и прямую и обратную связь между содержаніемъ и его звуковой оболочкой.

Въ этомъ смыслѣ жизнь Слова въ духѣ первѣе жизни его въ обществѣ, хотя бы рождалось оно изъ общенія. Бытіе слова для себя первѣе его бытія для другихъ. Мыслимость слова первѣе его изрекаемости. Воплощенный Логосъ — изреченное слово, — связываетъ души, въ которыхъ онъ уже живетъ.

2. Въ непрерывномъ переливчатомъ потокѣ вѣчно измѣнчиваго и повторно возвращающагося бытія и сознанія, воспріятій и переживаній — слово выдѣляетъ, фик-

сируетъ, кристаллизуетъ около себя нѣкіе брызги или волны этого потока. Благодаря этому мы не только узнаемъ и выдѣляемъ ихъ, но получаемъ возможность вызывать ихъ въ сознаніи отдѣльно отъ несущаго ихъ потока, связывать ихъ мысленно по иному, строить изъ нихъ новыя построенія; получаемъ возможность надъ міромъ протекающаго во времени бытія возводитъ новую постройку — культуры.

Сѣть, сплетенная словомъ, накладывается на непосредственную стихію переживаній, вѣчно изъ ея элементовъ сплетаемая, непрерывно на нее воздѣйствующая. Сѣтью слова мы улавливаемъ непосредственную стихію бытія и орудіемъ слова воздѣйствуемъ на него; сквозь сѣть слова мы его усматриваемъ, а потому сѣть слова и заслоняетъ его отъ насъ. Благодаря слову мы получаемъ точку опоры внѣ бытія и рычагъ для воздѣйствія на него; сквозь сѣть слова мы его усматриваемъ, а потому сѣть слова и заслоняетъ его отъ насъ. Благодаря слову мы получаемъ точку опоры внѣ бытія и рычагъ для воздѣйствія на него, создаемъ устойчивый міръ изъ зыбкости вѣчной измѣнчивости, — міръ, которымъ мыслимъ и слѣдовательно, въ которомъ живемъ, который своей устойчивостью прикрываетъ отъ насъ зыбкое сущее.

Творческимъ актомъ Логоса создается культура и — заслоняется бытіе, подводится фундаментъ подъ ставшее возможнымъ строительство и тѣмъ самымъ прикрывается почва, на которой оно возведено. На сваяхъ строятся жилища и живущіе въ нихъ не видятъ болота, въ которое погружены сваи.

3. До Слова нѣтъ истины, есть лишь голое бытіе, слѣпое переживаніе. Только слово даетъ заданіе истины, вызываетъ запросъ на нее, ставитъ ее критерій. Сѣтью слова, сплетенной изъ бытія, мы улавливаемъ бытіе; истиной слова и будетъ — улавливаемость имъ бытія. Но творя истину, Логосъ тѣмъ самымъ создаетъ и возможность лжи, ибо не обезпечено его соотвѣтствіе бытію. Породитель истины, Логосъ является и отцомъ лжи.

4. Не одну только возможность неправды и лжи создаетъ слово; его существо неизбывно сюда тяготѣетъ, непреодолимо влечетъ сюда. Ибо слово есть окостенѣніе. Изъ измѣнчиваго потока оно вырываетъ несущуюся частицу, превращая ее въ окаменѣлость, изъ повторнаго дѣлая неподвижное, измѣнчивое стремясь превратить въ постоянное. Въ этомъ — смыслъ слова; но въ этомъ и неизбѣжное его несоотвѣтствіе смыслу. Самая задача утвердить текущее — искажаетъ текущее и дѣлаетъ утвержденіе не адэкватнымъ ему.

5. Слово есть окаменѣлость, а означаемое имъ подвижно не только въ своемъ существѣ, но и въ своемъ существованіи. Оно становится инымъ, разливается, разростается или съеживается, пронизывается постороннимъ или въ постороннее внѣдряется, расщепляется или объединяется съ инороднымъ. Слово, по задачѣ своей, такъ же неподвижно, какъ измѣнчиво содержаніе; отсюда неизбывное ихъ расхожденіе.

6. Однако, и слово не только «значитъ», но и существуетъ, и слѣдовательно, какъ все существующее — вопреки своей задачѣ — не остается неподвижнымъ; оно измѣнчиво и само, — отсюда новое основаніе возростающаго несоотвѣтствія; ибо подвижнсть и жизнь словъ и содержаній протекаютъ по разнымъ — по своимъ собственнымъ путямъ. Слова обростаютъ словесными же связями, переносами;

пріобщаютъ себѣ значеніе другихъ, мѣняютъ свое значеніе по словеснымъ аналогіямъ. Значенія словъ, получаемыя изъ разныхъ источниковъ, сливаются или отклоняются.

7. Какъ на важную основу такихъ перерождающихъ вліяній, можно указать на непрерывно дѣйствующій въ словесной стихіи принципъ экономіи. Въ творческомъ напряженіи разрѣшить задачи, неизмѣнно превышающія наличныя силы и средства, люди пользуются тѣмъ, чѣмъ уже располагаютъ, чтобы осуществлять то, что имъ еще недоступно. Такъ, тѣми же словами и словесными сочетаніями, которыя сложились примѣнительно къ зрительнымъ образамъ, пользуются для обозначенія душевныхъ движеній. Цѣлыя огромныя области словесно оформляются заимствованными, готовыми словообразованіями.

Отсюда получается то, что своеобразныя особенности и отношенія этой новой области (положимъ, душевной) не находятъ выраженія въ мірѣ словъ, перенесенныхъ изъ другой области. Но одновременно съ этимъ — этотъ міръ перенесенныхъ словъ привноситъ съ собой и накладываетъ на душевную область такія особенности и отношенія, которыхъ въ ней просто нѣтъ и которыя переносятся туда словесно изъ области (положимъ) внѣшнихъ образовъ. Перенесенное слово оказывается прокрустовымъ ложемъ, на которомъ одни содержанія сдавливаются (и даже исчезаютъ), а другія растягиваются (и даже заново возникаютъ). Благодаря своему экономическому переносу Логосъ оказывается просто слѣпымъ на одно, а зато въ другомъ — дополняетъ дѣйствительность галлюцинаціями.

А вмѣстѣ съ тѣмъ примѣненіе однихъ и тѣхъ же словъ и словообразованій къ новымъ сферамъ бытія наполняетъ слова и новымъ смысломъ. При пользованіи такими словообразованіями оживаютъ въ большей или меньшей степени эти различныя ихъ значенія; происходитъ мерцаніе смысла.

8. Мы видѣли двоякія причины несоотносительности словъ; подвижность бытія по отношенію къ словесной окаменѣлости и измѣнчивость этой окаменѣлости, независимой отъ означаемаго бытія. Слово всегда не-адэкватно своему содержанію и къ тому же вѣчно съ нимъ расходится и — вѣчно требуетъ напряженныхъ творческихъ усилій для новаго возможнаго ихъ сближенія. Двоякія основанія словесной несоотносительности приводятъ и къ двоякой словесной несостоятельности. Слово неспособно выразить и передать то, что хочетъ сказать, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ то чего вовсе сказать и не хочетъ.

Таково же и другое величайшее орудіе изначальной культуры — освѣщающій огонь. Какъ огонь, и слово освѣщаетъ выражаемое имъ; но какъ костеръ, освѣщая окружающее своими неровными, вспыхивающими и мигающими языками, отбрасываетъ причудливо танцующія и угрожающе мечущіяся тѣни; неровно свѣтя, населяетъ среду цѣлымъ роемъ призрачныхъ тѣней, — такъ и слово, неровно освѣщая и затѣняя, наполняетъ міръ содержаній призрачными смыслами, великой иллюзіей Логоса, въ которую погружено человѣчество.

9. Никто не чувствуетъ ярче и больнѣе, чѣмъ подлинные поэты — эти мастера слова — недостаточности, непригодности его для выраженія человѣческихъ мыслей и переживаній. Подлинное художественное творчество — вѣчная борьба словомъ противъ засилія слова. Подлинное художественное достиженіе всегда есть —

освобожденіе отъ слова: снятіе словеснаго средостѣнія въ стремленіи къ живому переживанію и чувствованію, снятіе закостенѣлой словесной оболочки въ стремленіи къ адэкватному выраженію. Но, впрочемъ, никто, какъ поэты, не пользуется именно тѣми мерцаніями смысла, тѣми галлюцинаціями Логоса, тѣми словесными сплетеніями, которыя составляютъ столь же порокъ, сколь и богатство рѣчи.

Никто не ощущаетъ такъ мучительно и остро какъ философъ, что слово не только — орудіе оформленія мысли, но и орудіе пытки смысла. Едва ли не существеннѣйшая задача фолисофскаго творчества заключается въ раскрытіи галлюцинаціи слова, раскрытіи — какъ въ смыслѣ созданія изъ нихъ величественныхъ картинъ и построеній, такъ и въ смыслѣ ихъ разоблаченія. Ибо едва ли не главное дѣло философовъ фактически сводится къ выявленію въ теоріяхъ и доказательствахъ тѣхъ категорій, которыя уже предзаложены — не въ изучаемомъ бытіи, а — въ словесномъ оборудованіи его изученія; — сводится къ самовыявленію подъ видомъ бытія формъ его словеснаго выраженія. Слишкомъ часто картина міра и теорія бытія создаются и рушатся какъ надстройки надъ подспудной жизнью словъ или — какъ отображеніе на экранѣ ихъ кинематографическаго бѣга. Задачей подлинной философіи всегда была борьба съ словесными обольщеніями, преодолѣніе и освобожденіе отъ нихъ. Борьба словами — съ тѣнями слова.

10. Борьба со словомъ — заданіе мыслителей и поэтовъ; но никто, какъ они, не выращиваетъ всѣхъ пороковъ, обольщеній и иллюзій словесности. Въ другихъ отрасляхъ культуры — слово остается преимущественно орудіемъ, средствомъ; остается въ средственномъ соприкосновеніи съ нѣкоей практикой, съ нѣкоторой реальностью, съ нѣкіимъ вторгающимся самодовлѣющимъ бытіемъ. Въ философіи, поэзіи, гдѣ совершается — гдѣ надлежитъ совершаться высшему и глубочайшему постиженію и соприкосновенію съ бытіемъ, бытіе именно и не дано въ своей предлежащей, провѣряющей дѣйственности; и потому развитіе слова становится — или можетъ стать — самодовлѣющимъ его цвѣтеніемъ. Слово, рожденное какъ средство, становится — или можетъ стать — самоцѣлью; орудіе используется не какъ орудіе, а какъ самодовлѣющая цѣнность; обусловленное развертывается внѣ связи съ обусловливающимъ, — либо какъ святыня, либо какъ игра; либо какъ система независимыхъ цѣнностей, либо какъ система произвольныхъ условностей. Отрываясь отъ своей средственности, слово становится святыней или игрушкой — иногда одновременно и тѣмъ и другимъ.

Явленіе это (по «суконной» наукообразной терминологіи его можно назвать — ортогенетическимъ развертываніемъ того, что произошло амфигенетически) широко распространено во всей сферѣ культуры и всюду лежитъ въ основѣ пышныхъ цвѣтеній и предѣльной иллюзорности, высшихъ взлетовъ и роковыхъ паденій. Логосъ раздѣляетъ судьбу, не щадящую и другихъ обликовъ духа.

11. Логосъ создаетъ задачу правды, возможность лжи, неизбѣжность иллюзіи, поприще для игры; не достигая дѣйствительности, онъ создаетъ міръ призраковъ и тѣней; не досказывая, что имѣетъ сказать, онъ говоритъ то, что сказать не имѣетъ, но что заложено въ немъ длиннымъ накопленіемъ и претвореніемъ смысловъ и ассоціацій. Онъ создаетъ мнимый міръ и въ мнимый міръ вовлекаетъ. Этотъ иллюзорный міръ измѣнчивъ, но въ каждое данное историческое мгновеніе онъ

закостенѣваетъ, менѣе подвиженъ, чѣмъ дѣйствительность, постигаемая только черезъ него, заслоняемая имъ. Дѣйствительность неуловима и текуча, а онъ кристаллизованъ, закрѣпленъ и внутренне связанъ — слово со всѣмъ міромъ словъ, весь міръ словъ со всѣмъ міромъ культуры.

Въ словѣ живетъ духъ: духъ живетъ великой иллюзіей слова.

12. Творя иллюзію, Слово нарушаетъ свое назначеніе и тѣмъ самымъ ставитъ задачу собственнаго преодолѣнія. Поэтъ, лелѣя и разрабатывая слово, сквозь омертвѣлыя слова пробивается къ подлинному переживанію; мыслитель, возводя сложнѣйшія постройки изъ словъ, съ величайшимъ трудомъ преодолѣваетъ омертвѣлыя категоріи въ поискахъ истиннаго бытія. Нарушая свое орудійное, средственное значеніе, развиваемое въ своемъ самодовленіи или въ произвольной игрѣ или въ сковывающей зависимости отъ словъ же, — слово теряетъ соотвѣтствіе съ жизнью, приводитъ къ омертвѣнію, къ вывѣтриванію смысла. Поэтому руководясь имъ, человѣчество терпитъ ушибы, провалы, пораженія, заболѣваетъ склерозомъ духа, омертвѣніемъ мысли; самосохраненіе требуетъ провѣрки и измѣненія, вѣчно новаго окунанія слова въ жизнь и духъ, вѣчно новаго средственнаго приспособленія, — вѣчно новаго рожденія. Такъ изъ самаго Логоса, изъ его назначенія и смысла вѣчно рождается неизмѣнная борьба съ Логосомъ. Отстраненная жизнь пробивается сквозь словесное средостѣніе; духъ отстаиваетъ свой живой смыслъ, сквозь словесную окаменѣлость. Словомъ создается культура, но жизнь культуры есть и преодолѣніе слова. Уже воплощенный Логосъ подлежитъ преодолѣнію въ творчествѣ культуры, въ творчествѣ рождаемаго Логоса.

Порождаемая Логосомъ вѣчная борьба съ Логосомъ — такова жизнь Логоса; такова и жизнь культуры вообще. Самопреодолѣніе Логоса Логосомъ — таковъ путь его строительства; творчество иллюзій и развѣяніе ихъ въ новыхъ иллюзіяхъ. Логосъ долженъ умереть, чтобы спасти воплощаемую имъ въ культуру правду, вѣчно воплощаемую и никогда не воплощенную, вѣчно творимую, остывающую въ иллюзорныхъ обликахъ и снова оживляемую и снова творимую въ новыхъ иллюзіяхъ.

13. Въ сказанномъ нѣтъ отрицанія культуры или скепсиса по отношенію къ ней; ибо и самая иллюзія въ этомъ смыслѣ есть доступное приближеніе и построеніе правды; ибо по путямъ своимъ она создаетъ — поскольку иллюзорность есть лишь послѣдствіе, сопутствующая неизбѣжность, а не цѣль, — создаетъ богатство человѣческаго духа; ибо въ смѣнныхъ преодолѣніяхъ и построеніяхъ — если не осуществляется правда, то — осуществима жизнь въ правдѣ.

Пусть борьба ведется съ призраками — съ тѣнями, отбрасываемыми вспыхивающими языками пламени; но въ этой борьбѣ — пока вѣришь въ призраки — сказывается героическій духъ и производятся величественные и красивые жесты, — а безъ пламени человѣчество бы окоченѣло. Пусть крѣпости строятся противъ мнимаго врага, — крѣпость окажется мнимой, но останется выстроенное зданіе. Пусть нѣтъ тѣхъ боговъ, для которыхъ строятся земныя жилища, — остаются прекрасные храмы, какъ свидѣтельства человѣческой вѣры и человѣческаго генія.

Въ иллюзорныхъ произростаніяхъ и ихъ преодолѣніяхъ растетъ чудесный міръ культуры, поскольку иллюзорность не осознана, а лишь послѣдствіе изначаль-

ной и неотъемлемой несоотносительности человѣческихъ средствъ — человѣческимъ цѣлямъ. И даже самое сознаніе этой несоотносительности не обезцѣниваетъ творчества, поскольку вызываетъ стремленіе ее ослабить, ее преодолѣть или хотя бы — поскольку сопровождается трагическимъ сознаніемъ ея непреодолимости.

II.

На почвѣ этихъ трагическихъ несоотвѣтствій, этихъ иллюзій, предшествующихъ и независимыхъ отъ человѣческой воли, выростаетъ міръ иллюзій, уже насаждаемыхъ ею. Истовое строительство, хотя бы и изъ непригоднаго матеріала, смѣняется лукавствомъ или обманомъ въ пользованіи имъ. Непроизвольная иллюзія становится произвольной ложью. Культура слова становится культурой лжи.

1. Велика магія слова для мало искушеннаго сознанія. Безпомощное сознаніе теряется за предѣлами привычной непрерывности жизни. Слово, словесная форма, внушающая или навѣвающая смыслъ, разрѣшеніе трудности, или хотя бы предвидѣніе такого разрѣшенія, — выводящая за предѣлы узкаго горизонта, отбрасывающая на смутное или темное какой то свой свѣтъ, — кажется чудесной, солнцеподобной, могущественной. Она точнѣе, яснѣе скомканной дѣйствительности и потому кажется, что ее освѣщаетъ; она тверже и устойчивѣе ея, могущественнѣе, ибо разрѣшаетъ ея загадки. Чудесенъ уже самый характеръ формулы, какъ нѣкоего второго бытія съ какимъ то ощущаемымъ смысломъ, откуда то — и въ этомъ чудо — вторгающагося или претендующаго вторгнуться въ окружающій міръ и въ немъ распоряжаться. Могущественъ среди своихъ темныхъ современниковъ шаманъ, властитель словесной формы. Но сохраняется, только видоизмѣняясь, шаманство и магія слова и до нашего времени, хотя мы и не склонны признавать родство съ ними современныхъ — даже наиболѣе передовыхъ — нашихъ теченій.

На иллюзіи слова основана его магія, дающая власть надъ людьми; использованіе слова ради этой власти превращаетъ иллюзію въ обманъ. Шаманъ, вѣрящій въ свои формулы, склоненъ пользовться ими и извѣрившись въ ихъ дѣйствительности, но зная ихъ силу воздѣйствія; впрочемъ, сложна человѣческая душа и готова обмануть себя, чтобы получить возможность честно обмануть другихъ. Не надо стать улыбающимся авгуромъ, чтобы оказаться обманывающимъ жрецомъ.

2. Заключая въ себѣ уплотненный и вмѣстѣ съ тѣмъ мерцающій смыслъ, вложенный мышленіемъ многихъ поколѣній, иногда безсознательный продуктъ нѣсколькихъ культуръ, слово, будучи всегда не адэкватно своему заданію, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда его и перерастаетъ. Кромѣ мысли говорящаго, которую оно, однако, передать не въ состояніи, оно включаетъ мысль и связи мыслей, заложенныя въ него всѣми прежде говорившими. Человѣкъ, пользующійся рѣчью, тѣмъ самымъ пользуется огромнымъ капиталомъ, полученнымъ имъ въ наслѣдство. И у самыхъ глубокомысленныхъ людей, имѣющихъ что сказать, смыслъ сказанныхъ словъ, недостаточныхъ для выраженія ихъ замысла, вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно его и перерастаетъ. То же соотношеніе сказывается, разумѣется, и въ прямо противоположномъ случаѣ: при нищетѣ мысли и скудости таланта. Достаточно овла-

дѣть техникой рѣчи — что, впрочемъ, само по себѣ вовсе не просто и не легко, но во всякомъ случаѣ со всеобщей грамотностью и обученіемъ становится все доступнѣе, — чтобы, пользуясь рѣчью именно чисто технически, симулировать обладаніе и высказываніе огромныхъ смысловъ, которыми на самомъ дѣлѣ говорящіе вовсе не располагаютъ. Благодаря заложеннымъ въ словѣ потенціямъ легко симулировать смыслы, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

3. Мало того, слово постепенно мѣняется въ своихъ значеніяхъ, сдвигается, обогащается, скудѣетъ. Соотвѣтственно съ этимъ мѣняется и смысловое значеніе словеснаго высказыванія. Оно живетъ — напримѣръ, въ письменности — независимо отъ воли и сознанія автора, оно становится инымъ, претворяется, скудѣетъ или выростаетъ. Достаточно, чтобы словесное произведеніе продолжало быть читаемымъ, чтбы оно жило и претворялось. Оно пользуется не только наслѣдіемъ прошлыхъ поколѣній, но и трудомъ будущихъ, какъ обогащается собственникъ участка отъ того, что застраиваются сосѣдніе.

Не желая ни въ малѣйшей степени умалять великую цѣнность словесныхъ произведеній, переживающихъ вѣка и тысячелѣтія, можно все-таки сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ не потому пережили тысячелѣтія, что въ нихъ былъ заложенъ ихъ творцомъ огромный смыслъ, а благдаря тому, оказался заложеннымъ въ нихъ огромный смыслъ, что они пережили вѣка и тысячелѣтія.

4. Въ особенности же возростаетъ значительность словеснаго содержанія, когда оно подвергается толкованіемъ, ибо толкованіе и есть вѣдь сопоставленіе смысла даннаг произведенія съ возможными смыслами, заложенными въ его слова и словосочетанія или связанными съ ними.

Отсюда получается парадоксальный на первый взглядъ, но безспорный выводъ, что не только обиліе толкованій вызывается обиліемъ содержанія, но и обратно — обиліе содержанія вызывается обиліемъ толкованій. Конечно, для того, чтобы появились толкованія, чтобы люди этимъ занялись, нужна нѣкоторая значительность содержанія. Но эта значительность можетъ быть и независимой отъ его смысла. Отсюда, напр., неясность текста, неудача выраженій, пропуски, искаженія, вкравшіяся вѣками при перепискѣ и т. п. необычайно способствуютъ возростанію содержательности произведенія. Рукопись безъ пропусковъ, искаженій и интерпелляцій никогда не могла бы получить такого историко-литературнаго, общекультурнаго или спеціально философскаго, иногда — религіознаго значенія, какъ рукопись искаженная и ставшая почему либо знаменитой, оставаясь мало понятной. Надъ простымъ человѣчество не задумалось бы, не остановилось бы, не подвергло бы толкованію. Оно поняло бы, не усомнилось — и забыло.

5. Если таково значеніе симуляціи смысла, естественно вытекающей изъ жизни слова, то ясно, какъ легко ею злоупотреблять — при демократизаціи словесной техники. Сейчасъ почти всѣ знаютъ большое множество словъ и всѣ ими пользуются или могутъ пользоваться безъ большого труда. Получается огромная, многозначительная и ничего не значащая, ничего не стоющая словесная производительность, будто творящая содержанія, а на самомъ дѣлѣ только технически болѣе или менѣе правильно ворочащая болѣе или менѣе общедоступными словообразованіями.

6. Рядъ обстоятельствъ облегчаетъ это безсодержательное орудованіе. Преж-

де всего то, что значительнѣйшая доля культурнаго содержанія приходитъ къ намъ черезъ словесность, черезъ письменность; и изъ этой доли опять таки значительнѣйшая часть (хотя у каждаго разная) въ словесномъ видѣ и остается. Только до нѣкоторой части содержаній человѣкъ сквозь словесное средостѣніе, сквозь словесную толщу пробивается благодаря личному опыту и переживаніямъ, или благодаря остротѣ, проницательной наблюдательности, или благодаря спеціальному изученію и проникновенію. У большинства людей — только въ очень узкой сферѣ происходитъ такое подлинное преодолѣніе словеснаго средостѣнія, такое подлинное окунаніе въ бытіе или во всякомъ случаѣ провѣрка на бытіи; болѣе крупные люди, жизненныя умницы, въ нѣкоторыхъ областяхъ — ученые, поэты, мыслители — глубже и шире осуществляютъ такое касаніе бытія. Подлинное величіе подлинно новыхъ возрѣній отсюда и проистекаетъ. Подчасъ достаточно и узкаго касанія, чтобы отсюда волнами растекалось новое воззрѣніе на рядъ смежныхъ вопросовъ. Но все же и въ наиболѣе блестящихъ и прекрасныхъ случаяхъ не только не на все жизненное и духовное содержаніе, но едва ли даже и на большую его часть распространяется такое касаніе бытія. Уже изъ одной экономіи душевныхъ силъ и напряженій ,изъ самозащищающейся косности, изъ невозможности и нежелательности (во имя именно напряженія въ однюмъ какомъ либо направленіи) разсѣять вниманіе — все менѣе важное остается и у глубокаго человѣка въ словесной формѣ, застрѣваетъ въ словесномъ средостѣніи. Нечего уже и гоорить о менѣе глубокихъ и проницательныхъ, о среднихъ и тѣхъ, кто ниже среднихъ.

Борьба со словомъ есть путь подлиннаго творчества; но она ведется лишь на небольшомъ участкѣ духовной територіи; на остальной, на наибольшей, господствуетъ словесное постиженіе, и потому словесное же обращеніе съ содержаніемъ въ громадномъ' большинствѣ случаевъ 'всѣми ощущается, какъ совершенно нормальное.

7. Словесная симуляція побѣждаетъ благодаря тому, что мы мыслимъ въ словахъ, побѣждаетъ и въ силу особо совершеннаго владѣнія словесной техникой. Владѣніе словомъ есть ремесло, — можетъ стать и искусствомъ; можетъ дойти до огромной виртуозности, и какъ всякая виртуозность — до фокуса. Пользованіе словомъ ради слова — становится игрой, какъ всякая игра требующей соблюденія опредѣленныхъ правилъ.

Конечно, мастера словесной игры не ограничиваются чистой словесной техникой, а сложно сплетаютъ ее и съ умѣлымъ смысловымъ обращеніемъ. При достаточно умѣломъ ихъ сочетаніи и виртуозности воздѣйствіе бываетъ неотразимымъ. Не буду называть именъ, всѣ мы знаемъ авторовъ, называемыхъ блестящими, глубина мысли которыхъ кажется пропорціональной блистанію ихъ слова. Они не задумаются и не остановятся на провѣркѣ формулы, если она звучитъ завлекательно; они возводятъ конкретное въ абстрактное или абстрактнымъ пользуются, какъ конкретностью, ибо это даетъ неожиданныя и непредвидѣнныя перспективы; съ той же цѣлью они обрываютъ теченіе мысли или перескакиваютъ по словеснымъ ассоціаціямъ на новое; они пользуются инородными эпитетами, сравненіями, уподобленіями, потому что это словесно углубляетъ предполагаемую содержательность.

Здѣсь не мѣсто разсматривать пути словесной техники или игры, позволяющіе производить блестящее впечатлѣніе, не давая содержаній. Достаточно отмѣтить, что когда слово изъ орудія становится самоцѣлью — его содержаніе неизбѣжно становится средствомъ. Содержаніями пользуются не въ ихъ содержательности, а въ ихъ средственности — для достиженія словеснаго эффекта.

Разумѣется, не во всѣхъ областяхъ одинаковы возможности подобнаго искусства и подобной игры. Есть нѣкоторыя области, къ которымъ ниже вернусь, гдѣ она непримѣнима. Въ другихъ областяхъ, труднѣе провѣримыхъ въ своей содержательности, — какъ въ особенности въ поэзіи, отчасти въ философіи или, вѣрнѣе, въ любомудріи — поприще болѣе широкое. Расцвѣтъ «фельетонной» формы есть торжество словесной игры; къ сожалѣнію, она возобладала подчасъ тамъ, гдѣ претензія предъявляется на высшее проникновеніе, на углубленіе, на мудрость.

Специфическая всепозволенность въ пользованіи духовными содержаніями, готовность закрыть глаза на огромные провалы ради мелькнувшей крупицы смысла, неразвитого и непровѣреннаго, безотвѣтственность на высказываніе — что характеризуетъ періоды упадочничества (декадентства), особенно способствуютъ такой словесной игрѣ.

Но упадочничество въ томъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ и противоядіе, что расщепленное, систематически несвязуемое и неразвиваемое содержаніе можетъ заражать, но не можетъ убѣждать. Оно разлагаетъ критеріи вкуса и устойчивость мысли, но и само разлагается, разслабляя зараженную имъ мысль и само распадаясь въ упадкѣ. Въ культурномъ упадочничествѣ паденію обречено и самое упадочничество.

8. Однако, еще гораздо значительнѣе другая разновидность симулированія обманчивой или лживой словесности. Здѣсь вопросъ уже не въ игрѣ словами, не въ искусствѣ словъ, здѣсь двигательная пружина словеснаго развертыванія заключается въ заинтересованности какого либо рода.

Заинтересованность ставитъ заданіе, словесная техника его разрѣшаетъ. Постановка заданій можетъ быть сознательной, нерѣдко бываетъ и безсознательной. Можетъ вовсе и не быть особаго акта постановки заданія: доказательства, примѣры, иллюстраціи, матеріалы развертываются какъ бы сами по себѣ, сами изъ себя, только въ глубинахъ безсознательнаго (иногда и съ примѣсью сознанія) движимыя заинтересованностью или страстями.

Конечно, заинтересованность связана съ содержаніемъ, а не со словами; ею опредѣляются вѣсъ аргументовъ, значеніе фактовъ, пути развитія мысли. Но бѣда въ томъ, что словесная техника необычайно облегчаетъ воздѣйствіе заинтересованности, даетъ ей готовое орудіе. Вся иллюзорность, многомысленность, симуляція словомъ, заключенныя въ немъ возможности самообмана и обмана другихъ — проявляются здѣсь въ чудовищномъ развитіи. Нѣтъ такой безсмыслицы, поскольку она соотвѣтствуетъ какимъ либо страстямъ или алканіямъ, ненависти или симпатіи, которая не могла бы получить грандіознаго развертыванія — въ статьяхъ, книгахъ, рѣчахъ, проповѣдяхъ — развертыванія, встрѣчаемаго иногда огромнымъ большинствомъ, какъ правда, какъ открытіе, какъ откровеніе истины. Потомъ эти чу-

довищныя словесныя произрастанія падаютъ, исчезаютъ — когда исчезаетъ двигавшій ими и раздувавшій ихъ «интересъ», страсть, алканіе. Но въ эпоху своего расцвѣта они торжествуютъ, увлекая или вовлекая не только заинтересованныхъ, но и людей просто слабо мыслящихъ, хотя бы даже и старающихся мыслить добросовѣстно.

Наиболѣе чудовищное явленіе этого рода встрѣчается въ словесности политической, ибо особенно напряжены здѣсь интересы и алканія. Но и другія причины выращиваютъ чудовищную политическую словесность. Соблазны словъ здѣсь не въ томъ заключаются, что они, отрываясь отъ своей средственности и становясь самодовлѣющими, тѣмъ самымъ становятся и безконтрольными. Они безконтрольны уже и въ своей средственности. Прежде всего потому, что безконтрольны ихъ содержанія, относимыя въ значительной — или въ нѣкоторой — своей части къ будущему. Доказательство, что нѣкая мѣра окажется благой въ будущемъ, провѣримо лишь тогда, когда оно будетъ уже забыто; отсутствіе въ настоящемъ того, къ чему оно относится, открываетъ пути необузданнымъ словосплетеніямъ. Въ другомъ отношеніи: слово какъ средство, имѣетъ здѣсь своей цѣлью — воздѣйствіе на умы, на страсти, на настроенія — на субъективность. Самая цѣль отводитъ здѣсь словесность отъ объективнаго, отъ имманентнаго — въ область кажущагося, въ область мнимаго. Опираясь на несуществующее и аппелируя къ кажущемуся, слово создаетъ здѣсь отвратительнѣйшее и опаснѣйшее явленіе демагогіи.

9. Не имѣетъ большого значенія указаніе примѣровъ подобныхъ словесныхъ фантасмагорій: простые примѣры будутъ неубѣдительны для читателя, который въ данную минуту увлеченъ соотвѣтствующей проповѣдью; для другого — они не нужны. Проповѣдь военнаго времени, вѣроятно, кажется сейчасъ уже весьма многимъ — безпардонной нелѣпицей; но тогда она безчисленнымъ толпамъ казалась святой правдой. Всякая максималистическая проповѣдь, доказывающая, что вотъ-вотъ наступитъ всеобщее блаженство, представляется на слѣдующій день послѣ ея провала совершеннѣйшей нелѣпицей. До провала — множество людей свято въ нее вѣрятъ или лукаво ее проповѣдуютъ.

А между тѣмъ обычно и до провала нисколько не трудно усмотрѣть нелѣпость подобной проповѣди. Можно было бы отчаяться въ человѣческой мысли, если бы это усмотрѣніе и дѣйствительно было невозможно или интеллектуально затруднительнымъ. Тѣ авторы, которые еще до провала устанавливаютъ неосмысленность безсмыслицы — въ особенности, когда они это дѣлаютъ приблизительно тѣми же аргументами, которые становятся всеобщимъ достояніемъ послѣ провала — спасаютъ честь человѣческаго разума. Задача эта обыкновенно даже вовсе и не трудна, но только чрезвычайно неблагодарна, ибо въ эпоху торжества словесно расцвѣтающей нелѣпицы такихъ авторовъ не слушаютъ, считая ихъ не стоящими на уровнѣ современной мысли, въ лучшемъ для нихъ случаѣ — считая парадоксальными умами, нарочно спорящими съ очевидностью; послѣ же провала — ихъ тоже не слушаютъ, видя въ нихъ проповѣдниковъ азбучныхъ истинъ.

10. Трудность борьбы съ подобными словесными произрастаніями заключа-

ется въ невозможности подлинно доказательнаго словеснаго же опроверженія словесныхъ утвержденій.

Въ самомъ дѣлѣ неправильное утвержденіе «точныхъ наукъ» мыслимо опровергнуть соотвѣтствующимъ опытомъ, подсчетомъ, наблюденіемъ. Но какъ опровергнуть то, что не подлежитъ подобной провѣркѣ? Доказательствами? Но всякое доказательство исходитъ изъ какихъ либо посылокъ, предполагаетъ какіе либо методы и рядъ вспомогательныхъ понятій. А каждая такая посылка, методъ, понятіе — въ свою очередь допускаютъ толкованія, оттѣнки и оспариванія; поставленныя въ связь съ различными понятіями, посылками и методами — они получаютъ и новое значеніе и различную доказательную силу, открывающую возможность новыхъ возраженій и новыхъ доказательствъ.

Отсюда, всякое оспариваніе или доказательство какого либо утвержденія (какъ бы это послѣднее ни было неосновательнымъ), при наличности стимуловъ для отстаиванія его — легко разростается въ книгу, въ библіотеку книгъ, толкованій, возраженій и противовозраженій — въ цѣлую литературу. Чѣмъ больше разростается, тѣмъ болѣе споръ сосредотачивается около производныхъ, иногда второстепенныхъ пунктовъ, отходя отъ главныхъ и рѣшающихъ, которые самымъ процессомъ спора незамѣтно выдѣляются въ безспорные. Работа поколѣній можетъ пройти въ развертываніи словесныхъ доводовъ, возраженій и обоснованій. Исторія нѣкоторыхъ отдѣловъ схоластики, исторія марксизма — хорошія тому иллюстраціи.

Заканчиваются подобные споры не тѣмъ, что разрѣшаются — они неразрѣмы — а тѣмъ, что забываются, за вывѣтриваніемъ тѣхъ интересовъ и страстей, которые ихъ поддерживаютъ и двигаютъ, и за появленіемъ новыхъ, живыхъ, значительныхъ, задѣвающихъ и останавливающихъ на себѣ вниманіе духовныхъ и жизненныхъ запросовъ.

11. По прекращеніи подобной словесно-духовной заразы она можетъ представиться сплошнымъ курьезомъ; можетъ даже стать непонятнымъ, какъ ей предавались. Но во время ея торжества она представляетъ огромную опасность, огромное бѣдствіе. Подобныя «увлеченія» вызываютъ и оправдываютъ или сопутствуютъ религіознымъ или международнымъ войнамъ, революціямъ, калѣченію культуры. Нѣтъ такого уродства, коотраго они бы не оправдали и тѣмъ самымъ — котораго подчасъ не дѣлали возможнымъ.

Особенно грозны и даже страшны подобныя словесно-духовныя эпидеміи въ условіяхъ демократіи и всеобщей грамотности; ибо нѣтъ менѣе защищенныхъ противъ нихъ людей, какъ полуграмотные, полуинтеллигентные, какъ испытывающіе воздѣйствіе въ массѣ, какъ реагирующіе непосредственно и коллективно. Словесность представляетъ такимъ образомъ страшную угрозу, иногда подрывающую самыя основы общественнаго бытія.

Трагическая сторона словесности заключается въ томъ, что она въ себѣ не имѣетъ противоядія противъ лжи, которую съ собой несетъ или можетъ нести.

III

1. Особенно поучительно сопоставленіе словесности и основанной на ней культуры — съ культурой «матеріальной», съ техникой. Даже и до сихъ поръ распространенъ взглядъ, ставящій технику въ нѣкоторомъ смыслѣ на заднiй планъ по сравненію съ культурными областями «самодовлѣющими» — искусствомъ, философіей, въ частности съ областями, опирающимися на слово; техника же представляется чѣмъ то внѣшнимъ, второстепеннымъ, средственнымъ, матеріалистическимъ, не могущимъ идти врядъ съ великими, безкорыстными, вершинными достиженіями самодовлѣющей словесности — какъ основы мышленія, многихъ искусствъ и возвышеннѣйшихъ взлетовъ духа.

Не буду разсматривать въ полнотѣ этотъ вопросъ, къ которому приходилось обращаться въ другихъ работахъ. Остановлюсь только на затронутой выше сторонѣ.

2. Суть ея заключается въ томъ, что техника по существу своему не знаетъ лжи, не можетъ — оставаясь техникой — допускать обманъ и самообманъ. Само собой разумѣется, что техника ошибается, терпитъ неудачи, оказывается недостаточной для поставленныхъ ей задачъ, непригодной или несостоятельной, какъ все человѣческое. Но она не станетъ лгать и обманывать, ибо этимъ ничего не добьется, не достигнетъ цѣлей, ею ставимыхъ или ей поставленныхъ. Въ своей области она только въ правдѣ можетъ имѣть успѣхъ; только адэкватный отвѣтъ на поставленную задачу ей вообще нуженъ, имѣетъ для нея смыслъ. Ей нужна одна правда, къ правдѣ техника и воспитываетъ.

Само собой разумѣется, что это нисколько не значитъ, чтобы всѣ техники были правдивыми людьми, а «словесники» лгунами. Техники могутъ, конечно, лгать, но не лжетъ техника; какъ, наоборотъ, словесники могутъ быть идеально правдивыми, но словесность неизмѣнно открываетъ путь къ обману.

Въ знаменитой баснѣ собесѣдникъ лгуна, подходя къ мосту, предупреждаетъ его, что мостъ проваливается подъ лгуномъ. Предупрежденный лгунъ и выдаетъ себя, отказываясь на него ступить. Но на самомъ дѣлѣ всякій мостъ обладаетъ этимъ чудеснымъ свойствомъ — по отношенію къ своему строителю, къ себѣ самому. Постройте мостъ на лжи, онъ дѣйствительно провалится; постройте небоскребъ на обманѣ, онъ погребаетъ подъ собой тысячи людей; постройте динамомашину на самообманѣ, она функціонировать не будетъ. По самому существу своему техника воспитываетъ къ правдѣ, къ преодолѣнію иллюзій и самообмана, къ воздержанію отъ лжи.

Словесность же, къ иллюзіи ведущая и ложью чреватая, требуетъ внѣ ея находящихся моральныхъ устоевъ для того, чтобы соблюсти правду.

Можно сказать, что и словесность, построенная на лжи, когда нибудь провалится, причинитъ неисчислимыя бѣдствія. Это вѣрно, но недоказательно. Когда обрушивается словесность, увлекая цѣлое поколѣніе, цѣлый народъ — можно всегда въ плоскости словесности же продолжать доказывать, что причина здѣсь другая. Никакой библіотеки сочиненій не хватитъ, чтобы опровергнуть какую бы то ни было тезу; правда, для этого достаточно — отвѣтственной мысли, честной ин-

туиціи, добросовѣстнаго ознакомленія съ матеріаломъ. Но вотъ именно: къ словесности — для ея контроля и руководства — отвѣтственность, честность и добросовѣстность должны привзойти; изъ нея они еще не выростаютъ. Техника же сама ихъ изъ себя выращиваетъ.

4. Отсюда — стремленіе преодолѣть словесность, эмансипироваться отъ нея, которое свойственно разнымъ областямъ точнаго знанія, — система математическихъ обозначеній, система химическихъ обозначеній, вообще переходъ къ точно и ограниченно установленнымъ знакамъ. Сюда же относится и логистика, стремящаяся къ абсолютной достовѣрности предѣльныхъ обозначеній. Правда, задача и этими средствами не разрѣшима, ибо безъ словъ и словесности нельзя ни установить, ни — въ узловыхъ точкахъ — пользоваться логическими значками. Какъ бы то ни было, въ ограниченіи словесности, въ выдѣленіи изъ нея нѣкоторыхъ областей или методовъ сказывается желаніе отдѣлаться отъ ея иллюзорности и предохранить себя отъ ея обмановъ. Въ нѣкоторой степени и въ отдѣльныхъ областяхъ подобный эффектъ и достижимъ. Но есть ли средство преодолѣть соблазны словесности въ полномъ объемѣ?

5. Надо думать, что воспитательное значеніе не можетъ не имѣть въ этомъ направленіи математическое или техническое воспитаніе, долженствующее пріучить къ точности и подотвѣтственности мысли. Таковые навыки невольно могутъ въ нѣкоторой степени переноситься и на остальныя области духа.

Быть можетъ, въ нѣкоторой степени могутъ содѣйствовать отвѣтственности мышленія — затрудненія чисто словесной, формальной тренировки, строгаго и точнаго языковаго построенія. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать съ полной опредѣленностью, что обратно — легкость, всепозволенность, безконтрольность словообразованія открываетъ пути, облегчаетъ возможности не только для словесной игры, но и для словесныхъ фокусовъ, для всякой распущенности слова и мысли. Однако, слѣдуетъ въ этомъ отношеніи отмѣтить и опасную тягу словесно-формальной строгости: преодолѣвшіе трудности словесной тренировки и овладѣвшіе тонкостями слвесной техники пользуются особымъ авторитетомъ и располагаютъ особой силой воздѣйствія, а отсюда — словесные соблазны, облеченные въ трудно-доступныя формы, получаютъ сугубую силу внушенія.

6. Наиболѣе значительной — но по существу своему мало опредѣленной и необезпеченной — является выработка цѣненій существа преимущественно передъ формой, содержанія преимущественно передъ оболочкой; воспитаніе къ вѣчному преодолѣванію слова и словесности, неизмѣнное отыскиваніе бытія сквозь видимость; нецѣненіе самодовлѣющаго слова и цѣненіе въ немъ орудія, средства для тѣхъ цѣнностей, которыя безъ него недостижимы, хотя имъ и искажаются.

Отсюда вытекаетъ, что существеннымъ орудіемъ преодолѣнія словесныхъ соблазновъ является отрицаніе словесной красоты, словесной прелести. Надо принять тусклую словесность, надо быть насторожѣ противъ «краснаго слова».

Конечно, тусклая словесность можетъ быть проявленіемъ — не воздержанія и самоограниченія, а — неумѣнія писать. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что особенно достоинъ уваженія писатель, умѣющій писать ярко и красочно и обрекающій себя — изъ добросовѣстности и въ погонѣ за адэкватностью — на то,

чтобы писать тускло. Упрощенно говоря, хорошо, чтобы писатель хоть однажды написалъ блестяще, чтобы потомъ позволить себѣ авторитетно и внушительно писать тускло.

7. Какъ бы то ни было, всѣ эти указанія остаются общими и мало опредѣленными; для каждой конкретной эпохи и задачи — они должны вылиться въ своеобразныя конкретныя требованія.

Но и при всѣхъ условіяхъ — думаю, это вытекаетъ изъ всего предшествовавшаго — извнутри словесности не могутъ быть извлечены гарантіи противъ ея соблазновъ или иллюзій; нельзя себя обезпечить противъ нихъ какой либо системой, такъ или иначе основанной на словѣ же.

Единственный путь борьбы съ соблазнами слова — вѣчная духовная бдительность, вѣчная провѣрка. Больше, чѣмъ что либо другое, слово требуетъ дополнительно привхожденія къ себѣ — честности, добросовѣстнсти, самоограниченія, отвѣтственности, подотчетности — морали; ибо еще не включаетъ ея въ себѣ, какъ свою имманентную тенденцію. Слово требуетъ вѣчнаго напряженія духа въ борьбѣ съ самимъ собою, ибо неустранимы соблазны слова и непрекращающимся должно быть ихъ преодолѣніе, — вѣчно настороженной должна быть неподкупная бдительность духа.

В. ВЕЙДЛЕ.
ЗАВТРА И ВЧЕРА.

Исторія не ограничена знаніемъ о прошломъ, но она — знаніе, изъ котораго настоящее исключено. Всякую дѣйствительность она познаетъ только растворивъ ее въ будущемъ и въ прошедшемъ, только уловивъ воспоминаніе, заключенное въ ней и угадавъ ея пророчество. Современное исторически непонятно намъ, какъ внѣ родства съ прошлымъ, такъ и внѣ связи съ будущимъ. О жизни, мысли, искусствѣ, въ которыхъ мы живемъ, нельзя высказать ничего, не ощутивъ того, чѣмъ они становятся, хоть можетъ быть и никогда не станутъ. Всѣ будущія въ настоящемъ заключены, хоть и не всѣ будущія станутъ настоящимъ; недостовѣрность предвидѣнія, поэтому, основана не на отсутствіи матеріала для него, а на трудности распознаванія и выбора. Сказать, что вообще ничего, кромѣ явленій физическихъ, предвидѣть нельзя, значило бы отказаться отъ исторической мысли, такъ какъ историческая мысль есть прежде всего предвидѣнье въ минувшихъ временахъ такого, заключеннаго въ нихъ, будущаго, которое, наслѣдовавъ имъ, стало само прошлымъ. Подобно настоящему, и прошлое безъ будущаго (а не только будущее, не обусловленное прошлымъ) исторически безсмысленно. Сегдня для исторіи нѣтъ. Для исторіи есть — вчера, рождающее завтра, и завтра, рожденное вчера.

1. ЧУЖОЕ ИСКУССТВО

Современное искусство отовсюду окружено неисчерпаемыми розсыпями стараго искусства. Въ его столицѣ, Парижѣ, кромѣ самаго города, его окрестностей, его музеевъ, всего, что доступно круглый годъ любому его жителю, постоянно нисходятъ на усталыхъ художниковъ и избалованныхъ дилеттантовъ все новые и новые дары: пріоткрываются, хотя бы на время, двери частныхъ собраній, архивы и библіотеки предлагаютъ на общее обозрѣніе часть своихъ богатствъ, и со всѣхъ концовъ свѣта стекаются образцы искусствъ всѣхъ временъ, всѣхъ возрастовъ человѣчества, всѣхъ народовъ земного шара. Парижъ — не только столи ца современной художественной жизни, онъ еще и столица воспоминаній о художественной жизни прошлаго. И воспоминанія эти такъ многообразны, такъ противорѣчивы, что мы рискуемъ захлебнуться въ нихъ. Мы едва успѣваемъ разобраться въ томъ, что намъ предлагаютъ, ожидая нашего отвѣта, нашего суда. Чему отвѣчать, какъ судить, этому насъ никто не учитъ. Въ этомъ натискѣ своего и чужого, въ этой необозримой пестротѣ смѣшивается наслѣдіе иныхъ культуръ съ преемственностью нашей собственной культуры и дебрямъ современности противостоятъ еще болѣе непроходимыя заросли исторіи.

У прошлаго, уже не помышляя ни о какой органической съ нимъ связи, каждый годъ, чуть ли не каждый мѣсяцъ пытаются вырвать новые и новые куски,

чтобы бросить ихъ настоящему и найти неизвѣстныхъ далекихъ предковъ тѣмъ, кто уже знать ничего не хочетъ о ближайшей своей роднѣ; а то и просто съ цѣлью подразнить пресытившійся вкусъ и развлечь недремлющую моду. Таковъ смыслъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ выставокъ, что устраивались за послѣдніе годы и на которыхъ неизмѣнно считалъ долгомъ присутствовать «весь Парижъ» (на три четверти состоящій изъ иностранцевъ), тотъ самый Парижъ, которому пріѣлись давно Италія и Греція, Рейнъ и Луара, нѣмецкая музыка и его собственная французская поэзія. Почему же такъ нравится ему искусство хеттовъ или ацтековъ, созданія столь ничѣмъ несоизмѣримыхъ съ нимъ людей и странъ? Не потому ли какъ разъ, что искусство это ничего не требуетъ отъ современнаго человѣка, ничѣмъ его не волнуетъ, ничего не будитъ въ немъ, кромѣ какъ, въ лучшемъ случаѣ, поверхностныхъ согласій вкуса, а въ худшемъ только жажду перемѣны, скучающую охоту къ новизнѣ? А если такъ, то не приходится ли намъ слишкомъ дорого платить за это минутное удовлетвореніе неглубокой прихоти, платить разбродомъ нашихъ оцѣнокъ, туманомъ словъ, анархіей, а, можетъ быть, и безплодіемъ нашего искусства? и все для того, чтобы похвастать собственнымъ восхищеніемъ передъ какимъ нибудь случайнымъ негритянскимъ идоломъ, тогда какъ о подлинномъ африканскомъ искусствѣ мы, въ сущности, только догадываемся, — какъ Винкельманъ о греческомъ: по искаженнымъ изображеніямъ, позднимъ копіямъ, съ той разницей, что африканскій Парѳенонъ никогда не существовалъ или навсегда разрушенъ и на эѳіопскій Парнассъ доступа намъ нѣтъ.

Есть несомнѣнно сходство между эпохой римской имперіи и нашей, но сходство не въ результатахъ, не въ формахъ творчества, а скорѣй въ условіяхъ его. Если въ римскомъ искусствѣ есть неповторимо своеобразныя, врожденныя ему черты (связанныя чаще всего съ особенностями этрусскаго искусства), то процессъ его разложенія заключается именно въ томъ, что онѣ тонутъ постепенно въ необозримомъ западно-восточномъ, греко-египетскомъ, итало-сирійскомъ синкретизмѣ имперіи. Ничего специфически римскаго нѣтъ ни въ поздне-языческихъ или ранне-христіанскихъ саркофагахъ, ни въ эллинистическихъ живописныхъ традиціяхъ; глубоко не римская художественная стихія сквозитъ въ позднихъ портретныхъ бюстахъ и она-же создала римско-египетскій надгробный портретъ. Въ монументальныхъ нагроможденіяхъ архитектуры намъ чудится что то подлинно римское; но это лишь инженерный размахъ и техническое совершенство. Болѣе того, искусство имперіи — не только не римское искусство, но и вообще не цѣлостный художественный міръ. Въ мірѣ этомъ воскресаютъ чуждыя эллинизму тяготѣнія художественнаго творчества, воплотившіяся когда то въ египетскомъ, ассирійскомъ, персидскомъ, даже вавилонскомъ искусствѣ; они борятся и съ эллинизмомъ и между собой; они не даютъ европейскому западному міру оглянуться на самого себя, связать свое настоящее со своимъ прошлымъ.

Именно въ этомъ наводненіи чужимъ и затемнѣніи органической преемственности и заключается главное сходство между эпохой римской имперіи и послѣдними десятилѣтіями нашей собственной культуры. Если поздне-античное искус-

ство для чего нибудь нужно намъ, то прежде всего для того, чтобы разбудить нашу дремлющую историческую совѣсть. Но даже и тутъ, при всемъ сходствѣ, положеніе современнаго искусства во многомъ запутаннѣй и труднѣй. Мы окружены еще болѣе огромными, замкнутыми и несравненно болѣе чуждыми намъ мірами, чѣмъ средиземноморскій востокъ, противостоявшій классической древности. И, главное, — всѣ эти міры мертвы. Они давно уже не даютъ ни малѣйшаго новаго ростка, давно уже неспособны возродить никакихъ традицій. Ихъ искусство открывается намъ не жизнью, а любопытствомъ путешественниковъ, рвеніемъ археологовъ, жадностью музеевъ. Мы соприкасаемся не съ живыми носителями иноземныхъ вкусовъ или стилей, а лишь съ окаменѣлымъ результатомъ безконечно далекаго, безконечно чуждаго намъ творчества.

Правда, именно поэтому, быть можетъ, отвлеченно-формальное совершенство этого искусства и кажется намъ особенно разительнымъ. Древне-египетское древне-китайское, древне-американское искусство не окружены для насъ тѣмъ воздухомъ человѣчности, не проникнуты тѣмъ потрясающимъ душу человѣческимъ огнемъ, какимъ встрѣчаютъ насъ Микель-Анджело и Рембрандъ, средневѣковый соборъ или греческая статуя. Ихъ отъ всего оторванная ледяная красота, ихъ потусторонняя замкнутость, ихъ безжалостная безусловность такъ и требуютъ стекла витрины и погребальнаго холода музейныхъ залъ. Они не источаютъ никакой энергіи, ничего не даютъ современному искусству; они только учатъ его нечеловѣческой отвлеченности въ вѣкахъ пріобрѣтенной ими, но молчатъ обо всемъ, что когда то дало имъ жизнь и позволило имъ каменѣть въ безсмертіи. Нельзя не преклониться передъ ними, но опасно поклоняться имъ и, восхитившись, пора себя спросить, не слишкомъ ли мы заслушались ихъ гармоніи, не слишкомъ ли исключительно предано наше время музыкѣ, которую еще можно воспринять разумомъ и слухомъ, но уже душою нельзя понять.

Я вспоминаю китайскій рисунокъ, изображающій съ магическимъ совершенствомъ (въ которомъ есть что то скрытное и злое), чье то старческое морщинистое лицо. Лица этого нельзя забыть, но и нельзя, думая о немъ, не испытать чего то вродѣ страха. Эти драконы и чудища древняго Китая, эти молчаливые рисунки, эти безконечно безмолвныя чужія божества, все это жестокое совершенство, вся эта красота, не зовущая любви; и даже персидскія миніатюры, этотъ мусульманскій, ближній, столь болѣе близкій намъ Востокъ, даже японскія ксилографіи, въ которыхъ столько нѣжности и благородства и какого то невѣдомаго намъ вѣжливаго изящества — всѣмъ этимъ я могу плѣниться, но ничего этого я не назову своимъ. Ни одно твореніе нашего собственнаго европейскаго искусства не обращается до такой степени къ о д н о м у нашему эстетическому чувству, не бываетъ въ такой мѣрѣ совершенствомъ и больше ничѣмъ. Отношеніе къ китайскимъ бронзамъ или персидской живописи — пробный камень нашего вкуса. Отдадимъ же имъ все наше восхищеніе, но пусть наша любовь не измѣнитъ для нихъ Рублевской Троицѣ, Рембрандту и обезглавленнымъ статуямъ Реймскаго собора...

⁂

«Китайскія, индійскія, египетскія древности — всего лишь куріозы; очень похвально изучать ихъ и знакомить съ ними людей, но нашему нравственному и ху-

дожественному воспитанію онѣ не принесутъ никакой пользы». Такъ писалъ Гете въ старости. — Еще сто лѣтъ назадъ для европейскаго человѣка, древнее искусство было искусствомъ классической древности, греко-римскій міръ былъ единственнымъ цѣлостно-культурнымъ достояніемъ, унаслѣдованнымъ и усвоеннымъ христіанскимъ европейскимъ міромъ. Все, что не входило въ условные предѣлы римской и эллинской античности, или все же воспринималось сквозь нее, или принадлежало міру Библіи, очень вліятельному иногда въ искусствѣ, но лишь въ силу религіознаго своего значенія. Девятнадцатый вѣкъ означаетъ здѣсь не простое расширеніе интересовъ и познаній, но и перемѣну ихъ стержня или, вѣрнѣй, уничтоженія его, во имя властолюбиваго, безмѣрнаго и ненасытнаго божества: науки.

Обогащеніе, которымъ мы обязаны культу этого божества, поистинѣ огромно. Къ завоеванію міра въ пространствѣ, совершенному въ предшествовавшія три столѣтія европейскій девятнадцатый вѣкъ присоединилъ завоеваніе его во времени. Лишь Шамполліонъ, расшифровавъ іероглифы, позналъ Египетъ; прочтенная клинопись только и открыла Вавилонъ. Индія, древній Китай, Америка инковъ и ацтековъ, всѣ тысячелѣтнія, огромныя, сложныя неевропейскія, противоевропейскія культуры были по настоящему узнаны лишь за послѣдніе сто лѣтъ. Что же касается вліянія этихъ культуръ на живое европейское искусство, то оно стало замѣтно лишь въ послѣднія два или три десятилѣтія, и это совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ можно говорить о египетскихъ стилизаціяхъ наполеоновскаго времени или о китайскихъ забавахъ XVIII вѣка.

Стиль имперіи воспользовался, какъ могъ, монументальностью Египта; XVIII вѣкъ игралъ, какъ умѣлъ, наивно воспринятой китайской орнаментикой; но современное искусство уже не играетъ формами чужихъ искусствъ и не умѣетъ использовать ихъ для самостоятельныхъ своихъ цѣлей: оно сдается имъ безъ боя, не столько даже подражаетъ имъ, сколько отказывается ради нихъ отъ своей собственной вѣковой преемственности. Обогащеніе не всегда бываетъ безусловнымъ благомъ; чужое золото, наводнивъ страну, можетъ обезцѣнить ея трудъ и осушить источники ея творчества. Никакой, самой мощной культурѣ не воскресить въ себѣ всѣхъ мертвыхъ, не собрать воедино, не пересоздать всего наслѣдія былыхъ культуръ. Это не значитъ, что можно просто закрыть глаза и тѣмъ самымъ вернуть Египетъ и Китай къ ихъ старому призрачному бытію, въ какомъ — отъ Платона до Гете — они пребывали для европейскаго человѣчества. Отказаться отъ познанія до-колумбовой Америки значило бы отречься отъ Колумба. Недаромъ именно Европа открыла Америку, Индію и Китай, и ни одна изъ великихъ не-европейскихъ культуръ такъ и не открыла никогда Европы. Однако, для европейской культуры вообще и для ближайшихъ судебъ европейскаго искусства, въ частности, безконечно важно, сумѣетъ ли европейскій человѣкъ провести различіе между тѣмъ, о чемъ онъ знаетъ и тѣмъ, что ему принадлежитъ; сумѣетъ ли только и з у ч а т ь мертвыя культуры и чужое искусство, не измѣняя живому и своему, продолжая в ѣ р о в а т ь въ непоколебимые завѣты европейскаго художественнаго творчества.

АРТУРЪ ЛУРЬЕ.
СМЕРТЬ ДОНЪ-ЖУАНА.
(Изъ «Варіацій о Моцартѣ»).

Нѣтъ въ музыкѣ большаго ужаса предсмертныхъ томленій, чѣмъ у Моцарта. «Гулякѣ праздному», дано было ихъ выразить въ «Донъ-Жуанѣ» такъ, какъ и не снилось никому изъ музыкантовъ, ни до, ни послѣ него. Послѣ всей изумительной веселой безпечности, легкости и игривой граціи, въ которыхъ развертывается музыка оперы, ощущеніе смерти въ послѣдней сценѣ дано съ такой потрясающей реальностью, отъ которой тѣмъ болѣе становится страшно, что возникаетъ она въ видѣ остраго и неожиданнаго контраста со всѣмъ тѣмъ, что ей предшествуетъ. Повидимому, самъ Моцартъ придавалъ сценѣ смерти Донъ-Жуана доминирующее значеніе въ своемъ произведеніи, такъ какъ вѣдь изъ мотивовъ этой сцены и была имъ скомпанована увертюра, которую онъ, какъ мы знаемъ, сочинилъ въ послѣднюю минуту. Біографы разсказываютъ, что увертюра къ «Донъ-Жуану» была сочинена въ ночь передъ премьерой оперы, и переписчики нотъ пришли къ Моцарту за листами партитуры еще не просохшими отъ чернилъ... Моцартъ до послѣдней минуты отодвигалъ отъ себя увертюру къ «Донъ-Жуану». И когда въ концѣ концовъ онъ къ ней приступилъ, изъ всего мелодическаго богатства, которымъ насыщена его опера, онъ взялъ для увертюры мотивы смерти Донъ-Жуана. Онъ дѣлалъ это настолько повинуясь властному чувству внутренней необходимости, что писалъ ее, какъ въ забытіи.

Въ эту памятную ночь, для того, чтобы онъ не заснулъ отъ усталости, Констанція развлекала его чтеніемъ фейныхъ сказокъ, и, работая, Моцартъ отвѣчалъ ей взрывами смѣха... Въ такой мѣрѣ музыка увертюры созрѣла и отчеканилась для его внутренняго слуха, что мотивамъ смерти не мѣшали веселыя сказки жены.

Возникая въ планѣ музыкальной комедіи, творческое дѣйствіе у Моцарта въ «Донъ-Жуанѣ» разрѣшается въ Шекспировскую трагедію, съ поразительной неизбѣжностью, почти независимой отъ воли самого артиста, ибо онъ подчиняетъ себя высшей силѣ, ведущей его по пути реальной жизненной правды, а не по капризамъ художественнаго вымысла, которымъ онъ обычно часто слѣдуетъ. Въ этомъ значеніе произведенія, и въ этомъ его подлинно трагическая сущность. Потрясаетъ не столько чарующая прелесть музыкальной матеріи, ни съ чѣмъ не сравненная, сколько жуткая правдивость ситуаціи здѣсь музыкой выраженная. Матеріальная

красота этой музыки вноситъ таинственное очарованіе въ эту ситуацію. Она волшебный голосъ самого Моцарта.

«Донъ-Жуанъ» дѣлится на двѣ половины мотивами, въ которыхъ упоминается о рукахъ. Въ первый разъ это: «La ci darem la mano!» — самая прельстительная, самая вкрадчивая музыка, когда либо существовавшая. Въ ней безудержно смѣлая игра. Пренебреженіе опасностью въ моментъ наиболѣе запутанной жизненной интриги, и уже на краю послѣдней катастрофы. Но все же легкомысленная самоувѣренность настолько привычна, надежда на свои силы по инерціи душевной настолько велика, что вызовъ судьбѣ брошенъ еще разъ.

Музыка слѣпо остается въ плѣну наслажденія, въ которомъ Донъ-Жуанъ у Моцарта до послѣдней минуты плететъ паутину интриги, безъ тѣни предчувствія надвигающейся гибели. Не чувственный капризъ служитъ поводомъ къ сценѣ съ Церлиной, а необходимость поставить все на карту, провѣрить свои силы, и во что бы то ни стало, и на сей разъ выиграть игру, иначе все пойдетъ прахомъ. Но, какъ всегда въ жизни, то, что прежде сходило безнаказанно, даже когда игра велась по весьма значительнымъ ставкамъ, и когда жизнь разрушалась сознательно, теперь, то что было лишь случайностью, не имѣвшей никакой цѣны, оказывается послѣднимъ звеномъ въ цѣпи и служитъ послѣднимъ толчкомъ къ развязкѣ...

Второй разъ то-же упоминаніе о рукахъ, въ словахъ командора: «Da mi la mano in segno!». — Въ этихъ двухъ упоминаніяхъ о рукахъ — музыкальный контрастъ на которомъ ось всей драмы. Вокругъ обращенія Донъ-Жуана къ Церлинѣ, вращается вся первая часть драмы, вокругъ обращенія командора къ Жуану — завершеніе и развязка ея.

Удивительный хоральный мотивъ командора: «Da riter finirai pria dell'aurora», какъ голосъ рока предваряетъ о наступающей развязкѣ, въ то время какъ вся музыка еще совсѣмъ далека отъ нея. Поразительно, какъ въ послѣдней сценѣ, съ появленіемъ командора на ужинѣ, мѣняется эта музыка. Самый воздухъ ея становится инымъ. Куда дѣвалась вся развязность и иронія, вся танцующая грація этой самоувѣренной свободы? Вѣдь главной основой этой «свободной» воли былъ лирическій жаръ, не скованный конкретной привязанностью ни къ кому и ни къ чему. Все было только черезъ себя самого и для себя лишь одного. А знаменитый послѣдній ужинъ, съ забавнымъ «охотничьимъ» концертомъ на сценѣ, съ котораго этотъ ужинъ начинается. Въ музыкѣ здѣсь игра съ опасностью ведется до послѣдняго момента, до послѣдней жизненной точки. Моцартъ съ предѣльной остротой подчеркиваетъ наступленіе конца, вплоть до того, что себя самого впутываетъ въ игру. Когда Жуанъ иронически спрашиваетъ Лепорелло, нравится ли ему концертъ, это самъ Моцартъ говоритъ его устами. Вѣдь эту «музычку», съ которой начинается ужинъ, онъ взялъ изъ одного изъ своихъ юношескихъ сочиненій, и онъ съ Лепорелло надъ нею подшучиваетъ, зная, что публика не пойметъ...

Какъ только у Жуана начинается поединокъ со смертью — все мгновенно мѣ-

няется. Уже въ томъ, какъ звучатъ первыя слова Командора обращенныя къ Жуану, ясное ощущеніе наступившаго конца.

Безразлично спокойнымъ тономъ сказаны музыкой слова эти, но такъ, какъ не звучитъ ни одно приказаніе, ибо здѣсь сразу ясно, что возврата нѣтъ и быть уже не можетъ. Жизнь осталась позади этой фразы, и наступаетъ расплата за нее. Итогъ подведенъ сразу, однимъ росчеркомъ пера. Что съ того, что у Жуана нѣтъ согласія на покаяніе и признаніе своего пораженія? Онъ остается вѣренъ себѣ до конца, но теперь и ему самому становится ясно, что вся жизнь была только игра, а единственно непобѣдимая для него реальность — смерть.

«Настоящей серьезности человѣкъ достигаетъ только когда умираетъ. — Неужели же вся жизнь легкомысліе? Вся». Въ этой розановской фразѣ есть своего рода «донжуанство».

Въ сумасшедшемъ музыкальномъ діалогѣ съ Командоромъ уже нѣтъ и слѣда былого щегольства и самоувѣренности. Здѣсь уже не Жуанъ, а просто человѣкъ на лицо, обнаженный, безпомощный и жалкій.

«Что теперь твоя постылая свобода,
«Страхъ познавшій Донъ Жуанъ»...

Поразителенъ контрастъ музыкальнаго воображенія у Моцарта въ повѣсти о свободномъ Жуанѣ, пляшущемъ надъ пропастью и холодной, торжественной, почти до скуки монотонности конца. Желѣзная неизбѣжность этого конца тѣмъ убѣдительнѣй, что выражена она у Моцарта безразличнымъ тономъ, сѣрымъ и безпощадно однообразнымъ, «вѣчнымъ»...

Отъ ровнаго, безразлично-монотоннаго аккомпанимента смычковъ, тремолирующихъ въ pianissimo и продвигающихся по свѣтотѣни гармоническихъ ступеней, почти незамѣтно мѣняющихъ окраску — создается впечатлѣніе гаснущаго свѣта. Отъ яркаго тона — къ полному угасанію, погруженію въ мракъ, въ ничто. На этомъ фонѣ властный рисунокъ басовъ въ оркестрѣ, какъ бы голосъ, ровный, рѣшительный, такъ-же монотонный, но уже потусторонній. Впечатлѣніе отъ этой монотонности безпощадное, страшное до дрожи. Впечатлѣніе жестокой пытки. Какое-то ломаніе костей и вывихъ суставовъ. Какое то чудовище уничтожающее че-

ловѣка часть за частью, почти что съ хрустомъ и обгладываніемъ. Къ концу этого «діалога» отъ Жуана ничего не остается. Нѣтъ больше слѣда человѣка на землѣ.

«Черной смерти мелькало крыло,
«Все голодной тоскою изглодано...»

Съ необыкновеннымъ аппетитомъ и спокойнымъ гурманствомъ. Не смерть, а какое-то утонченное обжорство. Опять вспоминаешь по контрасту послѣдній ужинъ самого Жуана.

У кого, кромѣ Моцарта, существуетъ еще такой музыкальный портретъ агоніи смертныхъ мукъ? И съ какимъ непостижимымъ по тонкости артистическимъ ощущеніемъ это подано. Нигдѣ, въ этой музыкѣ, ни слѣда патологіи, психологическихъ аффектовъ. До такой степени все точно сдѣлано и спрятано въ «чистую» музыку, что можно вѣдь и не замѣтить въ чемъ дѣло, и пройти мимо, какъ это и дѣлаетъ большинство восхищающихся этой «веселой» оперой.

Шубертъ, въ свое время, ощутилъ нѣчто въ этомъ родѣ, и о многомъ догадался. Вѣдь его «Лѣсной царь» почти весь возникъ изъ финальной сцены «Донъ Жуана».

В. ВЕЙДЛЕ.
ЗАМѢТКИ О ШАГАЛѢ.

Каждая перемѣна въ настоящемъ мѣняетъ для насъ и прошлое. Исторія движется, непрерывно перестраиваясь во всемъ своемъ составѣ. Отдаляться отъ чего-нибудь во времени не значитъ непремѣнно терять изъ виду то, отъ чего уходишь, но это значитъ видѣть его иначе; лучше, можетъ быть, или хуже, но всегда по новому.

Живопись девятнадцатаго вѣка (и даже скульптура вслѣдъ за ней) чѣмъ дальше, тѣмъ все исключительнѣй обращалась только къ зрѣнію; живопись нашего времени все больше начинаетъ имѣть ввиду одинъ лишь вычисляющій и вывѣривающій разсудокъ. Импрессіонизмъ былъ торжествомъ глаза не только надъ всѣми остальными чувствами (которыми не пренебрегала живопись другихъ временъ), но и надъ чувствомъ вообще, надъ тѣлесно-душевнымъ единствомъ человѣка: вмѣсто созерцаемаго въ картинѣ бытія, намъ предлагали произвольно избранный отрѣзокъ самого процесса созерцанія. Послѣ импрессіонизма перестали удовлетворяться и этимъ: кубистъ, вмѣсто того, чтобы писать картину, перечисляетъ кистью на полотнѣ пріемы, съ помощью которыхъ она могла бы быть написана. Въ искусствѣ, окружающемъ насъ, послѣдніе импрессіонисты противостоятъ наслѣдникамъ кубизма. оП одну сторону (невысокой) баррикады — Матиссъ, Вламенкъ, Утрильо, Дюфи; по другую — колбы и реторты Пикассо, чарующе рѣшенныя уравненія Брака, классическіе холодильники Дерена, а неподалеку и Беклинъ для негровъ Максъ Эрнстъ, и престидижитаторъ Кирико. По ту сторону, какъ никакъ, человѣческой, да и художественной цѣльности больше, чѣмъ по эту; но та цѣльность е щ е, а не у ж е. Тамъ человѣчность безъ будущаго; здѣсь будущее безъ человѣка. Неужели придется выбирать? Не отраднѣй ли положиться на тѣхъ, кто не умѣщается въ эту схему? Но ихъ не много. Можно назвать Руо, можетъ быть Клее, отчасти пожалуй Сутина. Надѣяться на Громера, кажется, уже нельзя. Въ Шагала я продолжаю вѣрить.

Искусство для искусства? Двусмысленность этой формулы давно уже разоблачилъ Франческо де Санктисъ. «Цѣль искусства — искусство, очень хорошо. Птица поетъ, чтобы пѣть, совершенно вѣрно. Но птица въ своей пѣснѣ выражаетъ всю себя: свои побужденія, свои потребности, свою природу. Такъ и человѣкъ въ своей пѣснѣ выражаетъ всего себя. Не довольно ему быть художникомъ: должно быть человѣкомъ». Можно добавить, что быть человѣкомъ ему надо именно для того, чтобы вполнѣ осуществить призваніе художника.

Искусство Шагала тѣмъ и цѣнно, тѣмъ для нашего времени и рѣдкостно, что оно выражаетъ полностью внутренній его міръ. Это не значитъ, что по его по-

М. Шагалъ. Явленіе.

M. Chagall. L'Apparition (1917).

М. Шагалъ. Стѣнные часы — *M. Chagall. La Pendule (1930).*

воду нужно говорить о выраженіи, какъ о программѣ, объединять его игрой слишкомъ емкихъ понятій съ нѣмецкими или иными экспрессіонистами. Къ нимъ былъ близокъ Шагалъ лишь временно, лѣтъ пятнадцать назадъ (когда онъ такъ и прославился въ Германіи); въ тѣ годы переживаніе, замыселъ не всегда получали у него единственно необходимую, до конца оправдывающую ихъ форму. Случалось, что внутренній его міръ сказывался не черезъ картину, хотя и на картинѣ; не въ художественномъ ея существѣ, а въ какихъ-нибудь околичностяхъ и случайностяхъ. Но съ тѣхъ поръ онъ избавился отъ этого соблазна, которому никогда не отдавался цѣликомъ, а экспрессіонизмъ погибъ именно потому, что хотѣлъ обойтись безъ формы, точно также какъ кубизмъ обходился безъ содержанія. Избавленію Шагала помогла французская живопись, и она же научила его болѣе острому красочному зрѣнію и болѣе точному равновѣсію массъ. Въ одной изъ лучшихъ картинъ послѣдняго времени, крылатая рыба и стѣнные часы, вдвоемъ перелетающіе рѣку, такъ убѣдительно написаны, что не сомнѣваешься ни минуту въ ихъ подлинномъ бытіи, въ соприродности ихъ не воображаемому только, но и зримому, осязаемому міру. Міръ Шагала не представляется и вообще какимъ то частнымъ его дѣломъ, отъ всего оторванной и въ конечномъ счетѣ своекорыстной выдумкой; напротивъ онъ очень общъ и тепелъ, этотъ міръ, онъ полонъ того удивительнаго чувства утробной, семейственной сращенности людей, которымъ тысячелѣтія жило еврейство, которому такъ завидовалъ Розановъ, и которое впервые теперь въ этомъ изъ самой гущи еврейства выросшемъ искусствѣ получаетъ въ формахъ и краскахъ созерцаемое свое воплощеніе.

Сыновство, супружество, материнство, братство — все это имѣетъ религіозный смыслъ или не имѣетъ даже и человѣческаго смысла. Религія здѣсь непосредственно выростаетъ изъ стихіи дочеловѣческой, доличной, доразумной, изъ той, гдѣ одновременно человѣкъ — вопреки слову Паскаля — и ангелъ, и животное. Вѣроятно такъ и нужно, чтобы именно въ этой формѣ религія, а лишь за нейи человѣкъ, вернулась въ опустошенное искусство. Искусство нашего времени, искусство безъ человѣка можетъ услужать человѣку, можетъ ему нравиться, можетъ отвѣчать дешевымъ предложеніемъ на нетребовательный спросъ; достучаться до человѣческой души оно не можетъ. Заново очеловѣчить искусство способна одна религія. Но, конечно, ни къ чему не приведетъ, если художникъ будетъ лишь «вкладывать» религіозное содержаніе въ нерелигіозную по существу картину. Нѣтъ, въ самой формѣ, въ плоскостяхъ и объемахъ, въ краскахъ и ритмахъ картины долженъ сказаться трепетъ религіозной, хотя, быть можетъ, и не знающей о томъ души.

Шагалъ закончилъ недавно едва ли не самую величественную и полновѣсную изъ своихъ картинъ. Огромный пунцовый ангелъ падаетъ въ ней съ неба и человѣческая фигура въ темной одеждѣ поднимается на воздухъ какъ бы силою этого паденія. Въ центрѣ звенятъ краски, свѣтлыя и яркія; въ углу, противоположномъ тому, что занятъ ангеломъ, фигура, похожая на раввина держитъ въ рукахъ по-

видимому свитокъ Торы. Годами работая надъ холстомъ, художникъ, однако, совсѣмъ не думалъ ни о какомъ «сюжетѣ», ни традиціонномъ, ни вымышленномъ. Конечно, ангелъ, свитокъ что-то значатъ, о чемъ то сигнализируютъ зрителю, но это о нихъ можно утверждать лишь въ той же мѣрѣ, какъ о массахъ и краскахъ картины или о другихъ, казалось бы чисто формальныхъ ея признакахъ. Чѣмъ больше всматриваешься въ нее именно, какъ въ картину, тѣмъ яснѣе видишь полную слитность ея религіознаго и художественнаго существа. Не удивляйтесь, что безумнымъ кажется созданный ею міръ: въ немъ есть цѣльность, которой нельзя найти въ распадающемся, разсудочно разложенномъ мірѣ. Не удивляйтесь, что ужаса въ ней больше еще, чѣмъ радости. «Хочешь бѣжать отъ Бога, бѣги къ Богу», сказалъ *блаженный* Августинъ; но и въ самомъ бѣгствѣ уже есть признаніе бытія Господня.

**
*

Надпись на Тифенброннскомъ алтарѣ Луки Мозера 1431 года:

« Schri Kunst schri und klag dich ser dein begert jetz niemer mehr. »

Платонъ. Гиппій большій, 301 В.:

(Гиппій Сократу): «Ты и твои друзья, съ коотрыми ты привыкъ разговаривать, вы вещей въ цѣломъ не разсматриваете, но отхватываете и толчете и прекрасное и всѣ остальныя вещи, раздробляя ихъ въ рѣчахъ. Оттого-то отъ васъ и ускользаютъ такія прекрасныя и по природѣ своей цѣльныя тѣла существъ».

Байе. Жизнь Декарта т. I, стр. 84:

Il ne croyait pas qu'on dût s'étonner si fort de voir que les poètes, même ceux qui ne font que niaiser, fussent pleins de sentences plus graves, plus sensées et mieux exprimées que celles qui se trouvent dans les écrits des philosophes. Il attribuait cette merveille à la divinité de l'*enthousiasme* et à la *force* de l'*imagination*. »

Филиппъ-Отто Рунге (1777-1810):

« Die Kunst muss erst wieder recht verachtet, für ganz unnütz gehalten werden, ehe wieder was draus werden kann. »

Пятидесятилѣтіе со смерти Тургенева. Тургеневъ-сновидецъ.
28 X 1818 - 22 VIII 1883.

Всякая человѣческая жизнь великая тайна. И самые точнѣйше провѣренные факты изъ жизни человѣка и свидѣтельства современниковъ не создаютъ и никогда не создадутъ живой образъ человѣка: всѣ эти подробности жизни — только кости и прахъ. Оживить кости — вдохнуть духъ жизни можетъ только легенда, и только въ легендѣ живетъ память о человѣкѣ.

Ленинское о Толстомъ: «срываніе всѣхъ и всяческихъ масокъ» — наивная дѣтская повадка ломать игрушки. Что-жъ, оторву руки, оторву ноги, доберусь до самаго горла или въ животъ къ пружинкѣ-пищику, всѣ пальцы себѣ исцарапаю надъ пружинкой, наконецъ, и ее оторву, а тайна останется — ее не вырвешь: кукла, подымающая и опускающая вѣки, а если подавить брюшко — пищитъ. Наивныя дѣти! И Толстой, правдиво разложившій Наполеона, и Ленинъ, оцѣнившій эту правдивость. Но и Наполеонъ и Толстой, сколько бы ни срывали съ нихъ масокъ, живы и будутъ жить въ легендѣ.

Легенда и есть духъ жизни.

День человѣка: какъ онъ встаетъ, ѣстъ, пьетъ, пользуется уборной — эти мелочи жизни, хотя бы возстановленныя съ фотографической правдивостью, ничего не прибавятъ и не убавятъ къ живому образу человѣка — всѣ эти живѣйшія движенія, общія съ другими людьми, мертвы. И всякія собранія анекдотовъ, сплетни, судъ современниковъ и даже собственныя признанія, сводящіяся обыкновенно къ общему и, какъ всякія откровенныя признанія, никогда не безъ фальши, также мертвы. Духъ жизни дастъ легенда, а легенда о писателѣ создается изъ его произведеній, въ которыхъ писатель выражаетъ себя и только себя въ самомъ своемъ сокровенномъ, а черезъ себя и тайны міра.

Тургеневъ — сновидецъ. Реальность его жизни огромадна: явь и сонъ. Изъ скрытой сонной реальности, глубины не Гоголя, и не Толстого, и не Достоевскаго, почерпнулъ онъ силу Елены изъ «Наканунѣ», силу Лукерьи изъ «Живыхъ мощей», силу Маріанны изъ «Нови» и силу Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда» — силу четырехъ Матерей.

Тургеневъ — сновидецъ. Ни одинъ писатель не оставилъ столько сновъ — рѣдкій Тургеневскій разсказъ безъ сна. Изъ писателей второго круга, къ которому принадлежитъ Тургеневъ, только Лѣсковъ, и въ этихъ снахъ ихъ общее.

Тургеневу приснился сонъ: зеленый старичокъ далъ ему орѣшекъ. (Разсказъ о. Алексѣя). Этотъ зеленый старичокъ былъ Гоголь. Изъ учениковъ Гоголя, а ученики Гоголя — и Достоевскій, и Писемскій, — Тургеневъ добросовѣстно исполнилъ все, что получилъ отъ своего учителя: отъ «Записокъ охотника» до «Пѣсни торжествующей любви».

Слова Тургенева робки — для Гоголевской «нестерпимо-звенящей трели» онъ глухъ, и въ самомъ извѣстномъ его

«Русскомъ языкѣ» вышла путанница съ «могучимъ» и «свободнымъ». Тургеневъ владѣлъ и «обходительнымъ», по Петровской терминологіи, или «крестьянскимъ наречіемъ» по Пушкину, т. е. искусно имитировалъ мужика и создалъ вмѣстѣ съ Писемскимъ и Толстымъ условно народный языкъ, въ которомъ простонародныя слова выражаются въ рѣчи книжнаго литературнаго склада; синтаксисомъ народной рѣчи — «сказомъ» займется Лѣсковъ, первый послѣ протопопа Аввакума, и словесно станетъ ближе — понятнѣе простому русскому народу, чѣмъ самый «народный» «Бѣжинъ лугъ», который всегда останется барской поддѣлкой.

Тургеневъ описываетъ природу, изображая землю и небо, цвѣты, ночь, звѣзды и зори, весну, осень, лѣто и зиму. Его описанія, какъ подобныя же у Гоголя, Толстого, Писемскаго, Лѣскова и Гончарова, вошли въ нашъ глазъ; эти описанія создали цѣлый міръ «русской природы» — музейный памятникъ любующагося глаза. Но какому соврменному писателю, прошедшему или пытающемуся пройти черезъ высокій міръ Гоголя, Толстого и Достоевскаго, придетъ въ голову заниматься «описаніемъ природы», которой вообще въ природѣ и не существуетъ, а есть сила — и добрая со всей теплотой материнскаго сердца, и злая — съ всей безпощадностью къ незащищеннымъ, сила, которая ненавистна своимъ «закономъ» и «необходимостью» для мятежнаго своевольнаго сердца.

Въ революцію всѣ бросились на «Бѣсовъ» Достоевскаго, ища о революціи. И всякій прочиталъ «Бѣсовъ», пропуская сокровенныя слова о человѣческомъ «смѣть» — о такой революціи, о которой не снилось никакимъ «титанамъ» — любимое выраженіе о себѣ нашихъ совѣтскихъ мотыльковъ! — эти мысли Достоевскаго въ признаніяхъ Кириллова о побѣдѣ надъ «болью и страхомъ» и началѣ новой эры съ человѣкомъ, распоряжающимся своей судьбой; пропуская также и «красненькаго паучка» — о этой тайнѣ жертвы, на игрѣ которой стоитъ міръ, не взорванный еще революціей, которую рано или поздно подыметъ Кирилловъ—«Исповѣдь Ставрогина». И никто не подумалъ о неумиренной пламенной Маріаннѣ изъ «Нови», и которая, я знаю, никогда не успокоится, и о ея сестрѣ, открытой къ мечтѣ о человѣческой свободѣ на землѣ, о Еленѣ изъ «Накаyнѣ», а кстати поискать «бѣсовъ» совсѣмъ не тамъ — жизнь на землѣ трудная и въ мечтѣ человѣка облегчить эту жизнь, какіе тамъ «бѣсы»! — нѣтъ, не тамъ, и ужъ если говорить о «бѣсахъ», вотъ міръ, изображенный Тургеневымъ, Толстымъ, Писемскимъ и Лѣсковымъ — вотъ полчища бѣсовъ, а имя которымъ праздность, и самодовольная праздность.

Есть озорнѣйшій Гоголевскій разсказъ — Гоголевская тема, какъ страсть водитъ за носъ и губитъ человѣка — «Шинель»: среди словеснаго перелива на зубоскалъ и хохотъ, вдругъ горькія строки о человѣкѣ и Россіи — «какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной образованной свѣтскости и, Боже, и въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ». У Тургенева не было веселости духа, Тургеневъ безъ юмора и колдовства — Гоголевское озорство и Гоголевская магія не по немъ, и вотъ эти единственные у Гоголя жалостныя строки больно хлеcтнули его по средцу: всѣ разсказы Тургенева, начиная съ «Записокъ охотника» — о человѣкѣ, какъ человѣкъ мудруетъ

надъ человѣкомъ. И это современно, и Тургеневъ современенъ: современность спрашиваетъ не только «чего», а также и «изъ-за чего»? Все пройдетъ и разрушится, какъ паутина, — нѣтъ, то-то, что нѣтъ: глубочайшія чувства человѣческаго сердца неизбывны — нельзя забыть! — и вотъ наступилъ «судъ жесточайшій пренмущимъ».

Звѣровидныя женщины Тургенева: Одинцова, Ирина, Полозова, Лаврецкая — эта цѣпь такой цѣпкой безсмертной жизни, замыкающаяся Еленой Безуховой въ «Войнѣ и мирѣ» Толстого, Глафирой Бодростиной въ «На ножахъ» Лѣскова и Екатериной Петровной Крапчикъ въ «Масонахъ» Писемскаго — сестры вокругъ «Древа Жизни». А какъ далека отъ этого «Древа» одиноко стоитъ Лиза: образъ восходящаго духа черезъ отреченіе. Судьба Лизы, недосказанная въ Софьѣ «Странной исторіи», досказана въ Евлампіи «Степного короля Лира»: не побѣдивъ во имя какой-то высшей воли одну изъ своихъ воль, человѣкъ не найдетъ въ себѣ силы владѣть волею другихъ, и съ какимъ умомъ и способностями, не чета скромнѣйшей и простоватой Лизѣ, а угодитъ въ пылесосъ. И, какъ Лиза, одиноко стоитъ «Богомъ убитая» Лукерья изъ «Живыхъ мощей», перекликающаяся съ Ульяной изъ «Обойденныхъ» Лѣскова — «безотвѣтныя, сиротливыя дѣти и молитвенницы за затолокшій ихъ міръ Божій».

Безулыбный, дѣлящій жизнь между чудовищной явью и кошмарнымъ сномъ, Тургеневъ, разсказавъ о своей судьбѣ въ «Пѣтушковѣ», слышитъ «стукъ-стукъ» скрытой руки этой судьбы — тайный знакъ приближающагося удара неизбывнаго часа, отъ котораго не уйти и самому живучему, самому цѣпкому, самому звѣрскому, рожденному подъ «Древомъ Жизни». Нѣтъ, Тургеневъ не тотъ чванливый московскій хлыщъ съ парижскимъ «tiens» и «merci», какимъ онъ могъ казаться Достоевскому, изстрадавшемуся и увидѣвшему свѣтъ изъ страданія въ жертвенномъ страданіи человѣка, и Толстому, разсказавшему съ исключительной вѣрой въ чудесность человѣка о радости и свѣтѣ человѣческомъ, Тургеневъ, изъ своей тайной памяти отъ четырехъ Матерей почерпнувшій силу, и сердце его — навсегда раненое нераздѣленной первой любовью и неутоленное открыто къ жуткой и жгучей бѣдѣ человѣка бунтующаго и смиреннаго передъ неумолимой безпросвѣтной судьбой и одна сквозь эту тьму, какъ огонекъ, надежда — его послѣднее слово — что неутоленное здѣсь — тамъ утолится: «любовь сильнѣе смерти».

Алексѣй Ремизовъ.

Федоровъ и современность. *(А. Остромировъ. Харбинъ).*

Жизнь и ученіе Н. Ф. Федорова настолько мало извѣстны большинству читающей публики, что хочется не рецензировать книгу, о немъ написанную, а просто изложить ея содержаніе и тѣмъ самымъ дать представленіе объ этомъ удивительномъ и удивляющемъ человѣкѣ, котораго Толстой, Достоевскій и Соловьевъ называли своимъ учителемъ. Но и это почти невозможно: Федоровъ мыслитель настолько своеобразный, что его мысли, переданныя не его словами, (вѣрнѣе, не его тономъ), становятся почти грубыми и часто смѣшными. Ограничусь поэтому тѣмъ, что отмѣчу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ вопросы, съ философіей Федорова связанные, и, дѣйствительно, являющіеся въ

какой-то мѣрѣ симптоматичными для современности.

Основная идея Федорова та, что смерть должна быть побѣждена человѣческими усиліями, причемъ предѣльнымъ выраженіемъ побѣды должно быть не только безсмертіе людей живущихъ, но и воскрешеніе живущими всѣхъ умершихъ. Люди должны понять, что ихъ главный врагъ — слѣпая, умерщвляющая ихъ природа, — и объединиться для борьбы съ этимъ врагомъ. Противъ силы слѣпой (природной) нужно мобилизовать всю ту разумную силу, которая сейчасъ направляется людьми на взаимоистребленіе: война и воскрешеніе, вотъ антиподы человѣческаго дѣйствія. Разоруженіе утопія: нельзя изъять изъ міра энергію, идущую на «дѣланіе смерти», ее надо использовать лишь для противоположной цѣли. Всечеловѣческая армія труда, одушевленная общимъ дѣломъ, вооруженная всей мощью современной и будущей техники, армія титановъ, должна завоевать космическое пространство и собрать распыленныя въ космосѣ молекулярныя частицы всѣхъ умершихъ. Общее дѣло скромно начнется съ регуляціи атмосферныхъ явленій, но для человѣческаго разумнаго генія нѣтъ преградъ, и скоро люди смогутъ свободно управлять кораблемъ-землей, пользуясь полной своей властью надъ энергіей, излучаемой солнцемъ. Тогда прекратится дѣторожденіе и человѣческое сѣмя будетъ идти на одушевленіе собранныхъ тѣлъ умершихъ...

Конечно, все это похоже на бредъ. Но мнѣ кажется, что ничего не слѣдуетъ отвергать по причинамъ внѣшней неправдоподобности: въ области явленій можно допустить все, что угодно, потому что не разумъ этому противится, а только привычка къ установившемуся порядку, по существу же воскрешеніе умершихъ не болѣе таинственно и «безумно», чѣмъ рожденіе новыхъ людей, чѣмъ малѣйшее, вообще, проявленіе жизни или сознанія, и, конечно, чѣмъ сама смерть. Гораздо болѣе существенный, для общаго дѣла, вопросъ, это желательно-ли и воскрешеніе и, даже, безсмертіе? Вѣдь воскреснетъ не только вашъ ничѣмъ не замѣчательный и ни въ чемъ неповинный предокъ, воскреснутъ тысячи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ негодяевъ, воскреснетъ во плоти самъ Іуда Искаріотъ! — а поскольку человѣкъ и тогда останется свободнымъ, какъ предвидѣть возможныя послѣдствія? — Затѣмъ, если не измѣнится содержаніе жизни, то нужна-ли ея нескончаемость? Ходить еще тысячи лѣтъ по субботамъ въ кафэ, тысячи разъ еще ссориться и мириться съ тѣмъ же человѣкомъ, выкурить еще тысячи, — милліоны! — папиросъ, и что же дальше? Все то же: физическое безсмертіе, отсутствіе цѣли, ужасъ осуществленнаго, законченнаго, конченнаго, — «безсонница, похожая на сонъ». Не объ этомъ-ли времени пророчество: «тогда люди будутъ искать смерти и не найдутъ ее, захотятъ умереть, но смерть удалится отъ нихъ».

Когда Толстой говорилъ, что христіанину слѣдуетъ прежде всего исполнить евангельскія заповѣди, Федоровъ отмахивался: разумѣется!... и дѣйствительно, жизнь Федорова была образцомъ праведности и милосердія. Онъ какъ будто и не подозрѣвалъ о томъ, что «исполненіе» не такъ ужъ естественно для всего человѣческаго рода, что общее дѣло, имъ выдвигаемое, потому только и есть общее, что направлено на внѣшнюю цѣль и что если люди имъ увлекутся, то забудутъ главное: зачѣмъ

имъ будетъ нужно «второе рожденіе», когда и первое сдѣлаетъ ихъ безсмертными, если творческій разумъ освободитъ ихъ отъ «поклоненія Отцу въ духѣ и истинѣ»?

Тутъ Федоровъ во многомъ существенномъ перекликается съ Бергсономъ: оба философа, исходя изъ христіанской любви, выдвигаютъ задачи, осуществленіе которыхъ сдѣлаетъ эту любовь уже ненужной, и не замѣчаютъ, какъ будто, что осуществленіе все той же христіанской любви сдѣлало бы ненужными именно выдвигаемыя ими задачи. Если бы Иванъ Ильичъ прожилъ жизнь такъ, какъ надо, то «возымѣлъ бы великое дерзновеніе» и сама смерть была бы ему не страшна. Но какъ надо? — вотъ камень преткновенія всякой практической философіи.

Лазарь Кельберинъ.

Психологія «Жалости» (Выдержка изъ доклада, прочитаннаго въ Берлинѣ).

— Что же ты любишь своего мужа? — спрашиваютъ крестьянку.

— А какъ же? Жалѣю. Какъ не жалѣть?

— Любишь?

— Жалѣю.

Она даже не поправляетъ, не исправляетъ вопроса. Просто вмѣсто одного слова ставитъ другое, кажущееся ей синонимомъ. Она не отвѣчаетъ: «нѣтъ, не люблю, а жалѣю». Она говоритъ: «Да. Жалѣю».

Сперва пожалѣла, мысленно пригрѣла, приголубила. А потомъ и настойчиво, какъ кровь сквозь кожу, проступила любовь. Любовь гетеросексуальная (любовь къ другому полу, т. е. самая нормальная, чистая — и по Розанову, даже святая любовь), такая любовь можетъ начаться, какъ ощущеніе материнское. «Онъ у меня такой безпомощный». «Ахъ, ты мой несмысленышъ».

— Такъ ты любишь его?

— Жалѣю.

Въ Псковской губерніи, гдѣ я родился, гдѣ цокали, гдѣ говорили заланный, вмѣсто желанный, ницаво и цасы — крестьянка отвѣтила бы:

— Залѣю...

Съ подползающей къ намъ на брюхѣ собакой сравниваетъ Ницше это смиренное, ласково-жалѣющее чувство. Ага! Ты рядишься въ плащъ, когда не смѣешь показать клыковъ.

«Вотъ она подползла на брюхѣ, жалѣетъ, лижетъ руку, но я наклоняюсь къ ней, я впился въ ея глаза. Ага! Я узналъ тебя, проклятая. Огоньки въ своихъ глазахъ. Ты чуть смакуешь чужое горе. Ура! Это все не со мной случилось. И крутишься въ радости на брюхѣ».

Спенсеръ считаетъ жалость наслѣдіемъ родительскаго инстинкта, онъ ищетъ корней ея тамъ, гдѣ глубоко въ подпочвѣ духа нашего гнѣздятся примитивные, первичные поневолѣ внѣдрившіеся въ насъ (изъ за совмѣстной жизни семьею, кланомъ, группой) начатки соціальнаго альтруизма.

Шопенгауэръ удивляется, поражается, странно радуется самому наличію чувства жалости на фонѣ всеобщаго, казалось бы, біологически предопредѣленнаго и самой природой предуказаннаго эгоцентризма отдѣльной особи. «Жалость — это единственная, не-эгоистическая, истинно-моральная двигательная пружина, основа самодовлѣющей справедливости всякой подлинной человѣческой любви».

Помню, въ студенческіе годы я часто ѣздилъ на каникулы въ Ригу, гдѣ во главѣ огромной лѣчебницы для душевно - больныхъ (въ нѣсколько десятковъ десятинъ, устроенной по павильонной системѣ, съ коттеджами и т. д.) стоялъ мужъ сестры моей матери, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ тогдашней Россіи психіатровъ, рижанинъ Max Schoenfeld, впослѣдствіи убитый сумасшедшимъ паціентомъ. По многу разъ онъ показывалъ мнѣ свою лѣчебницу, водилъ по отдѣльнымъ павильончикамъ, разрѣшалъ бесѣдовать съ ипохондриками, шизофрениками (т. е. со страдавшими раздвоеніемъ личности), осторожно водилъ въ палаты буйныхъ, давалъ читать, видя мою жадность къ вопросамъ психіатріи, книги о душевныхъ болѣзняхъ. Къ тому времени относится мое первое знакомство съ работами проф. Дерптскаго (Юрьевскаго) университета Чижа («Душевныя болѣзни героевъ Достоевскаго» — тогда такія темы были вновѣ), съ книгами прив.-доц. Розенбаха (впослѣдствіи я лично съ нимъ познакомился въ Петербургѣ), съ толстымъ курсомъ проф. Корсакова. Тогда же мнѣ довелось видѣть у него въ Ригѣ паціента, «жалѣвшаго» весь міръ. Да, да — жалѣвшаго. Мягкость, благостность, доброта, та самая «misericordia», жалость, которую Спиноза называетъ «mulieris misericordia», женственная жалость — приняла въ его больной душѣ уродливыя формы. Улыбка расплывалась въ широченную гримасу. Вздохъ участія въ стенаніе. Жалость въ экзальтацію. Я помню этого паціента. Бесѣды его съ Шенфельдомъ часто шли при мнѣ на балконѣ докторской усадьбы въ Атгазенѣ близъ Риги. Рѣденькая бородка, спадающее Чеховское пенснэ на шнуркѣ, бѣгающіе глаза, захлебывающаяся рѣчь. — «Господи, да что они хотятъ отъ меня? Мнѣ же лучше! И безсонницы нѣтъ. Господи, докторъ! Сегодня проснулся — весь міръ хотѣлъ обнять. Всѣ такіе несчастные. Горькіе. Я Іоганна обнялъ, когда онъ вошелъ (Іоганнъ былъ служителемъ). Вышелъ на балконъ. Какая красота. Кусты! Небо! Господи! Докторъ, родной мой». — На глазахъ у Чеховскаго паціента показались слезы. — «Вы слышали, какъ онъ всѣхъ жалѣлъ и насчетъ міра, обнять хотѣлъ?» — сказалъ съ чуть нѣмецкимъ акцентомъ рыжебородый (острая, съ просѣдью, клинушкомъ), въ сильныхъ ловившихъ солнечные зайчики пенснэ, Шенфельдъ. «Это hypomanie. Типичная форма. Прогнозъ плохой». — Мнѣ стало жаль Чехова. Тогда я не задумался надъ тѣмъ, почему «стало жаль» и что такое моя къ нему жалость, — не радость ли, что плохой прогнозъ «относится не ко мнѣ».

А вотъ изъ Фрейда. Анализъ паціента уже взрослаго, но все еще переживавшаго тяжелые рецидивы фобій, показалъ, что въ самомъ нѣжномъ раннемъ возрастѣ, предоставленный самъ себѣ, безъ надзора родителей, онъ сталъ игрушкой сестры, которая, сама не зная, что дѣлаетъ непоправимое зло, наученная въ школѣ товарками начаткамъ половой жизни, рѣшила «понаблюдать» за младшимъ братомъ. Поиграть съ нимъ. Дѣтямъ вѣдь свойственно подсматриваніе, острое любопытство. Дѣти, понятно, сами не знали, что дѣлаютъ. Считать эту сестру, которая была старше его, выродкомъ, нравственнымъ уродомъ и проч. нѣтъ основаній. Дѣтей поймали за глупымъ занятіемъ, наказали. Все забылось. Нѣтъ, не все. Въ душѣ у мальчика осталась травма, душевная рана. «Охи» и «ахи» нянюшекъ,

которыя выпрастывали руки мальчика изъ подъ одѣяла, боясь онанизма, и стращали его волкомъ, который де откусываетъ непослушнымъ части тѣла, оставили, какъ показалъ анализъ, тоже слѣдъ въ душѣ ребенка. Когда онъ увидѣлъ случайно дѣтей другого гола, онъ окончательно повѣрилъ въ волка. Ему показалось, что эта странныя, голыя существа уже волкомъ наказаны. Развился Kastrationskomplex — неврозъ, кстати очень нерѣдкій. Онъ сталъ носиться съ собой (Narzismus), жалѣлъ себя и отца, съ которымъ себя отождествлялъ, идентифицировалъ. Отецъ былъ боленъ. Мальчикъ сталъ жалѣть **всѣхъ** больныхъ, калѣкъ и нищихъ. Все это для него были символы отца, т. е. его самого, т. е. собственнаго угрожаемаго отовсюду я. Образовался тягчайшій психическій комплексъ. Мальчикъ при видѣ нищихъ продѣлывалъ сложный магическій ритуалъ: онъ задерживалъ дыханіе и проходилъ мимо калѣкъ, надувъ щеки, чтобы вдохнуть въ себя ихъ несчастья. Если хорошенько почитать книгу Фрейда о суевѣріяхъ дикихъ народовъ «Totem und Tabu», сколько сближающихъ параллелей можно найти въ магическихъ ритуалахъ племенъ, стоящихъ на дѣтской ступени развитія (а развѣ у нашихъ крестьянъ — оговоръ, дурной глазъ, спрыскиваніе съ уголька — не найдешь?) съ симптомами неврозовъ. Послѣ годовъ просвѣтленія наступали опять приступы душевной болѣзни. Паціентъ жалѣлъ, жалѣлъ отца, жалѣлъ калѣкъ. Нужно ли говорить, что жалѣлъ онъ въ сущности только самого себя. Въ искривленномъ зеркалѣ его болѣзни, кривая, неискренняя линія жалости — вдругъ выпрямилась. Минусъ на минусъ далъ плюсъ.

Разительный примѣръ идентифицированія, отождествленія, полной подмѣны одного «я» другимъ даетъ разсказъ князя Мышкина о дѣвушкѣ Мари изъ швейцарской деревушки. Это та самая Мари, слабая, худенькая, у которой уже чахотка начиналась. «Одинъ проѣзжій французскій комми соблазнилъ ее и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ. Она пришла домой» — рисуетъ Достоевскій дальше — «побираясь, вся испачкачная, вся въ лохмотьяхъ, съ ободранными башмаками; шла она пѣшкомъ всю недѣлю, ночевала въ полѣ и очень простудилась; ноги были въ ранахъ, руки опухли и растрескались». «Всѣ смотрѣли на нее, какъ на гадину», пишетъ онъ дальше, «старики осуждали и бранили, молодые даже смѣялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрѣли съ презрѣніемъ такимъ, какъ на паука какого».

Въ обликѣ гонимой и страдающей, въ отвергаемой «гадинѣ», въ попираемомъ «паукѣ», онъ увидѣлъ самого себя. Это его собственный обликъ «униженнаго и оскорбленнаго», осмѣиваемаго, мѣшковатаго, «дурного собой».

Мышкинъ жалѣетъ ее, онъ говоритъ ей о своей жалости.

«Я сказалъ ей, что цѣлую ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому — что мнѣ ее очень жаль».

«Мнѣ очень хотѣлось тутъ же и утѣшить и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать предъ всѣми».

Онъ говорилъ ей. Но ощущаетъ то онъ себя. Для него она образъ собственной приниженности, своего inferiority комплекса. Разглядывая, какъ сквозь рентгенъ, структуру его чувства, мы нисколько не развѣнчиваемъ трепе-

щущащаго эпилептика, за обликомъ котораго чуется самъ Достоевскій, тоже мятущійся и травимый жизнью.

У Толстого:

«Надзиратель, приведшій Маслову, присѣлъ на подоконникъ поодаль отъ стола, Для Нехлюдова наступила рѣшительная минута. Онъ, не переставая, упрекалъ себя за то, что въ первое свиданіе не сказалъ ей главнаго, — того, что онъ намѣренъ жениться на ней и теперь твердо рѣшился сказать ей это. Она сидѣла по одну сторону стола, Нехлюдовъ сѣлъ противъ нея по другую. Въ комнатѣ было свѣтло и Нехлюдовъ въ первый разъ ясно, на близкомъ разстояніи увидалъ ея лицо, — морщинки около глазъ и губъ и подпухлость глазъ. И ему стало еще болѣе, чѣмъ прежде, жалко ея».

— Жалко?

Хочется — переспросить Нехлюдова.

— Разумѣется, жалко, — отвѣтитъ онъ, и будетъ, какъ будто правъ. Ему дѣйствительно ея жалко. Но сзади что, за фасадомъ этой жалости?

На это отвѣчаетъ сама Катюша, женской интуиціей, экстатически-проникновенно сердцемъ раненой смертельно и обороняющейся женщины, почуявшей правду.

«— Ты мной хочешь спастись! — продолжала она, торопясь высказать все, что поднялось въ ея душѣ. — Ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись!»

Если Мышкинъ жалѣетъ въ Мари себя, то Нехлюдовъ растворяетъ въ жалости острые кристаллы «комплекса вины», которые бы иначе изранили и отравили его сердце.

«Женитьба на Мисси, казавшаяся столь близкой, представлялась ему теперь совершенно невозможной... Да нѣтъ, если даже она и пошла теперь за меня, развѣ я могъ бы быть не то, что счастливъ, но с п о к о е н ъ...» Вотъ самое главное, онъ начинаетъ борьбу за свой покой, за покой души, онъ боится ея мукъ, конвульсій. Онъ боится душевной болѣзни. Затора въ душѣ. Нехлюдовъ не могъ бы долго вынести этого затора. Онъ уходитъ отъ этой опасности въ другую сторону. Онъ приноситъ въ жертву свой привычный укладъ жизни, въ душѣ его рождается жалость къ Катюшѣ. Теперь то мы ясно видимъ, что находится за этой жалостью. Уходъ отъ душевной опасности, покрытіе души оберегающей коркой

Кромѣ жалости пассивной, умиляющейся (смакующей свою собственную безопасность на фонѣ чужого несчастья), есть жалость, состраданіе, стремящееся немедленно стать активнымъ, помогающимъ. Оно не только всхлипываетъ, оно стремится у б р а т ь съ поля своего страданія объектъ страданія.

Жалость вялая (то, что у Сенеки даже заклеймено словами infirmitas animi — непрочность души) не только безплодная, квіэтичная — она вредна. Создалась иллюзія, что что-то произошло. А разъ произошло, то дальше вѣдь и дѣлать то нечего, и ненужно. Такая жалость парализуетъ волевой импульсъ. Создавая какъ бы оптическій обманъ раздраженія — такая жалость рождаетъ фата-моргану дѣла. Въ жалости активной — есть посылъ, импульсъ, порывъ къ немедленной интерьенціи. Пускай подоплека его тоже эгоистична.

Въ жалости, немедленно рождающей психомоторный импульсъ: «я хочу устранить то, что гнететъ сосѣда, я хочу ему помочь» — есть, думается мнѣ,

подлинное христіанство. Я говорю не о церковно-историческомъ, а о евангельскомъ. Если сказано: «вѣра безъ дѣлъ мертва», то, вѣдь это то же, что и «жалость безъ дѣлъ мертва».

Пушкинъ въ записной книжкѣ отмѣчаетъ: «Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное великое совершенство».

Пушкинъ говоритъ о восторгѣ пренебрежительно. Истинно великое можетъ быть создано вдохновеніемъ, а не фейерверкомъ восторга. Какъ хочется въ эту великолѣпную, подлинно пушкинскую мысль подставить вмѣсто слова восторгъ — жалость и вмѣсто вдохновенія — дѣйственное состраданіе.

Въ темной точкѣ чужого горя, которая вызвала мою жалость, обижена радость жизни, Бергсоновскій порывъ, élan vital, творческій потокъ. Дѣйственное состраданіе въ томъ и состоитъ, что его струя, направленная къ единицѣ — на самомъ дѣлѣ есть борьба за нарушаемую зломъ гармонію.

Сергѣй Горный.

«Незнакомка» Рильке.

Въ творчествѣ Рильке не трудно отыскать слѣды его касанія съ потустороннимъ міромъ. Достаточно назвать хотя бы тотъ фактъ, что поэтъ не хотѣлъ включать въ собраніе своихъ сочиненій свой циклъ стиховъ «изъ наслѣдія графа C. W.», ибо — по его словамъ — они были ему продиктованы, это было только «порученіе». Извѣстно также, что и въ жизни эта потусторонняя связь Рильке играла большую роль. Такъ, напримѣръ, его поѣздка въ Испанію была всецѣло внушена ему «незнакомкой», говорившей съ нимъ при посредствѣ медіума въ замкѣ въ 1912 г.

Книга княгини Турнъ Maril von Turn und Taxis: Erinnerungen an R. M. Rilke. Verlag Oldenburg. Muenchen) даетъ чрезвычайно интересныя для изслѣдователя записи этихъ сеансовъ, т. наз. «автоматическаго письма» — вопросы Рильке и отвѣты «незнакомки». Эта связь съ незнакомкой продолжается до самой смерти поэта и всегда его «чрезвычайно волнуетъ и пронизываетъ». Извѣстно, что вообще къ спиритизму Рильке относится скептически и скорѣе отрицательно. И дѣлалъ исключеніе только для своей незнакомки.

Какъ бы ни объяснить это явленіе — четвертымъ ли измѣреніемъ или воплощеніемъ подсознательнаго «я» — оно несомнѣнно чрезвычайно важно для правильнаго пониманія творчества Рильке. «Незнакомка» нѣмецкаго поэта невольно напоминаетъ о незнакомкѣ Блока. И нѣтъ ли какой нибудь таинственной и непостигаемой связи между музами обоихъ поэтовъ?

Б. Д.

Уотъ Уитмэнъ — журналистъ.

(*I sit and look out.* Editorials from the Brooklyn Daily Times. By *Walt Whitman.* Selected and edited by Emory Holloway and Vernolian Schwarz. 248 pp. New-York. Columbia University Press).

Едва-ли многимъ изъ цѣнителей и почитателей Уота Уитмэна извѣстно, что покойный американскій поэтъ былъ одно время профессіональнымъ журналистомъ. Въ біографіяхъ «поэта демократіи» имѣются, правда, нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ. Но лишь изъ книги Холлуэя и Шварца, изданной Колум-

бійскимъ Университетомъ, мы впервые узнаемъ подробности «газетнаго эпизода» его жизни. Уитмэнъ былъ журналистомъ въ самомъ, такъ сказать, прозаическомъ смыслѣ этого слова. Сотрудничая въ теченіе ряда лѣтъ въ нѣкоторыхъ американскихъ газетахъ («The New Orleans Daily Crescent», «The Brooklyn Daily Times»), онъ писалъ передовыя статьи, рецензіи о книгахъ и журналахъ и пр., и пр. Болѣе двухъ лѣтъ (съ мая 1857 г. по іюль 1859 г.), онъ состоялъ фактическимъ редакторомъ бруклинскаго «Daily Times» и ежедневно заполнялъ до трехъ колоннъ газеты.

Составители книги, о которой здѣсь идетъ рѣчь, собрали рядъ статей поэта, посвященныхъ темамъ, ни малѣйшаго отношенія къ поэзіи не имѣющимъ. Здѣсь и вопросъ о ростѣ преступности, и кризисъ, и безработица, и проблема прогибиціонизма и пр., и пр. Большая часть статей написана живо, бойко — въ лучшемъ стилѣ газетной публицистики. За рѣдчайшими исключеніями, однако, очень трудно узнать въ этихъ статьяхъ автора, хотя бы «вызывающей» книги «Leaves of Grass», первое изданіе которой уже вышло въ свѣтъ къ тому времени, когда Уитмэнъ состоялъ «передовикомъ» бруклинской газеты. Къ этимъ исключеніямъ относятся статьи объ Эмерсонѣ, о національной музыкѣ и пр. Подавляющее же большинство статей ни по стилю, ни по тенденціи совершенно не вяжутся съ представленіемъ объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ. Какъ неожиданны, напримѣръ, консервативныя идеи, проповѣдуемыя поэтомъ-публицистомъ въ статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ о преступности (онъ требуетъ болѣе частаго примѣненія смертной казни), о воспитаніи (поэтъ высказывается за «домашнее» воспитаніе дѣвушекъ) и т. д. Нерѣдко можно натолкнуться на непослѣдовательность во взглядахъ передовика бруклинской газеты на тѣ или иныя соціальныя и политическія проблемы. 75 лѣтъ назадъ газетный публицистъ въ Америкѣ былъ еще менѣе, быть можетъ, независимъ отъ издателя, чѣмъ теперь. Можно, поэтому, предположить, что Уитмэнъ часто выражалъ въ передовыхъ не столько свое собственное мнѣніе, сколько взгляды издателя. Отсюда, вѣроятно, — и неожиданный консерватизмъ поэта-революціонера, и непостоянство во взглядахъ.

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, едва-ли представляютъ особенно цѣнный матеріалъ для изученія психологіи творчества Уитмэна. Газетная работа была для поэта источникомъ заработка — и только. Въ его литературное наслѣдство правильнѣе вовсе не включать большую часть того, что было написано поэтомъ въ качествѣ «газетчика».

М. Бенедиктовъ.

† *П. А. Хентова.*

Съ 2-3 недѣльнымъ опозданіемъ (во второй половинѣ апрѣля 33 г.), въ Парижъ пришло извѣстіе о кончинѣ Полины Аркадьевны Хентовой.

Смерть послѣдовала въ Лондонѣ, черезъ двѣ недѣли послѣ трепанаціи черепа, для удаленія мозгового нароста.

Болѣзнь, кажется была старая и запущенная.

Родилась П. А. въ Витебскѣ.

Тамъ же начала учиться въ гимназіи, но, переселившись уже съ родителями въ Москву, увлекшись рисованіемъ и скульптурой, почти ребенкомъ, не кон-

чивъ курса — поступила въ Брюссельскую корол. академію.

Въ нѣсколько лѣтъ, съ отличіями — кончила академію.

Затѣмъ работала 2-3 года въ Мюнхенѣ, и послѣдніе годы до войны, въ Парижѣ.

Съ началомъ войны — вернулась въ Россію.

Пробѣдствовавъ всю войну, ютясь въ одной комнатѣ, въ московскомъ пригородѣ, въ 19 или 20 г., черезъ Кіевъ, пріѣхала въ Берлинъ, гдѣ кормилась преподаваніемъ живописи, рѣдкимъ писаніемъ портретовъ и иллюстрацій (сказки Афанасьева, Толстой для дѣтей, Гавриліада, вѣроятно, и др.).

Въ 23 году, съ нѣкоторой суммой денегъ — переселилась въ Парижъ и скоро снова оказалась безъ средствъ.

Иллюстраціонную работу здѣсь было достать много труднѣе.

Оставались случайные уроки, даже кратковременное набиваніе куколъ, очень рѣдкія кинематографическія съемки.

Нѣсколько разъ выставляла свои работы съ группой русскихъ парижскихъ художниковъ (одинъ разъ въ Ротондѣ, въ Лондонѣ и т. д.).

Она послала однажды картины въ Осенній Салонъ, гдѣ ее никто не зналъ (и гдѣ безъ просьбъ и поддержки обходится рѣдкій новичекъ); всѣ работы были приняты и повѣшены на прекрасномъ мѣстѣ, имѣли большой успѣхъ и были проданы немедленно.

Къ этому времени, среди ея окруженія появились американскіе и англійскіе люди искусства, начавшіе доставлять ей иллюстраціонную работу, выставлять ея картины въ англійскомъ книжномъ магазинѣ на Монпарнассѣ.

Три года назадъ, съ однимъ изъ наиболѣе заботившихся о ней, англійскимъ художникомъ Каппомъ, она отправилась на двѣ недѣли въ Лондонъ, для переговоровъ съ издателями, и благодаря стараніямъ того-же г. Каппа, нашедшаго для нее заказы на портреты и иллюстраціи, поселилась тамъ, — заживъ наконецъ, болѣе регулярно и комфортабельно, но работая уже слишкомъ много.

За полгода до смерти — она стала женой этого преданнаго ей человѣка.

Сергѣй Шаршунъ.

Монографія Швоба.
(Издательство Кореа).

Молодой издатель А. Кореа выпустилъ цѣлый рядъ художественныхъ и литературныхъ книгъ, между прочимъ — «Переписку изъ двухъ угловъ» В. Иванова и М. Гершензона.

Клише напечатанныхъ въ этомъ номерѣ работъ Шагала Кореа любезно предоставилъ «Числамъ», за что приносимъ ему нашу благодарность.

Воспроизведенія эти заимствованы изъ очень интересной монографіи о Шагалѣ, текстъ которой написанъ Швобомъ. Въ этомъ страстномъ панегирикѣ еврейской души и искусства есть много своеобразнаго. Жаль, пожалуй, что Швобъ невольно сузилъ свою тему, разсматривая творчество Шагала исключительно въ этомъ разрѣзѣ. Намъ вообще кажется, что художникъ или писатель, мало-мальски значительный, перерастаетъ расовыя особенности и обязанъ имъ не больше, чѣмъ странѣ, въ которой жилъ и развился, и тому, что сумѣлъ взять въ культурѣ общечеловѣческой.

Свое родство и скучное сосѣдство
Мы презирать завѣдомо вольны.

Эти строчки, лишь на первый взглядъ высокомѣрныя и принадлежащія извѣстному русскому поэту, должны защищать его отъ чрезмѣрныхъ почитателей расоваго признака въ людяхъ искусства, для которыхъ, какъ въ данномъ случаѣ для О. Мандельштама, ихъ еврейство ничуть не существеннѣе, чѣмъ Эллада, Россія, человѣчество.

Н. О.

Художественная хроника.

Салонъ Тюльри этого года мало чѣмъ отличается отъ предыдущихъ. Попрежнему преобладаютъ холсты представителей «Парижской школы», т. е. подражателей Фріеза, Вламэнка и Сегонзака. Средній уровень вещей и чисто ремесленномъ отношеніи сравнительно высокъ, но манерность большинства работъ настолько утомляетъ, что приглядываться къ тому, что за этой манерностью порой и скрывается, невозможно. Мѣшаетъ этому и количество выставленныхъ вещей и общій не располагающій къ себѣ видъ сплошь завѣшанныхъ картинами стѣнъ всякаго большого салона, когда «немного лучше» или «немного хуже» — перестаетъ имѣть рѣшающее значеніе... Остановимся поэтому на художникахъ, съ чьими работами мы знакомы по другимъ, болѣе «располагающимъ къ себѣ» выставкамъ. Какъ обычно, красивы въ декоративномъ смыслѣ холсты Бріяншона и Легеля, не лишены живописныхъ качествъ вещи Айдена, Ла Мольта, Удо и Лупъ. На работахъ Фріеза и Лота останавливаться не стоитъ, хотя въ салонѣ они занимаютъ почетное мѣсто.

Среди русскихъ участниковъ салона (въ этомъ году ихъ не мало) особаго вниманія, заслуживаютъ прелестныя, очень изысканныя во всѣхъ отношеніяхъ работы Пуни. Какъ всегда, хорошъ Терешковичъ. Пикельный выставилъ въ этомъ году отличные холсты (большая композиція и въ высшей степени нѣжный по цвѣту женскій портретъ). Отмѣтимъ также работы Добринскаго, Любича, Найдича и Грима.

Несмотря на то, что совѣтскіе художники «отрѣзаны отъ Европы», выставленные въ галлереѣ Билье акварели и рисунки свидѣтельствуютъ о явной зависимости большинства выставляющихъ отъ послѣднихъ, вѣрнѣе предпослѣднихъ парижскихъ «вѣяній»... Разумѣется, это лучше индустріальнаго кубизма, которымъ щеголяли московскіе живописцы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, претендуя на монументальность и «большой стиль». Акварели Бруни, Гончарова и Кузьмина лишены какихъ бы то ни было классовыхъ тенденцій, онѣ просто очень милы и пріятны.

Судить объ общемъ состояніи «совѣтскаго» искусства по этой выставкѣ не приходится. Всѣ выставленныя въ галлереѣ Билье вещи, несмотря на несомнѣнныя способности нѣкоторыхъ авторовъ, слишкомъ ужъ незначительны...

Сосѣдство выставки Утрилло (въ галлереѣ Марселя Бернгейма) очень невыгодно совѣтскимъ художникамъ. Тутъ ужъ въ самомъ дѣлѣ каждый холстъ полонъ значительности и благородства. Прошлогодняя выставка Утрилло была

полнѣе и больше нынѣшней, но подборъ вещей на этотъ разъ болѣе удаченъ. Вещи Утрилло мы видимъ часто. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ художниковъ, которыми нельзя не восхищаться, хотя его бѣлыя улицы и сѣрыя церкви мало чѣмъ отличаются одна отъ другой. Утрилло пожалуй самый искреннiй французскiй художникъ, и поэтому, можетъ быть, независимо отъ степени удачи той или другой вещи, ими любуешься всегда. Исключительно хороши: дорога съ бѣлымъ заборомъ и большой черный пейзажъ (юношескiя вещи), — въ нихъ, кромѣ обычныхъ Утрилловскихъ качествъ, есть еще особое таинственное очарованiе первыхъ угадыванiй тѣхъ живописныхъ знаковъ, которыми художникъ говоритъ о себѣ...

Вещи Пуни, столь выгодно выдѣлявшiяся въ салонѣ Тюльери, мы видимъ теперь въ галлереѣ Кастень, гдѣ лишнiй разъ убѣждаешься въ тѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, которыми отличаются работы этого художника. Въ смыслѣ цвѣта и своеобразной живописной чувствительности Пуни — явленiе совершенно исключительное. Живописный путь, продѣланный мастеромъ (футуризмъ и кубизмъ), привелъ его къ той благородной простотѣ, которую можно считать блестящимъ завершенiемъ продѣланныхъ опытовъ. На этотъ разъ это уже не опытъ, а достиженiе. Вещи Пуни поражаютъ деликатностью колорита и всегда неожиданнымъ, несмотря на отсутствiе нарочитости, композицiоннымъ построенiемъ каждаго холста.

Г. Бабзе.

Рукописи и рисунки А. Ремизова.

Ремизовъ мечталъ сдѣлаться учителемъ чистописанiя. По нынѣшнимъ временамъ это не высокое званiе. Въ старину «доброписцы» были въ большомъ почетѣ, а теперь учитель чистописанiя приравнивается къ учителю пѣнiя и гимнастики: они не числятся въ педагогическомъ совѣтѣ, и на учительскiя засѣданiя ихъ не приглашаютъ. Своимъ учителемъ Ремизовъ считаетъ учителя чистописанiя Московской 4-ой гимназiи Александра Родiоновича Артемьева, впослѣдствiи артиста М. Х. Т. Артема.

Не копированiе прописей и образцовъ древней скорописи, а самая росчеркная и завитная природа буквъ вдохновляетъ каллиграфа. И всѣ иллюстрацiи къ рукописнымъ книгамъ — рисунки А. Ремизова отъ его каллиграфiи.

Ремизовъ началъ съ усиковъ и завитковъ, которые довелъ до завитущихъ — однимъ махомъ безъ перерыва. Закругляющiеся или расщепляющiеся завитки принимали самыя разнообразныя формы, и легко было найти не только форму какой-нибудь морды, мурла,рожи, рыла и хари, про хвостъ и «мелочи» и говорить нечего, но и самыя замысловатыя китайскiя постройки. То, что называется «литературой» — преднамѣренности — въ этихъ рукописныхъ рисункахъ никакъ не могло быть: все для себя и изъ себя.

Другiе учителя чистописанiя: Иванъ Евсеевичъ Евсеевъ и Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, оба изъ Строгановскаго училища, очаровались Ремизовскими завитушками, да не очень. Иванъ Евсеевичъ еще ничего, допускалъ кое-какiя «безобразiя», но Иванъ Алексѣевичъ прямо заявилъ, что онъ «эти усы обломаетъ». Иванъ Алексѣевичъ — большой

знатокъ въ письмѣ,«ученый каллиграфъ» — писалъ, какъ рисовалъ: и линія у него выходила прямая и тонкая, а строчку велъ ровную — «абсолютный глазъ». Онъ какъ-то прищуривался и нацѣливался — хромой — когда, вспомянувъ старину, — всѣ прописи на память зналъ — выводилъ, точно клалъ, на черной доскѣ бѣлымъ:

Америка очень богата серебромъ

Ремизову ничего не оставалось, какъ уступить и разстаться со своими «хвостами» — за годы онъ научился писать «каллиграфически» — четко, ясно, бисеромъ, но учителемъ чистописанія онъ не сдѣлался, да видно и никогда не будетъ. Природа взяла свое, а ремизовская природа непокорная и своевольная — тянуло расшвыривать перо по листу въ игрѣ — какъ Богъ на душу положитъ, т. е. къ самому настоящему искусству, природа котораго безъ «почему», а «само по себѣ», «такъ» — «потому что», какъ говорятъ дѣти.

Въ Россіи не мало находится рукописныхъ книгъ, альбомовъ, листовъ, гра-

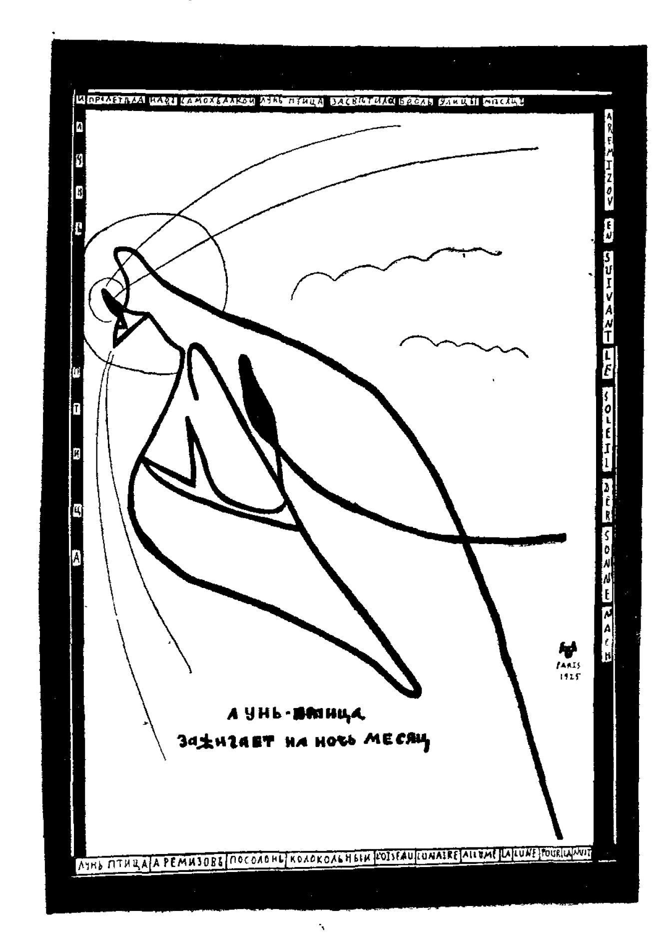

мотъ и свитковъ А. Ремизова. Въ одномъ изъ Московскихъ государтвенныхъ музеевъ хранится рукописная книга Ремизова: «Гоносіева повѣсть», относящаяся къ годамъ послѣ революціи 1905 года. Эта паутинная, мелко расшитая буквами, книга — начало рукописныхъ работъ Ремизова.

На рукописно-рисовальныя упражненія Ремизова обратили вниманіе Петербургскіе художники: А. Н. Бенуа, К. А. Сомовъ, Л. С. Бакстъ, М. В. Добужинскій, И. Я. Билибинъ, С. В. Чехонинъ, Б. П. Кустодіевъ, А. Я. Головинъ.

Впервые Ремизовъ выставилъ свои рукописные завитки въ «Треугольникѣ» у Бурлюковъ, а первые рисунки появились въ сборникѣ «Стрѣлецъ», у А. Э. Беленсона, автора «Голубыхъ панталонъ».

Въ революцію изъ молодыхъ художниковъ очень внимательно отнесся Левъ Бруни и Ю. П. Анненковъ.

Дѣятельное отношеніе Ремизовъ встрѣтилъ въ Берлинѣ, познакомившись съ Иваномъ Альбертовичемъ Пуни и Николаемъ Васильевичемъ Зарѣцкимъ. Черезъ Пуни Ремизовскій рисунокъ появился въ Das Kunstblatt. August-Heft. 1925. Berlin, а черезъ Зарѣцкаго рисунки и грамота воспроизведены въ «Gebrauchsgraphik», Iuni 1928. Berlin и въ die Litterarische Welt. № 19. 1926. Berlin.

Въ 1927 г., въ Берлинѣ, въ «Штурмѣ» у Вальдена состоялась выставка рисунковъ Ремизова. Въ 1923 г. въ Парижѣ на выставкѣ «Чиселъ», организованной Н. А. Оцупомъ — «рисунки французскихъ и русскихъ писателей», были рисунки и Ремизова. Въ сентябрѣ этого года въ Прагѣ на выставкѣ писателей, организуемой Н. В. Зарѣцкимъ, будутъ показаны до 1000 рисунковъ и отдѣльные альбомы Ремизова: «Сны Тургенева», «Видѣнія Гоголя», «Изъ Достоевскаго», «Изъ Лѣскова», «Изъ Писемскаго», «Бѣсноватая Соломонія», «Взвихренная Русь», «Посолонь», и портреты современниковъ — писателей, художниковъ и музыкантовъ: Paris est en nos mains.

Въ періодъ 1919-1920, когда писатели за невозможностью издать свои книги, сами стали переписывать ихъ и иллюстрировать, кто какъ могъ и умѣлъ, Ремизовымъ выпущены были нѣсколько книгъ, изъ которыхъ книжными любителями были отмѣчены по сложности письма и краскамъ «золотая» — «Илья Громовникъ» и «волшебная» — гадальныя карты Сведенборга. И теперь въ Парижѣ — пришла пора и на Парижъ — съ конца 1932 г. по май 1933 Ремизовымъ сдѣланы 45 альбомовъ, заключающихъ въ себѣ 80 рисунковъ и 285 страницъ текста.

Какъ ни зайдешь вечеркомъ на огонекъ, сидитъ Ремизовъ, пишетъ — и пишетъ съ удовольствіемъ: разводы перомъ разводить — дѣло увлекательное, только проку мало: товаръ на любителя — и кому это нужно, да и понять ничего нельзя. Помню изъ Петербургской жизни 1919-1920 г. товарищъ Лошкомоевъ изъ Петрокоммуны на керосиновыхъ прошеніяхъ Ремизова ставилъ резолюцію и всегда «выдать» — и исключительно за почеркъ. Да, попадаются любители, да рѣдко.

Василій Куковниковъ.

4-ая выставка иконъ.

Неподвижность, окаменѣніе.

Не божество, вѣчно мѣняюще ся, бодрственное, совершенствующееся въ своемъ несоизмѣримомъ величіи и ростѣ, а засушенный цвѣтъ.

(Думаю, что теперь мы знаемъ больше, о стоящихъ надъ нами высшихъ, безплотныхъ существахъ, нашихъ руководителяхъ).

Прекрасные образцы, когда-то болѣе отвѣчавшей духовнымъ потребностямъ момента, лучшей эпохи русской живописи — остались бы для меня: музейнымъ радованіемъ, любованіемъ, учебой.. если бы на выставкѣ не было иконъ, писанныхъ г-жей Ю. Рейтлингеръ.

Она творчески дѣйственна, любитъ свое искусство не ради политики и не по схимнически (не какъ способъ уйти отъ жизни и подчиниться уставу), а — видитъ, живетъ внутри окружающей ее, созидающей жизни, и знаетъ, любитъ, и стремится претворить, ввести въ кругъ своихъ живописныхъ интересовъ теперешнюю, самую новую живопись.

Г-жа Ю. Р. — находится въ ростѣ, въ прибыли.

Тотъ фактъ, что, очевидно съ обоюднаго согласія пастырей и паствы, ей поручили росписать одну изъ подпарижскихъ церквей, говоритъ о происходящемъ, въ лонѣ русскаго православія — глубокомъ, м. б. коренномъ пересмотрѣ, приближеніи къ понятіямъ и запросамъ нашего времени.

Большія композиціонныя работы художницы — вещи значительныя.

Сергѣй Шаршунъ.

Новый балетъ Лифаря.

Въ «Юности», новомъ балетѣ Сергѣя Лифаря, далеко не все одинаково удачно. Прежде всего — музыка. Особая и сложная тема — какія музыкальныя вещи могутъ «нести» хореографію. Недавно мы видѣли, какъ трудно было Лифарю поставить «На берегахъ Борисфена». Музыка Прокофьева не достаточно «питала» пластическую идею, которую Лифарь все таки сумѣлъ съ этой музыкой связать. Въ «Юности» музыка Феру оказалась еще менѣе благодарной. Нужно удивляться, что Лифарю все таки и вопреки музыкальному тексту удалось и здѣсь себя, какъ хореографа, выразить.

Декораціи Годебскаго имѣютъ хоть то достоинство, что Лифарю они не мѣшаютъ. Костюмы пріятны — не больше. Ничѣмъ не заполненныя пространства хороши, какъ всякій просторъ и потому, что подходятъ къ сюжету Занавѣсъ-декорація (въ первой картинѣ) пріятно и чуть-чуть банально изображаютъ морской пейзажъ.

На этомъ фонѣ, и безъ особой — къ счастью — внутренней связи съ музыкой, Лифарь сумѣлъ все же дать впечатлѣніе игръ на пляжѣ.

Изъ танцоровъ выдѣлимъ Перетти и Лорсіа. Но скажемъ сразу: все это не выходило бы изъ рамокъ средней балетной удачи, если бы на сценѣ зритель не видѣлъ самого Лифаря. Говорятъ, не русскимъ танцорамъ всегда не хватаетъ чего-то. Можетъ быть. Не стоитъ скромничать. Слишкомъ много въ искусствѣ областей, гдѣ русскіе сами не могутъ не признать превосходства европейцевъ. Въ балетѣ никто не станетъ оспаривать обратное. Среди французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ есть тонкіе и очень искусные мастера, но пока еще не было среди нихъ Павловой или Нижинскаго. Съ нѣкоотрыхъ поръ тоже мало по малу начинаютъ говорить и о Лифарѣ.

Въ «Юности» онъ одинъ излучаетъ что-то, безъ чего отличные танцы другихъ исполнителей были бы блѣдноваты, скажемъ даже — чуть-чуть скучны. Послѣднія выступленія Лифаря подчеркиваютъ разницу между танцовщикомъ «Божьей милостью» и просто даровитыми мастерами балетнаго ремесла.

Н. О.

Балеты Монте-Карло.

Энергіей и организаторскими талантами В. Г. Базиля въ сотрудничествѣ съ Рене Блюмомъ, видной фигурой въ артистическихъ и литературныхъ кругахъ Парижа, — создано очень цѣнное и русское не только по составу главныхъ дѣятелей и артистовъ, но и по духу и стилю — балетное начинаніе.

В. Г. Базиль пробовалъ въ свое время создать русскую оперу за границей, но убѣдившись, что необходимыхъ для этого силъ недостаточно, обратился къ балету.

Подросшая въ многочисленныхъ балетныхъ студіяхъ молодежь оказалась очень даровитой и въ постановкахъ Мясина и Баланчина пріятно удивила уже въ прошломъ сезонѣ взыскательный Парижъ. Въ этомъ сезонѣ ими создано нѣсколько новыхъ постановокъ, уже показанныхъ съ большимъ успѣхомъ въ Монте-Карло и въ Испаніи.

Это, прежде всего — Beach, балетъ Рене Кердика на музыку Жана Франсэ въ декораціяхъ Рауля Дюфи.

Въ этомъ балетѣ, постановка котораго принадлежитъ Мясину, — лѣто, ритмъ, свѣтъ. Удачна его же «Хореографическая симфонія» на музыку Чайковскаго.

«Presages» — относится къ постановкамъ, пытающимся внушить и внушающимъ особое философски-лирическое настроеніе. Отмѣтимъ еще «Прекрасный синій Дунай» на музыку Штрауса, въ оркестровкѣ Детормьера, и «Бѣдность не порокъ» на музыку Маркевича.

Въ танцахъ выдѣляются Ирина Баранова, у которой много данныхъ стать большой артисткой, Татьяна Рябушинская, уже заставившая говорить о себѣ въ связи съ прошлогоднимъ выступленіемъ въ «Дѣтскихъ играхъ», Тараканова. Затѣмъ уже извѣстные Войцеховскій, Лишинъ и нѣсколько новыхъ танцоровъ, изъ которыхъ одинъ-два будутъ пріятнымъ «открытіемъ» для цѣнителей балета.

Кристаллы новой архитектуры.

Совсѣмъ недавно стиль модернъ въ архитектурѣ былъ прихотью изощреннаго ума — сейчасъ онъ уже знаменье времени. Въ Америкѣ онъ характера не наноснаго, а органическаго — результатъ погони страны за матеріальнымъ успѣхомъ. Здѣсь матеріализму было легче воплотиться, чѣмъ въ отягощенной историческимъ прошлымъ Европѣ — развитіе американскаго искусства — въ частности изобразительнаго — относится ко времени, когда религія, потерявъ свое потустороннее значеніе, стала примѣняться къ земнымъ формамъ жизни. Участь новаго генія — оставаться съ дѣйствительностью.

Въ зданіяхъ Century of Progress (Всемірной выставки въ Чикаго 1933 г.) новый архитектурный стиль достигаетъ большой выразительности и красоты.

Въ строго-геометрическомъ рисункѣ зданія Travel and Transportation выражено стремленіе къ движенію. Впервые куполъ не лежитъ, а виситъ.

Зданіе Electrical Group — воплощеніе молчанія — въ гладкихъ плоскостяхъ, въ скрытно вырѣзанныхъ дверяхъ, въ композиціи низкихъ стѣнъ. Два квадратныхъ барельефа, соединяющіе разныя высоты стѣнъ — выражаютъ одинъ «энергію», другой — «свѣтъ».

The tower of water — вышиной съ небоскребъ. Вода, струящаяся по стеклянной, бетонной поверхности стѣнъ, изображена не подражательно, а абстрактно — матеріалъ (стекло и бетонъ) является здѣсь одновременно и эстетическимъ медіумомъ.

Массивный и замкнутый Hall of science — почти крѣпость. Исполинскіе бастіоны, сравнительно низкія, коренастыя двери, монотонный и четкій орнаментъ внутреннихъ стѣнъ двора. Надъ стѣнами башня, превращающаяся ночью въ струи свѣта.

Вся выставка Century of Progress — силуэтъ вертикальнаго города новой эры

— красивый въ простотѣ и сдержанности своихъ выраженій.

Александра Мазурова.

Статья Г. Ландау о Достовскомъ.

Отклики на эту статью, помѣщенную въ шестомъ сборникѣ «Чиселъ», мы уже отмѣчали. Ей было посвящено нѣсколько собраній въ разныхъ городахъ. Недавно «Литературная газета», издающаяся на польскомъ и французскомъ языкахъ въ Варшавѣ, въ свою очередь отозвалась на эту статью. «Литературная газета» отмѣчаетъ неожиданное совпаденіе въ критикѣ Достоевскаго между Ландау и совѣтскими авторами. До чего при этомъ различны исходныя положенія той и другой критики, «литературная газета», къ сожалѣнію, не достаточно подчеркиваетъ.

Переводъ стиховъ Э. Лешеграда.

Въ Прагѣ вышелъ, въ переводѣ К. К. Висковатаго, сборникъ стиховъ чешскаго поэта Эммануэля Лешеграда — «Человѣкъ и Земля» (Прага, 1933, 39 стр.). Къ книжкѣ присоединено краткое предисловіе Е. Юрчиновой, характеризующей чешскаго лирика, какъ ученика «великихъ французскихъ мастеровъ Baudelaire'a и Mallarmé. Отмѣтимъ, что это первый переводъ на русскій языкъ произведеній Э. Лешеграда, поэта, начавшаго писать еще въ девяностые годы.

А.

Въ № 3 новаго французскаго журнала «Hippocrate» (11, rue de Cluny, V) будетъ напечатано изслѣдованіе А. Ремизова «Тридцать сновъ Тургенева» въ переводѣ Мадамъ Фельдманъ-Пэрно и Ж. Шюзевиля, и будутъ воспроизведены рисунки Ремизова — иллюстраціи къ этимъ снамъ. Оригиналы съ рукописнымъ французскимъ текстомъ появятся, какъ книга — единственый экземпляръ.

*

15 сентября въ Прагѣ открывается выставка рисунковъ русскихъ и чешскихъ писателей, организованная художникомъ. Н. В. Зарѣцкимъ. Въ организаціи выставки приняли участіе и чешскіе ученые: Милославъ Навотный, библіотекарь и хранитель автографовъ Народнаго музея въ Прагѣ, и Іозефъ Вольфъ, деканъ библіотеки народнаго музея и предсѣдатель Общества чешскихъ библіофилсвъ въ Прагѣ. Изъ русскихъ будутъ представлены рисунки 29 писателей. Изъ современныхъ: Андрей Бѣлый, Оцупъ, Ремизовъ, Очерединъ, Соколовъ-Микитовъ и А. Толстой. Кромѣ рисунковъ — фотографіи Кобякова: Feuermaennchen и конструкціи Очередина: «какъ я на любительскомъ спектаклѣ въ Парижѣ въ «Грозѣ» изображалъ громъ и молнію». Послѣ Праги выставка будетъ перенесена въ Моравскую Тржебову въ русскую гимназію, гдѣ учитель латинскаго языка В. В. Перемиловскій будетъ давать объясненія, какъ по русски, такъ и по-чешски: біографія и библіографія писателя и его значеніе, какъ въ отечественной, такъ и міровой литературѣ, — рисунки Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевскаго.

По литературнымъ собраніямъ.

Въ истекшемъ сезонѣ отмѣчалось нѣкоторое замираніе литературныхъ кружковъ: «Перекрестка», «Кочевья», «Объе-

диненія поэтовъ и писателей». Пожалуй одна только «Зеленая лампа» продолжала свою прежнюю дѣятельность. Тѣмъ не менѣе было не мало литературныхъ собраній, изъ которыхъ упомянемъ о наиболѣе значительныхъ.

19 января состоялось собесѣдованіе, посвященное докладу В. Варшавскаго «Другая сторона христіанства». Докладчикъ обстоятельно изложилъ сущность взглядовъ Бергсона на современное состояніе человѣчества,приведшее къ тому, что человѣкъ вооруженный машиной, но внѣ религіи—оказался со слабой душой. Между тѣломъ и душой оказалась пустота. По Бергсону, механика призываетъ мистику. Мистическимъ центромъ, одухотворяющихъ царство машины, является человѣческая мысль, которая до созданія идеальной демократіи все болѣе и болѣе будетъ регламентировать индустрію.

Пренія по этому докладу заняли два вечера. Изъ оппонентовъ отмѣтимъ Л. Кельберина, указавшаго на первопричину возникновенія религіи — проблема смерти, страхъ передъ которой побѣждается радостью жизни. «L'univers est une machine à créer des Dieux». Боранецкій говорилъ о томъ, что современная эпоха знаетъ два лагеря: духовной реакціи — христанство и духовной революціи — Бергсонъ. Ю. Терапіано отмѣтилъ важность существованія и созиданія духовныхъ очаговъ — единенія нравственно совершенныхъ людей. Д. С. Мережковскій охарактеризовалъ книгу Бергсона, какъ чрезвычайно талантливую и полную глубочайшей интуиціи. Бергсоновскую апологію христіанства онъ сопоставилъ съ послѣдними настроеніями Андрэ Жида и тономъ комментаріевъ Г. Адамовича.

16 февраля состоялся вечеръ, посвященный «Современнымъ Запискамъ» и «Числамъ». Во вступительномъ словѣ Ю. Мандельштамъ попытался дать объективную характеристику обоихъ журналовъ. Въ преніяхъ приняла участіе З. Н. Гиппіусъ, опредѣлившая отношеніе между «С. З.» и «Ч.», какъ старшаго поколѣнія къ среднему, и отмѣтившая то раздѣленіе вкусовъ, какое установилось между обоими журналами: у «Ч.» влеченіе къ эстетикѣ, а у «С. З.» — къ общимъ вопросамъ. Отрицательной чертой того и другого журналовъ З. Н. признала ихъ несовременность.

Противоположный взглядъ высказала Л. Д. Червинская, отмѣтившая, что «Числа» представлятъ собою нѣкоторое внутреннее единство и что поэтому каждая книга «Чиселъ» — нѣкоторымъ образомъ, явленіе. «Числа» отвѣчаютъ тому, что думали до ихъ выхода, тогда какъ въ «Совр. Зап.» каждое произведеніе какъ бы возвращается къ автору и по прочтеніи журнала отъ него самого остается пустота. «Числа», по мнѣнію Л. Д. Червинской, въ высшей степени современны. Они ничего не обѣщали, но вызвали къ жизни и оформили то, что уже существовало въ скрытомъ видѣ.

Выступавшій затѣмъ Ю. Терапіано напомнилъ, что и до «Чиселъ» существовали журналы, дававшіе мѣсто молодымъ писателямъ, какъ «Воля Россіи», «Звено», «Дни», «Новый Домъ» и «Новый Корабль» хотя ихъ и нельзя признать равноцѣнными «Числамъ».

М. Слонимъ опредѣлилъ «Совр. Зап.» какъ «хранителей завѣтовъ», отсюда и разница между «С. З.» и «Ч.» — въ духѣ журналовъ. «С. З.» — застыли, а «Числа» наоборотъ находятся въ процессѣ исканій. Л. Кельберинъ заявилъ, что въ «Совр. Зап.» «сидятъ мертвецы». Г. Адамовичъ обратилъ вниманіе на жа-

лобу читателей, не находящихъ отвѣтовъ на свои запросы. В. Варшавскій сказалъ, что «Современныя Записки» всегда «ставятъ навѣрняка», тогда какъ «Числа» идутъ на рискъ. «Числа» упрекаютъ въ томъ, что они проникнуты чувствомъ отчаянья. Но это ихъ судьба. Отчаянье вытекаетъ изъ отсутствія почвы, соціальной связи. Отсюда исканіе внутренней опоры, что характерно для всѣхъ авторовъ «Чиселъ». Варшавскій считаетъ заслугой «Чиселъ» интересъ ихъ къ «личному», въ противовѣсъ литературѣ СССР съ ея соціальнымъ заказомъ.

Чрезвычайно бурно прошелъ вечеръ объ «Андрэ Жидѣ и СССР». Послѣ вступительнаго слова Г. Адамовича, пытавшагося уяснить психологическія причины эволюціи Андрэ Жида, Д. С. Мережковскій краснорѣчиво охарактеризовалъ совѣтскій строй, какъ неслыханное рабство, уничтожающее и умерщвляющее не только тѣло, но и духъ. Послѣ выступленій А. Даманской и Г. Федотова слово было дано Вайяну-Кутюрье, выступившему съ крикливой апологіей совѣтскаго строя и коммунизма. Вайяну-Кутюрье чрезвычайно убѣдительно возразилъ М. Слонимъ, подчеркнувшій, что онъ говоритъ отъ лица соц. революціонеровъ и критикуетъ утвержденія Вайяна-Кутюрье не справа, а слѣва и, перефразировавъ слова самого А. Жида, заявилъ, что «коммунизмъ есть плохо играемая пьеса».

Рѣчь Слонима вызвала шумное одобреніе большинства и не менѣе шумные протесты многочисленныхъ коммунистовъ, присутствовавшихъ въ залѣ.

Послѣ вторичнаго, демагогическаго выступленія В.-Кутюрье, Н. Оцупъ закончилъ пренія, вновь ихъ переведя въ область литературно - психологическую.

Съ большимъ успѣхомъ прошелъ «Вечеръ поэзіи», устроенный «Числами». Участники — поэты — въ первомъ отдѣленіи отвѣчали на вопросъ: «Почему я пишу стихи», а во второмъ — ихъ читали.

Первою выступала З. Н. Гиппіусъ, сказавшая, что она не знаетъ, почему пишетъ стихи и что она, можно сказать, вовсе ихъ не пишетъ. Причина неписанія — лѣность и невыносимость того диссонанса, который возникаетъ изъ за разстоянія между написаннымъ и задуманнымъ.

Во всякомъ стихотвореніи, по мнѣнію Г. Адамовича, есть строчки данныя, есть два-три слова въ которыхъ все существо стихотворенія и которыя обрастаютъ другими словами и образами. Въ зрѣломъ возрастѣ перестаешь писать стихи, ибо задаешь себѣ вопросъ, не «почему я пишу стихи», а «зачѣмъ я пишу стихи». Требованія становятся строже. Хочется магическаго искусства, а это все труднѣе, ибо человѣкъ отходитъ отъ первоначальнаго истока поэзіи. Все же лучшіе стихи поэтовъ — поздніе.

Отвѣтъ М. Цвѣтаевой былъ данъ въ убѣдительномъ и краткомъ стихотвореніи о непосредственности вдохновенія.

По словамъ Н. Оцупа, каждое время протекаетъ подъ какой то своей звѣздой. Звѣзда, подъ которой шла поэзія Россіи въ послѣднее время, была Блоковская. Блокъ послѣднее выраженіе предреволюціонной Россіи и онъ сгорѣлъ въ ея огнѣ. А современные поэты — люди, уцѣлѣвшіе послѣ историческаго пожара.

Затѣмъ читали свои стихи: Ю. Терапіано, А. Ладинскій, Л. Червинская, Д. Кнутъ, Н. Оцупъ, Б. Поплавскій, К. Бальмонтъ, З. Гиппіусъ, Д. Мережковскій, М. Цвѣтаева.

Недавно состоялся вечеръ стиховъ А. Ладинскаго. Вступительное слово произнесъ Г. Адамовичъ.

Поэзіи посвящены были и два вечера Марины Цвѣтаевой. Одинъ — юношескимъ ея стихотвореніямъ, на другомъ Марина Цвѣтаева прочла докладъ о Пастернакѣ и Маяковскомъ.

В. Ходасевичемъ были сдѣланы два доклада: «О Пушкинѣ» и о «Литературѣ въ эмиграціи»*). Въ первомъ В. Ходасевичъ прочелъ отрывокъ изъ своей новой книги — художественной біографіи Пушкина, во второмъ сдѣлалъ общій обзоръ эмигрантской литературы и ея печальнаго положенія. Эмигрантская литература по мнѣнію Ходасевича, обречена на гибель ибо не встрѣчаетъ поддержки читателей.

Слѣдуетъ упомянуть еще о докладѣ Боранецкаго «Человѣкъ и машина» и о докладѣ А. Алферова «Эмигрантскія будни», также устроеннымъ «Зеленой лампой».

Эмигрантскія будни.

(Докладъ, прочитанный въ «Зеленой Лампѣ»).

1.

Мы видимъ и не вооруженнымъ глазомъ, какъ мѣняются мнѣнія, какъ иллюзорны общественныя и соціальныя положенія въ эмиграціи. Мы живемъ на зыбкой почвѣ, и думается, что естественнѣй и честнѣе подойти къ эмигранту, сорвавъ предварительно съ него всю эту шелуху, и взглянуть на него просто, какъ на человѣка, т. е. — на то главное и незыблемое въ немъ, что служитъ источникомъ его настроеній и міросозерцанія.

Самого себя я нисколько не выдѣляю изъ многоликой эмигрантской массы. Я жилъ и живу ея жизнью и принимаю ее безъ стыда, какъ нѣчто совершенно неотъемлемое отъ меня — плоть отъ плоти моей. И если рождается во мнѣ иногда протестъ противъ происходящаго, противъ самого себя, то такъ же свойствененъ онъ и душѣ любого эмигранта. Нѣсколько обособляетъ насъ — возрастъ. Наше поколѣніе, пройдя наравнѣ съ другими черезъ всю грязь и весь героизмъ гражданской войны, черезъ паденія и униженія послѣднихъ лѣтъ — не можетъ утѣшить себя даже прошлымъ: у насъ нѣтъ прошлаго. Наши дѣтскіе годы, годы отрочества протекли въ смятеніи, недоумѣніи, ожиданіи; воспоминанія о нихъ смутны, на фонѣ войны и революціи. Мы не знали радости независимаго положенія, къ намъ не успѣли пристать никакіе ярлыки — ни общественные, ни политическіе, ни моралнные. Намъ не отъ чего отвыкать, не въ чемъ и упрекать себя — но жить намъ отъ этого не легче, развѣ — посвободнѣе. И тѣмъ не менѣе связаны мы со всѣми крѣпко, неразрывно — горемъ общимъ, общей участью и, главное — общимъ нашимъ русскимъ грѣхомъ.

***

Послѣ россійской катастрофы иностранные пароходы разбросали всѣхъ насъ, какъ ненужный хламъ, по чужимъ берегамъ голодными, внѣшне обезличенными военной формой, опустошенными духовно. Но Западъ, еще не измѣнившій стариннымъ традиціямъ, принялъ насъ вѣжливо, какъ принимаетъ

*) Вечеръ «Перекрестка» 22 апрѣля 1933 г.

гостепріимный хозяинъ незванныхъ гостей, ему было тогда не до насъ, и онъ поспѣшилъ насъ предоставить самимъ себѣ. Отчаяніе, или почти отчаяніе — вотъ основа нашего тогдашняго состоянія. Наши взоры были обращены не впередъ, а назадъ, и только съ Россіей связаны были у насъ еще кой-какія догорающія надежды. Мы видѣли сны о войнѣ, о пыткахъ, о нашихъ женахъ, дѣтяхъ и матеряхъ, разстрѣливаемыхъ въ застѣнкахъ, о родномъ домѣ, — и просыпались въ животной радости освобожденія. Мы мечтали о томъ, какъ рыцарями, «безъ страха и упрека», освободителями, просвѣщенными европейскимъ опытомъ, мы предстанемъ передъ своимъ народомъ и укажемъ ему его пути. Шли годы... Тускнѣли и пріѣдались надежды; утомляли противорѣчивыя вѣста; жизнь размѣнивалась по мелочамъ, подтачивалась и разъѣдалась ими. Таялъ образъ Россіи. Ея новый, тревожный, болѣзненный ликъ не сулилъ успокоенія. Старая Россія стала сномъ, а сны о ней перестали намъ сниться. Рыцари — вѣстники радости — превратились въ рыцарей печальнаго образа.

***

Существуетъ распространенное мнѣніе, что русскіе эмигранты способны болѣе, чѣмъ кто-либо, примѣняться къ существующимъ условіямъ — врастать корнями въ чужую жизнь. Откуда такое мнѣніе? — Для этого недостаточно овладѣть языкомъ, жениться на француженкѣ, надѣть шофферскій балахонъ, или стать профессоромъ мѣстнаго университета! — Считая себя въ душѣ «униженными и оскорбленными», «втоптанными въ грязь», мы тѣмъ не менѣе смертельно боимся запачкаться о другихъ и тщательно оберегаемъ свою самобытность. Мало того, наша давняя, заглохшая было послѣ войны привычка смотрѣть на европейцевъ сверху внизъ въ новыхъ условіяхъ возродилась и окрѣпла. Теперь мы чувствуемъ свое превосходство надъ ними рѣшительно во всѣхъ областяхъ жизни: на заводахъ, въ шахтахъ, въ конторахъ, мы всегда — «на виду», и если увольняютъ безъ особыхъ церемоній, то непремѣнно въ связи съ какими-нибудь «исключительными обстоятельствами»; въ школахъ наши дѣти постоянно — «на первомъ мѣстѣ»; семейный укладъ нашъ неизмѣримо человѣчнѣе; а что касается искусства, литературы, то тутъ и говорить не приходится. Мы сами отрѣзали для себя путь отступленія въ Европу и, живя въ ней, чувствуемъ теперь себя дальше отъ нея, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Два фактора сыграли роль въ установленіи теперешняго отношенія эмиграціи къ Западу. Первое, это — вынужденное общеніе съ людьми болѣе низкаго культурнаго уровня, что, естественно, привело насъ къ невѣрнымъ обобщеніямъ и чрезмѣрному вниманію къ собственнымъ достоинствамъ. Второе — наше зависимое положеніе, которое заставило насъ смотрѣть на окружающихъ — какъ на поработителей. Конечно, кое-что мы все-таки успѣли перенять отъ Запада: нѣкоторыя формы повседневнаго обихода, нѣкоторыя новыя заповѣди въ искусствѣ и наукѣ, — но и это новое живетъ въ насъ постороннимъ тѣломъ и вызываетъ постоянное раздраженіе.

Все же существуетъ какое-то «новое положеніе вещей», главнымъ образомъ, освобожденность міра отъ скрывавшей

его довоенной мишуры, отъ «возвышающаго обмана», новое право человѣка «не закрывать глазъ». Этимъ правомъ русскіе эмигранты не воспользовались — и не потому, что революція ихъ не измѣнила (революція ничего не мѣняла — она лишь слѣдствіе уже происшедшихъ во всѣхъ насъ измѣненій; революція, это — мы), а потому что непріятіе новаго — опять-таки результатъ нашего подневольнаго, рабскаго существованія на чужбинѣ. Въ годы, предшествовавшіе эвакуаціи, мы слишкомъ были погружены въ семейныя распри, чтобы откликнуться на голосъ извнѣ, теперь — мы поглощены жалостью къ себѣ. Если бы какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ мы получили право свободно распоряжаться собою, то первое, что пришло-бы намъ на умъ, — это разрушить до основанія все навязанное намъ за эти годы, какъ иностранцами, такъ и міромъ вообще, и потомъ уже подумать — стоитъ или не стоитъ принимать новое.

Я уже говорилъ о стремленіи эмигрантовъ сохранить свою самобытность, но куда-же намъ приткнуться? Съ Европой намъ не по пути, Россія затерялась гдѣ-то въ прошломъ, новыя общечеловѣческія вѣянія насъ не взволновали. Къ несчастью и этотъ путь нашъ — изломами: наши утвержденія путанны, мы многое забыли, многаго не довѣряемъ себѣ, намъ стыдно за себя; мы разучились даже по настоящему желать, въ глубинѣ души — намъ все равно. Когда мы смотримъ на себя, то видимъ только свое прошлое и тщетно пытаемся перенести это прошлое въ настоящее и часто не можемъ даже толкомъ опредѣлить, что наше и что не наше.

Мы совершенно запутались въ лабиринтѣ собственныхъ измышленій, но признаться себѣ въ этомъ намъ не подъ силу. Вѣроятно, все это исходитъ изъ боязни потерять послѣдній оплотъ — уваженіе къ самимъ себѣ. Когда, напримѣръ, насъ спрашиваютъ, какъ мы поживаемъ, мы отвѣчаемъ не торопясь, бодро и съ достоинствомъ, и вѣримъ въ свою бодрость, хотя часъ тому назадъ легко могли-бы броситься въ Сену отъ отчаянія, отъ полной своей душевной безпомощности. Мы вѣримъ въ возвращеніе на родину и ждемъ его со сладкимъ замираніемъ сердца, но родину-то нашу — теперешнюю, именно, теперь показавшую намъ всю свою наготу — мы почти ненавидимъ, и чтобы скрыть отъ себя это чувство, пользуемся цѣлымъ рядомъ сложныхъ уловокъ. Мы увѣряемъ другъ друга, что «Россіей управляетъ кучка бандитовъ», что отвѣтственность за все происшедшее лежитъ исключительно на инородцахъ и т. п. Кое-кто, впрочемъ, прямо заявляетъ, что Россіи больше нѣтъ, и единственно, что осталось отъ нея, это — мы, эмигранты. Время отъ времени появляется у насъ трудный вопросъ: что-же намъ дѣлать въ будущей Россіи? Въ такія минуты насъ охватываетъ страхъ, и мы уже не хотимъ возвращенія. Мы боимся тамошнихъ новыхъ людей (даже въ фотографіи близкихъ вглядываемся съ недовѣріемъ) и часто принимаемъ за новое то, чего прежде не замѣтили. Какъ мы не любимъ «ихъ» за этотъ свой страхъ, какъ безапелляціонно осуждаемъ! — хотя та подпольная темная сила, которая завладѣла русскими сердцами, кроется и въ насъ. Думается мнѣ, было бы достойнѣе и правильнѣе узнать поглубже этихъ «новыхъ» и въ сущности самыхъ обыкно-

венныхъ людей, а вовсе не людей низшаго порядка, переложить часть ихъ отвѣтственности за совершенное на себя. Я уже не говорю здѣсь о христіанской морали — мы вспоминаемъ о ней только въ выгодныхъ для насъ случаяхъ — а о самой простой житейской совѣсти. Унизительно прятаться за будущій объективный «судъ исторіи» — мы сами должны и можемъ быть судьями самимъ себѣ!

**
*

Въ борьбѣ за существованіе, за самооправданіе, въ политическомъ хаосѣ послѣднихъ лѣтъ мы забыли о человѣкѣ. Какъ-то неловко стало говорить о любви, о совѣсти, долгѣ, чести — то-ли слова обтрепались, зачерствѣли, и не поворачивается языкъ ихъ произнести, то-ли мы зачерствѣли и обтрепались, и стыдно намъ передъ этими словами. На смѣну имъ не явилось ничего. Даже Богъ сталъ для насъ лишь поводомъ для мелкихъ споровъ и взаимной вражды; та высокая человѣчность, та отзывчивость душевная, что связывалась прежде съ представленіемъ о вѣрующемъ, замѣняется теперь модной замороженной «духовностью». Тоже и во многомъ другомъ: люди, ненавидящіе своихъ политическихъ противниковъ, къ самой политикѣ равнодушны. Всѣ они давнымъ-давно знаютъ, что ни одна политическая система не можетъ теперь пользоваться хоть сколько нибудь длительнымъ успѣхомъ — мы безсильны учесть безформенныя россійскія настроенія, даже опредѣлить толкомъ собственныя свои, личныя нужды. То, что, казалось бы, могло приблизить насъ другъ къ другу, открыть намъ подлинную нашу человѣческую сущность, какъ напримѣръ, невозможность использованія прежнихъ соціальныхъ или общественныхъ преимуществъ — въ дѣйствительности нисколько не сблизило насъ, не смягчило, а лишь вызвало «мечту о реваншѣ».

Мы не умѣемъ и боимся замѣчать подлинно-человѣческое. Оно мѣшаетъ намъ безотвѣтственно располагать своими настроеніями, раздражаетъ устойчивостью и неподкупностью. Вѣдь гораздо проще вмѣсто того, чтобы оказать кому либо матеріальную поддержку, послать его искать работу; или убить кого-либо — не какъ человѣка, а какъ классоваго врага, какъ противника политическаго, какъ соперника въ любви и т. д. Гораздо проще счесть себя страдальцами за великое дѣло, тружениками, не покладая рукъ, работающими на грядущее освобожденіе, чѣмъ — слабенькими людьми, неудачниками, мирно прозябающими въ ожиданіи манны съ неба. Но какъ тамъ ни поступать, какъ ни судить, а вѣдь люди то все-же остаются людьми, и гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ, за корой приспособленчества и самообмана — бьется-же у нихъ свое живое настоящее сердце. А если это такъ, то должно же оно какъ-нибудь проявиться въ нашихъ поступкахъ? Однако такія проявленія чрезвычайно рѣдки.

По существу намъ очень хочется быть сердечными, мы еще не вполнѣ разучились и страдать — ну, если не за другихъ, то хоть за себя — и какимъ то внутреннимъ, тревожнымъ слухомъ еще ощущаемъ свое паденіе. Но трудно намъ подняться надъ собой съ той тяжестью, которую взвалило на насъ изгнаніе. Легче не глядѣть на себя, «уходить» въ карты, скачки, цыганщину, пьянство. Иные обращаются къ наукѣ,

искусству, религіи, но такихъ немного. Прячась отъ себя все дальше и глубже, мы пріучились жить однимъ лишь уголкомъ души: гдѣ можно забыть — забудемъ, гдѣ можно порадоваться — порадуемся (даже гдѣ и нельзя). Что же касается надоѣвшей европейцамъ широты нашего размаха, то мы стараемся о ней забыть: безъ нея ближе къ счастью, которое мы такъ упорно подстерегаемъ — только счастье-то наше стало — съ наперстокъ. Такъ, можетъ быть, и къ лучшему: наша единственная цѣль — постоянно себя убѣждать, что мы все-таки живемъ и будемъ жить.

И мы будемъ жить — это несомнѣнно. Наша полная физіологическая жизнь, жизнь забытаго въ провинціальной глуши обывателя, еще не началась. Она начнется лишь послѣ нашей окончательной духовкой смерти. Приближенія ея мы уже почти не замѣчаемъ — и это самый страшный признакъ.

2.

Въ своей попыткѣ уловить эмигрантскія настроенія, отдѣлить правду отъ обмана я лишенъ былъ возможности воспользоваться нашей литературой, которая въ иныя времена могла-бы служить неизсякаемымъ источникомъ наблюденій. Нашу литературу слѣдуетъ разсматривать лишь какъ самостоятельное явленіе, рѣшительно ничѣмъ съ нами не связанное. Стремленіе отдѣльныхъ авторовъ перекинуть мостъ между собою и читателями не встрѣтило сочувствія — и не потому, что, какъ принято теперь думать, остатокъ располагаемаго нами времени цѣликомъ поглощенъ повседневными, насущными мелочами, что стоимость книги намъ не по карману, что писатель переросъ читателя, или — наоборотъ — что современная литература по качеству значительно ниже довоенной — все это не такъ: и времени, и денегъ у насъ вполнѣ достаетъ на кафе, синема, на пріемъ и посѣщенія друзей, на все, что угодно. Причина одна: жизненный опытъ каждаго изъ насъ неизмѣримо превышаетъ опытъ довоеннаго человѣка, насъ очень трудно удивить, заинтересовать, мы слишкомъ много знаемъ. Испытанія послѣднихъ лѣтъ обнажили наши нервы и позволили намъ живѣе воспринимать жизненныя явленія, что прежде считалось привиллегіей лишь дѣятелей искусства, т. е., людей съ болѣе утонченнымъ и воспріимчивымъ душевнымъ строемъ. Мало кто теперь читаетъ съ цѣлью обогатить свой внутренній опытъ: читаютъ или для развлеченія, или — чтобы формально хотя бы «не отстать отъ вѣка», или — просто «изъ вѣжливости» (къ послѣдней категоріи принадлежитъ девяносто процентовъ самихъ литераторовъ). Естественно, такое положеніе вещей почти исключаетъ возможность сближенія читателей и писателей; мы присутствуемъ какъ-разъ при обостреніи ихъ вражды, которая къ стыду читателей закончится, вѣроятно, вскорѣ полнымъ разгромомъ ихъ противниковъ. Примѣчательно, что почвой для распри и взаимнаго непониманія служитъ не обособленность ихъ, а — наоборотъ — рѣдкая въ исторіи общность интересовъ, настроеній и матерьяльныхъ условій жизни. Мы живемъ вѣдь одной семьей и такъ надоѣли другъ другу, такъ приглядѣлись къ свойственнымъ всѣмъ намъ семейнымъ недостаткамъ, что различить за ними подлинно индивидуальное намъ уже не

подъ силу. Въ особенности достается молодымъ: ихъ переходъ изъ разряда читателей въ писатели сопровождается всегда сперва недовѣріемъ, а потомъ враждебнымъ равнодушіемъ. Имъ не прощается ихъ дерзость, они всегда пасынки общества. За то и они не прощаютъ обществу и мстятъ искреннимъ къ нему пренебреженіемъ. Молодая эмигрантская литература замкнулась въ себѣ, не давъ читателямъ ни одного хоть сколько-нибудь пріемлемаго для нихъ произведенія, не успѣла она и опредѣлить свое мѣсто въ обще-русской литературѣ; единственно, что оправдываетъ ея существованіе, это — постоянное, безпокойное, искреннее стремленіе молодыхъ писателей «найти себя». Что касается старыхъ писателей, то за мѣсто свое они спокойны; плохо разбираясь въ своихъ теперешнихъ «семейныхъ» недостаткахъ, они угрюмо молчатъ (или пишутъ «подъ себя). Я отнюдь не призываю писателей жертвовать своимъ личнымъ, н а с т о я щ и м ъ для пріобрѣтенія читательскихъ симпатій — въ этой области никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью быть не можетъ, хотя не слѣдуетъ и забывать, что тѣнь воображаемаго читателя постоянно лежитъ между писателями и ихъ творчествомъ и видоизмѣняетъ его помимо ихъ воли; не надо также и сентиментальнаго заискиванія и «сниженія». О послѣднемъ, впрочемъ, можно было-бы и не упоминать, такъ какъ въ наши дни не рѣдко вынужденъ бываетъ снижаться читатель до писателя. — Почему бы писателямъ не попытаться просто п о л ю б и т ь читателя. Только это чувство можетъ положить начало взаимному пониманію и интересу другъ къ другу.

Возлагая отвѣтственность за теперешній «литературный кризисъ» преимущественно на писателей, я этимъ, конечно, нисколько не хочу избавить отъ нея и читателей: отвѣтственность опредѣляется по степени культурныхъ возможности, но именно въ силу этого съ писателя и требуется больше. Къ тому-же, одно изъ главныхъ свойствъ эмиграціи — способность прибѣгать къ самообману, какъ къ средству предохраненія себя отъ возможныхъ разочарованій — относится въ большей мѣрѣ все-же къ читателямъ, нежели къ писателямъ. Читатель болѣе связанъ прошлымъ, бытовымъ, семейнымъ, болѣе инертенъ, ему легче обмануть себя, и разорвать его путы можетъ лишь живое, г у м а н н о е слово извнѣ.

Въ ожиданіи-же этого слова потребность въ чтеніи книгъ превращается мало-по-малу изъ явленія психическаго въ явленіе физіологическое. Роль книги сводится теперь главнымъ образомъ къ тому, чтобы произвести нѣкоторую встряску въ организмѣ, причемъ и тутъ эмигрантская изобрѣтательность находитъ почву для самообольщенія. Расхьаливаются обыкновенно книги не читаемыя и даже не прочитанныя, читаются же книги (обычно, легкаго содержанія), признаваемыя совершенно непріемлемыми и осуждаемыя безжалостно. За послѣдніе годы двѣ книги иностранныхъ авторовъ подверглись особому нападенію со стороны читателей и, конечно, читались и покупались нарасхватъ, это — «Любовникъ леди Четерлей» и «На западномъ фронтѣ безъ перемѣнъ». Само собой разумѣется, легкость ихъ весьма относительна; тѣмъ не менѣе, обѣ эти книги нѣкоторую полезную встряску организма произвели и могутъ служить яркимъ примѣромъ литературы читаемой,

но не принимаемой. Въ концѣ-концовъ, допустимо, что даже и такая литература современемъ могла - бы стать для читателя какъ-бы переходной ступенью къ чему-то болѣе высокому и художественному. Но опять-таки — нѣтъ въ нашихъ писателяхъ основного, хоть и затушеваннаго, качества названныхъ авторовъ: ихъ способности къ выраженію своей силы душевной и боли за другихъ.

Повторяю — только въ томъ случаѣ, если писатели стали-бы разсматривать читателей не какъ толпу, а какъ л ю д е й, достойныхъ вниманія и уваженія — возстановилось бы потерянное равновѣсіе отношеній.

***

Но все это только «если бы»... — возможности у насъ уже всѣ исчерпаны, наша дѣйствительность — пуста. Конечно, будущій историкъ во многомъ насъ оправдаетъ и даже воздастъ должное за нашу твердость въ лишеніяхъ, за нашъ «крестный путь». Только намъ отъ этого ничуть не легче.

Что-же намъ дѣлать? — вопросъ праздный, конечно, такъ какъ и весь трагизмъ нашего положенія заключается въ томъ, что мы уже ничего не можемъ дѣлать. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно закрыть глаза и очертя голову броситься въ омутъ: намъ предстоятъ и радости — какъ я уже говорилъ, какимъ-то уголкомъ души мы еще способны быть счастливыми.

Тѣмъ же изъ насъ, для кого такое счастье не есть счастье, кто еще способенъ хоть немного видѣть и еще не вполнѣ умеръ духовно — слѣдуетъ напречь всѣ свои силы, чтобы попытаться увидать все до конца, — и тѣмъ превозмочь свою духовную смерть.

Ан. Алферовъ.

Отвлеченіе отъ всего.

Поэзія не можетъ быть, кажется, ни отвлечена отъ міра, ни вовлечена во все въ немъ; лучшая поэзія ограничивается — и проявляется особенно полно — говоря о самомъ важномъ: поэзія есть — въ образахъ этого міра — какъ бы сужающійся и повышающійся — трехмѣрный — путь, ведущій къ свѣтящейся недостижимой точкѣ; творчество сужается — и повышается, — достигая своей возможной полноты содержательности — поэтической — все болѣе и болѣе, если это дѣйствительно творчество, путь поэта. Есть утвержденіе средневѣковаго святого, прозваннаго блаженнымъ: онъ хотѣлъ познать Бога и свою безсмертную душу — болѣе ничего совершенно; но, можетъ быть, надо пожалѣть, что, проявляясь особенно полно, поэзія, кажется, въ особенности современная, все же выражаетъ лишь немногое, забываетъ о многомъ. Кажется, міръ сложнѣе для современной физики и метафизики, чѣмъ для современной поэзіи (и лучшей, вѣрной, и даже специфически ультрамодернистской, даже не русской ультра-модернистской), по меньшей мѣрѣ, на одно измѣреніе; «четвертое измѣреніе поэзіи», возможное въ нѣкоторыхъ стихахъ, кажется, собственно, есть одно изъ возможныхъ проявленій геніальности, но оно все же не дѣлаетъ міра стихотворенія четырехмѣрнымъ въ точномъ смыслѣ: поэзія только чувствуетъ иногда четвертую сущность міра — не четырехмѣрность его — зато въ какомъ-то смыслѣ она чувствуетъ это съ большимъ волненіемъ, чѣмъ философія; возможно, міръ станетъ еще гораздо сложнѣе для философіи, даже совсѣмъ по новому сложнѣе; поэзія —

въ особенности, лучшая — сможетъ сказать такъ мало о сложности всего:

Въ невѣроятной тьмѣ, въ невѣроятномъ мірѣ.

Міръ для поэзіи все-таки «простой міръ», не потому, что поэзія не мудра — или мудра — въ обычномъ смыслѣ: поэзія — лучшая — выражаетъ мудрость, несравнимую съ обычной, совсѣмъ не мудрость знанія мудрецовъ, не мудрость сказавшаго, что онъ ничего не знаетъ, — какой можетъ показаться эта мудрость нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ: — не мудрость знанія и не мудрость вѣры или надежды и не мудрость отчаянія — которой, наиболѣе, повидимому, близкой къ мудрости поэзіи, созданы, кажется, лучшія страницы прозы: недаромъ «радость творчества» у большихъ поэтовъ чаще сильнѣе отъ одиночества и безнадежности, такъ непохожа на участіе въ общемъ дѣлѣ: эта мудрость поэзіи теперь, какъ и прежде, слышна, навѣрное, немногимъ, можетъ быть, лишь нѣ - сколькимъ вполнѣ.

Міръ для поэзіи — «простой міръ», не потому, вѣроятно, что поэты не знаютъ самой его сложности, даже, можетъ быть, не потому, что этого не знаютъ тѣ, кто читаютъ и понимаютъ стихи, кто бы, можетъ быть, не поняли стиховъ, въ которыхъ міръ былъ бы такимъ, какой пытается представить наука, — если бы поэты могли понять и передать въ словахъ сущность такого міра и пытались бы, кромѣ этого, сдѣлать его нашимъ, этимъ, важнымъ для насъ (иначе его, можетъ быть, даже не надо, такъ какъ онъ не будетъ въ поэзіи основнымъ мѣстомъ дѣйст - вія: это, вѣдь, не образъ другого,лучшаго міра — нужный вѣчно); можетъ быть, объясненія отчасти низки, достовѣрность спорна, — все же, повидимому, поэзія, какой мы знаемъ ее, не можетъ говорить о мірѣ, значительно отличномъ отъ обычно представляемаго, почти Птоломеева — (такого, гдѣ, напр., даже упрощено трехмѣрное — гдѣ нѣтъ микроскопическаго — тканей и пр., атомовъ, — а телескопическое условно, почти всегда, какъ представляется простому глазу: лишь въ немногихъ стихахъ есть «космичность» астрономическаго, и часто это портитъ ихъ, — гдѣ, наконецъ, четвертое измѣреніе замѣняютъ лучи, пронизывающіе трехмѣрное) поэзія наиболѣе широко полно проявляется для насъ въ «простомъ мірѣ»:

Черныя вѣтки качаются,
Пахнетъ весной и травой.

(Въ сущности, почти предѣльная сложность, удерживающаяся вполнѣ въ поэзіи — лучшей —

Надъ полями экспресса свистокъ,
И призывы изъ тюремъ и ссылки,
И ребенокъ кусаетъ сосокъ,
На которомъ нѣжнѣйшія жилки).

Кажется, въ основнюмъ смыслѣ поэзія неизмѣнна — и должна ослабѣть, достигнувъ высшаго предѣла, если она не достигла его, она, вѣроятно, достигнетъ. Видимо, невѣрно, что нѣкоторые изъ поэтовъ недавно дали возможность новой поэзіи (Пастернакъ — но, кажется, это безполезно въ главнюмъ смыслѣ, полезнѣе могъ бы быть, отчасти, Хлѣбниковъ, — но этой возможности нѣтъ, вѣроятно, для истинной поэзіи); но кое-какое возвышеніе поэзіи все таки кажется возможнымъ: въ смыслѣ суженія, ограничиванія самыми главными словами, думается, скорѣе, чѣмъ въ смыслѣ проникновенія одновременно и вглубь, и

вширь, — скорѣе въ смыслѣ уточненія острія, чѣмъ всей обнимающей поверхности: современная поэзія, кажется, — въ лучшемъ — пронзительна, сосредоточена на одномъ — на смерти; — это сосредоточеніе можетъ продолжаться всю жизнь поколѣнія, поэтъ можетъ писать о смерти всю жизнь, о предчувствіи даже своей смерти, и это, повидимому, можетъ не стать манернымъ, манерой — не потому, что это будетъ тогда болѣе темой самого «я» его, чѣмъ темою стихотвореній, — напротивъ, это можетъ быть, думается, преимущественно поэтической темой — а потому, что въ такой поэзіи, вѣроятно, скажется явственнѣе смыслъ поэтической жизни и самое существо поэзіи. Это существо, кажется, не выражено еще возможно полно, но, можетъ быть, оно будетъ выражено: вообще возможно, повидимому, предполагать, что міръ — и поэзія «Птоломеева міра» — начнетъ приближаться къ высшему, сравнительно, съ настоящимъ, предѣлу самообнаруженія — хотя этотъ высшій предѣлъ можетъ быть вовсе отличнымъ отъ апогея; міръ выразится, вѣроятно, въ поэзіи еще менѣе полно, — еще болѣе условно, какъ вообще никогда полнота всего не выражается вполнѣ ни въ чемъ, ни въ части, ни въ постороннемъ отраженіи; поэзія выражаетъ и выразитъ не все, но, и сосредоточиваясь на главномъ, нельзя, повидимому, думать что поэзія не только проявленіе этого міра, но и проявленіе въ этомъ мірѣ — проявленіе иного; — этого никакъ уже не надо абсолютизировать, абсолютизація всегда абсурдизація: хотя поэзія выражаетъ не все, не надо чрезмѣрно умалять цѣнности многихъ вещей міра (событій, занятій, мнѣній: теперь, въ частности, напр., хитлеризма, большевитскаго строительства, демократіи и т. д.), кажется, во многомъ много цѣннаго — или вреднаго, вообще значительнаго; возможно, не всѣ поэты по праву равнодушны къ міру: только на большой и очень узкой высотѣ, которой иногда можетъ достигнуть очень большой поэтъ, — когда въ какомъ то смыслѣ внутреннее существо его измѣряется только линіей творчества — можетъ явиться равнодушіе: можетъ быть, уже все равно, уже не важно. Еще можно писать кое о чемъ — о Богѣ, о душѣ, добрѣ, еще кое о чемъ — но это лишь темы, т. е. въ какомъ то смыслѣ сама поэзія можетъ стать важнѣе этихъ темъ; даже значеніе смерти, даже будущей личной, можетъ стать лишь темою смерти, т. е. темой. Поэтъ же, не достигшій этой высоты — мудрости — думается, если онъ честенъ и уменъ, долженъ особенно сильно теперь ощущать — не суетность міра, а свое незнаніе, свою внутреннюю невзрослость, несерьезность своего «я» въ этомъ сложномъ и значительномъ мірѣ, недостоинство своего положенія въ мірѣ — пожалуй, многіе должны были бы уже поэтому хотѣть, чтобы ихъ стихотвореніе было отдѣльнымъ отъ этого, обособленнымъ, самостоятельнымъ міромъ, даже не сличимымъ и не соравнымъ этому: любящіе этотъ міръ какъ бы должны невольно сравниться съ тѣми, кто не любятъ этого міра, хотя и не презираютъ, или не забываютъ его, кто видятъ и цѣнятъ его немногія достоинства, но кто жаждутъ поэзіи внѣ его, внѣ словъ, внѣ вещей, внѣ всего этого дурного, поэзіи, вырванной изъ этого во что-то иное...

Игорь Чиновъ.

ПЕРЕВОЗЪ № 11. ТРОЕ.

(А. Гингеръ, Б. Поплавскій, С. Шаршунъ).

Моимъ шестнадцатымъ лѣтомъ,
Ей было около тринадцати.

Мы были въ ссорѣ и я сказалъ:
Обниму насильно — и миръ готовъ.

Вдругъ она неистово разрыдалась.
Прижималась къ сестрѣ: Я боюсь его.

Это плачетъ вѣчная женскость,
Вѣчно страдательное.

«Долго снились мнѣ вопли рыданій твоихъ,
То былъ голосъ обиды, безсилія, плачъ».

Разсказъ Часового.

По Уставу, какъ ртуть переступитъ
Пятнадцать ниже нуля,
Часовому въ тепломъ тулупѣ
Только часъ на посту стоять.

Я стоялъ у полкового театра,
Тридцать пять градусовъ морозъ,
И вѣтеръ, что прямо жарко,
Сталъ носъ, что твоя папироса.

А тулупъ во вшахъ — живой.
Разводящаго ждешь, какъ депеши,
Такъ и чешешься самъ не свой
(И не мрутъ отъ холоду, лѣшіе).

Теперь слушай, какая исторія:
Смѣна приходитъ, наконецъ,
И смѣнились даже безъ разговору,
А я значитъ иду обѣдать.

Пока дошли до гауптвахты —
А тамъ помѣщались караулы —
Не осталось отъ супа ни капли,
Ни кусочка отъ буханки колупнуть.

И вечеромъ исторія та же,
Совершенно безъ ужина остался,
И чаю еле хлебнулъ даже,
А сказать взводному — заругается.

Круглыя сутки не жравши.
Отъ снѣга только что не ослѣпъ.
Теперь видишь, какое житье наше,
Можно сказать, свирѣпое.

Руки — щупалки, губы — цѣловалки — жаль! бездѣйствуютъ.

... Въ кухню спускаться по лѣстницѣ. Гадала по картамъ: «Онъ топчетъ смерть свою ногами». Заревѣлъ, кувыркомъ по лѣстницѣ въ кухню къ нянѣ.

Ты видишь, какъ блестятъ глаза живого врага, но погасишь. А скалы глухія, скалы обрушиваются.

... заплакалъ въ свой день рожденья. 48. Не подымалъ головы и на все бормоталъ: «ничего, ничего».

Сонъ во время болѣзни: ледяное поле безъ концовъ, мчусь по нему помимо воли и не знаю, чѣмъ это кончится.

Puella quae ungues habet similes feminae maturae meretricula.

А. Г.

Съ точки зрнія князя Мышкина.

Въ общемъ я всегда мечталъ быть тѣмъ неотразимымъ клоуномъ съ солнцемъ на груди и луной на спинѣ, который такъ хорошо играетъ на мандолинѣ и на все имѣетъ отвѣтъ, а оказывался вѣчно именно другимъ, его партнеромъ, который всегда подъ самый конецъ теряетъ огромные штаны и уходитъ съ трагическимъ видомъ и яичницей на головѣ.

*

Но отъ удачи уже такъ далеко, а до Б. увы еще вовсе не близко. Напримѣръ, попробовалъ на дняхъ перекреститься на улицѣ, ибо, согрѣшивъ мысленно, боялся, что Б. меня сейчасъ убьетъ, но не могъ, и все тутъ... Страхъ насмѣшки что «всѣ знаютъ», что «выгонятъ», сильнѣе оказался страха смерти.

Какъ стыдна святость и какъ далекъ еще мой вѣчный идеалъ — Мистическій интегральный нюдизмъ.

*

Пятилѣтняя бабушка Н. Т. однажды (въ Парижѣ) сочинила:

Quand le beau temps commence
Ca finit par la pluie.

Отецъ ея (важный чиновникъ) прочелъ черезъ плечо и, степенно улыбнувшись, дописалъ стихотвореніе:

Chantons donc la romance
Sous le parapluie.

Кто они были эти люди: дѣти съ орденами, дѣти съ бородами, дѣти съ саблями, а намъ тысячу лѣтъ, потому что мгновеніе подъ наркозомъ на операціонномъ столѣ длится годъ, а пятнадцать лѣтъ подъ наркозомъ — тысячу.

*

Психоаналитическая космогонія... Что было сначала... Вообще универсально сѣрое... Потомъ тихое вѣянье расчистило мѣсто будущаго міра, сдуло, отмело все черное къ низу и бѣлое сосредоточило на верху... Это матерія и духъ, электрическіе супруги... и потому «Люди смотрятъ на небо и думаютъ — тамъ Богъ, а ангелы смотрятъ на землю и думаютъ — тамъ Богъ»... Но гдѣ же Онъ? Не тамъ и не здѣсь, а при встрѣчѣ ихъ, на самой поверхности отраженія, въ плотскомъ матерьяльномъ явленіи духа... Здѣсь Кантъ не понялъ, а Гегель понялъ... Сущность не «за ве-

щами» и не «за разумомъ», а на самой поверхности, радостной, сіяющей реальной встрѣчи того и другого въ пластически объективномъ рожденіи духа... Не знаю на счетъ папиросы Розанова... но свѣжесть яблока, блескъ воды, прозрачность деревьевъ, которыя растутъ въ царствѣ сто разъ реальнѣе, конкретнѣе ощутимѣе ихъ отраженія на землѣ... Нѣтъ, скажи все таки, какъ ты себѣ представляешь Царство, не рай имѣй въ виду, а царство — Малкутъ, ибо все-таки идея рая есть отдыхъ усталыхъ, а усталость на половину не понимаетъ, не принимаетъ жизни...

Это вродѣ сна... во первыхъ низкій одноэтажный домъ, гдѣ внутри все деревянное, стѣны и старая лоснящаяся мебель... Снаружи ярко освѣщенный солнцемъ садъ, вѣтви и отблески котораго наполняютъ все... а за длиннымъ столомъ Онъ и Авраамъ пьютъ молоко, глядя въ садъ. Онъ сидитъ спиной, а Авраамъ въ профиль, такъ что видна его большая, загорѣлая Микельанжелоеская рука, большой носъ и иконописная борода, какъ у стараго дворника; и окружаетъ ихъ и дальнія поля, сказочная тишина и огромная яркость, какая то не грубая, а удивительно спокойная глубина свѣта... Того, что они говорятъ, я не понимаю... Разговоръ часто прерывается молчаніями, во время которыхъ сдерживаемое изо всѣхъ силъ невѣроятное счастье и уваженіе наполняетъ все кругомъ и отъ каждой фразы какое то большое прошлое время встаетъ въ дали, вдругъ становясь насквозь яснымъ и радостно вспыхнувъ, успокоившись, наконецъ, вырывается на свободу...

Но что тебя особенно удивило, что ты запомнила больше всего?.. не знаю... свѣжесть какая то, спокойная полнота ихъ строгаго счастья, ты знаешь, я во снѣ припомнила: «Кущи Господни вѣчно свѣжи» и еще l'aisance incroyable ихъ жестовъ.

*

Мелодія говоритъ такту: звучи и проходи, не задерживайся, не мѣшкай, расточись въ звучаніи и замолчи; иначе (то есть, хотя звучать дольше положеннаго), ты тотчасъ начнешь мѣшать слѣдующей наступающей музыкальной фразѣ. Такъ духъ музыки гонитъ все, едва прозвучало оно, едва выпростало свою мелодію вонъ изъ музыки, вѣчно торжествующее становленіе которой неудачникъ воспринимаетъ, какъ отвратительную жесточайшую необходимость... Но гдѣ же все звучитъ вѣчно... Только тамъ, гдѣ времени не будетъ... Значитъ, всѣ сразу какофонически, перебивая другъ друга! Нѣтъ... Вся мелодія видна оттуда, какъ цѣлое, развернутое внизу, и вся она поетъ сразу, всѣ такты ея, и музыкальныя фигуры уже не заглушаютъ другъ друга, а внѣполагаются каждая въ своемъ особомъ измѣреніи тамъ, гдѣ воскреснутъ всѣ мертвые... Не изъ гробовъ, конечно, а изъ памяти міра въ Сефирѣ Бинахъ... Жена Господня ихъ вспомнитъ и они вернутся къ жизни, когда въ субботу юбилейнаго года она начнетъ вспоминать свою недѣлю труда... Потомъ улыбнется, ласково поцѣлуетъ мужа и, помолчавъ, скажетъ... Неужели вообще возможно было, чтобы наше счастье не имѣло свидѣтелей, но дѣйствительно, только тѣ поймутъ нашу радость, кто помнятъ нашу разлуку и какъ страшенъ и голъ былъ міръ, когда въ великомъ Твоемъ Имени Іодъ отдѣлился отъ Хе и Шекина покинула жизнь.

Б. П.

Лирическія Максимы.

I. ПОѢЗДЪ

Вихляющаяся кишка поѣзда кудахчетъ по куриному.

Виноградники-ли, учебное-ли солдатское поле?

Бананъ, вдругъ, претворился въ мороженое.

У спутницы: изможженно-длинный, узловатый, но — французскій, цѣльный, «безъ заоблачности» — профиль.

Эти, присѣвшія, какъ на мою картину — избы.

Природа благоухаетъ — картинами великаго французскаго художника.

О, неслыханное кощунство: розовый домикъ, на этой святой, тонкотертой, пепельно-фарфоровой землѣ!

Мое лицо: колышащійся, переливающійся, тѣстообразный, клецковый, безстыдный, обнаженный, разлагающійся, проклятый — вытекающій изъ черепа — мозгъ... вводящій меня: въ страхъ, уныніе, растерянность и безпамятство.

Каррикатуры и реальное неправдоподобіе туманной перспективы: лошадь — закрывшая поле; человѣкъ больше сосны, хижина — меньше коровы.

Блюа, какъ задача для живописца — величайшій въ мірѣ городъ.

По побережью Луары — Франція равна Италіи: жизнь ея музейна.

Увидѣлъ регбистовъ, играющихъ на фонѣ замка... пришла мысль: открыть заговоры спортивной молодежи, задумавшей взорвать, одновременно, всѣ музеи.

Эйфелева башня — распустилась: стеклянно-ломкими льдинками, нѣжными листочками березы.

II. СУМЕРКИ ВЪ БУЛОНСКОМЪ ЛѢСУ

Дерево свѣсило свой проволочный, павлиній хвостъ.

Изъ-за кустовъ, прутообразныя руки мародеровъ — пытались сорвать съ меня шляпу.

Все принижается, — и оживаютъ, раскрываются, эти навязчивыя, нестерпимыя ночныя чудовища: глаза-цвѣты съ запахомъ молніи.

Вытянувшись, выстроились шпалерами, тѣлохранители-роботы, съ огненно-бѣлыми, паукообразными мечами наголо.

Мчитъ разъяренный быкъ, неся въ загривкѣ бѣло-окровавленныя бандерольки.

Клинообразно-длинныя струи жидкаго воздуха, съ быстротой свѣта — распиливаютъ дебри лѣса.

Хрюкающія ноздри металлическихъ свиней — испускаютъ нестерпимое зловонье — смертоноснаго сіянья.

Надъ лѣсомъ — второй этажъ озера, я — ракъ, рыбка — путающаяся межъ водяныхъ мховъ, зеленыхъ прядей волосъ, русалочныхъ космъ, камышеобразныхъ деревьевъ.

А, вотъ и страшно-гнусный, дикій звѣрь: кабанообразная, водяная крыса!

Дородный, лаически - темпераментный, незнакомый г-нъ Авто: разоблачилъ, пригвоздивъ къ дереву, слѣдовавшаго за мной — сыщика.

Вдругъ, стволъ дерева — породилъ: страшнаго, чернаго, закипѣвшаго громомъ и злобой, бросившагося на меня и засыпавшаго лавиной тьмы и расплавленной сѣры — двойника.

Двойникъ-то, двойникъ!

На длинныхъ, ножничныхъ ногахъ, какъ газетная реклама магазина платья!

Стрижетъ, щеголяетъ, гонитъ, вьется, крутитъ рулевыми колесами — подыгрывается, — ловчитъ: вскочить въ меня, спариться, слиться, раствориться!

III. ОЗЕРА БУЛОНСКАГО ЛѢСА

Мастодонтообразная нога карнаухаго дерева — непрерывно мочится струйкой водопада.

Желѣзная рѣшетка деревьевъ — сдерживаетъ натискъ серебряной черепахи.

Изъ аромата бѣлыхъ цвѣтовъ свѣта — вода выковала ртутные мечи.

Тѣни деревьевъ, намалеванныя на зеркалѣ — миражные, фатаморганическіе мосты-переходы.

Рябь — чеканитъ оловянную раку, каракулевую шубу.

Черноалмазные, падающіе болиды, лучевыми косами — бреютъ лога, — а, вотъ, одинъ захватилъ бородавку, и она завопила по-утиному.

Вода подъ вуалеткой отраженій.

На стеклянной полянѣ — рѣзвятся зайчики.

Крался тать во тьмѣ, да попалъ въ западню: пламя его совиныхъ глазъ — расплылось по навощеному полю дозорной полосы.

С. Ш.

Д. С. Мережковскій. «Іисусъ Неизвѣстный». Т. I. Бѣлградъ.

Говоря о новой книгѣ Д. С. Мережковскаго, «Іисусъ Неизвѣстный», только еще начатой печатаньемъ (передъ нами томъ 1, обнимающій I и II части), я не претендую высказаться ни достаточно полно, ни достаточно по существу. Слишкомъ много вопросовъ затронуто въ этой книгѣ, уже теперь можно сказать, одной изъ значительнѣйшихъ работъ Д. С. Мережковскаго.

Поневолѣ огрубляя, чтобъ сказать это въ нѣсколькихъ словахъ, основныя положенія книги слѣдующія: 1) наше знаніе о евангеліи есть не знаніе, а лишь какая то роковая инерція нечувствія; 2) наше приближеніе къ Христу, сколько бы мы ни вкладывали въ представленіе о Немъ добрыхъ чувствъ, въ сущности — полное о Немъ невѣдѣніе. Только преодолѣвъ въ себѣ двухтысячелѣтнюю инерцію, только прійдя въ движенье для нахожденія Христа Неизвѣстнаго и Неизвѣстнаго Евангелія, мы сможемъ прійти къ церкви будущаго вѣка.

Современное христіанское соборное усиліе должно быть направлено не къ тому, чтобы хранить Образъ Христа каноническій, но къ тому, чтобъ почувствовать и понять подлинный Его образъ.

Не ересь ли эти положенья? Закономѣрно ли для христіанина подобное дерзанье, совмѣстимо ли со смиреньемъ и вѣрой?

Д. С. Мережковскій отвѣчаетъ на это такъ: «ростъ человѣческаго духа остановился въ IV вѣкѣ, когда движущая сила Духа — Евангеліе — заключена была въ неподвижный канонъ. Свято хранилъ Канонъ Евангелія отъ разрушительныхъ движеній міра; но если дѣло Евангелія — спасенье міра, то оно совершается за неподвижной чертой Канона, тамъ, гдѣ начинается движеніе Евангелія къ міру и міра къ Евангелію... Тѣло Евангелія расковать отъ брони Канона, Ликъ Господень отъ церковныхъ ризъ такъ нечеловѣчески трудно и страшно, если только помнить, чье это Тѣло и Чей это Ликъ, что одной человѣческой силой этого сдѣлать нельзя; но это уже дѣлается самимъ Евангеліемъ, вѣчно въ Немъ дышащимъ Духомъ Свободы».

Разрывъ христіанства съ жизнью (мнимаго христіанства съ мнимой жизнью), что бы намъ ни возражали, въ представленіи подавляющаго большинства современниковъ — совершившійся фактъ. «Слѣпо читаютъ люди Евангеліе». говоритъ Д. С. Мережковскій — «потому что привычно. Въ лучшемъ случаѣ думаютъ: галилейская идиллія, второй неудавшійся рай, божественно прекрасныя мечты земли о небѣ; но если исполнить ее, то все полетитъ къ черту». — «Страшно думать такъ?» спрашиваетъ Мережковскій и отвѣчаетъ: «нѣтъ, привычно». Результатъ этой слѣпой привычки: христіанскій міръ въ тупикѣ. Давно сказано: христіанство имѣетъ цѣлью устроенье загробной жизни;

здѣсь — оно ставитъ невыполнимыя для огромнаго большинства нравственныя требованія, насилуетъ умъ, заставляя принимать невмѣстимыя для него положенья —

Толстой не могъ принять Мистерію и назвалъ ученье Церкви обманомъ вѣры, подмѣной, разлучившей людей со Христомъ. Розановъ съ невѣроятной остротой переживалъ отпаденье Сына отъ Отца. Но самое страшное — современное, безъ волненья, съ горечью произносимое: «Евангеліе — прекрасная, но неисполнимая мечта».

Снять эту тяжесть съ человѣчества, по мнѣнію Д. С. Мережковскаго, можетъ только Неизвѣстное Евангеліе. Тупикъ, къ которому привело насъ безучастное слѣдованіе традиціонному представленію о Евангеліи — бездна кажущаяся, обманъ чувствъ, несовершенство человѣческаго воспріятія, благодаря которому благовѣстіе о жизни, о преображеніи и освященіи земли превратилось въ отверженіе жизни.

Образъ Христа, воскресшаго во плоти, остался неувидѣннымъ вполнѣ, можетъ быть отъ неспособности глазъ человѣческихъ прямо смотрѣть на солнце. Что то отъ «ученики ночью выкрали тѣло Его», слышится, когда повторяютъ губы наши: «Царствіе Мое не отъ міра сего».

Эллинское абстрактно-холодное, умственное теченіе въ раннемъ христіанствѣ какъ бы анестезировало конкретное, горячее теченье сердца — начало іудейское, о Мессіи. Іудейское знанье о Мессіи, преобразователѣ жизни, осталось неуслышаннымъ эллинами.

Почувствовать по настоящему, понять, насколько невѣдомъ намъ Іисусъ Неизвѣстный — это главное. Осознать — значитъ сорвать съ глазъ повязку благополучія, открыть сердце навстрѣчу Ему. «Чтобы увидѣть Его надо услышать Его, какъ услышалъ Паскаль: «въ смертной мукѣ Моей я думалъ о тебѣ, капли крови Моей Я пролилъ за тебя». И какъ услышалъ Павелъ: «Онъ возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня» (Гал. 2. 20). Вотъ самое неизвѣстное въ Немъ, Неизвѣстномъ: личномъ отношеніе Іисуса Человѣка къ человѣку, личности, прежде чѣмъ мое къ Нему, Его ко мнѣ отношеніе».

«Христіанство — странно», сказалъ Паскаль. «Странно, необычайно, удивительно», говоритъ Д. С. Мережковскій. «Первый шагъ къ нему — удивленіе, и чѣмъ дальше въ него — тѣмъ удивительнѣй».

Ученье Христа, Личность Его и дѣйствія порой столь смущающе-странны для человѣческаго ума, столь несоизмѣримы съ нашимъ ограниченнымъ сознаньемъ, что съ первыхъ же дней Христовой проповѣди ученики Его порой бывали принуждены какъ бы бѣжать отъ Него подлиннаго, спасаться въ людское о Немъ и о словахъ Его представленіе.

Даже внѣшній обликъ Христа оказался для видѣвшихъ Его невыразимымъ, свидѣтельства ихъ какъ бы составлены лишь изъ отдѣльныхъ проблесковъ озаренья, средь человѣческой потребности сдѣлать Нечеловѣческое — человѣческимъ.

«Корни обоихъ преданій о красотѣ и безобразіи Лика Господня», говоритъ Д. С. Мережковскій, «уходятъ, кажется, въ очень темное, но исторически подлинное воспоминаніе. Самое особенное, на другія человѣческія лица не похожее, личное въ лицѣ Іисуса не есть ли именно то, что оно по ту сторону всѣхъ человѣческихъ мѣръ красоты и безобразія, несоизмѣримо съ нашей трехмѣрной эс-

тетикой. Если такъ, то понятно, что видѣвшіе Его уже не помнятъ, какое изъ двухъ пророчествъ исполнилось въ Немъ: «Ликъ Его обезображенъ паче всѣхъ человѣковъ» или «Ты прекраснѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ».

Изъ этой невозможности вмѣстить Его явилась воля къ «докетизму». Докетами, «каженниками» называли въ древнемъ христіанствѣ тѣхъ, кто не хотѣлъ принять Его во плоти. «Видимое тѣло Іисуса — только тѣнь, призракъ», училъ Маркіонъ въ концѣ II вѣка. «Лама сабахтани», возгласилъ Господь на крестѣ только для того, чтобы обмануть и побѣдить сатану», скажетъ Афанасій Великій, столпъ православія. «Въ пищѣ Господь не нуждался», по Клименту Александрійскому: призракъ не ѣстъ, не пьетъ. «Жажду» на крестѣ — значитъ: жажду спасти родъ человѣческій, скажетъ Лудольфъ Саксонскій, написавшій въ XV вѣкѣ одну изъ первыхъ «Жизней Іисуса». «Іисусъ — только распятый призракъ», скажутъ и нынѣшніе докеты — мифологи. Такъ, отъ Маркіона черезъ Афанасія Великаго и Златоуста до нашихъ дней все христіанство пронизано докетизмомъ.

Другой соблазнъ — иносказательно — докетизмъ — толковать и сопровождать Евангелія человѣческими поясненіями. Грубѣйшимъ нечувствіемъ пронизана богословская тенденція: успокаивать себя «знаніемъ» и «объясненіемъ» тамъ, гдѣ Евангеліе дышетъ огнемъ палящимъ.

Этимъ огнемъ нужно себя распалять, доколѣ не услышишь отвѣта, подобно Паскалю.

«Былъ ли Христосъ» — такъ ставитъ вопросъ Д. С. Мережковскій, «значитъ сейчасъ: будетъ ли христіанство?» Вотъ почему прочесть Евангеліе, какъ слѣдуетъ, такъ, чтобъ увидѣть въ Немъ не только Небеснаго, но и Земного Христа, узнать Его, наконецъ, по плоти, сейчасъ значитъ спасти христіанство — міръ.

«Церковь, врата адовы не одолѣютъ ея, сама отъ страшной болѣзни «каженія», можетъ быть, спасется; но этого мало: ей надо спасти міръ. Церковь знаетъ Христа во плоти; но Его уже не знаетъ и не хочетъ знать міръ. Вѣчный путь Церкви — отъ Іисуса Земного ко Христу Небесному; міру, чтобъ спастись, надо пойти обратнымъ путемъ, не противъ Церкви, а къ Ней же, отъ Христа къ Іисусу. Путь Церкви — ко Христу Извѣстному; путь міра — къ Іисусу Неизвѣстному», говоритъ Д. С. Мережковскій.

Ю. Терапіано.

М. Цетлинъ. — Декабристы. — Изд. «Совр. Зап». — Парижъ 1933.

Независимо отъ объективной значительности, тема какого бы то ни было литературнаго произведенія можетъ быть или темой писателя, вѣрнѣе «автора», или темой всего человѣка, внѣ его писательства: темой, или одной изъ темъ, его личности. Только во второмъ случаѣ произведеніе «настоящее», т. е. живетъ собственной жизнью, какъ бы зажигается отъ жизни — а не только созерцанія—человѣка, его создавшаго. Когда читаешь «Декабристовъ» М. Цетлина, невозможно усомниться въ томъ, что для него сюжетъ этотъ не изъ тѣхъ, которые приходятъ и проходятъ, а такой, который сопровождаетъ его всегда, который онъ глубоко понимаетъ и любитъ, — настолько цѣльно все произведеніе, настолько живы лица, выведенныя въ немъ.

Всѣ любящіе Александровскую эпоху, читая книгу М. Цетлина, словно лично знакомятся съ людьми, о которыхъ до тѣхъ поръ только знали и слышали. Плотью облекаются для нихъ призраки и умнаго Пестеля, и удивительнаго Лунина, (въ чемъ-то неуловимомъ напоминающаго, какъ личность, Гумилева), и «чуднаго» Сергѣя Муравьева:

> Je passerai sur cette Terre
> Toujours rêveur et solitaire
> Sans que personne m'eût connu...

— мечтательныхъ поэтовъ, въ большинствѣ почти дѣтей, подлинныхъ основателей «ордена россійской интеллигенціи».

Еще слѣдуетъ отмѣтить, что несмотря на собственную принадлежность къ этому ордену, М. Цетлинъ обнаруживаетъ большое историческое безпристрастіе и даръ синтеза: Николая I онъ не рисуетъ звѣремъ, даже отдаетъ должное этому въ своемъ родѣ замѣчательному человѣку, а Александра характеризуетъ — очень блистательно, — какъ перваго, въ сущности, русскаго революціонера. Вообще, какъ историкъ, М. Цетлинъ — немного въ духѣ Льва Толстого — не склоненъ преувеличивать значеніе отдѣльной личности, и сквозь описаніе фактовъ всегда чувствуется у него присутствіе какой то «третьей силы», вызывающей то, особаго рода, волненіе, которое испытываешь иногда, — когда не погруженъ въ неотложныя повседневныя дѣла, — при посѣщеніи историческихъ мѣстъ или воображая историческія событія.

Само собой разумѣется, что М. Цетлинъ широко использовалъ всѣ недавно раскрытыя, новыя данныя, имѣющія отношеніе къ декабристамъ.

Л. Кельберинъ.

Екатерина Бакунина. Тѣло. Ром. изд. «Парабола». 1933.

Книга Бакуниной — одна изъ самыхъ искреннихъ и безстрашныхъ, какія приходится читать. Это — сплошное медленное усиліе превратить «крикъ отчаянія» въ осторожныя, точныя, конкретно-правдивыя слова. Въ душевной добросовѣстности, въ отсутствіи легкихъ, иллюзорныхъ утѣшеній — современность и сила автора.

Вся книга о бѣдности — матерьяльной и духовной. Описывается эмигрантская семья — одна изъ множества — деклассированная и несчастливая. Внутреннія отношенія, уродливыя съ самаго начала, еще усугубляются нищетой. Ей ничего нельзя противопоставить, нѣтъ опоры и цѣли, чтобы съ ней бороться, и она лишь подчеркиваетъ все нелѣпое и дурное въ отношеніяхъ — столь частый, неразрѣшимый «порочный кругъ».

Внѣшній бытъ и ему соотвѣтствующій внутренній изображены съ жестокой безпощадностью — послѣднее обнаженіе, безъ единаго пропуска. Героиня, теперь забывшая свое далекое интеллигентское прошлое, торгуется на рынкѣ, стираетъ бѣлье, моетъ полы. Опустившійся мужъ, себялюбивая, скучающая дочь между собою и съ ней ничѣмъ не связаны, и каждый молча тяготится повседневностью. Они — случайные, недружные попутчики, безъ малѣйшей взаимной, да и всякой доброты. Есть какое то «равнодушіе гибели» въ романѣ Бакуниной.

Все то, что «сейчасъ», вся статическая сторона чрезвычайно автору удалась. «Вчера», «исторія», романическая послѣдовательность менѣе убѣдительны, порою даже необоснованы. И сразу не тѣ — простыя и полновѣсныя — слова, ка-

кія отыскивались для сегодняшняго дня, сразу цвѣтистые спорные образы, какъ будто найденные другимъ человѣкомъ.

Еще сравнительно лучше передана многолѣтняя связь героини съ доктором. Вѣрная и мѣткая формула — «отдаваться за (чью-то) душевность». Но слишкомъ все убыстряется, въ результатѣ явная скомканность и диспропорція между настоящимъ и прошедшимъ. Эпизодъ съ англичаниномъ, предѣльно откровенный, мнѣ кажется, совсѣмъ неудавшимся, хотя меньше всего въ немъ цинизма и порнографіи. Объ этомъ говорить не приходится — черезчуръ безнадежный и грустный фонъ. Просто читатель, по моему, не задѣвается и недостаточно вѣритъ. Видимо не прочувствована задѣтость самой героини — и оттого не нашлось болѣе нужныхъ и неотразимо увлекательныхъ словъ.

Всегда справедливѣе писателя судить по безспорнымъ достоинствамъ, у него обнаруженнымъ. Видишь будущія возможности и то, что уже достигнуто, за что нельзя не выразить признательности достигшему. Бакунина сумѣла, какъ немногіе другіе, показать людей душевно-опустошенныхъ, недоумѣвающихъ о неприглядной своей жизни, и страшный бытъ ея героевъ не только узко-эмигрантскій, но и въ какомъ-то смыслѣ типическій.

Юрій Фельзенъ.

Валентинъ Катаевъ. «Время, впередъ!». Рисунки В. Роскина. «Федерація». Москва. 1932.

Въ новой книгѣ, «Время, впередъ!» у Катаева жанръ «производственнаго романа» (самъ Катаевъ называлъ свое произведеніе во время печатанія его въ московскихъ журналахъ — хроникой, — въ отдѣльномъ изданіи подзаголовка у книги нѣтъ).

Описывается двадцать четыре часа изъ жизни Магнитостроя лѣтомъ 1931 года, въ упоительнѣйшій годъ «пятилѣтки», — идетъ «соціалистическое соревнованіе», по выработкѣ бетона, Магнитострой стремится обогнать Харьковъ, «всыпать» Кузнецку...

«Время сжато. Оно летитъ. Оно стѣсняетъ. Изъ него надо вырваться, выпрыгнуть. Его надо опередить».

Катаевъ отлично передаетъ эту лихорадку соревнованія, этотъ азартъ рабочихъ дружинъ, эту почти спортивную горячку состязующихся; имъ прекрасно использованы для передачи воздуха строительства, одержимаго рекордами, десятки разнообразныхъ удачныхъ деталей. Но авторъ — въ то же время — помнитъ, что онъ изображаетъ «соціалистическое строительство», т. е. одинъ изъ «фронтовъ»: поэтому, все дѣло строительства — это борьба, рядъ сраженій, пораженій и побѣдъ; матеріалъ романа военизированъ, — духъ своеобразнаго милитаризма разлитъ въ немъ («на бой кровавый», — хотя бы вокругъ только машины и техническое сырье). Какъ и полагается, въ романѣ дѣйствуютъ не только ударники, но есть и «уклонисты», и «саботажники», и «летуны», и «скрытые вредители», всѣ, кто считаются «классовыми врагами».

И, наконецъ, книга дочитана. Читателю сообщается, что мы «никогда больше не будемъ Азіей» и — въ послѣдней строчкѣ романа — что Челябинскъ обогналъ — побѣдившій было — Магнитогорскъ: завтра, очевидно, начнется все сначала, и, можетъ быть, кто-либо напишетъ объ этомъ уже не 430, 860 стра-

ницъ. Тогда читатель, самъ съ увлеченіемъ слѣдившій за ходомъ постановки рекорда, итожитъ впечатлѣнія: да, отражена «пятилѣтка»; да, хорошо показано «соціалистическое соревнованіе» (впрочемъ, вѣрнѣе, просто соревнованіе строителей, «хозяевъ», какъ всѣ другъ друга въ романѣ называютъ); да, побѣда (въ романѣ) за энтузіастами, — но все-же элементовъ «французской борьбы» здѣсь больше, нежели органическаго художественнаго демонстрированія, все-же лирика окисляется, при прибавкѣ сколькихъ-то капель ядовитой идеологіи, все-же описывать Магнитострой не значитъ еще создать «Магнитострой литературы», требуемый отъ совѣтскихъ писателей.

Катаеву многаго удалось достигнуть: распредѣленія матеріала, вооруженія темы, сочувствія читателей. Въ результатѣ же поставленъ рекордъ писательской ловкости, но «ползучій эмпиризмъ», котораго такъ боится одинъ изъ героевъ книги, носящій, можетъ быть, даже автобіографическія черты, не преодолѣнъ: свидѣтельства о «перестройкѣ» людей, о «строительствѣ соціалистическаго человѣка» не получилось. Нельзя сомнѣваться въ искренности самого Катаева (онъ неоднократно вслухъ вздыхалъ о «веселомъ времени» военнаго коммунизма), съ которой онъ описываетъ Магнитострой; нельзя сомнѣваться и въ его писательской правдивости, съ которой онъ передалъ читателю свои наблюденія. Но въ книгѣ нѣтъ той сосредоточенности, встревоженности, обращенности къ человѣку, которыя однѣ превращаютъ правдивость въ правду и утверждаютъ «великія произведенія».

Ник. Андреевъ.

Л. Леоновъ.
Скутаревскій. Романъ.

Послѣдній романъ Леонова «Скутаревскій» скорѣе разочаруетъ тѣхъ его читателей, которые послѣ «Барсуковъ» и въ особенности послѣ «Вора», привыкли ждать отъ Леонова значительныхъ произведеній. Напрасно — въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ Леоновъ пишетъ и хочетъ продолжать писать, этому одареннѣйшему писателю ничего дѣйствительно крупнаго сдѣлать не удастся. Ни его талантъ, ни даже вотъ это тяготѣніе къ трагедійнымъ темамъ (какъ сказалъ Санниковъ), тяготѣніе, опредѣляющее глубину таланта, не спасутъ Леонова.

Надъ Леоновымъ виситъ все тотъ же «соціальный заказъ», хотя Россія могла бы дать своимъ лучшимъ голосамъ иные заказы.

Вѣдь умѣла же она ихъ находить и не для такихъ писателей, какъ Леоновъ.

Но вернемся къ Скутаревскому.

Да, романъ этотъ читается съ интересомъ, а порой и съ глубокимъ волненіемъ.

Самый языкъ, присущій только Леонову, насъ неизмѣнно трогаетъ. Проходитъ нѣкоторое время, и персонажи романа расплываются, гаснутъ и уходятъ изъ памяти. Мы не забудемъ ни Митю, ни Маньку-Вьюгу, ни Матокова, даже Гикелевъ не уходитъ изъ памяти, мы не забудемъ Степана, Павла и Настю, героевъ перваго романа Леонова.

Ну, а отъ «Соти» или отъ «Скутаревскаго», что останется — тюрьма.

И герои Леонова не живутъ, потому что и онъ и они заключены въ тюрьмы, кромѣ одной подлинной героини романа, Лисы.

Ибо не успѣла еще совѣтская власть

(подобно сказочному царю изъ «Барсуковъ»), пересчитавъ всѣ звѣзды на небѣ и листья на деревьяхъ, и за лисъ приняться, организовавъ ихъ въ какое нибудь С.С.С.Л.Р. и ужъ конечно учредить лисичье Г.П.У.

Къ счастью, на этомъ фронтѣ прорывъ окончательный, т. к. Лисы, будучи убѣжденнѣйшими матерьялистками, пропагандѣ діалектическаго матеріализма не поддаются.

Не поддастся, думаемъ мы, и Леоновъ, и сумѣетъ проскочить (будемъ надѣяться) за красноязычный кордонъ (духовный, хотя бы)!

Намъ хотѣлось бы сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ персонажахъ романа, которыхъ Леоновъ пытался сдѣлать героями. Не будемъ касаться прекрасныхъ изваяній, какими являются Черимовъ младшій и прочіе (скульптура вещь хрупкая), обратимся къ дядѣ его, ибо и онъ становится героемъ, даже до того, что Г. П. У. услуги оказываетъ. Что же говоритъ этотъ герой одному изъ своихъ сослуживцевъ, что предпочитаетъ — двѣ умныхъ головы дурацкому тысячеголовью.

Заканчивая рецензію, мы должны будемъ сказать, что, охотно прощая Леонову его отвращеніе къ «осколкамъ разбитаго класса», мы не можемъ простить именно ему (съ иныхъ нечего и спрашивать) опредѣленія дореволюціонной Россіи, какъ грязной лужи съ поломаннымъ колесомъ посерединѣ, утвержденію, вложенному въ уста С. Скутаревскаго.

Такими вещами шутить все таки не полагается.

В. Дряхловъ.

Т. Таманинъ. «Отечество». Ymca-Press, Парижъ. 1933.

Мнѣ кажется, книга Т. Таманина должна заинтересовать многихъ. Авторъ — «Отечество», если не ошибаюсь, первое его произведеніе, — дебютировалъ не совсѣмъ обычно. Начинающему писателю свойственно ставить себѣ задачу преимущественно формальную. Т. Таманинъ потребовалъ отъ себя большаго: не эпизодически коснуться «страшныхъ лѣтъ Россіи», какъ дѣлаютъ многіе его литературные сверстники, но постараться проникнуть къ одному изъ «соединительныхъ швовъ міра» (по выраженію Розанова), т. е., къ главному, коренному вопросу о крушеніи и спасеніи души человѣческой. Въ этомъ смыслѣ, заглавіе «Отечество» связываетъ нась не только съ тѣмъ, что выразилось на землѣ, но и съ тѣмъ, что было дано въ подлинномъ отечествѣ личности, т. е., въ Евангеліи и въ борьбѣ съ Евангеліемъ. Авторъ, какъ видимъ, поставилъ себѣ отвѣтственную и трудную задачу. Онъ не побоялся «идеи», и, конечно, оказался въ отвѣтственномъ сосѣдствѣ съ вліяніемъ Достоевскаго. Вотъ здѣсь разныя могутъ быть точки зрѣнія: одна — что писать надо всегда «хорошо», чѣмъ больше блеска, внѣшней удачи, тѣмъ примѣчательнѣй. Другіе, быть можетъ, слишкомъ увлечены идеями: были бы онѣ, остальное не важно. Меня не столь интересуетъ судить въ ту или иную сторону. Самое интересное — внутренній удѣльный вѣсъ, то, къ чему устремляется тотъ или иной впервые выступающій писатель. У Т. Таманина прежде всего слѣдуетъ это отмѣтить. Въ книгѣ, наряду съ неизбѣжными для первой вещи недочетами, срывами и нѣкоторыми

длиннотами (результатъ неопытности) есть много удачныхъ страницъ, къ тому же не лишенныхъ своеобразія. Серіозный и глубокій подходъ Т. Таманина къ задачѣ писателя позволяетъ съ интересомъ ждать дальнѣйшихъ его произведеній.

Ю. Терапіано.

Marc Chagall. Ma vie. Stock.

Книга Шагала замѣчательна въ трояком смыслѣ. Во первыхъ онъ даетъ незабываемо яркій національный образъ, во-вторыхъ — образъ человѣка творческаго склада и въ третьихъ — ключъ къ постиженію творческаго процесса.

Какъ всякая большая книга — книга Шагала символична. Шагалъ писалъ о себѣ, а вышло, что онъ написалъ о трагической выносливости своего народа, о практической безпомощности человѣка, обреченнаго искусству, и о той неодолимой силѣ, которая заставляетъ такого человѣка, наперекоръ всему, идти своимъ путемъ.

«Пожалуйста, безъ снисхожденія, а тѣмъ болѣе жалости», пишетъ Шагалъ по поводу своего отца, селедочника, раздавленнаго грузовикомъ. «Никакое слово не сможетъ облегчить его судьбы».

Возвращаясь съ работы, отецъ Шагала вынималъ изъ кармановъ мерзлыя яблоки и пряники, пропахшіе селедочнымъ разсоломъ, и давалъ ихъ дѣтямъ. Изъ своего нищенскаго заработка онъ выдѣлялъ иногда деньги на ученье сына, но швырялъ ихъ на полъ и сынъ подбиралъ ихъ ползкомъ. «Я не сержусь на тебя, отецъ», пишетъ Шагалъ, «такова была твоя манера давать».

И вотъ, разсказываетъ Шагалъ, наступило время, когда надо было начать походить на взрослыхъ, стать такимъ, какъ они, и когда оказалось, что онъ ни на кого походить не въ состояніи, сначала въ обыденной жизни, а потомъ и въ искусствѣ.

Но потребовалась долгая школа неудачъ для того, чтобы онъ далъ себѣ право внутренне остаться самимъ собою и чтобы завоевать это право во внѣ. Шагалъ проваливается на экзаменахъ, не имѣетъ успѣха на выставкахъ, никѣмъ не признанъ, не понятъ, покидаетъ школы и только, отчаявшись въ томъ, что онъ можетъ научиться кому нибудь подражать, даетъ волю своему я.

«Самое главное — искусство, живопись», думаетъ онъ, «но живопись, отличающаяся отъ какой бы то ни было существующей въ мірѣ. Но какая? Богъ — или кто, — не знаю, — дастъ ли мнѣ силу вдунуть въ мои полотна мое дыханіе, дыханіе мольбы и печали и скорби, мольбы о спасеніи и возрожденіи!»

«Искусство есть особое состояніе души», говоритъ онъ впослѣдствіи, когда мольба его оказалась услышанной и полотна его съ фантастической реальностью возстановили куски ушедшаго времени.

Интересно въ книгѣ описаніе внутренняго состоянія художника, его горѣнія, самозабвенія и забвенья всего окружающаго. Въ Россіи революція, власть Ленина и Троцкаго — Шагалъ ни о чемъ не слышитъ: онъ цѣлыми днями смотритъ на облака и мельничныя крылья. Позднѣе, голодный, голый (буквально — Шагалъ не любитъ одежды, когда работаетъ), запершись у себя, онъ мѣсяцами лихорадочно пишетъ безчисленные эскизы, похожіе на моментальные снимки сновидѣній. Искусство подлин-

ная его жизнь, и потому внѣшнія препятствія для него только вѣхи, не позволяющія ему заблудиться на творческомъ пути. Бываетъ и невыносимо тяжело. Тогда Шагалу хочется припасть къ землѣ. «У насъ мертваго кладутъ на земь. Близкіе, тоже сидя на землѣ, рыдаютъ у его изголовья».

«И я люблю, припавъ къ землѣ, шептать ей свои печали и молитвы».

Какъ истинный художникъ, Шагалъ видитъ и заставляетъ видѣть другихъ то, о чемъ пишетъ, также, какъ онъ передаетъ красками то, что видитъ сквозь себя. И о своей книгѣ онъ говоритъ: «Эти страницы имѣютъ тотъ же смыслъ, какъ полотна въ краскахъ».

Но современный человѣкъ не замѣчаетъ большую часть того, что попадаетъ въ поле его зрѣнія. Не все слышитъ. Его ощущенія притуплены. Слишкомъ много звуковъ и цвѣтовъ, и необходимо быть отчасти слѣпымъ и глухимъ изъ самозащиты.

Такъ и съ книгами. Большинство ускользаетъ отъ вниманія. Но есть такія, которыя его приковываютъ, которыя ощущаешь и которыми живешь. Такова книга Шагала. Она лишній разъ убѣждаетъ въ томъ, что правда побѣждаетъ выдумку. Нѣтъ ничего занимательнѣй жизни.

Ек. Бакунина.

Marc Vichniak, Lénine (Coll. «Ames et Visages»), Librairie Armand Colin, 1932, 266 p.

Это біографія, основанная, повидимому, на достаточно полномъ изученіи источниковъ. Говорю: повидимому, т. к. въ книгѣ только — по «модному» — совершенно устранены примѣчанія, нѣтъ и никакого списка источниковъ; это серьезный недостатокъ книги, содержащей довольно много фактическаго матеріала и написанной, въ общемъ, живо и интересно.

Авторъ, по его словамъ, далекъ — какъ отъ желанія морально «уничтожить» своего героя, вродѣ того, какъ Тэнъ поступилъ съ Робеспьеромъ, — такъ и отъ «толстовскаго» желанія свести его дѣятельность къ стихійнымъ процесамъ исторіи. Авторъ «скорѣе приближается къ психологическому методу Бальзака». Однако настоящей «психологической біографіи» не получилось. Загадка психологіи Ленина, — соединеніе крайней доктринерской прямолинейности съ крайнимъ оппортунизмомъ, приводившимъ въ концѣ концовъ къ чему то вродѣ издѣвательства надъ той же самой доктриной, — эта загадка правильно указана, но мотивы этого противорѣчія, въ которомъ заключается не только проблема личности Ленина, но и проблема его вліянія на массы и проблема его успѣха — остаются все-таки нераскрытыми. Авторъ правильно подчеркиваетъ роль идеи «профессіональныхъ революціонеровъ» въ развитіи политическихъ взглядовъ Ленина: эта его издавна излюбленная «организаціонная» концепція несомнѣнно облегчила ему разрывъ съ демократіей и истолкованіе диктатуры пролетаріата, какъ партійной диктатуры. Вѣрно также указана связь этой идеи съ властолюбіемъ Ленина. При всемъ томъ, изумительная «приспособляемость» Ленина, — не только въ области политической морали, но и основныхъ политическихъ принциповъ, — остается психологической тайной. Въ этой же связи необходимо отмѣтить слишкомъ поверхностное изложеніе вопроса объ отношеніяхъ между Лени -

нымъ и германскимъ правительствомъ въ 1917 г. и о его переходѣ отъ «революціоннаго мира» къ капитуляціи передъ германскимъ имперіализмомъ. Достаточно отмѣтить фактъ хронологическаго совпаденія ленинскихъ «тезисовъ о мирѣ», требовавшихъ этой капитуляціи, какъ разъ съ моментомъ, когда могла явиться надежда на революцію въ Германіи, — съ берлинской забастовкой, (фактъ, скрытый въ изданіи сочиненій Ленина, путемъ очевидно намѣренной игры съ датами по старому и новому стилю), — достаточно вспомнить о призывѣ во время пораженія Германіи создать «трехмилліонную армію», чтобы идти на помощь «германскому народу» противъ «имперіализма» Антанты (до перехода власти къ либерально-демократическому правительству принца Макса Баденскаго, и паденія Людендорфа, послѣ котораго Ленинъ перешелъ къ революціонной политикѣ въ Германіи), — чтобы понять, что тутъ отнюдь не все можно объяснить однимъ «совпаденіемъ интересовъ» въ извѣстные моменты между Ленинымъ и германскимъ командованіемъ.

А. Кулишеръ.

L. F. Céline. Voyage au bout de la nuit. Denoël et Steele. Paris. 1932.

Если царство небесное внутри насъ, то, навѣрно, и преисподняя не что иное, какъ опредѣленное состояніе нашего сознанія. Если рай совершенная любовь, изгоняющая всякій страхъ, то адъ, навѣрно, совершенный страхъ, изгоняющій всякую любовь. И если человѣкъ, пребывающій въ аду, вздумалъ бы написать книгу, мы бы изъ нея узнали о томъ, что никакой вообще любви въ мірѣ нѣтъ; что надъ людьми безраздѣльно властвуютъ трусость, низость и похоть; что человѣкъ для человѣка только фигура, внѣшнее явленіе, и потому поступки его, — всѣ, не сопровожденные доброжелательствомъ и не воспринимаемые съ симпатіей, — безсмысленны, противны или смѣшны, какъ тѣлодвиженія танцующихъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ, когда съ улицы, изъ-за толстыхъ стеколъ оконъ, не слышна вызывающая и объясняющая ихъ музыка.

Такою книгою, такимъ свидѣтельствомъ объ адѣ, и является «Путешествіе вглубь ночи» Селина.

Это книга замѣчательная. Кажется, ничего равноцѣннаго не появлялось во французской литературѣ со времени Пруста. Не знаешь, о чемъ говорить, о талантѣ-ли, о глубинѣ, честности, — такъ почему же такое расхожденіе во мнѣніяхъ? Откуда это раздѣленіе читающихъ на превозносящихъ и ненавидящихъ? И не въ отвѣтѣ-ли на этотъ вопросъ ключъ къ правильному пониманію Селина?

Бардамю, очень молодой человѣкъ, при объявленіи войны поступаетъ въ армію добровольцемъ и попадаетъ на фронтъ. Здѣсь онъ испытываетъ не только животный страхъ за свою жизнь, но и ужасъ, чисто человѣческій, оттого, что «такое» вообще возможно! Его окружаютъ милліоны обезумѣвшихъ убійцъ, и онъ, Бардамю, не виноватъ въ томъ, что со всей своей трусостью и низостью (онъ готовъ дезертировать), не можетъ не видѣть своего превосходства надъ ними, съ ихъ «sale bravoure», — виновато его «усиленное сознаніе». Съ этого все и начинается. Не смердяковщина, а глубокая — слишкомъ глубокая для простого, дневного пониманія,

— любовь къ жизни заставляетъ его съ отвращеніемъ отвергнуть всѣ, такъ называемыя, высшія цѣнности, во имя которыхъ люди жизнь уничтожаютъ. Война кончается, Бардамю странствуетъ по свѣту, возвращается во Францію, становится врачемъ, — объ убійствѣ его «друга» Робинсона въ концѣ книги я ничего сказать не могу: надо прочесть, — но вездѣ и всегда онъ продолжаетъ видѣть міръ глазами человѣка, «вверженнаго во тьму внѣшнюю».

Вотъ за это многіе Селина и осуждаютъ. Они говорятъ, что міръ не такой, что есть въ мірѣ наука, благотворительность, искусство и другія «цѣнности», что не все тьма и смрадъ, что книга эта — ложь. Но въ дѣйствительности Селинъ ничего о мірѣ, какъ таковомъ, не утверждаетъ, онъ говоритъ лишь о томъ, какъ представляется міръ его герою, и не его вина, если герой его въ аду и смотритъ на міръ изъ ада. Неправильно приписывать Селину обобщенія, которыхъ онъ не дѣлаетъ и которыя всегда и во всемъ — не только въ данномъ случаѣ — ошибочны. Еще упрекаютъ Селина въ томъ, что онъ заводитъ человѣка въ тупикъ и покидаетъ его: ну, хорошо, зависть, ненависть, убійство, — а что же дальше? Какой выходъ? — Но если для героя, для Бардамю, выхода и нѣтъ, — а если бы, вопреки основному замыслу романа, былъ, получилась бы нестерпимая художественная фальшь, — то для человѣка вообще выходъ есть, и, конечно, книга Селина есть прежде всего книга о любви, о томъ, какъ страшно жить человѣку безъ любви. Нѣсколько строчекъ, посвященныхъ памяти, когда-то любившей Бардамю, проститутки Молли, лучшее тому свидѣтельство.

Лазарь Кельберинъ.

François Mauriac. Le Noeud de Vipéres (roman). Grasset, 1932. Commencements d'une vie. Grasset, 1932. Le Mystère-Frontenac. Grasset, 1933.

Франсуа Моріакъ выпустилъ за послѣдніе годы три новыхъ книги: два романа и опытъ художественной автобіографіи. Явленіе не совсѣмъ обычное даже для французскихъ романистовъ, при всей ихъ плодовитости; явленіе, вызывающее даже опасенія — не пошло ли количество во вредъ качеству. Но Моріакъ, повидимому, принадлежитъ къ семьѣ тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ (и не только въ смыслѣ внѣшняго мастерства), которыми въ правѣ гордиться французская литература (Бальзакъ, Золя, Франсъ). Всѣ три отчетныхъ книги объединены общностью темы и свидѣтельствуютъ о большой духовной работѣ, продѣланной Моріакомъ, и о значительномъ и новомъ ростѣ этого замѣчательнаго писателя. Книги эти какъ бы образуютъ одно цѣлое и являются завершеніемъ извѣстнаго періода творчества ихъ автора. Этотъ періодъ, начавшійся года три тому назадъ романомъ «То, что было потеряно» (Ce qui était perdu) характеризуется подлинной внутренней зрѣлостью и нѣкимъ очищеніемъ героевъ Моріака. Конечно, и въ болѣе раннихъ его книгахъ звучала та же тема, и страсти его героевъ были попытками того же освобожденія отъ власти вещнаго міра (того, что самъ Моріакъ назвалъ въ «Началѣ одной жизни» — échappement). Но все же именно страсти волновали дѣйствующихъ лицъ прежнихъ его романовъ, руководили до конца ихъ поступками, и только смутно проступалъ под-

линный религіозный смыслъ ихъ исканій.

Новый этапъ развитія Моріака сопровождается т. обр. передвиженіемъ центра тяжести. То, что было потеряно, но что оставило навсегда свой слѣдъ въ душѣ человѣка, является теперь единственнымъ и большей частью явнымъ двигателемъ его героевъ. Особенно останавливаетъ вниманіе начало автобіографіи Моріака, охватывающее его дѣтскіе и юношескіе годы. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мучается онъ противорѣчіями окружающей его жизни и находитъ разрѣшеніе своихъ сомнѣній только въ молитвенномъ экстазѣ. Но и отроческія его волненья и страсти свѣтятся все тѣмъ же свѣтомъ — и только невозможность вырваться изъ житейской суеты и несправедливости (особенно подчеркнутыхъ провинціальнымъ бытомъ его родного города Бордо) заставляетъ его самого искать утерянный смыслъ въ погруженіи въ самую глубь грѣшной и злобной жизни. Автобіографичность здѣсь отходитъ на второй планъ (впрочемъ, самъ авторъ оборвалъ свое жизнеописаніе, чувствуя, что онъ его «романтизируетъ»), но передъ нами яснѣе возникаетъ образъ его героя, постоянно того же. Въ «Змѣиномъ Гнѣздѣ» мы видимъ его снова, но уже на днѣ паденія, не любящаго никого, интересующагося лишь своимъ спокойствіемъ и несчастьями другихъ и въ свою очередь ненавидимаго всѣми, даже собственными дѣтьми. Но въ его душѣ полной ненависти, злобы и мелочности все то же страстное желаніе иной, болѣе совершенной любви, чѣмъ та, которую онъ могъ бы получить отъ окружающихъ. Все чаще и чаще обращается онъ къ религіи — и предсмертный его дневникъ уже показываетъ его очистившимся, преображеннымъ. «Онъ сошелъ съ ума» — рѣшаютъ его дѣти и на этомъ основаніи оспариваютъ его завѣщаніе. Въ «Тайнѣ Фронтенаковъ» сомнѣнія и очищеніе сыновей Фронтенаковъ происходятъ въ болѣе спокойной формѣ. Семья здѣсь не является препятствіемъ; наоборотъ, тайна кровнаго родства, дающая знать о себѣ въ критическія минуты жизни, объясняетъ каждому изъ нихъ по своему смыслъ земного существованія, и приводитъ къ религіи даже отошедшаго отъ нея вполнѣ, литератора Ива.

Религіозность Моріака, конечно, тѣсно связана съ католическимъ воспріятіемъ міра и самой религіи. Но она лишена какихъ бы то ни было догматизма и тенденціозности. Глубокое личное переживаніе дѣлаетъ чуть ли не каждую главу трехъ его книгъ по новому убѣдительной и проникновенной. По новому затрагиваетъ насъ и форма, приданная имъ его книгамъ. Даже романы его не вполнѣ соотвѣтствуютъ объективно повѣствовательному жанру. Повсюду у Моріака прорывается моментъ исповѣди; значительная часть «Змѣинаго гнѣзда», нѣкоторыя главы «Тайны Фронтенаковъ» и особенно «Начало одной жизни», въ концѣ концовъ и представляютъ собой такую исповѣдь.

Юрій Мандельштамъ.

Jacques Chardonne. L'amour du prochain. Chez Grasset. 1933.

Шардоннъ за послѣдніе годы выдвинулся болѣе, чѣмъ кто-либо другой, изъ числа французскихъ романистовъ, за исключеніемъ Моріака и недавно прославившагося Селина. Автору «Эпи-

таламы» и «Клэръ» свойственна особая, мѣткая и формулообразная манера письма, что дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ посовѣтовалъ ему написать книгу афоризмовъ. Шардоннъ послушался и выступилъ въ роли «моралиста», какъ это понималось въ XVII столѣтіи.

Къ сожалѣнію, его попытка оказалась сравнительно неудачной — при тѣхъ требованіяхъ, какія именно ему предъявляешь. Повидимому онъ все же въ основѣ своей романистъ, и прекрасныя его формулы были только выводами изъ чисто беллетристическихъ ситуацій. Быть можетъ, онъ и нѣсколько исчерпался въ своихъ книгахъ, и та сплошная насыщенность, какую ожидаешь найти въ сборникѣ афоризмовъ, теперь уже для него недостижима. Едва ли онъ и политическій мыслитель, а о политикѣ говорится слишкомъ много.

Все же встрѣчаются у него отдѣльныя острыя замѣчанія, напоминающія Шардонна-романиста. Среди нихъ — мысль о «брачной любви» (passion conjugale), свойственной только женщинамъ. Есть типъ женщины, которая будучи къ мужу по существу равнодушна, страстно цѣпляется за него и съ нимъ не могла бы разстаться. Другое, на мой взглядъ, правильное и тонкое наблюденіе — что «немного людей достаточно сильныхъ для того, чтобы быть добрыми».

Даже и въ области политики у него бываютъ удачныя формулы. Одна изъ нихъ, какъ бы итогъ множества споровъ — о «легкости любви къ человѣчеству» (l'amour de l'humanité est facile). Интересно мнѣніе, что нѣмецкіе промышленники, инстинктивно-слѣпо, но словно предугадывая событія, сами произвели «пятилѣтку», въ видѣ грандіознаго плановаго «грюндерства», готовя почву для праваго или же лѣваго большевизма. Все это было написано до Хитлера.

Обидно только, что истинную «любовь къ ближнему» Шардоннъ увидалъ въ дѣятельности Сталина, признавая его жестокость и ошибки. Такія сужденія не слѣдовало бы высказывать писателю вдумчивому, проницательному и человѣчному.

Ю. Ф.

М. Слонимъ. Портреты совѣтскихъ писателей. Парабола. Парижъ. 1933.

Книга весьма добросовѣстная и въ высшей степени... удобная. Хочется сказать: «сидя у себя дома», въ теченіе какого-нибудь часа знакомишься со всей галлереей совѣтскихъ авторовъ, такъ что и «знанія пріобрѣлъ» и «ѣхать никуда не надо».

Впрочемъ, «портреты» для книги М. Слонима названіе не совсѣмъ удачное. Образы поэтовъ и писателей не оживаютъ, представленія о каждомъ изъ нихъ, какъ о личности, у читателя не складывается. Эти очерки по замыслу скорѣе психологическіе этюды, но въ такомъ случаѣ ихъ авторъ слишкомъ схематиченъ; въ его передачѣ почти отсутствуютъ тѣ нюансы, изъ которыхъ составляется душевный обликъ отдѣльнаго неповторимаго человѣка, и сохранены лишь черты, такъ сказать, униперсальныя, а что изобразишь съ помощью универсальныхъ чертъ, когда дѣло касается, напримѣръ, Пастернака?

Но не будемъ придирчивы. Книга въ общемъ полезная, интересная, и читается съ удовольствіемъ.

Л. К.

В. Корсакъ. «Подъ новыми звѣздами». Парижъ, 1933.

Это уже седьмая книга В. Корсака, все о томъ же — объ Исходѣ, о великой и гражданской войнѣ. Авторъ сумѣлъ найти скромную и пріятную манеру повѣствованья, книги его читаются съ интересомъ, и, вѣроятно, будутъ читаться много лѣтъ спустя, въ Россіи.

Не ставя себѣ никакихъ аналитическихъ заданій, В. Корсакъ рисуетъ намъ жизнь — въ новой книгѣ — русскихъ раненыхъ, эвакуированныхъ англичанами въ Египетъ и, сама по себѣ, его тема связывается съ трагедіей Россіи — всеобщей и личной. Многіе, конечно, читая «Подъ Новыми Звѣздами», вспомнятъ все, что случилось съ ними тринадцать лѣтъ назадъ.

Ю. Т.

«Неводъ». 3-ій Сборникъ Берлинскихъ Поэтовъ. «Слово». Берлинъ 1933.

Печатая свои стихи подъ одной обложкой (даже дѣлая это только по причинамъ внѣшнимъ), берлинскіе поэты какъ-бы разрѣшаютъ отнести нѣкоторыя общія соображенія ко всѣмъ и къ каждому изъ нихъ. Впечатлѣніе отъ сборника болѣе опредѣленно-безрадостное, чѣмъ отъ двухъ предыдущихъ («Новоселье», «Роща»). Какая то твердость, тяжесть — отсутствіе «прозрачности» — все это при наличіи даже нѣкотораго мастерства (Піотровскій, Джанумовъ).

Всѣ стихи въ сборникѣ написаны какъ-бы до «передышки», — которая наступаетъ въ жизни каждаго поэта (въ извѣстномъ смыслѣ даже въ жизни дружественной группы поэтовъ) именно въ тотъ моментъ, когда съ одной стороны преодолѣны трудности, съ другой утеряна наивность, найдена какая-то псевдо-личная форма — вѣрнѣе, пріемъ. Въ «Неводѣ» никто еще не «остановился», — и по совѣсти говоря, только двумъ-тремъ изъ поэтовъ хочется пожелать этого — остальные очевидно всегда будутъ длинно и тягостно пересказывать свое и чужое, вызывая у недоумѣвающаго читателя вопросъ: «Какъ имъ не лѣнь? столько словъ, фразъ, строкъ»?..

Николай Бѣлоцвѣтовъ — несомнѣнно самый поэтически-одаренный — ему особенно нуженъ переломъ въ его поэтической судьбѣ. Его стихи въ «Неводѣ», не то что разочаровываютъ — они какъ-бы разоблачаютъ его самого. Пріемъ — у него уже почти очевидно пріемъ, и все таки надо сознаться, что нѣкоторыя строчки въ его стихахъ напѣвно запоминаются:

«Оно чудеснѣйшее изъ именъ.
Какъ мальчикъ бѣленькій, какъ приближенье
Къ затихшей спаленкѣ»...

Все таки за словомъ «шармъ» кроется довольно сложное понятіе. Очень безхитростны и свѣжи стихи Софіи Прегель. У нея часто тема дѣтства, грусть по чему то наивному, непосредственному и очень хорошему. Читателю передается эта чистая грусть. Воздухъ этихъ стиховъ поистинѣ «съ дѣтства памятно - живой». Запоминаются отдѣльныя строки у Георгія Раевскаго, случайнаго участника этихъ сборниковъ.

На мгновеніе останавливаетъ вниманіе стихотвореніе Викторіи Эрденъ:

«Если грянетъ вновь война,
Выйдемъ дѣвочки изъ разныхъ странъ».

Слышится въ этомъ какая-то, глубинно-женская нота — та, что внѣ обычной лирики.

Л. Чер.

«Скитъ». Прага. 1933.

На всемъ сборникѣ — какъ бы тѣнь поэзіи — Маяковскаго-Пастернака-Цвѣтаевой. Языкъ рѣзко отличается отъ созерцательной поэзіи эмиграціи. И матерія нѣсколько иная — болѣе упругая. Но — общее впечатлѣніе — во имя чего разрывать словесную ткань, какъ дѣлаетъ В. Лебедевъ, напримѣръ? Сказать, собственно, ни ему, ни другимъ участникамъ сборника почти нечего. Хочется все-же отмѣтить Владиміра Мансвѣтова.

Душа незамѣтно терялась; взамѣнъ ей
Стихи изо рта выходили, какъ паръ.

Если это и грубо, то все-же какая то душа, какъ будто присутствуетъ и здѣсь. Есть «что» терять, чего нельзя сказать о другихъ.

Все-же есть что-то «отъ земли» — въ лучшемъ смыслѣ этого слова — почти у всѣхъ пражскихъ поэтовъ чувствуется атмосфера близости къ первоисточникамъ.

А. Р.

«Новъ».
Сборникъ произведеній молодежи.
Ревель. Эстонія. 1933 г.

Выпущенные ко дню русской культуры сборники «Новь» заполнены, главнымъ образомъ, стихами и прозой, обращенными къ Россіи. Читая эти сборники, думаешь о разбросанной по разнымъ угламъ пишущей русской молодежи. Въ прозѣ и особенно въ стихахъ преобладаетъ ощущеніе почти русской природы (васильки, проселочныя дороги, сѣнокосы), что невольно трогаетъ. Выдѣлять какія либо отдѣльныя имена было бы преждевременно, но почти всѣмъ участникамъ хотѣлось бы повторить слова Н. Гумилева о томъ, что стихи нужны поэту, т. к. они — обратная сторона молитвы, и что надо учиться писать стихи, которые лѣчатъ душу. Это же можно отнести и къ прозѣ и къ статьямъ молодыхъ авторовъ о литературѣ.

А. В.

Антологія новой югославянской лирики.
Изданіе союза русскихъ писателей и журналистовъ въ Югославіи.
Бѣлградъ, 1933.
Переводъ И. Голенищева-Кутузова, А. Дуракова и Е. Тауберъ.

Вышедшая недавно въ Бѣлградѣ антологія новой югославянской лирики должна была бы отличаться отъ другихъ подобныхъ попытокъ. Дѣйствительно, составлена она не профессіональными переводчиками, а лицами, оригинальные стихи которыхъ не разъ появлялись въ печати, между тѣмъ получился у нихъ всего лишь рядъ добросовѣстныхъ, но чисто ремесленныхъ работъ.

Мало того, съ технической стороны переводы далеко не всегда безукоризненны (впрочемъ, не зная подлинниковъ, сужу о вошедшихъ въ сборникъ стихахъ, какъ о самостоятельныхъ про-

изведеніяхъ). Наиболѣе удачны, пожалуй, переводы И. Голенищева-Кутузова изъ Назора и А. Дуракова изъ Жупанчича (хотя въ одномъ изъ послѣднихъ непріятно поражаетъ форма «Отче Нашъ», употребленная въ именительномъ падежѣ).

Но главной цѣли — ознакомить русскихъ читателей съ новой югославянской лирикой — переводчики все же достигли. Молодая поэзія Югославіи представлена ими полно и разнообразно. Поражаетъ все же нѣкоторая общая незрѣлость, свойственная всѣмъ переведеннымъ авторамъ. Ни мистицизмъ Бойновича, ни патріотизмъ Дучича, ни любовная лирика Десанки Максимовичъ не отличаются особой глубиной и своеобразіемъ. Можетъ быть, это объясняется молодостью самой югославянской поэзіи. Наиболѣе характерными и сильными показались мнѣ стихи того же Назора и циклъ «Серебряная дорога» Густава Крклеца.

Юрій Мандельштамъ.

П. Ставровъ. «Безъ послѣдствій». Парижъ. 1933 г.

Довольно часто (и всегда неизвѣстно — откуда — отъ кого — и куда —) появляются на парижскомъ «рынкѣ» тоненькія, сѣро-бѣлыя книжки совсѣмъ не плохихъ и совсѣмъ ненужныхъ стиховъ. Нѣкоторыя останавливаютъ вниманіе — не крикливо, но скромно и настойчиво, — заставляя перечесть еще разъ то, по чему привычно скользятъ глаза.

Человѣческіе документы — какъ принято повторять — чаще всего свидѣтельствующіе объ одиночествѣ, недоумѣніи.

Цѣнность этихъ книгъ какъ-бы измѣряется тѣмъ, насколько они не похожи на «стандартный» безысходно-порядочный парижскій стихъ.

П. Ставровъ, въ своихъ неуклюжихъ, не всегда обоснованно - путанныхъ стихахъ, производитъ впечатлѣніе такого литературнаго отшельника, котораго не коснулись ни лоскъ, ни болѣзнь этого поэтическаго «вѣка». Тема его книги (есть въ ней что то основное, связанное неподдѣльнымъ чувствомъ) — внутренне продолжаетъ — или вѣрнѣе «сохраняетъ» тему Анненскаго. Нѣкоторыя строки «звучатъ» совсѣмъ по Анненскому:

На той стѣнѣ блѣднѣлъ разсказъ
Больной и выдуманной птицей,
И потому ему не разъ,
Но каждымъ вечеромъ томиться.

Если это и сознательно, то вѣдь въ выборѣ учителя чувствуется и поэтическая воля автора и матерія его — то, изъ чего онъ сдѣланъ...

Стиховъ — цѣликомъ почти нѣтъ въ книгѣ. Строчки есть стыдливо-рѣзкія:

... И вдругъ такое обнищаніе,
Что и поспѣшный счетъ потерь,
Звучитъ послѣднимъ подаяньемъ.

Человѣка-поэта тоже трудно разглядѣть. Не только изъ за скомканности чувствъ и словъ, но — глубже — изъ-за чрезмѣрной «атмосферичности» стиховъ. Есть что-то отъ Пастернака въ этой нервной передачѣ ощущеній.

Кажется, все таки, что поэзія «относится» къ автору «Безъ послѣдствій» не совсѣмъ такъ, какъ къ большинству. Можетъ быть и коснулась она его только случайно — острымъ и неудобнымъ своимъ угломъ, но за этотъ «выступъ»

стоитъ ухватиться — можно на немъ и удержаться, хотя силъ (и поэта, и человѣка) на это понадобится не мало.

Л. Червинская.

А. Сѣдыхъ. «Люди за бортомъ». Изд. Ореста Зелюка. Парижъ. 1933.

Книгу А. Сѣдыхъ очень полезно прочесть тѣмъ, кто живетъ внѣ Франціи и Парижа и сюда стремится. Она очень живо отражаетъ трудовой эмигрантскій бытъ и, когда суждено будетъ кончиться годамъ изгнанія, останется о немъ воспоминаніемъ. Герои же книги, разбросанные въ настоящее время по Франціи, признаютъ удачнымъ свое изображеніе. А. Сѣдыхъ отличный фотографъ, умѣющій придать своимъ персонажамъ душевный обликъ.

Вообще вся книга А. Сѣдыхъ проникнута теплотою, любовнымъ отношеніемъ къ человѣку. Тѣ, кто въ книгѣ узнаютъ себя, оцѣнятъ это, и это будетъ лучшей наградой автору; другихъ онъ можетъ быть выведетъ изъ состоянія обычнаго равнодушія, и это будетъ его заслугой.

Книга хорошо издана и вѣроятно найдетъ широкій кругъ читателей не только среди людей, очутившихся за бортомъ.

Ек. Б.

О. С. Трахтеровъ. «Мысли и Тревоги». Парижъ 1933.

«Авторъ книги не преслѣдуетъ никакихъ особыхъ цѣлей, онъ руководствуется лишь однимъ — дать будущему пытливому историку эмиграціи дополнительный матеріалъ».

Матеріалъ этотъ далеко не первоклассный. На протяженіи 229 страницъ собраны писанія самаго разноцѣннаго порядка: доклады, рѣчи, некрологи, статьи и рецензіи, среди которыхъ нѣкоторый интересъ представляютъ собой данныя по дѣлу объ убійствѣ кубанскаго дѣятеля Рябовола и статьи по спеціально-юридическимъ вопросамъ.

Не очень содержательно воспоминанье о встрѣчѣ автора, тогда еще 23-лѣтняго юноши, съ Л. Н. Толстымъ. (Разговоръ въ поѣздѣ на станціи «Тула»). «Чѣмъ занимаетесь? — Нѣсколько дней тому назадъ сталъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго». На лицѣ Льва Николаевича мой послѣдній отвѣтъ отразилъ непріятное впечатлѣніе. — А вы читали Раблэ — Нѣтъ»... Далѣе Толстой, приведя два общеизвѣстныхъ казуса изъ Раблэ, высказалъ нѣсколько обычныхъ своихъ мыслей относительно судовъ и правосудія.

Языкъ книги оставляетъ желать лучшаго: «Злые языки говорятъ, что народъ, возглавляемый совѣтской властью, былъ лишь изученъ императорскимъ правительствомъ и царской полиціей», или: «въ полномъ сознаніи происходящаго, онъ самъ пресѣкъ дальнѣйшія мученія».

А. В.

Vera Charnasse. Le Mal Irréparable. Fayard. 1933.

Литературный дебютъ нашей соотечественницы имѣлъ нѣкоторый успѣхъ и въ критикѣ и въ публикѣ.

Тема не совсѣмъ обычная. Молоденькую проститутку плѣнилъ одинъ изъ ея случайныхъ посѣтителей. Она его потеряла изъ виду, однако, забыть не могла. Затѣмъ, спасенная «изъ омута»

извѣстнымъ ученымъ, весьма благороднымъ человѣкомъ, она — послѣ десяти лѣтъ спокойной и ровной съ нимъ жизни — увлекается его другомъ и къ послѣднему не безъ колебаній уходитъ. На свою бѣду она признается возлюбленному, что онъ — «тотъ самый». Но другъ избалованнѣе, самолюбивѣе мужа и не можетъ примириться съ ея прошлымъ.

Книга несомнѣнно занимательная. Переписка героевъ въ «періодъ колебаній» мнѣ представляется наиболѣе удавшейся ея частью.

С. Т.

J. de Lacretelle. Les Hauts-Ponts II. Les Fiançailles. N. R. F. 1933.

Эта книга — продолженіе «Сабинъ», о которой уже въ «Числахъ» писалось. Второй романъ явно подчеркиваетъ недостатки перваго — вялость, растянутость, черезчуръ умышленную старомодность. Достоинства же перваго — скромность, авторское безпристрастіе, ровное теченіе событій — кажутся излишними въ произведеніи, превращающемся въ эпопею.

Героиня «Помолвки», Лизъ, хочетъ выкупить проданное родителями имѣніе, выйдя богато замужъ, и съ неубѣдительной наивностью вѣритъ каждому очередному «ухаживателю», ни одинъ изъ которыхъ отнюдь не собирается жениться. Тема чуть-чуть комическая распыляется на мелкія драмы. Особенно не довѣряешь послѣдней — героиню соблазняетъ поклонникъ умершей ея матери, человѣкъ женатый и нисколько ею нелюбимый.

Ю. Ф.

Иванъ Болдыревъ

† 19 мая 1933 г.

Когда по своей волѣ уходитъ изъ жизни человѣкъ общительный, лично-близкій какой нибудь средѣ, оставшіеся испытываютъ грустно-знакомое чувство пустоты, недоумѣнія. Когда-же т а к ъ умираетъ человѣкъ скрытный, замкнутый въ своемъ узкомъ кругу — человѣкъ всѣмъ почти знакомый, жившій одной жизнью съ нами, мучившійся тѣмъ же и такъ-же, какъ всѣ — и въ то же время всегда въ сторонѣ, ни къ кому почти близко не подошедшій, не подпускавшій къ себѣ — къ этому чувству примѣшивается еще и смутное сознаніе какой-то общей, непонятной, невольной вины... Такъ близко рядомъ и никто не зналъ.

Болдыревъ (Иванъ Андреевичъ Шкоттъ) былъ извѣстенъ многимъ, какъ начинающій писатель (умеръ онъ молодымъ, тридцати лѣтъ). Въ широкой литературной средѣ его встрѣчали мало. Тѣ, кто знали его ближе, помнятъ о немъ, какъ о человѣкѣ сдержанномъ, скромномъ, спокойно-благородномъ. Говорятъ, что онъ много, съ выборомъ читалъ, много писалъ, хотя въ печати онъ почти не появлялся. Года три тому назадъ Болдыревъ выпустилъ свою первую книгу, повѣсть «Мальчики и дѣвочки». Основное впечатлѣніе отъ этой книги (которой были посвящены сочувственныя рецензіи и вечеръ въ кружкѣ «Кочевье»): большая точность, правильность ощущеній, вѣрный тонъ, прикосновеніе къ основному, безъ нескромнаго навязыванія своихъ отвѣтовъ на «главные вопросы».

Послѣ этого о Болдыревѣ читатели почти не слыхали. Можетъ-быть, онъ чего-то ждалъ отъ своихъ дальнѣйшихъ литературныхъ опытовъ, можетъ быть, готовился къ чему-то. Неизвѣстно теперь.

Умеръ Болдыревъ (отравившись вероналомъ), какъ бы «наканунѣ» — многое и въ жизни, и въ творческомъ ея преломленіи осталось непроявленнымъ, неоконченнымъ. Ушелъ онъ тогда, когда было еще о чемъ пожалѣть, когда все же трудно было разставаться съ жизнью, даже тяжелой.

Біографія послѣднихъ лѣтъ Ивана Шкотта во многомъ внѣшне похожа на біографіи большинства. Съ одной стороны тяжелый физическій трудъ — съ другой занятія на техническихъ курсахъ — надежда выбиться, стать «какъ всѣ». Внутренне — это путь знакомый всѣмъ безъ исключенія (молодымъ и заслуженнымъ, талантливымъ и бездарнымъ) писателямъ — особенно въ эмиграціи — стремленіе примирить житей-

ское съ «жизненнымъ» — что-то, вопреки всему, до конца сохранить.

Кто-то (въ частномъ разговорѣ) называлъ причину самоубійства «оффиціальной». Слово случайно-вѣрное. Если надвигающаяся глухота и была поводомъ къ добровольной смерти, то все-же, не будь замкнутой, вынужденно-мелочной жизни, не будь страха передъ компромиссомъ, — быть можетъ...

Самоубійство ничего не объясняетъ и никому не поможетъ понять. Но нельзя не подумать о томъ медленномъ и ужасномъ опытѣ (еще задолго до свершившагося, конечно) — объ одинокой «борьбѣ съ призраками» — о грустной, разоблачающей работѣ сознанія — до рѣшенія, до воли.

Такая смерть вызываетъ чувство не жалости, а сожалѣнія, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ къ тому, что было «до», къ тому, что навсегда останется нераскрытымъ, непонятымъ (даже сочувствіе до конца невозможно) — и все же какой то тѣнью ложится на всѣхъ, кто узналъ или узнаетъ не о смерти Ивана Болдырева, а о тяжелой нераздѣленности нашей общей судьбы.

Л. Ч.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОСТУПИЛИ ДЛЯ ОТЗЫВА ОТЪ КНИЖН. ДѢЛА «ДОМЪ КНИГИ», ПАРИЖЪ:

Купринъ. Юнкера. Романъ. Изд. «Возрожденіе», Парижъ.

Тарусскій. Дорогой дальней. Романъ. Складъ изданія «Возрожденіе». Парижъ.

Чебышевъ. Далекая быль. Воспоминанія. Складъ изданія «Возрожденіе», Парижъ.

Шолоховъ. Поднятая цѣлина. Романъ. 2 т. т.

Ген. Даниловъ. Русскіе отряды на французскомъ и македонскомъ фронтахъ.

Эссадъ Бей. Сталинъ. Изд. «Филинъ», Рига.

В. К. Чхеидзе. Страна Прометея. Романъ. Изд. «Слово», Шанхай.

Наживинъ. Іудей. Романъ въ 2 т. т., Изд. «Грамату Драугсъ». Рига.

Шолоховъ. Тихій Донъ. Романъ. Т. 3-ій. Гихлъ. Москва.

Бабель. Одесскіе разсказы. Гихлъ. Москва.

Дювернуа. Рерихъ. Парижъ.

Рыченковъ. Лемносское сидѣніе. Складъ изданія «Возрожденіе», Парижъ.

Акулининъ. Ермакъ и Строгановы. Складъ изданія «Возрожденіе», Парижъ.

Вс. Ивановъ. Дѣло человѣка. Опытъ философіи культуры. Харбинъ.

Проф. Ф. Бетексъ. Пѣснь творенія. Изд. «Мечъ Гедеона». Харбинъ.

«Литературное Наслѣдство» № 4/6. (Гетевскій). Изд. Журнально-газетнаго Объединенія. Москва.

Герценъ. Былое и Думы. 3 т. т. Изд. «Академія», Москва.

«Звенья», кн. 2-ая. Изд. «Академія», Москва.

Гвоздевъ и Піотровскій. Исторія европейскаго театра. Изд. «Академія», Москва.

Салтыковъ-Щедринъ. Неизвѣстныя страницы. «Академія», Москва.

Рыбниковъ. Загадки. «Академія», Москва.

Эпиграммы и сатиры. 2 т. т. «Академія», Москва.

Гульбисъ. Новое государство. Романъ. Изд. «Жизнь и Культура», Рига.

Бакунина. Тѣло. Романъ. «Парабола», Берлинъ-Парижъ.

Березовскій. Красная шкатулка. Романъ. «Парабола», Берлинъ-Парижъ.

Дандре. Анна Павлова. «Петрополисъ». Берлинъ.

Вл. Крымовъ. За милліонами. Романъ трилогія. «Петрополисъ», Берлинъ.

Корсакъ. Подъ новыми звѣздами. Романъ. Изд. «Москва», Парижъ.

Кузнецова. Прологъ. Романъ. Изд. «Современныя Записки», Парижъ.

Мих. Цетлинъ. Декабристы. Изд. «Современныя Записки», Парижъ.

Кунина. Только факты, сэръ. Романъ. «Парабола». Берлинъ-Парижъ.

«Неводъ». 3-ій сборникъ берлинскихъ поэтовъ. «Слово», Берлинъ.

Шота Руставели. Носящій Барсову Шкуру. Пер. К. Бальмонта. Изд. Хеладзе. Парижъ.

Сліозбергъ. Дѣла минувшихъ дней. Записки русскаго еврея. Парижъ.

Слонимъ. Портреты совѣтскихъ писателей. «Парабола». Берлинъ-Парижъ.

Андрей Сѣдыхъ. Люди за бортомъ. Изд. О. Зелюка. Парижъ.

П. Тутковскій. Молотъ времени. Романъ. «Парабола», Берлинъ Парижъ.

О. Трахтеревъ. Мысли и тревоги. Сборникъ. Парижъ.

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ФИЛОСОФІИ:

Адресъ Редакціи: 1, rue Jacques-Mawas, Paris XV•.

■

Въ вышедшихъ книгахъ «Чиселъ» напечатали оригинальныя произведенія и отвѣты на анкету слѣдующіе авторы:

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ, М. А. АЛДАНОВЪ, АН. АЛФЕРОВЪ, ВАДИМЪ АНДРЕЕВЪ, ЕК. БАКУНИНА, А. БАХРАХЪ, Н. БАХТИНЪ, М. Ю. БЕНЕДИКТОВЪ, А. БЕРЛИНЪ, П. М. БИЦИЛЛИ, Р. БЛОХЪ, ГР. П. БОБРИНСКОЙ, БОРИСЪ БОЖНЕВЪ, А. БРАСЛАВСКІЙ, И. А. БУНИНЪ, А. П. БУРОВЪ, В. ВАРШАВСКІЙ, В. В. ВЕЙДЛЕ, А. ВЕРИНГЪ, Ю. ВОЛИНЪ, КН. С. ВОЛКОНСКІЙ, З. Н. ГИППІУСЪ, И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, М. ГОРЛИНЪ, СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ, М. ГОТЬЕ, ИГ. ДЕМИДОВЪ, В. ДРЯХЛОВЪ, М. ДУБИНСКІЙ, О. ДЫМОВЪ, ВАЛЬДЕМАРЪ ЖОРЖЪ, Б. К. ЗАЙЦЕВЪ, Б. ЗАКОВИЧЪ, ЗАЛКИНДЪ-АЛЕНИНА, ВЛАД. ЗЛОБИНЪ, ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ, М. Л. КАНТОРЪ, ДІАНА КАРЕНЪ, Л. КЕЛЬБЕРИНЪ, Д. КНУТЪ, А. КОРАЛЬНИКЪ, АНТОНЪ КРАЙНІЙ, Л. КРЕСТОВСКАЯ, ФР. КУБКА, А. КУЛИШЕРЪ, АНТОНИНЪ ЛАДИНСКІЙ, РЕНЭ ЛАЛУ, ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ, ИВАНЪ ЛУКАШЪ, А. ЛУРЬЕ, В. МАМЧЕНКО, Ю. МАНДЕЛЬШТАМЪ, И. В. ДЕ МАНЦІАРЛИ, А. МАРАКУЕВЪ, Э. МАРКОВИЧЪ, Л. МАРТЭНЪ-ШОФЬЕ, Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ, Н. МИЛЛІОТИ, П. Н. МИЛЮКОВЪ, К. В. МОЧУЛЬСКІЙ, Н. Д. НАБОКОВЪ, ИРИНА ОДОЕВЦЕВА, В. ОКСЪ, М. А. ОСОРГИНЪ, НИКОЛАЙ ОЦУПЪ, А. ПЕНЕРДЖИ, Р. ПИКЕЛЬНЫЙ, ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ, ПАЛИСАДІЕВЪ, БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ, СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ, Г. РАЕВСКІЙ, Р. РЕЖАНЪ, А. РЕМИЗОВЪ, АНРДЭ ДЕ РИДЕРЪ, В. САВИНКОВЪ, Ю. Л. САЗОНОВА, ВАЛ. САМСОНОВЪ, В. СИРИНЪ, М. Л. СЛОНИМЪ, В. СМОЛЕНСКІЙ, Б. СОСИНСКІЙ, ЮРІЙ СОФІЕВЪ, К. СЮАРЕСЪ, В. ТАТАРИНОВЪ, Л. ТЕПЛИЦКІЙ, Ю. ТЕРАПІАНО, В. ТРЕТЬЯКОВЪ, Н. А. ТЭФФИ, Г. П. ФЕДОТОВЪ, ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ, Г. ФЕРСТЕРЪ, П. ФИРЕНСЪ, А. ФОРМАКОВЪ, С. ФРАНКЪ, АЛ. ХОЛЧЕВЪ, М. О. ЦЕТЛИНЪ, МАРИНА ЦВѢТАЕВА, Л. ЧЕРВИНСКАЯ, ИГ. ЧИННОВЪ, СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ, А. ШВЫРОВЪ, ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ, И. С. ШМЕЛЕВЪ, А. ШТЕЙГЕРЪ, Н. ЩЕГОЛЕВЪ, В. ЯНОВСКІЙ И ДР.

ХУДОЖНИКИ: АНДРУСОВЪ, АРАПОВЪ, БЛЮМЪ, ВЛАМЭНКЪ, ГОЗІАССОНЪ, ГОНЧАРОВА, В. ГОТЬЕ, ДЕЛАКРУА, ДОБРИНСКІЙ, ДОМЬЕ, ДЮФИ, ЛЕВЪ ЗАКЪ, ИНДЕНБАУМЪ, ЛАНСКОЙ, ЛАРІОНОВЪ, ЛИПШИЦЪ, ЛУЧАНСКІЙ, ЛЮРСА, МАНЭ, МАКО, МИЛЛІОТТИ, МИНЧИНЪ, МУСАТОВЪ, ДЕ ПИЗИСЪ, ПИКЕЛЬНЫЙ, ПИССАРРО, РЕНУАРЪ, СУТИНЪ, СЮРВАЖЪ, ТЕРЕШКОВИЧЪ, ТИШЛЕРЪ, ЧАПСКІЙ, ШАГАЛЪ, ШИЛТЯНЪ, ЯКОВЛЕВЪ, ЦАДКИНЪ.

ЧИСЛА

«TSHISLA», 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XVe.

РЕДАКТОРЪ: **Н. А. ОЦУПЪ.** СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦІИ: **Е. В. БАКУНИНА.** СЕКРЕТАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВА: **А. КЛОДНИЦКАЯ,** ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТ-ВО: **«ДОМЪ КНИГИ»,** 9, RUE DE L'EPERON PARIS И PETROPOLIS VERLAG A. G. BERLIN.

Стоимость экземпляра на бумагѣ «Альфа» — 25 франковъ.

■

ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ
286 СТР. И 18 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНО ВЪ 3-хъ КРАСКАХЪ)

ВЪ КНИГѢ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ
336 СТР. И 26 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ДВА ВЪ 3-хъ КРАСКАХЪ)

ВЪ КНИГѢ ЧЕТВЕРТОЙ
288 СТР. И 20 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

ВЪ КНИГѢ ПЯТОЙ
302 СТР. И 24 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

ВЪ КНИГѢ ШЕСТОЙ
286 СТР. И 18 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ

ВЪ КНИГѢ СЕДЬМОЙ-ВОСЬМОЙ
290 СТР. И 20 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ

ОСТАЮЩІЕСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЭТИХЪ КНИГЪ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ У Е. В. БАКУНИНОЙ, 4, RUE AUGUSTE BLANQUI GENTILLY (SEINE), FRANCE.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА «ЧИСЕЛЪ» ОТКРЫТА ПО ЧЕТВЕРГАМЪ ОТЪ 6-7½ ч. 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XVe РУКОПИСИ И ПИСЬМА НАПРАВЛЯТЬ СЕКРЕТАРЮ РЕДАКЦІИ ЕК. ВАС. БАКУНИНОЙ: 4, RUE AUGUSTE BLANQUI GENTILLY (SEINE) FRANCE.

Le Gérant: J. Dobrinskv. Imp. “P…